Евгений Ю. Додолев

Девица Нодворская

Последняя весталка революции

ХРИСТОС — ЭТО МОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ОРИЕНТИР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Кем была и чем стала Валерия Новодворская? Кто она и зачем?

Пламенная революционерка или политический фрик? Последовательный диссидент или закоренелый русофоб? Экстравагантный литератор или недалекий провокатор?

Она сама отчасти ответила на эти вопросы своими публикациями в газете «Новый Взгляд», из-за которых фигурантами уголовного дела стали и колумнист Баба Лера, и редакция культового еженедельника начала 90-х.

В книге собраны резонансные «нововзглядовские» колонки Новодворской и рассказано о разборках с прокуратурой и столичным КГБ, которое возглавлял в ту пору видный демократ Евгений Савостьянов.

Автор книги Евгений Ю. Додолев, известный репортер перестроечной поры, придумавший в свое время «Новый Взгляд» и давший слово начинающему публицисту Новодворской, пытается оценить феномен этого необычного человека.

- Евгений Ю. Додолев
  - От автора
  - Раздел I. Вся жизнь — борьба?
    - «…Как в море корабли»
    - «Я диссидент в четвертом поколении»
    - «Дело Новодворской»
  - Раздел II. Год 1993
    -
    - Возложите на время венки
    - Из ристалища — на позорище
    - О, Запад есть Запад!
    - Мой любимый мужчина
    - Доктор Фауст и душа Запада
    - Бремя вандалов
    - Красная тоска
    - Каждая девочка должна сама выбирать
    - …А Игорева храброго войска не воскресить
    - Поручик Голицын, раздайте патроны
    - Признание комиссара оппозиции президенту республики
    - Открыт паноптикум печальный…
    - Изыди, люмпен!
    - Под колесом демократии

- Русские кавалеристы и французские товарники
- Пир победителей
- Как нас обустроят коммунисты
- Тайная вечеря как прообраз учредилки
- Консенсус как форма массового самоубийства
- Бал воров
- Что ищет он в стране далекой?
- Когда номер кончен
- На границе тучи ходят криво…
- Вьется по ветру веселый Роджер
- Кто собирается гасить свечи?
- Осенние маневры
- Советская власть запрещена
- Содружество зла
- Новая имперская политика
- Трактат о богатстве и скудости
- Советы постороннего
- Крутой маршрут
- Каравай, каравай, без мякины выбирай

○ Раздел III. Год 1994

-
- Россия на игле
- Пейзаж вместо битвы
- Россия № 6
- Окаянная зима
- Горе победителям!
- Пророков нет в отечестве своем
- Тройка, семерка, туз
- Долгое прощание
- Параноики пишут нолики
- Мытищигейт российской охлократии
- Нью-Йорк стоит мессы
- 1994 PS

○ Раздел IV. «Московская комсомолка»

-
- А вот и Боровой
- Зеленая как огурец

○ Раздел V. Госпожа конфронтация

-
- Не некролог
- Не послесловие

○ Приложение

○ Библиография

Евгений Ю. Додолев
Девица Новодворская. Последняя весталка революции

От автора

Про Новодворскую я узнал от своего коллеги Андрея Ванденко. Он не был тогда, в 1992-м, лучшим интервьюером страны, да и вообще практикующим интервьюером еще не был. Вместе со своим товарищем Валерием Яковым журналист откликнулся на призыв диктора Игоря Кириллова влиться в создаваемый телекомпанией ВИД еженедельник под названием «Взгляд» (позднее переименованный мною в «Новый»), и мы все вместе стали делать эту газету. Валера ушел достаточно быстро и возглавил спустя несколько лет «Новые Известия», а вот Андрей рулил «Новым Взглядом» после моего отъезда на стажировку в New York Times Company. Но подробней об этой истории — ниже.

Ванденко показал мне публикации Валерии в каких-то самиздатовских листках и предложил отдать ей колонку в нашем издании. До этого в «настоящих» СМИ Баба_Лера™ на регулярной основе практически не публиковалась (если не считать нескольких заметок в «Хозяине» и «Независимой»), поскольку была ярой диссиденткой, а СССР рухнул лишь за полгода до учреждения газеты «Взгляд» в начале 1992 года. По-любому ее основательно правили + редактировали, а у нас в «НВ» был разгул плюрализма, и авторам позволялось черти что.

И у нас была традиция: колонку главного редактора в тех номерах, где я оставлял это место на третьей полосе валентным, вели всякие «главные». Например, Эдуард Лимонов титуловался как «главный гранатомет» «Нового Взгляда». Ну так вот, для Новодворской звание придумалось на раз: мы стали ее публиковать как «главного политэкстремиста».

Конечно, тогда я не мог предположить, что с подачи бывшего киевского журналиста Ванденко сертифицированная антисоветчица Новодворская станет матерым публицистом, а меня из-за ее «нововзглядовских» текстов будут вызывать в прокуратуру на допросы и приглашать к шефу столичного КГБ Евгению Савостьянову на «профилактические собеседования».

Про ее смерть знаю не больше других. Да и про ее жизнь — тоже. Желающие ознакомиться с официальной биографией найдут в конце книги справку, а я ознакомлю читателя с «нововзглядовскими» экзерсисами Валерии двадцатилетней давности и расскажу, чем наше сотрудничество закончилось.

Раздел I. Вся жизнь — борьба?

«…Как в море корабли»

Наши с Новодворской пути разошлись, когда Баба_Лера™ стала яростно поддерживать «чеченских повстанцев» и всячески желать на страницах нашего еженедельника массовой гибели русских солдат. Но расторгнуть контракт сразу я не мог из-за этических соображений: 27 января 1995 года Генеральной прокуратурой РФ было возбуждено уголовное дело (N 229120) по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 71 ч.1 и ст. 74 УК РСФСР, и в этом контексте расставание с одним из ключевых колумнистов выглядело бы как малодушная «сдача» подследственной.

Однако после того как 8 августа 1995 года прокуратура Центрального округа Москвы дело официально закрыла, я объявил Новодворской, что сотрудничество с ней прекращаю. Потому что публикации на наших же полосах текстов ее очевидных оппонентов (в частности, Эдуарда Лимонова & Александра Проханова) уже не могли, увы, сбалансировать «радикально-либеральный элемент»: читательские письма содержали оценку однозначную. Кстати, год спустя дело в отношении Леры (ей нравилось, когда ее звали именно так, это не фамильярность) реанимировали, но Новодворская для нас была уже отрезанным ломтем, и мы даже не мониторили ситуацию. Тем более что точку поставила сама уволенная, которая, перманентно страдая манией преследования, изложила в «Собеседнике» свою собственную версию нашего разрыва. Цитирую Новодворскую:

«Любопытно отметить, что семь казней египетских, которые должны были исполнить над прессой коварные законодатели, от Говорухина до Жириновского, взяли на себя и с подъемом осуществили органы власти исполнительной, до декабря 1994 года, то есть до чеченского безобразия, декларировавшие, что они для свободной печати — тихая гавань, единственный оплот, каменная стена. Насчет стенки они, впрочем, не обманули. Прессу поставили к ней по принципу „Руки в чернилах — расстрелять!“, предварительно установив, что мы хоть и соловьи, но не разбойники и что для оправдания татьбы в Чечне такая печать малопригодна… среди демократических газет и журналов возникла страшная эпидемия, начался их падеж. Причем есть все основания предполагать, что вирус был занесен свыше. Рассмотрим хотя бы несколько историй болезни.

Первым сошел с рельсов бесшабашный „Новый Взгляд“. Полмиллиона тиража, часть которого упаковывалась в слабо

повизгивающую от ужаса респектабельную „Московскую правду“, расходились с колес. Газета подрывала устои социализма и развращала нравы оруэлловской Океании, где секс сходил за преступление. Она очень огорчала ветеранов КПСС, старых дев и чопорную палату „мер и весов“, где штат г-на Венгерова сличал печатную продукцию со своим личным нравственным эталоном.

На газетных полосах непримиримо соседствовали Леонид Радзиховский и Виталий Коротич, Эдуард Лимонов и Владимир Вольфович, моя антисоветчина перемежалась с консервами от коммунизма, патриотизма и этатизма. Было весело и бесцензурно.

И вдруг в середине декабря 1994 года г-н главный редактор „НВ“ Додолев прозрел и раскаялся в своих прегрешениях.

Выкинув из газеты демократов, хулящих родные российские штычки и плюющих в жерла отечественных пушек, он оставил на ее страницах безобидных авторов типа Ярослава Могутина, в тринадцати тезисах умеющих объяснить, что есть целиком и полностью преступные народы — например, чеченцы.

В нескольких номерах подряд г-н Додолев, раньше так носившийся со своим нонконформизмом, лично, долго и нудно объяснял, почему он не будет печатать тех, кто не способствует победе федерального оружия в Чечне. Заодно он раскрывал вражескую сущность Сергея Ковалева, именуя его на сленге 30-х годов „государственным преступником“. Содержание политической части газеты довольно быстро свелось к нескольким нехитрым формулировкам из казацко-жандармского обихода в интерпретации Марины Кудимовой:

Бомба подзорвется,
Я те говорю,
Грозят инородцы
Батьке-царю!

Посторонних, возможно, удивит такая мгновенная и полная трансформация „независимой“ частной газеты и ее вольнодумного владельца. Но ведь эти „посторонние“ в лице их полномочного представителя Лиона Фейхтвангера удивлялись даже такой всем у нас понятной вещи, как поведение Радека и К° на процессе 37-го года! Русский народ, придумавший анекдот про мумию, которая в НКВД призналась, что она принадлежит Аменхотепу IV, не удивляется уже ничему, даже возвращению г-на Додолева на стезю добродетели и законопослушания, тем более что он тут же сел в свою карету и уехал в США, где пребывает большую часть своего рабочего времени. Есть за что

копья ломать».

•

Вот такая забавная трактовка нашего разрыва была придумана пламенной революционеркой. Другой бы стал кипятиться + возражать. Но стоит ли? В передачу «Тема», посвященную пресс-проблемам, Юлий Гусман меня пригласил тогда как «издателя и создателя бульварных газет и журналов». В их лексиконе слово «бульварный» тождественно понятию «популярный». Поясню, кто такие они. Я их называю «культурные». Что ни день, то несется по страницам наших (преимущественно «элитарных») газет плач Ярославны — то раздаются жалобные голоса представителей культурной элиты, нудно муссирующих печальные проблемы умирания Культуры. Идут бесконечные споры о том, кто имеет право говорить от имени русского народа, а кто — нет.

Я сознательно называю этих авторов представителями культурной элиты (то есть образованной части населения), а не интеллигенцией, коей они, по всей видимости, себя считают. Ибо интеллигенты — это хрупкие, тонкие, образованные люди. Они к чужим мнениям толерантны. По причине наличия высокоразвитого интеллекта. А чувство вкуса не позволяет им вылезать на страницы нашей раздухарившейся прессы, подобно тому как порядочные девушки все больше сидят по домам.

Да и трудно удивить интеллигентного человека тем, что нынешние либералы смахивают на прежних большевиков. Это ведь так естественно. Во все времена существуют люди, которые, прикрываясь теми или иными (актуальными в данную историческую эпоху) идеями, расталкивая других локтями, рвутся к кормушке. Те, что поглупее, открыто едят из кормушки. Поэтому, когда задние подпирают, их первыми приносят в жертву. А те, что поумнее, стоят во втором ряду, чтобы успеть взмахнуть очередным «чемоданом с компроматом», крикнуть: «Держите вора!» — и прослыть честными.

Поколения этих специальных людей, по большому счету, ничем не отличаются одно от другого. Обладая даром мимикрии, они легко меняют свою идеологию, чтобы всегда быть ближе к пище. Если время требует, они пишут «Ленинианы». Когда конъюнктура меняется, начинают разоблачать авторов «Ленинианы». Украв у Отчизны пару-другую миллионов долларов, такие люди тихонько отходят в сторону — жевать этот кусочек с видом оскорбленной невинности и выражением лица типа: «Я все

для народа старался, а вы меня так…» Манеры при этом неплохие, наружность импозантная, речь складная.

Короче, подлинного интеллигента не удивить тем, что одни торопливо «потребляют» из кормушки, другие сердито охают в газетных статьях: «Как же так?», третьи лениво читают печатные труды тех, кто охает, а «народ» тем временем упорно потребляет недорогие детективы и разномастные «пособия по сексу».

Ну, возвращаемся к пресловутой культурной прослойке, засорившей собой страницы печатных изданий. Псевдоинтеллигенция эта не только бесконечно далека от народа (в силу чего и совершенно непопулярна), но и является самой инфантильной его частью. Вечно выступая против очевидных каждому недостатков системы, «культурные» ни разу не предложили хоть мало-мальски конструктивной, разумной программы (диссиденты, кстати, типичные представители «культурных»).

К тому же они жуткие снобы. Величают народ «быдлом» (что так же глупо, как судить природу за то, что бывает зима). Рассуждают о дурном вкусе народонаселения и о примитивизме массовой культуры. («А судьи кто?» — спросил в свое время Грибоедов.) То есть напоминают маленького мальчика, который, захлебываясь от кашля, переполненный чувством собственного достоинства, курит, считая, что ядовитая сигарета в крепких зубах — это и есть сакраментальная взрослость. Эти самые «культурные» считают, что полторы прочитанные за жизнь книжки дают им право судить и презирать подавляющую часть соплеменников за обожание мыльных опер и тупейших передач типа «Поля чудес».

Мы непопулярны, трагически восклицают они, потому что мы — умные.

Восклицают, не подозревая о том, что есть такие дисциплины, как психология, социальная психология, социология и т. д., которые давно описали явление под названием «популярность» и пришли к выводу, что ум и популярность не взаимосвязаны. Но нет, этих книжек наши «культурные» не читают — слишком много в них непонятных слов и рассуждений…

Конечно, надо отдать «культурным» должное. Они бывают остроумны, оригинальны, трогательно серьезны, вдумчивы. Как отличники на школьной олимпиаде. Но дети есть дети: с грамотностью и мыслью всегда проблемы. Тут мы частенько имеем дело с таким явлением, как проекция, когда свои проблемы и эмоции человек подсознательно приписывает другому. То есть если ты сам страдаешь комплексом неполноценности по отношению к кому-либо и испытываешь

враждебное чувство, в чем не хочешь себе сознаться, ты приписываешь этот комплекс ощущений объекту. Как хорошо, что наши «культурные» даже не отдают себе отчета в том, что каждая фраза написанного ими текста выдает их с головой. Конечно, всегда найдется некто, желающий быть покойником на всех похоронах.

Совершенно бессмысленно осуждающе наезжать на глупейшие игровые ТВ-экзерсисы. Или, допустим, на детективы и боевики. Гениальнейший Юлиан Семенович Семенов не раз мне говорил: «Есть только один критерий. Имя ему — тираж, успех, сбор, скандал… Ну, в общем, ты понимаешь». Я понимал. Чего и желаю другим, прежде всего — «культурным» представителям второй древнейшей профессии, столь люто презирающим своих собратьев, «разгребателей грязи». Ведь «гребут» то, на что сформирован вполне конкретный социальный заказ. Этим и постулированы гигантские тиражи таблоидов.

Ничто не может заставить человека потреблять то, что ему неинтересно. Если бы активная пропаганда имела хоть какой-нибудь эффект, СССР стоял бы вечно на шестой части суши — хмуро и величаво, — словно памятник Феликсу Дзержинскому на площади перед столичным «Детским миром». Не родилось бы поколение людей, которое под вялыми знаменами загадочного партайгеноссе Горбачева так активно способствовало бы его, Союза, разрушению. Так что не надо держать людей за идиотов. Нет, я не отказываюсь от своего тезиса о безмерии слабоумия человеческого, но хочу заметить: среднестатистический гражданин, бесспорно, смышленее среднестатистического президента.

Сейчас, например, очередные кремлевские разоблачения забытого мегаследователя Тельмана Гдляна не спровоцируют никаких эмоций. Помимо самих фактов, существует некое настроение, с которым эти факты подаются аудитории. Если в течение 70 лет, как метко заметил один западный писатель, «эйфория расползалась по культуре нашего общества, как широкая ухмылка на лице идиота», то теперь она (эйфория) уступила место апокалиптическим настроениям, кои я суммирую ясельной присказкой «мама никогда не придет!».

Результат: самые популярные программы — новостные. А самая увлекательная часть программ новостей — о стихийных бедствиях. По мнению Франкла, «для тех, кто жаждет острых ощущений, самым сильным является смерть — как в жизни, так и в искусстве. Какой-нибудь тупица, читающий за завтраком газету, жаждет рассказов о несчастьях и смерти».

Приходится смириться с мыслью, что мы дружно попадаем в

разряд тупиц, по крайней мере в системе координат знаменитого специалиста по вопросам личности. Ибо апокалиптические настроения полностью овладели нами. Все, не отдавая себе в этом отчета, с нетерпением ждут, когда же ужасный конец придет на смену ужасу без конца. С каким нескрываемым удовольствием, с раскрасневшимися щечками и горящими глазками, как у девушек на любовном свидании, в очередях громко смакуют очередной теракт! Если бы не овладевшее огромным количеством народа желание прочувствовать, как все ужасно (оборотной стороной чего является снятие с человека всякой нравственной ответственности), легче было бы выживать.

Только малообразованные люди (большинство критиков и экспертов таковы) могут вдохновенно рассуждать о том, что надо воспитывать в людях «хороший вкус». Забывая о том, что само по себе понятие «вкус» — категория относительная, обусловленная эпохой, средой, воспитанием и массой других (влияющих на понятие «вкус») факторов.

Вывод. Нет более эффективного способа прогнозировать завтрашний день, чем внимательно изучать все, что популярно сегодня (какие пьесы, философы, песни, писатели, архитектурные стили, артисты, девушки etc.).

Тот факт, что в моду вновь входят Ницше и Шопенгауэр, означает усиление личностного момента в обществе. А отсутствие по-настоящему молодых политиков — симптом грядущей анархии. Что бы ни писали по этому поводу журналюги, продажные, как и положено им по всем неписаным законам Истории.

•

Я понимаю, что сейчас подставлюсь и вызову реакцию негодования, сопряженную с тезисом, прописанным еще у писателей Ильфа & Петрова, вложивших в уста Паниковского закономерное: А ТЫ КТО ТАКОЙ?!!

Короче, при первой же встрече Баба_Лера™ произвела на меня впечатление человека не оч умного. Да чего там, просто глупой показалась она мне. Лера блестяще, образно излагала, но абсолютно не способна была вести полемику. Никакую. Просто здравствуй, дерево. Поэтому, подозреваю, и не принимала участие в дискуссиях.

Новодворская оч пламенно объясняла мне тогда что-то про прекрасную Америку. При том, что я только что оттуда вернулся, а она (на тот момент, во всяком случае) за границей не была

вообще ни разу. Однако достаточно мне было задать несколько аргументированных вопросов — и разговор наш закончился. Сдулся. Вместе с собеседницей. Генерировать контраргументы Лера не умела.

При этом действительно тексты писала она великолепно, остроумно да и просто умно. Хотя порой и полную чушь. Да, да, так бывает. Полную чушь — складно и умно. Блестяще порой.

Я отчего-то вспомнил про Новодворскую, когда в студию моего проекта «Правда-24» (ТВ-канал «Москва 24») пришла Людмила Улицкая. Пришла пиарить очередное свое произведение. Ну, на самом деле не вполне «свое», она просто поставила заслуженную фамилию, давно ставшую раскрученной торговой маркой, на обложку книги, где были собраны тексты других людей, а ею лишь написано предисловие… но кто бросит камень? Ведь лучшее, что есть в книге, которую читатель сейчас держит в руках, — это тексты Бабы_Леры™ двадцатилетней давности, не так ли? Короче, не об этом песнь.

Так вот, Улицкая перед началом эфира, пока режиссером выставлялся свет, стала в рамках светской беседы нести что-то дежурное, ну, про то, как все в «Рашке» плохо и как расчудесно все в славных америках. Ну, словом, обычное либеральное а-ля тетя Лера, на похоронах коей писательница искренне плакала, говорят. Ну и, конечно, все время лейтмотивом — Путин-Путин-Путин. На мой уточняющий вопрос Улицкая снисходительно ответствовала:

— Ну что вы хотите, когда Путин официально возглавлял спецслужбу? Он же был директором КГБ. А потом стал президентом! Разве можно представить себе такое в цивилизованной стране?

Ну я и парировал:

— А как же президент Джордж Буш? Он ведь «официально возглавлял спецслужбу».

— ???

— Ну да. Он же работал директором ЦРУ. И при этом весь из себя «отец мировой демократии», просто как Киса Воробьянинов.

Полная растерянность. И вполне открыто продемонстрированное нежелание развивать тему.

Так вот. Объясню, отчего замечательная писательница Улицкая показалась мне дурой катастрофической.

Почему умные становятся глупыми? Когда человек обладает значительным багажом академических знаний (читал много книг и, соответственно, освоил большой объем чужих умозаключений, помнит много дат, чем впечатляет собеседников), это расширяет границы его допустимой компетенции. То есть он начинает

восприниматься окружающими компетентным в тех вопросах, в которых эти окружающие сами некомпетентны.

Например, молодая мать, которая прочла несколько книг о воспитании детей, может произвести впечатление на других мамаш у песочницы и начать давать им «профессиональные» мамашкины наставления. И менее продвинутыми мамашами эта информация будет восприниматься как совет специалиста. Экспертный. И на уровне чужой песочницы всем понятно, что мамаше со сложным ребенком лучше обратиться к профессионалу.

Если экстраполировать песочницу до уровня социума, то получится аналогичная картина. Существуют как бы «интеллигентные» люди с хорошим образованием, у некоторых есть громкое имя (а имя всегда приковывает внимание к высказываниям), в результате чего сии персоны (незаметно для себя) выходят в суждениях за рамки своей компетенции, поскольку поле СМИ, увы, заселено людьми, владеющими, как правило, меньшим багажом знаний. К примеру, корреспондент, берущий интервью у той же Улицкой, скорее всего, младше, менее начитан и меньше знает, чем сама писательница. Поэтому ее умозаключения по вопросам, к примеру, геополитики, социологии или культурологии воспринимает как, условно говоря, разумные. Но, геополитик, социолог или культуролог с высокой долей вероятности сочтет умозаключения дилетанта глупостью.

Умный человек — тот, кто никогда не выходит за рамки своей компетенции, даже если его окружают папуасы, неспособные отличить радиоприемник от гласа Господня. Глупый же позволяет себе судить о том, в чем на самом деле не разбирается, лишь потому, что слушающий имеет еще более узкое поле компетенции. От повальной тупости спасает только то, что многие люди от рождения наделены рецептором постижения, то есть механизмом, который дает возможность почувствовать, где звучит глупость, а где рассуждение, заслуживающее внимание.

Короче, при первой же встрече Баба_Лера™ произвела на меня впечатление не оч умной, но крайне экстравагантной дамы, умеющей образно + ярко излагать тезисы, пусть и абсурдные, однако тотально провокационные. Мы с ней проговорили финансовые условия нашего сотрудничества, я заверил «рэволюционэрку», что ее тексты править будет только корректура и у нее будет тот же карт-бланш, что у Лимонова и прочих колумнистов «Нового Взгляда». Ну а Ванденко я поблагодарил за столь уместный (как мне тогда показалось) рекрутинг и попросил записать беседу с Бабой_Лерой™ для

следующего номера, которую, собственно, и предлагаю прочитать тут же.

«Я диссидент в четвертом поколении»

Раньше, когда «Взгляд» выходил не как сейчас, от случая к случаю, а каждую пятницу, она появлялась на экранах с регулярностью телезвезды. Мелькала на пару секунд во взглядовской заставке где-то между ораторствующим на трибуне Михаилом Горбачевым и поднимающим руку в характерном жесте Сергеем Алексеевым. Пара секунд — но ее лицо наверняка запомнили многие, хотя могли не знать по имени. Ибо то, что она делала, было непривычно и в 89-м, и в 90-м: на Пушкинской площади в окружении соратников и на глазах у изумленных граждан она рвала в клочья портрет Вождя. Вспомнили? Да, это она — Валерия НОВОДВОРСКАЯ, бесспорный лидер Демократического Союза, впрочем, запрещающая называть себя таковой и требующая, чтобы к ней обращались как к рядовому члену ДС, «поскольку в нашей организации нет руководителей».

…Жилище пламенной революционерки даже отдаленно не содержало намека на романтику. Хрущоба как хрущоба — пятиэтажка конца 60-х на задворках Рижского вокзала. Подъезд с выкрученными лампочками и специфическим запахом. Двухкомнатная малогабаритка, из тех, которые в обменных объявлениях просят не предлагать.

На звонок дверь мне открыли не сразу.

— Ну что же вы не называетесь? — с ноткой недовольства проговорила Валерия Ильинична. — Мало ли кто может ходить? Надо было пароль сказать.

— Вы же мне его не называли.

— Чебурашка!

В тесном коридорчике двоим не развернуться. В комнатке-пенале, служащей одновременно и кабинетом, и спальней, почти все жизненное пространство занято книгами. Они и в шкафу, и на письменном столе, и у изголовья тахты, застеленной ярким покрывалом. На постель усаживается хозяйка, приглашая меня располагаться рядом. За стеной громко вещает Гурнов. «Вести» смотрит бабушка Валерии Ильиничны. Мамы дома нет, она на дежурстве, будет поздно. Разговору ничто не мешает…

— Валерия Ильинична, бунтарство — это, надо понимать, у вас потомственное?

— По-видимому, мои гены совершенно полярны советской действительности, с ней не уживаются. Русское дворянство — конечно, не то, которое сейчас вошло в некий клуб и первым делом зарегистрировалось в органах советской власти, а потом стало отбирать себе состав по наличию или отсутствию

определенных политических убеждений, — так вот, то природное, дооктябрьское русское дворянство, безусловно, в массе своей очень негативно настроено ко всему, что произошло в этой стране после 17-го года. А поскольку мое происхождение именно таково и у меня не было ни люмпенов, ни голодных и рабов, ни будущих совков, а были в самом худшем случае крупные предприниматели по отцовской линии, а по материнской — достаточно древнее столбовое дворянство, то, естественно, можно считать, что уже по классовым соображениям мира у меня с этой государственной властью быть не могло.

— Вам это досталось по наследству, но что заставило вашего прадеда благородных кровей податься в социал-демократы, основывать подпольную типографию?

— Совершенно нормальное занятие для дворянина. Просветительская работа. Только приличные люди имеют право заниматься революционной деятельностью. Потому что они занимаются ею на уровне Джеферсона и Медисона. Если бы в это дело не вмешался охлос, я думаю, что у нас сейчас была бы неслыханная форма демократии, но, к сожалению, нашлись вульгарные люди, типа Владимира Ильича Ленина и его команды, которые считали идеи охлоса очень передовыми…

А так мой прадед выбрал вполне естественный путь. Типография, самиздат — это дело святое. Пойти за это в острог было очень почетно. И здесь мне стыдиться нечего, мой дед родился в Тобольском остроге, где отбывали срок оба его родителя-революционера. Можно считать, что я пытаюсь расхлебать то, куда положили кирпичик мои предки.

— Но не получается, что вы сегодня ведете борьбу с тем, к чему стремились они? Ваши дед с бабкой ведь сидели при царизме, мечтая о социалистическом, демократическом обществе. Вы же это самое социалистическое общество зовете разрушать.

— Совсем не это самое! Есть единое революционное пространство, пронизывающее века и режимы. Люди благомыслящие, люди интеллигентные во все времена боролись с деспотизмом, с эксцессами, с нереспубликанской формой власти. Они всегда борются за демократию — и при ней, и до нее, и после нее. Так что мой дед, который вступил в противоборство с недемократическим режимом дооктябрьского периода, совершенно не оказывается со мной в конфронтации, а, напротив, стоит в едином строю, поскольку и я борюсь с режимом, только присвоившим себе название демократии, не имея на то никаких сколь-нибудь веских оснований. Режимом, который, заметьте, благополучно пережил и август 91-го…

— Если не возражаете, о вашей оценке сегодняшнего

состояния нашего общества мы поговорим чуть позже, а пока давайте обратимся к такому факту: 15-летняя комсомолка Лера Новодворская просит отправить ее во Вьетнам, чтобы с оружием в руках сражаться против американских агрессоров. «Уходили добровольцы на гражданскую войну…» Смотрится прямо-таки идиллически, только, по-моему, слабо вяжется с образом непримиримого борца с тоталитаризмом.

— Вы так полагаете? Вам хотелось бы, чтобы я, начиная с детского садика, устраивала заговоры? Если человек законопослушен до восемнадцати лет, это не может быть вменено ему в заслугу, равно как и в вину. Что касается Вьетнама, то любовь или ненависть к собственному государству были здесь абсолютно ни при чем. Просто во мне проснулся вечный комплекс Дон Кихота — желание защищать обиженных. Разумеется, добровольцев моего типа, да еще пятнадцатилетних, туда не брали, там нужны были нормальные мальчики афганского образца, которые готовы выполнить любой приказ. Я же в принципе не способна подчиняться приказам.

— В Афганистан, надо полагать, вы уже не рвались?

— Помилуйте, это ведь уже декабрь 1979 года, а первый арест по «диссидентской» 70-й статье Уголовного кодекса у меня был в 69-м… Как видите, сроки несколько не совпали. Да и вопрос, мучивший меня перед Вьетнамом: кто кого угнетает? — тут просто не стоял, ситуация выглядела абсолютно ясной, как, скажем, и в Чехословакии в 68-м…

— Тот ваш первый арест, кажется, связан с Кремлем?

— Это финал истории. А началось все с создания подпольной студенческой группы. Помню, этот факт был тогда очень красиво запечатлен нами в школьных тетрадках — с программой-минимум. Перед нами стояла совершенно однозначная цель — свержение существующего государственного строя. Нам также ставилось в вину распространение листовок, самиздата. Согласитесь, неплохо звучит для 1968–1969 годов?

— И сколько же вам стукнуло в ту пору?

— О, я была очень взрослой! Целых девятнадцать лет.

— Кого же вам удалось затянуть в свою группу?

— Вот так сразу и затянуть! Вы плохого мнения о советской молодежи. Но если пользоваться вашей лексикой, то я смогла затянуть в подпольную организацию мальчиков из хороших, благовоспитанных семей, студентов МГИМО, МГУ, физтеха, иняза. Такой чисто дворянский заговор… Только мальчики на декабристов не смотрелись. К сожалению, народ очень вырождается. Это особенно видно сегодня, но было заметно и в 69-м. Если декабристы все бросили и помчались на Сенатскую

площадь, то мои мальчики соглашались действовать лишь подпольно, а когда дошло до разбрасывания листовок, я осталась в печальном одиночестве.

— Вас арестовали, а они?

— Мальчики взялись за ум, думаю, впечатлений от общения со мной им хватило на всю жизнь.

— Их не задержали?

— Каким образом? Никто не знал их имен, кроме меня. У нас была железная дисциплина, строжайшая конспирация с полной автономией групп. Вместе мы никогда не собирались, все нити находились у меня, членские взносы вносились под псевдонимами. В результате органам удалось выловить только одного паренька из физтеха, который провожал меня на акцию и нес сумку с листовками. И это-то случилось по его собственному недомыслию: не признайся он сам, никто не смог бы ничего доказать. В итоге бедолага вылетел из института. Все же прочие имели остроумие вести себя хотя бы в рамках инстинкта самосохранения, не торопились с признаниями, доверившись благоразумной трусости, и их отпустили с богом. Я же долго вешала лапшу на уши чекистам, рассказывая о мощной организации с тремястами пятьюдесятью членами в Москве и еще с почти таким же количеством в Питере и по стране. Не думаю, чтобы мне поверили, но почесаться гэбэшников я заставила.

— Сколько вас было на самом деле?

— Фактически — двенадцать человек. Мало? Конечно мало. У меня же существовал план возвестить на суде на всю страну о наличии крепкой и крупной подпольной структуры, дабы создать на пустом месте революционное движение. Идея была не так уж плоха, к сожалению, практика тех лет не позволила ее реализовать. Во-первых, не проводились тогда открытые судебные процессы по таким делам, что явилось для меня неприятнейшим сюрпризом. Во-вторых, КГБ столь лихо поднатаскался в политическом сыске, что если организации подобного рода первое заседание проводили где-нибудь на конспиративной квартире, то дальнейшие планы они разрабатывали уже на Лубянке. Аресты производились очень быстро, поэтому двенадцать человек — максимальное число, на которое я могла в 69-м рассчитывать без дополнительной засветки. Кстати, и позже, вплоть до 1988 года, все мои попытки создать какую-нибудь оппозиционную партию или организацию не увенчались успехом.

— Вам предъявили 70-ю статью. В тогдашней редакции это звучало примерно так: распространение антисоветской литературы, антисоветская агитация и пропаганда с целью подрыва и ослабления строя. Верно?

— Совершенно точно. Хочу сказать, что это обвинение было вполне заслуженно, как, впрочем, и все последующие. Просто ОНИ еще не подозревали в те времена, что когда-нибудь найдутся сумасшедшие, которые открыто будут призывать к свержению этого режима насильственным путем.

— Но тогда, 5 декабря 1969 года, направляясь в Кремль, вы вряд ли надеялись, что народ моментально поддержит ваш призыв к вооруженному восстанию? В противном случае это выглядело бы утопией.

— О нет, я не самообольщалась. Мне хотелось смутить умы людей, и это вполне удалось. Я сознательно выбрала время, место. Это же был день Советской Конституции, праздник, с позволения сказать. В Кремлевском Дворце съездов показывали оперу «Октябрь». Боже, это же надо додуматься до такого маразма, сочинить оперу с поющим Ильичем…

Так вот. Я заняла свое место в бельэтаже. Кстати, я специально билет купила туда, а не в партер или на балкон, поскольку дома предварительно порепетировала, откуда лучше разбрасывать листовки, чтобы они дальше разлетались и ложились веером. Улучив момент, я встала, раскрыла сумочку и стала, так сказать, сеять разумное, доброе, вечное. У меня было всего около двухсот листовок. Красиво летели… Сверху я хорошо видела, как люди подбирали их, читали, прятали у себя. Листовки расхватывали, словно мясные бутерброды на вегетарианском обеде. Чекисты нашли только сорок четыре экземпляра, остальные им не вернули. По тем временам это был мужественный поступок. Вы представляете, какие неприятности могли нажить себе люди, найди у них этот компромат? А ведь при выходе запросто могли и обыскать…

Самое поразительное, возможно, в том и заключается, что народ отнесся к моему поступку с пониманием. Читал призыв к восстанию, мой беспомощный стишок, начинавшийся словами «Спасибо, партия, за это!», и не осуждал. А ведь люди еще были сыты. Не то что сейчас. С чего на власть роптать? Помню, в буфете КДС даже блинчики с красной икрой продавали. Дешевые…

— Разбросав листовки, вы не пытались скрыться?

— Я вместо этого попробовала еще провести импровизированный митинг… А куда бежать? Честно говоря, я готовилась встретить смерть. Ждала от властей концептуального поступка, не сомневалась, что за содеянное меня убьют на месте. Зачем же тянуть? К тому же я понимала бессмысленность надежд укрыться где-либо. Листовки я писала от руки, по почерку меня живо вычислили бы. Печатные машинки тогда все были учтены и

зарегистрированы, для покупки новой требовалось разрешение.

Словом, прятаться я не думала, а просто настраивала себя на худшее. Но ничего трагического не произошло, меня схватили и отправили на Лубянку…

— Интересно, с какими чувствами вы сегодня переступаете порог Кремля? Воспоминания не обуревают?

— Начну с того, что я не являюсь частой гостьей этого архитектурного комплекса. Я питаю к нему те же чувства, что и Анна Ахматова, сказавшая все за меня:

> …В Кремле не надо жить,
> Преображенец прав:
> Здесь древней зависти еще кишат микробы,
> Бориса дикий страх, и всех Иванов злобы,
> И самозванца спесь —
> Взамен народных прав…

Мерзкое место! Ни один демократический лидер, находящийся в здравом уме, ни за какие коврижки не согласился бы отправлять там обязанности. Это, если хотите, своеобразный тест, проверка крепости принципов и убеждений. Когда Борис Николаевич свернулся в клубок и замурлыкал от счастья в кремлевском кресле Горбачева, он невольно сам с себя сорвал маску, показал всем, что главной его целью было пробраться в Кремль, выпихнуть оттуда прежнего правителя и воцариться самому.

— Валерия Ильинична, я о вас спрашиваю, а вы мне о Ельцине…

— И о себе могу. Я не страдаю комплексом Раскольникова, меня не тянет на место преступления. На мне нет ничьей крови, я никого не грабила и не убивала. Поэтому никогда не испытывала дрожи, заходя в Кремлевский Дворец съездов. Сооружение это само по себе достаточно топорное, но там иногда можно послушать хорошую музыку, посмотреть приличный балет. Поэтому приходится мириться. Но вообще Кремль — это не то место, о котором мне бы хотелось долго говорить.

— Тогда давайте возвратимся к прерванной теме — к рассказу о том, что последовало за разбрасыванием листовок в КДС.

— Последовала Лефортовская тюрьма. Это была моя первая посадка туда. Кстати, насиделась там всласть и имею возможность сравнивать состояние Лефортово в разные времена — в расцвет застоя, на восходе перестройки и на ее закате.

Первый мой срок был два года. Конечно, если бы кто-то мог

предполагать, что за той первой «выходкой» последует какое-то продолжение, я бы так легко не отделалась.

— После полугода в Лефортово вы ведь попали в Казанскую психиатрическую спецтюрьму. Вас пытались выдать за психически ненормальную?

— Для них это был единственный выход. Тогда подобное широко практиковалось, идеи о свержении государственного строя не выносились на открытые судебные процессы. Это выглядело слишком одиозно. В открытом слушании дело рассматривалось только в том случае, если оно было групповым или же давало возможность скомпрометировать участников через связь с Западом, работой на ЦРУ и так далее.

— Как вам жилось после освобождения?

— Надо полагать, несладко. Практически по подложным документам я училась на вечернем факультете иняза Московского областного пединститута. Все время ждала, когда меня вытурят.

— Неужели КГБ не мешал?

— Думаю, они просто прохлопали эту ситуацию. Во-первых, бумаги фактически липовые, во-вторых, отделение считалось заочным, там не было зоркого ока комитета комсомола. При нашем уровне организации, царящем повсюду, неудивительно, что мне удалось проскочить незамеченной.

— Борьбу вы не прекращали?

— В 1978 году меня судили за диссидентскую деятельность, в 1985-м — еще один срок. В 86-м — новый, опять за самиздат, листовки. Опыт Дворца съездов не прошел даром. Только теперь мы сеяли идеи в кинотеатре «Россия». Там на элитарные фильмы собиралась изысканная публика. В 1986-м листовки уже были антигорбачевского характера. Опять светила 70-я, и меня упрятали в Лефортово. И тут я по-настоящему ощутила дыхание перестройки. Меня освободили из под стражи через четыре дня — срок невероятно малый. Буквально в спину за ворота вытолкали. Шел октябрь 86-го…

Но я не успокоилась и 30 октября провела индивидуальную демонстрацию в день политзаключенных. В итоге еще три месяца — теперь в закрытом секторе 15-й психбольницы. Не приведи вам Господь узнать, что это такое. Любая тюрьма раем покажется. Спросите политзэка, он предпочтет десять лет лагерей одному году в спецбольнице. Пытки, бесконечные издевательства, полное уничтожение человеческого достоинства… Беспредел чистой воды. Могут хоть двадцать лет гноить. Очень удобный способ упрятать от посторонних глаз диссидентов. Ельцин прокричал на весь мир, что в России освобождены последние политзаключенные. А по нашим данным, их еще человек сорок

как минимум. Точную цифру вам никто не назовет, поскольку полная ревизия спецтюрем не проводилась.

— Валерия Ильинична, слушаю вас и не могу отделаться от ощущения, что разговариваю с человеком из другого времени. Вы не чувствуете себя чужой окружающему миру?

— Можно, конечно, пофилософствовать на эту тему, но я отвечу предельно кратко: у меня есть цель, и я к ней иду. То, какое впечатление произвожу при этом на окружающих, на данном этапе вторично. Я ступила на этот путь и сворачивать с него не намерена.

Лишь за годы так называемой перестройки у меня было семнадцать арестов только за несанкционированные митинги. Каждый раз я получала по пятнадцать суток. Меня помещали в камеру, а я объявляла голодовку. И так раз за разом. Своеобразное соревнование, кто кого? Я — власть, или она — меня. Аресты прекратились 12 марта 1990 года. В Моссовете бразды правления взяли новые лидеры, именующие себя демократами. На контрасте с предшественниками им важно было создать себе имидж, расположить к себе людей. Потому меня и не трогали. Но эта ложная ситуация продолжалась недолго. Вскоре усилилось преследование за оскорбление мною чести и достоинства Президента СССР. Суд дал мне два года исправительных работ за сожжение государственного флага СССР и оправдал по горбачевской статье. Верховный суд утвердил приговор, но заменил срок двумястами рублями штрафа. Прокурор России Валентин Степанков опротестовал это решение, и мое дело достранствовало по различным кабинетам до той поры, пока я не схлопотала новый срок по 70-й. В мае 1991-го я вновь оказалась в Лефортово. Успела пробыть там три месяца. Я собиралась сидеть до суда, а потом вне зависимости от приговора объявить смертную голодовку. Понимаете, я не признаю за врагами права брать меня в плен. Меня нельзя победить, можно только убить. Раз наше государство не в состоянии сделать решительный шаг, я совершу его сама. Как это у Марка Захарова: «Ужасно умирать надоело»?

Но в этом случае мой замысел не осуществился. В очередной раз началась перестройка, и меня выгнали из Лефортово с формулировкой об изменении меры пресечения и подпиской о невыезде.

— Это ведь был август, победа над путчистами?

— Да, да. Кстати, уже замечено, стоит мне уйти в Лефортово, как наша история закладывает крутой вираж. 19 августа, услышав о перевороте, я была абсолютно уверена, что меня в ближайшую ночь расстреляют. Я очень торопилась, успела передать на волю

текст листовки и письмо Крючкову. Хотите, могу дать его прочитать? В ту ночь я даже спать легла в одежде. Когда со мной ничего не произошло, поняла, что путч не тянет, скоро все лопнет. 23-го меня освободили. Черт меня дернул сказать тогда, что Ельцин был три дня нашим товарищем по борьбе. Дээсовцы стояли на баррикадах у Белого дома, и я бы туда пошла. Но Борис Николаевич обманул нас. Если бы он освободил ВСЕХ политзаключенных, отменил смертную казнь, реформировал ГУЛАГ… Тогда, в августе, я почувствовала себя оскорбленной. Ельцин для меня — конъюнктурщик и позер. Мы с ним всегда будем по разные стороны баррикад. И вообще не люблю деспотов и советских руководителей из числа бывших обкомовских секретарей. Он плохо кончит, вот увидите.

— Российский парламент пока, кажется, не принимал закона о защите чести и достоинства Президента, но как бы нам с вами, Валерия Ильинична, за такие речи не схлопотать неприятности?

— Значит, и вы трепещете перед ним? Если бы этот человек был настоящим демократом, он сдержал бы слово, данное над гробом Андрея Дмитриевича Сахарова, и освободил бы всех политзэков. Короче, я уже разорвала портрет Ельцина, компромиссов быть не может.

— Если позволите, с высокого штиля — на прозу. Хочу спросить о ваших родных — каково им с вами?

— Думаю, они смирились. Мои родители состояли в КПСС, но никогда не были ортодоксальными коммунистами. Они именно состояли. Мама полтора года назад вышла из партии. К моей деятельности сейчас относятся уже спокойно. В Лефортово носили книги, передавали нужные людям рукописи. Выполняли функции Красного Креста и Полумесяца. Мама — это Красный Крест, а бабушка — Полумесяц. Мама у меня работает в отделе детства Мосгорздравотдела, и то, что педиатрия в Москве еще как-то худо-бедно существует, считаю, ее заслуга.

— В изголовье вашей кровати висят фотографии и репродукции Христа, Сахарова, Солженицына, Марченко, Высоцкого и детей царской семьи. Надо полагать, этот набор не случаен?

— Христос — это мой политический ориентир. Единственный, кого я признаю, кроме, пожалуй, Махатмы Ганди и Тиля Уленшпигеля. Сахаров и Солженицын — товарищи по борьбе. Кроме того, Солженицын — любимый писатель. Анатолий Марченко — напоминание, что не все вышли живыми из схватки с режимом. И те, кто уцелел, должны сражаться за двоих. Убиенные царские дети — как естественная грань для каждого политика и революционера, грань недозволенного. Бой между противниками

должен быть честным. Но после битвы — только милосердие. Нельзя мстить поверженному врагу. Высоцкий — прекрасный поэт, актер. В основе его творчества — страсть, отчаяние, страдание — чувства, мне понятные.

— Валерия Ильинична, вы борьбу сделали смыслом жизни. Но разве это возможно?

— Ибсен говорил, что умереть можно и за чужое, но жизнь отдать только за свое. Да, борьба для меня — дело жизни. Моя цель — изменение государственного строя революционно-демократическим путем, без насилия. Пока эта идея не овладела всеми, у меня есть занятие. И потом, что значит борьба ради борьбы? Это все равно что сказать: порядочность ради порядочности.

— Но если допустить, что у нас будет построено демократическое общество, с кем вы станете бороться?

— Демократическое общество — не ГОЭЛРО, его построить нельзя. Откуда оно возьмется при власти негодяев над страной холопов? Нет, на этом свете мне работы хватит. Да и отправившись в мир иной, я еще посмотрю, как там обстоят дела с тоталитаризмом. Если что, сразимся с Господом Богом и его воинством. А если серьезно, я не думаю, что доживу до того момента, когда у нас все придет в норму.

— Значит, выход один — Лефортово?

— Мне просто любопытно узнать, сколько же вытерпит ельцинская власть. Горбачева хватило на три года поединка со мной. Сколько выдержит Борис Николаевич? Поймите, это не спортивное соревнование, гонка за результатом. Просто я знаю, что без свержения существующей тоталитарной власти во имя изменения строя ничего не добиться. Поэтому я и стою на своем.

— Простите за лобовой вопрос: КГБ вам никогда сотрудничество не предлагал?

— Там работают умные люди. Они ни за что не стали бы звать непригодных для этого дела. Я же идеалистка, непрактичная. Нет, никогда не предлагали. Хочу сказать, что я всегда пользовалась уважением врагов. С некоторыми следователями у нас даже установились нормальные человеческие отношения, насколько это возможно в такой ситуации. Шла своеобразная игра. Например, мне говорили: «Вы, конечно, не ответите на этот вопрос, но я обязан спросить…» В КГБ работают профи. Они редко ошибаются в людях. Если вас подцепили на крючок и завербовали, ищите слабинку в себе. Это не Комитет вас охмурил, а вы сами сплоховали. Смешно, но у меня даже есть любимые следователи. Честные люди, добрые враги. Парадокс?

— Валерия Ильинична, с вашим «волчьим билетом», очевидно, трудно было найти себе работу?

— Получала раньше партминимум от Демсоюза — сто пятьдесят рублей. Как методист московской парторганизации 8 января устроилась на постоянную работу политическим обозревателем в еженедельник «Хозяин». У меня там рубрика «Бочка дегтя», которую я регулярно выливаю на голову Ельцину и другим политикам. Еще я читаю лекции по истории, художественной идеологии, истории религии в вечернем частном лицее.

— Извините, Валерия Ильинична, что я все об одном и том же. Зациклился. Объясните мне, тупому, стоит ли класть жизнь на бесполезную борьбу, когда можно уехать куда-нибудь на Запад и жить в свое удовольствие в том самом демократическом обществе, к которому вы так стремитесь? Вы владеете пером, знаете языки, разбираетесь в литературе — не пропадете. А что здесь?

— Сегодня уже было несколько цитат, позвольте еще одну. Александр Галич писал:

> И все так же, не проще,
> Век наш пробует нас —
> Можешь выйти на площадь,
> Смеешь выйти на площадь
> В тот назначенный час?

Две последние строчки, кстати, записаны эпиграфом в членском билете Демсоюза.

Уставным принципом ДС является добровольный отказ от эмиграции. Я не была за границей. Там, должно быть, очень хорошо, но не для меня. Дезертирство — неприличный поступок. Россия — поле боя, из которого можно выйти только в братскую могилу. Здесь нет ни перемирия, ни отпусков по ранению. Лишь смерть освобождает от необходимости бороться.

Что тут добавишь?

Это, наверное, плохо, если журналисту стало чуть-чуть жаль пламенного революционера? Этой фразой я хотел закончить интервью с Валерией Ильиничной. Концовка беседы получилась иной, но ощущение сохранилось. Словами это не передашь. Например, мне почему-то казалось, что и в традиционном «нововзглядовском» хит-параде Новодворская не захочет шагать со всеми в ногу и обязательно назовет что-нибудь этакое… Вот именно из-за этого желания непременно выделиться и было мне

отчего-то немного жаль Валерию Ильиничну. Итак, хитпарад, а уж вам судить, подтвердилось мое предположение или нет.

1. Рихард ВАГНЕР. Как сейчас модно говорить, тащусь от этого композитора. Знаю его творчество от корки до корки, очень люблю. А самое-самое — «Кольцо нибелунгов» и «Тангейзер».

2. Александр СКРЯБИН. «Поэма экстаза» и «Прометей».

3. Вольфганг Амадей МОЦАРТ. Тут никаких сомнений — «Реквием», конечно «Реквием».

4. Александр ГАЛИЧ. Нравится все его творчество, но, пожалуй, особенно трагические песни, которые как раз наименее известны.

5. Владимир ВЫСОЦКИЙ. Эта его песня о птицах… Я точного названия не знаю, но там есть такие строчки: «Все года, все века, все эпохи подряд все стремится к теплу от морозов и вьюг…»

«Дело Новодворской»

«Дело Новодворской» — уголовное дело по факту публикаций в газете «Новый Взгляд». Это было вторым уголовным делом против журналиста в России. Первым обвиненным журналистом был Слава Могутин: уголовное дело было возбуждено в 1993 году Пресненской прокуратурой после того, как наш же «Новый Взгляд» опубликовал его интервью с танцором Борисом Моисеевым.

Газета «Новый Взгляд» появилась на свет по инициативе тогдашнего главы ТВ-гиганта «ВИД» Влада Листьева. Бывшие ведущие культовой программы «Взгляд» еще до закрытия Кремлем этого ТВ-проекта стали искать источники финансирования своей деятельности. И помог им в этом деловой человек Саша Горожанкин, которого Андрей Разбаш привел на телевидение. «ВИД» тогда очень неплохо зарабатывал на листьевском «Поле чудес», но терял деньги на «Красном квадрате», амбициозном телешоу, которое вели Александр Любимов & Андраник Мигранян. И перестроечные телезвезды все время искали новые форматы. Листьев решил, что у его холдинга должно быть печатное издание.

Все это мне поведал Ваня Демидов, который фонтанировал в ту пору креативом. Он же и предложил мне возглавить новое СМИ; решение единогласно было принято Советом директоров самой влиятельной в ту пору ТВ-компании. Осенью 1991 года газета была зарегистрирована как печатный орган «ВИДа». Ее, собственно, так и хотели назвать, поскольку была установка — продвигать ключевой бренд: «ВИД». Ну я все же посвоенравничал и в заявке написал «Взгляд/ВИД», поскольку думал (и мнения своего не изменил), что «Взгляд» для любого медийного проекта лучше, чем аббревиатура «Взгляд И Другие».

Перед запуском издания я объехал с камерой всех влиятельных главредов: мы делали сюжет о новинке. Все газетчики единодушно отговаривали меня от этой авантюры. Глава «Московской правды» Шод Муладжанов, впрочем, после записи интервью предложил:

— Выпускайте свой боевой листок как вкладыш в городскую газету, все-таки тираж полмиллиона как-никак.

А мы с Горожанкиным как раз вели переговоры с руководством ИПК «Московская правда» о приобретении какого-то агонизирующего издания формата А3. И, слово за слово, решили от покупки отказаться и вписаться в партнерство с Муладжановым.

Первый номер газеты «Взгляд» вышел 15 января 1992 года. Она выходила по средам, и мы в кулуарах звали ее посредником. Между читателями и зрителями.

Позднее мы обосновались на территории «МП», но первые выпуски делались в гостинице «Россия». В просторном люксе, который был в советское время закреплен за главным коммунистом Ставрополья Михаилом Сергеевичем Горбачевым. Распоряжался тем хозяйством абсолютно пелевинский персонаж по фамилии Наседкин. Потрясающих человеков вынесла перестройка на околокремлевский олимп. Всегда подозревал, что Наседкин наш из совбомжей, паспорта у него даже не было. По-моему, он не умел читать + писать. Впрочем, это не помешало ему протежировать таких медиаперсонажей, как Андрей Быстрицкий и Николай Сванидзе, которые обитали в соседнем номере. А еще он скромного Валерия Зорькина лоббировал на пост председателя Конституционного суда. Вполне успешно.

Я Наседкина знал еще по «взглядовским» временам: с его подачи на экране появились генерал Олег Калугин, Галина Старовойтова и многие другие. Короче, Наседкин предоставил мне по старой памяти престижное помещение, технику добыли чеченцы какие-то, а редакционные кадры я рекрутировал, пользуясь служебным положением, то есть бросив клич в прайм-тайм Первого канала. Пришли тогда в гостинцу Андрей Ванденко, Валерий Яков, Марина Леско, Игорь Воеводин. Последнего потом во время какой-то пьянки (в соседнем с «Мосправдой» заведении «Мефисто») я познакомил с Горожанкиным, и медиамагнат у меня журналиста «забрал в телевизор» со словами: «Я куплю Игорю новую жизнь»; кончилось все это не без крови и весьма печально, но к проекту «Новый Взгляд» отношения уже не имеет.

«Новым» «Взгляд» встал после разрыва с ТВ-звездами, учредившими газету. Мегаскандал случился после дебюта светской обозревательницы в придуманной ей рубрике «Наш бульвар». Ничего особенного по нынешним временам. Однако тогда вскипело нешуточно. Хотя написано-то было всего лишь, что Абдулов зависает в казино, Макаревич встречается с Ксенией Стриж, Градский забыть не может Вертинскую и еще какие-то гадости про Антона Табакова. Как написал «Коммерсантъ», руководители «ВИDа» сочли, что в данной рубрике «преобладал оскорбительный тон по отношению к друзьям компании». Газету закрыли.

Однако мне было неловко перед талантливыми людьми, которые сорвались с насиженных мест ради перспективы взлета в новом издании. Но звезды сложились. Все тот же Наседкин накануне закрытия еженедельника познакомил меня со скромным

калмыцким бизнесменом Илюмжиновым. Кирсан рассказал мне за чаепитием в редакционном офисе (он снимал номер на том же этаже «России»), как покупал шахматную корону у Каспарова. Я впечатлился, сделал сюжет об этом для Первого канала (у газеты была как бы своя рубрика в пятницу вечером). И когда я расстался с компанией Владислава Листьева, Илюмжинов взялся проект финансировать. Причем совершенно без всякой надежды на доходы какие-нибудь.

Он, его чеченский партнер и я стали новыми учредителями газеты в мае 1992 года. В редакционную политику будущий президент Калмыкии не вмешивался. Мы стали экспериментировать: использовали в оформлении полос элементы советской символики (герб СССР, Знак качества etc.), что для начала 1990-х было более чем дерзко. Выходили теперь по субботам и помимо вкладыша в «МП» раз в две недели выпускали и отдельный тираж (от 8 до 16 полос), который распространяли при помощи нового директора Эраста Галумова (того, который с 2001 года рулил издательством «Известия», а сейчас ведет «Международную панораму»). Допечатывали где-то по 300 тысяч экземпляров, так что суммарный тираж в начале 1993 года был где-то под три четверти миллиона (с учетом вкладыша в «МП»).

Сам Галумов в своем ЖЖ вспоминал это время так:

«Это было начало 93-го года, когда я ушел из „Комсомолки“ и пустился в самостоятельный газетный бизнес. Совершенно необыкновенное было время. Сейчас это выглядит невозможным, невероятным стечением людей, мест, обстоятельств и идей, а тогда… Тогда, в 93-м, мы с Женей Додолевым, известным в то время журналистом, сделали газету… „Новый Взгляд“. Успешнейший был проект, газета разлеталась как горячие пирожки. Все начало развиваться, мы даже начали зарабатывать какие-то деньги. Но с деньгами тогда у всех было туго, в том числе у тех, кто давал нам рекламу. И нередко рекламодатели рассчитывались по бартеру — это тогда было тоже модное слово — напрямую всяким товаром. Это был почти семейный бизнес: брат участвовал, сын старший после школы приходил, и мы все занимались этой газетой. Офис наш был в Нижнем Кисловском переулке, который мне по-дружески, бесплатно, дал мой товарищ Коля Михайлов, строитель. Достаточно хороший офис был, к тому же в центре: всем удобно, заходили и по делу, и просто поболтать. Тоже сейчас звучит нереалистично: попробуйте сегодня без денег, по дружбе, открыть офис в самом центре Москвы!

И вот однажды нам за рекламу подогнали 20 литров

медицинского спирта. Буквально притаранили мне прямо в офис большой молочный бидон. Причем спирт был медицинский, потрясающего качества. И вот мы начали постепенно это огромное количество спирта „реализовывать“. Уже через неделю у нас в Кисловском появился такой ежевечерний неформальный клуб любителей выпить на халяву и душевно посидеть. Приходили все: журналисты, политики, бизнесмены, друзья, каждый приводил с собой еще каких-то знакомых. В те годы жили мы весело, но не скажу, что богато. А тут наливают и наливают, с самой простой закуской, но зато компания хорошая. Собирались вечерами, выпивали-закусывали, ну и разговоры разговаривали — обо всем. О будущем, о стране, о политике, о журналистике, строили какие-то безумные проекты, спорили и снова выпивали-закусывали.

И вот однажды в нашем „вечернем клубе“ появился Кирсан Илюмжинов. Посидел, послушал, выпил — понравилось. Мы с ним разговорились, он был тогда депутатом Верховного Совета. Я сразу проникся к нему симпатией, он показался мне очень интересным и необычным человеком. Оригинально мыслящий, как сказали бы сейчас — креативный. Даже по тем временам, когда все вокруг кипело и бурлило и идеи рождались каждый час, он был необычен, ни на кого не похож. Про него говорили — начинающий миллионер. На самом деле миллионером он не был, конечно. Но в этом ли дело? Я в своей жизни встречал двух людей такого уровня неординарности и внутренней свободы. Один из них — Сунгоркин, а второй — Илюмжинов.

У нас завязалась дружба, более того, после этого вечера я ему еще с собой подарил бутылку спирта. Ну чем в то время я мог выразить уважение, расположение, симпатию? Сейчас выглядело бы неловко, а тогда — это был правильный, годный дар.

И вот на одной из этих встреч он сказал: вот, хочу, мол, стать президентом Калмыкии. Кажется там, в нашем офисе, за бутылкой спирта, это решение и родилось. Ну, уж коли я там был, то волей-неволей стал сопричастным к этой выборной кампании, если это можно было так назвать. Мы придумывали совершенно безумные, а иногда просто гениальные лозунги для предвыборной кампании Кирсана. И на первых порах ни мы, ни оппоненты не думали, что он это все затеял всерьез. Между тем дошло до вполне реальной политической борьбы, когда оппонентом Кирсана выступил известнейший калмык, генерал-майор авиации Ачиров, который изначально должен был победить на выборах. И надо сказать, что сначала появилась идея кампании „свой среди своих“: калмыки — народ бедный, а ну как не поймут „нового миллионера“, не примут. А потом решили, что для настоящей

предвыборной борьбы с достойным соперником нужно показать и наш „товар лицом“, подчеркнуть достижения. И появился лозунг „Я стал миллионером, я сделаю миллионером каждого калмыка!“. Этот лозунг принадлежит Кирсану. Был и лозунг, который принадлежит лично мне, это „Калмыкия — второй Кувейт“. Все это широко разошлось, плюс были подключены ресурсы знакомых газетчиков, журналистов — в общем, все это дало результат. Около семидесяти процентов Кирсан получил на своих первых выборах. И это были настоящие, честные выборы, где были два сильных кандидата, да и голосование было настоящим.

Очень неприятно мне, как Кирсана рисует наша пресса — то каким-то маленьким человеком „со странностями“, то каким-то злодеем-диктатором. Да, наверное, он не от мира сего, в самом лучшем, чистом и высоком смысле слова. Но я с ним давно знаком и могу сказать: Кирсан Илюмжинов — настоящий буддист, не способный на зло, и он видит то, чего мы за всякой суетой не видим. Он пренебрегает материальным, и я практически уверен, что он не был миллионером, уж по крайней мере когда в президенты шел. Он из простой семьи, в Элисте поселились они в скромной двушке, его жена явно радовалась этой перемене в жизни. Помню, как мы всем аппаратом собирали ему денег на люстру… Но богатый человек — не тот, у кого счет в банке или крутой бизнес, это внутреннее ощущение, которое он может транслировать другим. Вот Кирсан может. Причем по-настоящему, без натуги и фальши, а судьба только поспевает дать ему то, что он уже и так считает своим.

Кирсан был близок с Вангой, много о ней говорил. Я в это не верил — мало ли что человек себе придумает? А потом очень странно все повернулось.

Это было лето 93-го года. Представительство Калмыкии было в одной из „книжек“ на Новом Арбате, обыкновенная комнатка с приемной. Ельцин только начал бодаться с Хасбулатовым, и непонятно было, чем все кончится. И Кирсан в это лето поехал к Ванге. Когда он оттуда вернулся, мы собрались у него в кабинете: я и еще два-три человека. Вот он сидит и рассказывает, как съездил. И между прочим говорит: Ванга сказала, что Ельцин будет править еще долго. Ну сказала и сказала, мало ли. Но он тогда в подробностях рассказал нам все события октября 93-го года: что будет кровопролитие, что она видела телецентр — по нему стреляли. Ему самому Ванга сказала: мол, будешь на белом коне, — и он потом с белым флагом ходил на переговоры, пытался быть парламентером в Белом доме, за что попал в опалу. Даже даты называл, всю хронологию октября 93-го, если кто еще помнит, что это был за момент для страны.

Но тогда, летом, я ему сказал: Кирсан, ну мы взрослые люди, давай без ерунды! На дворе была жара, сонное марево, Москва как будто вымерла, какие перевороты! Я ему не поверил, но когда осенью все это случилось, то события развернулись точно так, как он рассказывал.

С ним много таких историй связано. Это невероятный феномен — такой человек, да еще и в политике. Та же Ванга ему предсказала, что он будет „занимать пост мирового значения“. Мы снова смеялись: даже президентский пост в Калмыкии, с населением 300 000 человек, не потянет на пост главы какой-нибудь районной управы в Москве, народу в Мневниках больше живет. Какое уж тут мировое значение! Когда Кирсан стал президентом ФИДЕ, я вспомнил этот разговор и свою иронию.

Я много могу о нем рассказать, есть о чем вспомнить. Но вот что я подумал, прочитав новость, что Кирсан поехал к Каддафи играть в шахматы: если такой человек, как Илюмжинов, поехал туда, в разбомбленную страну, к странному полковнику, сыграть с ним партию, — значит, Каддафи еще рано списывать со счетов.

И еще. Ни одна российская телекомпания не показала этот необыкновенный поединок. Все крупные новостные агентства мира, все телекомпании давали видео и фото этой встречи. Наши — нет. Только в газетах ехидно прокомментировали, да и то так, вскользь. И это, по-моему, зря. Такие инфоповоды бывают не каждый день, да и не каждый поедет в Ливию сейчас, и не каждого примет опальный Каддафи. А ведь это было как минимум красиво. Почти как завтрак под пулями в Ла Рошели».

•

Это было, считаю, лучшее время для нашей команды, хотя Валера Яков, повторюсь, вернулся в «Известия». Зато его товарищ Андрей Ванденко — еще раз — привел в редакцию «начинающего колумниста» Валерию Новодворскую; и хотя против газеты из-за ее колонок возбуждали уголовные дела, а меня вызывал на Лубянку глава столичного КГБ Евгений Савостьянов, ее броские, провокационные материалы газету по-своему украшали.

Мы первыми в России стали публиковать лимоновскую жену Наталию Медведеву. Да и газета «Лимонка» самого Эдуарда выросла из соответствующей рубрики «НВ». Он в одной из своих книг вспоминал:

«В „Новом Взгляде“ собралась тогда сверхпестрая компания экстремистов всех сортов… Я опубликовал в „Новом Взгляде“ с полдюжины отличных вещей, среди них очерк „Псы войны“, так

что вспоминаю газету с удовольствием. В ту эпоху в ней присутствовала жизнь. В венах газеты текла кровь».

Лимонов же, кстати, привел маргинального скандалиста Славу Могутина, в арбатской квартире которого, собственно, и жил писатель. Писали для нас и практикующие политики. Жириновский, например, сочинил целый сериал, полемизируя с Лимоновым. Вел свой «Уголок» эмигрировавший в Штаты Виталий Коротич, полемизировали с ним на наших полосах Александр Проханов и Станислав Куняев. Регулярно печатался Леня Радзиховский.

Именно в «Новом Взгляде» стартовал неугомонный Отар Кушанашвили, который, между прочим, нашел в секретариате «МП» одну из своих жен. Начал перспективный грузин с «Колонки главного редактора»: в его задачу входило договориться о колонке с кем-либо из маститых главредов и затем адаптировать текст под наш формат. Однажды мне позвонил глава «Литературки» Аркадий Удальцов и саркастично «поблагодарил» за публикацию, отметив с ухмылкой между тем, что текст-то он не писал. Дело в том, что Отар просто-напросто сочинил за именитого коллегу сотню строк и заслал в номер. После этого рубрику я прикрыл.

Но… Проект целиком до сих пор прикрыть не решаюсь. Хотя мы не печатаем отдельные тиражи с осени 1998 года, а в славной «МП» с 2005 года выходим лишь раз в месяц. Я рассматриваю «Новый Взгляд» как «спящего агента». Будет время — проснется. Илья Муромец, говорят, не один десяток лет на печи сны смотрел. Такие, что и Отару Кушанашвили не снились.

Но вернемся к ВИН.

Вот как писал об этом «Ъ»:

«Следственный отдел Северо-Восточного округа Москвы получил ходатайство о прекращении уголовного дела, возбужденного в отношении лидера партии Демократический Союз (ДС) Валерии Новодворской. 11 апреля 1996 года ей предъявили обвинение в разжигании национальной розни. Новодворской инкриминируется унижение русских, узбеков, туркмен и таджиков: она утверждала, что они не готовы принять демократические ценности. Однако адвокат лидера ДС Генри Резник уверен, что данные обвинения надуманы, поскольку заявления Новодворской оценены неправильно. Валерия Новодворская известна своим неприятием коммунистической идеологии, она неоднократно выступала по этому поводу в печати и на ТВ. В частности, она написала несколько статей о причинах тяги русского человека к коллективизму и коммунистической идеологии. Так, в газете „Новый Взгляд“ в

статье „Не отдадим наше право налево!“, опубликованной в конце 1993 года, лидер ДС утверждает, что русские в Эстонии и Латвии „доказали своим нытьем, своей лингвистической бездарностью, своей тягой назад в СССР, своим пристрастием к красным флагам, что их нельзя пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у параши, и правильно сделали“.

Позже, в интервью Эстонскому ТВ (выдержки из которого были перепечатаны в русскоязычной газете „Молодежь Эстонии“) Новодворская, отвечая на вопрос корреспондента „Можно ли любить русского человека?“ — сказала, что не представляет, как можно любить русского человека из-за его бесхребетности, лености, лжи, бедности и рабства. Далее, правда, Валерия Новодворская попыталась расширить круг характеристик русского человека, заявив, что, „может, это и не все его качества“. Что подразумевала под этим лидер ДС, неясно, так как цитата на этом в газете обрывалась. Кроме того, в том же интервью Новодворская заявила, что, „если какая-нибудь цивилизованная страна вздумает завоевать Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, где установились тоталитарно-феодальные режимы, я ее благословлю в дорогу, ибо этим государствам на роду написано быть колониями“.

После этих выступлений в различные прокуратуры в течение 1994 года поступило несколько заявлений от граждан, которые просили привлечь Новодворскую к уголовной ответственности за антирусские высказывания, разжигание межнациональной розни и пропаганду гражданской войны. Однако после изучения заявлений прокуроры не находили в действиях и высказываниях лидера ДС состава преступления. В последний раз отказ в возбуждении дела против Новодворской был дан Пресненской межрайонной прокуратурой Москвы осенью 1995 года. Однако в феврале 1996 года Московская прокуратура отменила это постановление об отказе и распорядилась передать материалы дела в следственный отдел Северо-Восточной прокуратуры.

19 марта 1994 года Краснопресненская прокуратура начала проверку деятельности Новодворской по статьям 71 и 74 УК РСФСР („Пропаганда гражданской войны“ и „Разжигание межнациональной розни“).

По итогам расследования прокуратура предъявила Новодворской обвинение по ст. 74 ч.1 УК России (действия, направленные на умышленное возбуждение национальной вражды или розни, на унижение национальной чести и достоинства). Основание — экспертные заключения Института психологии Российской академии наук. В них делался однозначный вывод о том, что суждения Новодворской,

содержащиеся в представленных материалах, разжигают межнациональную рознь и унижают национальное достоинство. Однако адвокат лидера ДС Генри Резник с этим не был согласен.

Он считает, что в действиях Новодворской „нет прямого умысла на совершение преступления“. По мнению адвоката, Новодворская в своих статьях лишь высказывала свое мнение по поводу тех отрицательных качеств русского человека, о которых до нее заявляли Петр Чаадаев, Николай Гоголь, Александр Пушкин и Владимир Ульянов (Ленин). Кроме того, Резник считает, что следователь прокуратуры, назначая экспертизы, необоснованно предложил специалистам оценить тексты Новодворской целиком, вместо того чтобы попросить их проанализировать ее конкретные высказывания. Таким образом, утверждает адвокат, эксперты, а не следователи, выискивали в публикациях Новодворской состав преступления. Это, по мнению Резника, противоречит УПК России. В самом же постановлении о возбуждении уголовного дела не содержится конкретных высказываний Новодворской, а лишь выводы экспертов и общие фразы».

Из обращения, направленного Координационным совещанием правозащитных организаций в честь 20-летия Московской Хельсинкской группы в адрес Председателя Верховного Совета Республики Беларусь:

Обвинение поражает своей абсурдностью: в качестве пропагандистских материалов, преследующих цель посеять межнациональную вражду, фигурируют не листовки или плакаты ДСР, а статьи Новодворской, написанные в жанре художественно-публицистического эссе. Уголовно наказуемой становится литературная форма: сарказм, гротеск, стилистические фигуры, образность. Подсудными оказываются критические суждения о чертах русского национального характера, высказывавшиеся дотоле лучшими сынами России… Валерия Новодворская — убежденный антикоммунист и антифашист. Неприятие этих форм тоталитарной идеологии и практики она выражает во всех своих, в том числе и инкриминируемых ей, статьях. В свете этих обстоятельств привлечение Новодворской к уголовной ответственности не может быть расценено иначе как преследование по политическим мотивам. Свобода мысли и слова — фундаментальное право человека, главное завоевание демократических перемен в жизни России. Посягательство на него — тягчайшее нарушение Конституции Российской

Федерации и общепризнанных международно-правовых норм.

Обвинительное заключение по уголовному делу № 229120 обвиняемой Валерии Ильиничны Новодворской

Настоящее уголовное дело возбуждено 27 января 1995 года помощником Генерального прокурора РФ по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. 71 ч.1 и ст. 74 УК РСФСР. Поводом к возбуждению настоящего уголовного дела послужили выступления В. И. Новодворской в период 1993–1994 годов в средствах массовой информации, в которых она неоднократно допускала высказывания, унижающие национальную честь и достоинство граждан, способствующие возбуждению национальной вражды и розни, а также пропагандирующие идею войны. Проведенным по делу предварительным расследованием установлено следующее: в опубликованной в городе Москве еженедельной газете «Новый Взгляд», за номером 119 от 28 августа 1993 года, являющейся приложением к газете «Московская правда» и распространяемой среди массового читателя, в том числе и по подписке, Новодворская В. И. в своей статье «Не отдадим наше право налево» умышленно унижала национальную честь и достоинство русского населения Латвии и Эстонии, пропагандировала идею о неполноценности по национальному признаку путем утверждений о том, что русских «нельзя с правами пускать в европейскую цивилизацию. Их положили у параши, и правильно сделали».

В статье «Россия № 6», опубликованной также в городе Москве и в той же газете за номером 1 от 15 января 1994 года, ею, В. И. Новодворской, умышленно унижается честь и достоинство русских путем утверждения «о маниакально-депрессивном психозе» как неотъемлемой черте русского характера, определяющей всю историю русского народа.

В интервью эстонским корреспондентам, показанном в публицистической передаче эстонского телевидения «Pikapaevaruhm» 6 апреля 1994 года и затем опубликованном в газете «Молодежь Эстонии» за номером 8 от 9 апреля 1994 года, русским приписываются такие черты характера, как «леность, бедность, бесхребетность, рабство», пропагандируется тем самым их неполноценность по национальному признаку.

Во всех материалах, подготовленных и подписанных В. И. Новодворской, она, опираясь на тенденциозно подобранные факты и измышления об образе жизни, исторической роли, культуре, нравах и обычаях лиц русской национальности, путем

необоснованных выводов и ложных логических посылок, умышленно воздействовала на познавательный компонент социальных установок широкой аудитории и на этой основе, влияя на ее эмоционально-оценочные отношения к проблемам межнациональных отношений, формировала негативное отношение к гражданам русской нации и ее представителям, пропагандируя их неполноценность по признаку отношения к национальной принадлежности, унижая их национальные честь и достоинство, целенаправленно возбуждая межнациональную вражду и рознь, способствуя ухудшению межнациональных отношений на внутри— и межгосударственных уровнях.

Таким образом, В. И. Новодворская совершила преступление, предусмотренное ч.1 ст. 74 УК РСФСР. 09 апреля 1996 года вынесено постановление о прекращении уголовного дела в части, касающейся ст. 71 УК РСФСР.

Привлеченная и допрошенная в качестве обвиняемой Новодворская свою вину в предъявленном ей обвинении по ч.1 ст. 74 УК РСФСР не признала и показала, что Уголовный кодекс не предусматривает ответственности за критическое отношение к политическому, моральному и культурному состоянию собственного народа. Тем более что закон не запрещает критически анализировать собственную историю. Она подтвердила свое авторство статей «Не отдадим наше право налево» и «Россия № 6», опубликованных в еженедельном приложении к газете «Московская правда», «Новый Взгляд», в номерах 119 и 1 за 1993 и 1994 гг. соответственно.

Смягчающих и отягчающих вину Новодворской обстоятельств, указанных в ст. 38 и ст. 39 УК РСФСР, соответственно, нет. На основании изложенного Валерия Ильинична Новодворская, 17 мая 1950 года рождения, русская, уроженка города Барановичи, Брестской области, Белорусской ССР, образование высшее, не замужем, помощник депутата Борового, журналист, эксперт партии Экономической Свободы, прописана по адресу <…> обвиняется в том, что она совершила умышленные действия, направленные на возбуждение национальной вражды и розни, пропаганду неполноценности граждан по признаку отношения к национальной принадлежности.

В соответствии с правовыми нормами (ст. 207 УПК РСФСР) материалы «дела Новодворской» были направлены прокурору города Москвы.

Кроме того, В. И. Новодворская подтвердила факт ее интервью эстонскому телевидению. Говоря о содержании данных

статей и интервью телевидению, Новодворская в категорической форме отрицала наличие у нее умысла, направленного на унижение национальной чести и достоинства русских граждан, возбуждение национальной вражды или розни.

Однако вина В. И. Новодворской в совершении инкриминируемого ей деяния полностью доказана материалами настоящего уголовного дела. В заключении социально-психологической экспертизы указано, что из статьи «Не отдадим наше право налево» можно выделить суждения, прямо направленные на унижение и оскорбление национального достоинства отдельных народов. Так, говоря о русских в Эстонии и Латвии, Новодворская обвиняет «этих русских» в «лингвистической бездарности», «нытье», «тяге назад в СССР», «пристрастии к красным флагам». В рассуждениях Новодворской полностью отсутствуют какие-либо попытки исторического и политического анализа сложившейся в Прибалтике ситуации, которые могли бы помочь правильно ее понять.

Ярко выраженным образцом унижения и оскорбления национального достоинства русского народа является очерк Новодворской «Россия № 6», что также следует из заключения указанной экспертизы. Главная мысль этого очерка заключается в том, что Россия и русский народ четыре века живут в соответствии с закономерностями психического заболевания, которое известно как маниакально-депрессивный психоз. Более того, это заболевание стало якобы «национальным характером». В социально-политическом плане маниакально-депрессивные признаки выражаются в том, что народ перед сильной властью выполняет роль «презренных рабов», а перед слабой превращается в «разнузданных анархистов, разбойничков, воров…» и т. п. Однако основной смысл этой «концепции» заключается в утверждении, что в течение всей истории русский народ воевал, лишь выражая «нездоровую агрессию маниакала».

Допрошенный в качестве эксперта Рощин С. К. в полном объеме подтвердил проведенную им социально-психологическую экспертизу, частично приведенную выше.

Из заключения социологической экспертизы следует, что Новодворская пишет в своей статье «Не отдадим наше право налево» о русских как о «жалких, несостоятельных в духовном плане; трусливые, они спят у параши и никаких прав не имеют». По мнению Новодворской, «право — понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая или ты право имеешь… Гражданские права существуют для людей просвещенных, сытых,

благовоспитанных…» В этом отгадка названия указанной статьи.

Допрошенный в качестве свидетеля Додолев Е. Ю. показал, что до января 1995 года являлся главным редактором газеты «Новый Взгляд», и подтвердил факт опубликования в этой газете статей Новодворской, причем инициатива публикаций исходила от нее самой.

Таким образом, вина Новодворской в совершении ей преступления, предусмотренного ч.1 ст. 74 УК РСФСР, предварительным следствием доказана в полном объеме предъявленного обвинения. В ходе предварительного расследования изучалась личность Новодворской. Установлено, что 5 декабря 1969 года она арестовывалась УКГБ по городу Москве и Московской области с предъявлением ей обвинения по статье 70 УК РСФСР и определением Московского городского суда от 16 марта 1970 года от уголовной ответственности освобождена с направлением на принудительное лечение в психиатрическую больницу. Согласно акту № 199 ГКБ им. Кащенко от 25.09.90 года Новодворская признана вменяемой, диагноз «шизофрения» отвергнут. Кроме того, Новодворская неоднократно подвергалась административному наказанию. По месту жительства характеризуется в целом положительно. На учете в наркологическом диспансере не состоит. Наблюдается в психоневрологическом диспансере № 7, однако допрошенный в качестве свидетеля участковый врач-психиатр ПНД № 7 В. В. Малюк пояснил, что Новодворская в настоящее время находится в состоянии стойкой ремиссии и он не считает необходимым проводить какое-либо ее обследование.

Смягчающих и отягчающих вину Новодворской обстоятельств, указанных в ст. 38 и ст. 39 УК РСФСР, соответственно, нет. На основании изложенного Валерия Ильинична Новодворская, 17 мая 1950 года рождения, русская, уроженка города Барановичи, Брестской области, Белорусской ССР, образование высшее, не замужем, помощник депутата Борового, журналист, эксперт партии Экономической Свободы, прописана по адресу <…> обвиняется в том, что она совершила умышленные действия, направленные на возбуждение национальной вражды и розни, на унижение национальной чести и достоинства, пропаганду неполноценности граждан по признаку отношения к национальной принадлежности. В соответствии со ст. 207 УПК РСФСР настоящее уголовное дело подлежит направлению прокурору города Москвы. Обвинительное

заключение составлено 26 апреля 1996 года.

С. Г. Иванов, начальник следственного отдела прокуратуры Северо-Восточного административного округа

Заявление Русского пен-центра

Русский пен-центр, международная писательская организация, защищающая права писателей и журналистов в независимости от их политических убеждений, ознакомился через общественных защитников Аркадия Ваксберга, Льва Тимофеева и Александра Ткаченко с обвинительным заключением по уголовному делу № 229120, в котором Новодворская Валерия Ильинична обвиняется в совершении преступления, предусмотренного частью I УК Российской Федерации. Поводом для возбуждения дела послужили выступления В. И. Новодворской в период с 1993 по 1994 год в средствах массовой информации, где ею якобы «неоднократно допускались высказывания, унижающие национальную честь и достоинство граждан, способствующие возбуждению национальной вражды и розни, а также пропагандирующие идеи войны».

Согласно Хартии Международного пен-клуба, писатель или журналист, который в своих произведениях призывает к войне и разжигает межнациональную рознь, не может рассчитывать на защиту Международного пен-клуба, если он привлекается за это к уголовной ответственности.

Однако именно потому что Русский пен-центр не усматривает в художественных произведениях Новодворской выдвинутых обвинений и, более того, убежден в том, что дело Новодворской сфабриковано с целью дискредитации одного из основных прав человека на свободу слова и творчества, Русский пен-центр считает своим долгом выступить в защиту Валерии Новодворской. Во всех своих материалах Валерия Ильинична Новодворская предстает перед нами как яркий, талантливый художник с явно обостренным, гиперболизированным чувством боли и страданий за народ, частью которого она себя ощущает. Все претензии к ней, связанные якобы с оскорблением русских, России, Родины, абсолютно необоснованны. Обвинители забывают о праве на свободную критику. Считаем необходимым напомнить слова Виссариона Белинского о том, что «тот, кто любит свою Родину, тот особенно ненавидит ее недостатки».

Мы не будем вдаваться в подробности тех литературных форм и приемов, которыми так блистательно владеет Валерия

Новодворская, но мы хотим сказать о том, что процесс над Новодворской из процесса над художественным словом в мгновение ока превратился в политический процесс.

Мы считаем, что дело Новодворской — очередной пробный камень в попытке наступления национал-большевизма и коммунистов на интеллигенцию, которая не может представить себя без права на самовыражение. Методы фабрикации дела Валерии Новодворской заставляют нас вспомнить политические процессы недавнего тоталитарного прошлого, инспирировавшиеся тайной полицией 5-го идеологического отдела КГБ.

Мы требуем немедленного прекращения уголовного преследования Валерии Новодворской и возбуждения уголовного дела против тех лиц, кто посягнул на основные права человека.

От имени писателей Русского пен-центра
вице-президент Аркадий Ваксберг,
генеральный директор Александр Ткаченко,
член исполкома Лев Тимофеев

Открытое письмо Комитета защиты журналистов

Нью-Йорк, 11 октября 1996 г.
Его превосходительству
Президенту России Борису Ельцину

Ваше превосходительство!

Комитет защиты журналистов выражает свою глубокую тревогу в связи с судебным процессом против журналистки и политического активиста Валерии Новодворской, обвиняемой по статье 74 Уголовного кодекса Российской Федерации за разжигание межнациональной розни и унижение достоинства русской нации.

Предполагается, что приговор будет оглашен 14 октября в Московском городском суде. Обвинения против Новодворской вытекают из ее публикаций в российской и эстонской прессе в 1993–1995 годах. В обвинении, в частности, приводится цитата из статьи Новодворской, в которой она называет русских, проживающих в Латвии и Эстонии, «ленивыми и бесхребетными». Если Новодворская будет признана виновной, ей грозит лишение свободы сроком до пяти лет или штраф в размере 23 минимальных месячных окладов в России. Новодворская — бывший сотрудник еженедельников «Новое время» и «Столица», а также автор многих статей в диссидентских газетах.

Комитет защиты журналистов, защищающий права журналистов во всех странах мира, осуждает практику привлечения к суду журналистов за то, что они пишут в своих статьях. Обвинения, выдвинутые против Новодворской, ограничивают ее право на «поиск, получение и распространение информации и своих мыслей в прессе независимо от границ», что гарантировано Всеобщей декларацией прав человека. КЗЖ настоятельно просит Ваше превосходительство сделать все, чтобы обвинения против Новодворской были сняты и она могла свободно продолжать свою профессиональную деятельность.

Благодарю Вас за внимание, в ожидании Вашего ответа

Уильям А. Орм,
исполнительный директор

Раздел II. Год 1993

Здесь колонки Новодворской, которые я без какой-либо редактуры счел возможным напечатать в «Новом Взгляде» в 1993 году и из-за которых получал предупреждения из Минпечати и угрозы от оскорбленных тональностью текстов Валерии; юридические последствия наступили лишь в следующем году.

Возложите на время венки

Бесконечно жаль, что на первом и последнем представлении «Пастыря» Михаила Булгакова в соавторстве с Сергеем Кургиняном в том МХАТе, который достался Татьяне Дорониной, было мало нигилистов, инсургентов и демократов. Как всегда это бывает, «в праздной суете» на спектакль пришли «однообразные не те»: почвенники, государственники, консерваторы и реакционеры. Они ничего не поняли в этой мистерии русской Судьбы и реагировали только на примитивные раздражители, совсем как инфузория туфелька: впадали в экстаз и ожесточенно хлопали, когда видели спускающиеся с потолка любимые красные флаги, а звуки священного советского гимна исторгали из их груди прямо-таки рыдания. Да, много было званых, но мало было избранных. Останкинская красная капелла не годится в зрители для страшного и величественного сеанса черной и белой магии, поставленного не столько режиссером Сергеем Кургиняном, сколько жрецом, имеющим в наш бездумный, легкомысленный и светский век худо-бедно великую сакральную идею. Спектакль был поставлен не для друзей, но для врагов, но только для настоящих врагов, смеющих поднять перчатку, а не для зайцев, которые два месяца подряд оглашают страницы демократической прессы дикими воплями грешников, попавших невзначай на адскую сковородку и всерьез считающих, что демократии погибают от театральных спектаклей, а не от тех тенденций и бездн, которые обнажают подобные спектакли. «Московские новости» даже договорились до того, что спектакль явился вместе с режиссером непосредственно из ада. В таком случае запрет спектакля — плохая пентаграмма, она не спасет демократического страуса, прячущего голову под мышку, чтобы ничего не видеть и не слышать. Спектакль предназначался для нас, разрушителей и антисоветчиков. Слава богу, я на нем была, и я могу поднять перчатку, зная, «что ныне лежит на весах и что совершается ныне». Я в восторге от этого спектакля, я поняла, почему его поочередно запрещали Сталин, Хрущев и нынешние псевдодемократические власти, и я могу сказать, что этот спектакль меня не испугал, хотя и должен был бы. Почему? Спектакль — сплошная поэзия, и ответ тоже будет в стихах:

И как я люблю эту гибель мою,
Болезнь моего песнопенья!
Как пленник, захваченный в быстром бою,
Считает в ему неизвестном краю

Знакомые звезды, так я узнаю
Картину созвездия, гибель мою,
Чье имя — как благословенье.

Ольга Седакова

В этом спектакле есть тайна России, ее мучительной противоречивой истории, раздираемой надвое Западом и Востоком. Михаил Булгаков понял тайну русской власти, и Сталин не мог позволить ему ее показать широкому зрителю, ибо в пьесе «Батум» есть смертный приговор и сталинизму, и СССР. А Хрущев, который не кончал не только пажеский корпус, но даже и семинарию, и вообще был прост как грабли, не мог позволить показывать на сцене Сталина, потому что боялся его не только живого, но и мертвого. А нынешние власти боятся всего: Сталина, свободы, демократии, народа, интеллигенции, Кургиняна, Запада, самих себя. Что же происходит на сцене? На ней есть три главные группы персонажей: волки, овцы и пастыри. Овцы веруют и дают вести себя, куда — сами не знают, они составляют и революционные массы, и обывательский внутриимперский контингент. Волки-ницшеанцы приходят, «чтобы соблазнить многих из стада», они разрушают государство дотла. Пастыри государство воссоздают и казнят волков, пока они в силах это делать. В спектакле встречаются молодой волк, Иосиф Джугашвили, и опытный, поживший пастырь, Иосиф Виссарионович Сталин. Они враги во времени и над временами. У Сталина другие друзья и соратники, такие же пастыри, как он: Николай II, жандармский полковник, ректор семинарии, выгнавший молодого Сосо… В золотом киоте, касающемся чуть ли не колосников, киоте Империи, вечной и проклятой нашей Империи, горят две свечи в память о том, что два Рима пали: Российская империя и СССР. Почва, впитавшая в себя пролитую кровь, надменная и бесплодная почва Империи, взыскует о новом Риме, о Третьем… Но здесь и кончается сходство со льстивой формулой, придуманной нищими византийскими монахами, подбиравшими лакомые объедки со стола великих князей московских: «Четвертому не бывать». Третий Рим тоже падет! И Четвертый, и Пятый! Пока жива русская интеллигенция, не переведутся Уинстоны Смиты, которые в самом сердце тотального государства будут ненавидеть Большого Брата, и не всех удастся сломать в комнате 101, мы за семьдесят лет таких комнат насмотрелись! Мы не дадим пастырям спокойно пасти овец. Волк не может, не должен иначе! Идет XIV модернизация, XIII и все двенадцать до нее провалились. Это ни о чем вам не

говорит? Мы не удовольствуемся своей азиатской долей! Нынче по небу Солнце нормально идет, потому что мы рвемся на Запад! Это мы, антисоветчики и нигилисты, разрушили СССР, потому что возненавидели всей душой его неправедность, а Ельцин, Назарбаев и Кравчук послужили только негодным орудием нашего промысла, ибо достанься дело разрушения в наши руки — мы бы пошли гораздо дальше. России не дано, может быть, получить легко и даром даже сейчас статус и ментальность европейской державы, но какой бы ценой нам ни пришлось оплатить наш билет в Европу, куда мы рвемся четвертый век, мы за ценой не постоим. Западники-волки всегда составляли у нас меньшинство, исчезающе малое, но его хватало на то, чтобы обратить в прах усилия государственников и реакционеров и обрушить очередной Рим. Чем обрушить? В спектакле есть центральная баллада о политкаторжанах, вечно бредущих на Северо-Восток, в направлении Колымы и Магадана. В России есть некий Ветер Свободы, и он вечно раздувает пламя, которое пожрет любой Рим.

Вейте, вейте, ветры ледяные,
Заметайте снежные гроба!
В этом ветре вся судьба России,
Страшная, безумная судьба.

Спектакль играют молодые актеры, играют исступленно, одержимо, иначе кургиняновские мистерии не сыграть. Его поставили за 14 дней, Доронина на генеральной была очень довольна, а после премьеры она позвонила министру культуры и проворковала: «Или театр получит 27 миллионов дотаций, или этот сталинистский кошмар будет у меня идти». 27 миллионов были выплачены сполна. Доронина продешевила, как все, кто требует за идеалы тридцать сребреников. А вот министр культуры переплатил, даром потратил казенные денежки: можно отменить спектакль, но нельзя отменить русскую историю, от нее не откупишься 27 миллионами. Нынешняя власть, подавшая коммунистическому съезду голову Егора Гайдара на блюде, хотя Илья Константинов пляшет гораздо хуже Саломеи, способна только запятнать идею демократии — таких врагов никто не станет уважать. Но есть, слава богу, мы. Это мы, разрушив СССР и сжигая на площадях его красные флаги, пригласили на ужин Командора. И когда мы услышим его шаги на улицах и площадях — скрежет танков и отблеск штыков, — мы не полезем под кровать, как это, видимо, сделают министр культуры, Татьяна Доронина и все критики, вслух радующиеся запрету спектакля.

Мы спокойно подадим Командору руку и скажем, что готовы. Наш немногочисленный Запад всегда готов пойти на Северо-Восток или к ближайшей стенке, и это залог того, что Россия Востоком не будет, ибо у нас, западников, тоже есть сакральная идея, и это не супермаркеты и не яичница с ветчиной. Наша сакральная идея — это свобода, это либерализм, это то, что в Европе уже мхом поросло, но для нас вечно юно. Нам говорят, что России этого не дано, что мы зря стараемся. Не Сергею Кургиняну аргументировать на уровне: это безнадежно. Его можно побить его предыдущим спектаклем, «Гамлетом», который тоже нигде не идет («Я всеми признан, изгнан отовсюду»). В этом спектакле мертвый король объясняет, почему западники в России не успокаиваются с Иоанновых времен, — и что из того, что король там большевик, а не западник, если речь идет об алкании Несбывшегося:

Летели дни, неслись года,
Он не смыкал очей,
О, что гнало его туда,
Где вечный лязг мечей,
О, что гнало его в поход, —
Вперед, как лошадь — плеть,
О, что гнало его вперед
Искать огонь и смерть.
И сеять гибель каждый раз,
Топтать чужой посев…
То было что-то выше нас,
То было выше всех.
Гони коней, гони коней!
Богатство, смерть и власть,
Но что на свете есть сильней,
Но что сильней, чем страсть.
Враги поймут, глупцы простят,
А кто заучит роль,
Тот страстотерпец, тот солдат,
Солдат, мертвец, король.

Иосиф Бродский

А преследовать театр Сергей Кургиняна — это все равно что пенять на зеркало. Российская история — это сплошная суета и сплошная казнь. То государственники казнят революционеров, то революционеры швыряют бомбы в государственников, а придя к власти, ставят их к стенке. При таких взаимоотношениях

пастырей и волков страдают безвинно и овцы. Это их убивают в гражданских войнах, это их дома сгорают во все мятежи. Мы, дээсовцы, первые в русской истории волки, которые не собираются пользоваться своими клыками. И будущий Третий имперский Рим мы уничтожим своей, а не чужой кровью, ибо Империя, пролившая кровь, призывает на свою голову чашу Святого Грааля и всех рыцарей будущего Круглого стола. Она обречена. Кому ставить памятник в русской истории? Николаю II? Жертвам его Кровавого воскресенья? Зиновьеву и Каменеву? Тем, кого они послали на казнь? Русская история — сплошная гражданская война, а в ней не бывает победителей и побежденных. Можно поставить только памятник самой истории, самому этому ледяному ветру. Собственно, спектакль как раз такой памятник и есть, памятник и прошедшему, и настоящему, и грядущему:

Возложите на Время венки.
В этом вечном Огне мы сгорели.
Из жасмина, из белой сирени
На Огонь возложите венки.

Андрей Вознесенский

Из ристалища — на позорище

Когда-то, в очередном пароксизме евразийства, славянофильства, почвенничества, фундаментализма или еще черт знает чего, славные предшественники наших «новых правых», «старых правых», «Памяти», Национальных соборов и неприсоединившихся империалистов всех фасонов и расцветок решили не только отказаться от иностранных кушаний, манер, теорий и импортных товаров, но и перейти на чисто славянскую речь. Тогда один крупный лингвист, умница и насмешник, перевел им на будущий новояз банальную фразу: «Франт идет из цирка в театр по бульвару в калошах». И получилось следующее жуткое изречение: «Хорошилище грядет по гульбищу из ристалища на позорище в мокроступах». Попытки вернуться к истокам в родном языке были временно оставлены. Но я имею в виду совсем другой сюжет. А ссылку на первоисточники пришлось сделать, дабы избежать прямого перевода. Речь пойдет о злополучной идее прав человека, которая в последние годы в буквальном смысле слова пошла из ристалища безнадежных, но славных политических процессов (где диссидентские Дон Кихоты с медными тазиками на голове пытались в одиночку сразить великанов Системы и получали за это чувствительные наказания) на позорище общественной пошлости и общественного равнодушия. Я это все говорю по поводу грандиозного телемарафона «Новой студии».

Называлось все это «моралите» «Шаг к свободе». И это было гораздо хуже, чем у Владимира Ильича «Шаг вперед и два шага назад», потому что все шаги были мимо и в сторону. Хотя передача была декларирована как правозащитная, ни один нормальный диссидент на нее не пришел, памятуя о жанровых особенностях советских новых и старых студий и руководствуясь убеждением: «Из Галилеи может ли быть что доброе?» И, как выяснилось, не ошибся, потому что права человека и советское телевидение — две вещи несовместные. Я же по наивности и из-за неистребимой жажды просветительства попалась в эту ловушку, забыв, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. То, что худо-бедно смотрелось в пресс-клубе, где весело тусуются свои люди — зубастые и циничные профессионалы, — в правозащитной передаче приобрело отчетливые формы глумления как над человеком, так и над его правами. Во-первых, был отлично подобран состав участников: Сергей Бабурин, Олег Румянцев, Дмитрий Рагозин, про которых всем точно известно,

что они во глубине сибирских руд хранили гордое терпенье именно за идею прав человека, о которой впервые услышали от Глеба Якунина на съезде нардепов, за что его и побили в знаменитой драке у хасбулатовского подножия. Причем и Бабурин, и Румянцев понимают права человека очень своеобразно, им Декларацию этих самых прав никогда не приходилось открывать, в отличие от Гдляна и Калугина, которые были обязаны хотя бы давать отпор идеологическим противникам. Сергей Бабурин говорил о праве человека на Империю, а Олег Румянцев — об аналогичном праве его же на Федерацию. Последний ухитрился даже пожертвовать 5 тысяч на «финансирование» федералистских тенденций в Чечне и Татарстане. Очень пикантно было свалить эти пять тысяч в общий стеклянный аквариум пожертвований на «права человека». Недоставало только, чтобы встал какой-нибудь чеченец и бросил от себя пять тысяч на «сепаратизм», вот был бы общий котел правозащитного капитала, и как бы несчастные устроители этой абракадабры делили потом собранные средства между сепаратистами и федералистами и кого бы обвинили во вмешательстве во внутренние дела суверенной Чечни — Румянцева, Конституционную комиссию, ВСРФ или «Новую студию»? Но сепаратисты оказались умней и не пожертвовали ничего, а пяти румянцевских тысяч не хватит даже на то, чтобы выделить по 30 сребреников каждому Иуде.

На стенке Останкинского концертного зала сияло золотой фольгой заглавие: «Шаг к свободе». Но, как известно, не все то золото, что блестит. Под заглавием на эстраде суетились эстрадные дивы, кто без юбочек, а кто без кофточек. Конечно, каждый человек имеет право ходить без юбки или без кофты, но желательно права такого рода защищать отдельно от политических прав — по крайней мере, так у правозащитников было принято. Один ансамбль, видимо символизируя нашу потребность в гласности, даже выступил в масках. Под громыхание литавр и всхлипы саксофона к аквариуму выходили сияющие спонсоры и бросали свою золотую рыбку, называя фирму погромче, чтобы все услышали и изумились. Здесь уместнее всего было бы вспомнить притчу о фарисеях, потому что Мамонтов и Третьяков, да и великая княгиня Елизавета пожертвовали побольше, чем нынешние 10 или 200 тысяч, однако на вернисажи не лезли и перед репортерами не позировали. В качестве кого же на это шоу пригласили меня, единственного правозащитника среди собравшихся? Видимо, в качестве коверного клоуна, чтобы позабавить телезрителей. По-моему,

даже следователи КГБ, допрашивавшие меня в тюрьме, больше уважали права человека, чем ведущие этого телемарафона. Они аккуратно вырезали весь мой текст, который не гармонировал с их золотыми блестками. Все то, что я по простоте душевной принесла в это капище. Слова о независимой и дерзновенной газете «Хозяин», которую за несколько дней до этого выбросили на снег, обрезав телефоны и украв ксерокс, выбросили именно за стойкость в демократии и либерализме, совершенно излишних для коммуниста-президента, коммуниста — премьер-министра и коммунистического съезда. Разговор о том, как российские власти продолжают подкидывать поленья в пожар грузино-абхазской войны, ублажая хунту военного преступника Шеварднадзе; о том, как 201-я российская дивизия помогла коммунистам Таджикистана, усиленным уголовниками, взять Душанбе и расправиться с исламской и демократической оппозицией, расстреляв сотни людей и раздавив гусеницами тысячи. О том, как Россия потворствует деспоту Исламу Каримову, пересажавшему всех диссидентов. Но на таком шоу это не прозвучало бы. Недаром с TV убрали «Взгляд». Замены ему нет. Ведущих больше бы устроило, если бы мы с Александром Кабаковым, которому тоже было явно не по себе, выкупались в шампанском. Пригласить правозащитника на роль букета в вазе! Чисто советское коварство. Права человека «Новая студия» поняла так же, как и советские идеологи 70-х годов. Право на труд, на отдых, на охрану материнства и детства и т. д. То есть чистая благотворительность. Но при чем здесь «шаг к свободе»? Ведь жертвовать на детские дома и в СССР никто не запрещал. Особенно красиво смотрелся сюжет, взятый из времен холодной войны. «Новая студия» решила на свой страх и риск возобновить борьбу с империалистами и публично обвинила западных усыновителей, спасающих от нужды и одиночества советских сирот, зачастую серьезно больных, в добывании дефицитных органов из живых советских младенцев (чем не дело Бей-лиса, обвиненного в заклании в ходе иудейского ритуала христианских детушек). С идиотской торжественностью устроители шоу объявили, что ввиду таких прецедентов ВС распорядился отдавать на Запад только больных детей (их не жалко?). И призвали спонсоров пожертвовать столько, чтобы спасти наших сирот от лап классового врага. То есть «советская малина врагу сказала: нет». После чего вся затея предстала не только глупой, но и провокационной. Не знаю, кто разрабатывал этот сценарий, но явно не ЦРУ. Скорее КГБ с Фронтом национального спасения в виде консультанта. Таким же манером, как меня, в мышеловку заманили двух серьезных бардов: Кочеткова и Мирзаяна. То, что

спел Кочетков, имеет прямое отношение к ближайшему будущему демократов в стране, где возможны подобные шоу: «Здесь не ножом из подворотни — на Красной площади убьют».

Мирзаяна обрезали беспощадно, но именно то, что вырезали, символизирует положение с правами человека и в России, и на телемарафоне: «У нас не только прав человека — у нас самого человека нет».

О, Запад есть Запад!

Как говорится, беда не приходит одна. Не успела несчастная Россия переварить старых правых (от Пуришкевича до Шафаревича), как завелись «новые правые». Это, кажется, последний гвоздь сезона. Откуда же к нам пожаловали евразийские гости? Поверхностные умы скажут, что с Запада. Тириар явно не из-под Костромы, да и остальные затейники говорят по-французски, а не по-нижегородски. Скажем, Ле Пен. Но ежели копнуть поглубже, этих евразийцев мы уже на своем веку повидали. С X века до н. э. Киммерийцы, скифы, сарматы, хозары, печенеги, половцы, монголо-татары, опричники, черносотенцы, большевики. Теперь вот евразийцы завелись.

Говорили же нам: «У тебя от сырости может плесень вырасти». Причем евразийцы (Александр Дугин и журнал «Элементы») утверждают, что у нас много общего. Мондиалисты-атлантисты, мол, все буржуи, скучные и заурядные. Обыватели, бюргеры и филистеры. Едят ананасы и рябчиков жуют. А евразийцы — ребята отважные, бескорыстные, собираются делать великие дела в крови по пояс. Вроде бы во всем дээсовском вкусе. А тут еще вышла в «Веке XX и мире» моя «Кастовая республика». Так бывший диссидент, а ныне смиренный затворник В. Ронкин до того на меня за эту статью обиделся, что прислал в редакцию письмо, что некоторых диссидентов и впрямь следовало удержать в психиатрических застенках, чтобы они такие статьи не писали. Приятно видеть, что иные бывшие правозащитники стали бдительней КГБ! А евразийцы прочитали, и им понравилось.

Видя такое родство душ, взяла я в охапку евразийские первоисточники и стала разбираться. Но дальше «Дня» и «Элементов» не пошла, потому что каждый раз после прочтения очередной статьи чувствовала себя, как шпион, вернувшийся с холода. Суммарное впечатление от евразийства у меня в плане живописи как от сочетания колорита Рембрандта и фактуры Иеронима Босха, а в смысле обстановочки мне сразу представился мрачный подвал, прикованный в углу скелет, под ногами — экскременты и человеческие черепа. И крапива. Как говорится о евразийстве у Бодлера: «Там раскинет паук паутину, и змеенышей выведет мать». А мондиализм у меня ассоциируется с калифорнийским пляжем. Машина у тебя самая модная, одежда — самая элегантная, проглотишь дюжину устриц (теперь вы поняли, что «Независимая» — мондиалистская газета!), запьешь

хорошим шабли, подпишешь договор с Голливудом об изготовлении для них нового сценария — и катайся себе на водных лыжах по морю-океану. Атлантисты, как наследники Эллады, очень любят плавать и часто дома, на своей вилле, имеют бассейн.

А евразийцы, похоже, опять погонят в фаланстеры. Мондиалист богат или собирается разбогатеть и трудится над этим денно и нощно, потому что бедным быть западло. Что же касается равенства, то мондиалист к нему равнодушен, потому что он вечный олимпийский игрок и жаждет всех обогнать. Когда я выяснила, что евразийцы боятся рынка и считают деньги порождением Ехидны, я подумала словами Щедрина: «Ну, затарантила таранта!» Как я где встречу этот сюжетик, то представляется мне одно и то же. Двадцать пятое. Первый день. ГУЛАГ. Карточки. Очереди. Красные флаги. Словом, сплошное величие. Идет война народная, священная война 76 лет кряду, а евразийцы предлагают повоевать еще. Мы, мондиалисты, можем позволить себе все. Даже бал-маскарад. Поэтому мы будем смотреть сквозь пальцы на евразийцев, которые в парижских кабачках и в римских тавернах пугают людей цитатами из Ницше, Гитлера и Эдички Лимонова. Европе свойственно подвергать сомнению все, вплоть до трех китов.

Ле Пен сетует на то, что его негры и арабы одолели. Какая злобная и тупая чушь! Мондиализм заключает всю Ойкумену в кольцо своих сияющих лучей. Запад — это братство Кольца. Пусть евразийцы читают Клиффорда Саймака, «Заповедник гоблинов». Там Земля стала полюсом Галактики, и в ее университетском городке гуляют обитатели разных планет, не то что черные или желтые, но даже жидкие и газообразные.

Америка — это подступы к этому миру будущего, когда Разум перешагнет через все «измы» и границы на свете. Мондиалисты добры. Это они еще в 20-е годы кормили через миссии АРА наших голодающих, это они основали Армию спасения, Лигу Наций, ООН и Корпус мира. Они сегодня бесплатно по Би-би-си передают развивающие программы на русском языке о современном бизнесе, чтобы взять нас в светлое царство капитализма. Мондиализм — это Жизнь, крылья птицы из «Фьоренцы» Томаса Манна, а евразийство — это злобный новый Саванарола, целящийся в эту птицу. Эта жизнь знает мощные приливы вдохновения и пафоса и прохладные отливы рационализма, она бьется над вечной загадкой бытия — и хохочет по дороге, и бежит

босиком по альпийским лугам. Евразийцы снова хотят выстроить нас в колонны под черными знаменами и поставить на колени перед новыми языческими алтарями, где будут приноситься человеческие жертвы. И что-то они подозрительно спелись, Анпилов, Проханов, Бакланов, Дугин. Мы не хотим больше ни черных мундиров, ни красных знамен. Евразийцы и над Черным морем готовы воскликнуть, как чекистский палач из баллады Галича:

Ах ты, море, море Черное!
Ты какое-то верченое-крученое,
На Инту тебя свел за дело б я,
Ты из Черного стало б Белое.

Евразийцы бы все стихии загнали в барак. Теперь я поняла смысл скандинавских мифов. Злой волк Фенрир, привязанный у бездны, который вырвется в час Рагнаради перед концом мира, — это евразийство. Ничего, нам к безнадежным битвам не привыкать! Дон Кихот был мондиалист. Россия евразийцам не достанется. По пятницам здесь не подают. Она, как подсолнечник, поворачивается к солнцу мондиализма. И пусть учтут это Ирак, Куба, Корея и Китай. «Как ныне сбирается вещий Олег отмстить неразумным хозарам…»

Мой любимый мужчина

Хочу сразу оговориться, что не мыслю и никогда не мыслила для себя плотской любви. Настоящая любовь — это мужская дружба и человеческое восхищение, и ведет она не к браку и не к адюльтеру. Любовь призвана ответить на один-единственный вопрос: с кем ты хочешь вместе сражаться и умереть? У меня таких людей сразу двое, и оба они не от мира сего.

Один из них красив, как первый любовник в «Комеди Франсез», благороден, как английский лорд, свободен, как Робин Гуд, храбр, как все четыре мушкетера, вместе взятые, а манеры у него, как у испанского гранда. Он мог бы быть генералом Бонапартом, но не захотел расстреливать свой Тулон: брать телебашню и парламент мятежной Эстонии в январе 1991 года. Он способен выстоять один против всего мира и одинаково хорошо владеет истребителем, автоматом, арабским скакуном, словом и пером. В своей крошечной стране, стиснутой с двух сторон глыбами российской имперской сверхдержавы, не признанный никем, кроме ДС, он никому не покоряется и ни о чем ни у кого не просит. Наоборот, он оказывает покровительство: дает убежище и помощь президенту Грузии, предлагает Ландсбергису вышвырнуть с его территории советские войска, готов разгонять коммунистический съезд нардепов в РФ, на что не хватило мужества у Бориса Ельцина. Он рожден свободным и умрет свободным. Вы догадались, что это Джохар ДУДАЕВ, капитан Немо наших дней, а его Чечня — это Наутилус, орудие мщения жестокой Российской империи, или зеленый Шервудский лес.

Второй благороден, незащищен и чист и сочетает мудрость большого ученого, талант писателя и стойкость страстотерпца с доверчивостью ребенка. Это король Матиуш наших дней. Он всю жизнь боролся с коммунизмом и освобождал от него свою маленькую страну. Он вечный диссидент, прошедший тюрьмы, пытки, каторгу. Получив власть, он отказался уплатить за вход — зарезать маленького царевича, что делает почти каждый президент, и сегодня, после 40 лет борьбы, он не устал бороться. Он остается капитаном и на горящем корабле и скорее пойдет на дно, чем спустит флаг. Это Звиад ГАМСАХУРДИА, хранитель грузинской мудрости и грузинской чести.

Моя шпага принадлежит им, и я всегда составлю им

компанию, ибо они готовы умереть, чего в России уже не дождешься.

Доктор Фауст и душа Запада

Легенда о Фаусте — это, по Шпенглеру, ключевая тайна, Святой Грааль западной цивилизации. А так как Россия — все же Запад, хотя бы в силу вечной страсти и вечной тоски по этому своему Несбывшемуся, то, анализируя старинную легенду, мы познаем себя. Cognosce te ipsum — познай триаду Фаустов: Фауста Кристофера Марло (XV в.), Фауста Гёте (XVIII в.) и Фауста Байрона («Манфред», XIX в.). Фауст Кристофера Марло, как водится, хочет познать то, что не позволительно знать доброму христианину. Для того чтобы это познать, нужно вступить в сделку с тайными силами. Для того чтобы охватить этот второй полюс, черный полюс, нужно отдать свою душу. И он не считает это слишком высокой ценой, он отдает душу Дьяволу. Мефистофель Марло — это не веселый хулиган, которого мы видим у Гёте. Мефистофель XV в. — Люцифер, Денница, владеющий тайной истиной и дающий ее немногим. И это Мефистофель отдает Фаусту вторую, черную половину бытия. Но ужасно то, что, как выясняется, черная и белая половины не соединены. Плоды познания Добра и Зла и плоды Жизни не растут на одном древе. Надо выбирать. Трагедия Фауста, по Кристоферу Марло, заключается в том, что свободы нет нигде: ни у Бога, ни у Дьявола. Бог блюдет свое, Дьявол — свое. Добро не хочет знать Зла, Зло не хочет знать Добра. Немыслимого соединения их по формуле Зинаиды Гиппиус хотел Фауст.

Концы соприкоснутся,
Проснутся «да» и «нет»,
И «да» и «нет» сольются,
И смерть их будет свет.

Это космический свет вечности, запретный для земнородных. Фаустовская душа Запада хочет невозможного — хочет луну с неба.

Фауст XVIII века, Фауст Гёте, — это более зрелый Фауст, потому что три века западной цивилизации — это как три печати той страшной книги, которую раскроют в день Страшного суда. Вместе с Фаустом созрело и его терзание, терзание невозможности вместе со всей своей сущностью, не поступаясь ничем, проникнуть в вечное. Загробное знание и загробное блаженство, Ад и Рай и девять сфер — заживо, до конца света,

индивидуально. Западная ментальность — это ментальность конквистадора, завоевателя, торжествующего над миром. Повергнуть природу ниц, даже не постичь, а победить — вот задача № 1 для фаустовской души. Если буддизм терзается невозможностью отрешиться от личности, от сущности, чтобы войти в Единое, то мечтательная и дерзкая душа фаустианского Запада терзается другим. Здесь личность хочет попрать Единое, восторжествовать над ним. Гёте создает вокруг своего Фауста сочувственно настроенную Вселенную, Вселенную-сообщника. И Бог, и Мефистофель — они как тренеры оттачивают дух Фауста, чтобы он не перестал терзаться недостижимым, не остановился, не бросил щита. Бунт человека — единственное развлечение, единственное зрелище, к которому приникла Вечность, и сама с собой (Бог и Дьявол у Гёте, как и у Булгакова, не антиподы, а сотрудники, даже сообщники) идет в пари, сама с собой бьется об заклад… Искушения здесь — олимпийское состязание, и за рекорды дают медали и от Сатаны, и от Всевышнего.

Когда Фауст впервые понимает невозможность своих устремлений, возникает тема самоубийства как высшего своеволия. Фауст ведь собирается испить смертную чашу не с отчаяния, а, так сказать, на радостях. «И вот я пью тебя душою всею во славу дня, за солнечный восход». Не у Достоевского, не у его программного героя Кириллова в «Бесах» впервые возникает этот мотив. Это мотив протестантской этики (Гёте в «Фаусте» создает манифест зрелого протестантизма), когда не Бог властен над человеком, а только человек властен над собой. Для протестантизма самоубийство — не грех. Это еще один способ нанести удар Вселенной, нарушить волю богов, давших тебе жизнь. Что ты на это скажешь, Мироздание? Я сознательно уничтожу твое творение, но не стану играть в твоем спектакле отведенную мне роль. Хлопнуть дверью и вернуть свой билет — это вполне по-карамазовски, но страшная сила протестантской этики, бремя Свободы калечит слабые души персонажей Достоевского и убивает их. Фауст же выносит все и идет дальше. Душа Запада — как закаленный дамасский клинок.

Фауст Гёте единственным пороком считает слабость, все остальное — не в счет. Нельзя уклониться от боя, даже если надо переступить через чужую жизнь (Маргарита, мирные старики из второй части, подвергнутые насильственной депортации и погибшие). Собственно, Фауст идет по трупам. Эстетика Гёте через два эпизода дает нам предощущение фашизма как страшного абсолюта, а вовсе не извращения фаустианской души.

Сегодня кажущаяся непосредственность Запада, в сороковые заглянувшего в свою бездну, — это попытка отшатнуться от края, это боязнь своей жестокой и властной души. Даже в пасхальном перезвоне у Гёте нет мира. Там явственно звучит мотив исторического пробуждения человечества для осмысленных страданий, для осмысления бытия. Воскресение по Гёте — это некая эмансипация человеческого духа от первобытной спячки, от хаоса до сотворения личности. Не для мира пробуждается и воскресает в человеке христианин — для страсти и тоски. Дух человеческий — обоюдоострое оружие, кинжал, а выковывать это оружие на самого себя человеку помогает христианство. Совесть для фаустианской души — это благодетельная боль, и ее следует стремиться не облегчить, но усилить. Фауст не пророк, не аскет, ему не дано видеть и слышать ангелов и Бога. Запад в принципе отрицает йогу как самоограничение во имя познания. Но и своей кармой, кармой посредственности, Фауст удовлетвориться не хочет, ибо Запад отрицает предопределенность и храбро лезет из кожи вон. Не всем дано хватать звезды с неба, но ведь хочется схватить прямо горяченькую? Фаустианство — это культура, где ни один сверчок не знает своего шестка, где все сверчки без шестков.

Для Запада вначале было Дело, а не Слово — назвать и не постичь реальность, но ее преодолеть. Евангелие от Иоанна не для Запада писано… Фауст — отъявленный протестант, и мы узнаем из его монолога («…я шлю проклятие надежде, переполняющей сердца, но более всего и прежде кляну терпение глупца»), что душа Запада по сути своей антиобщественна и что настоящая жизнь фаустианского человека начинается по ту сторону отчаяния. Сартр скажет об этом прямо. Гёте сказал об этом косвенно.

Здесь при подписании кровью контракта с жизнью (о раздельном владении имуществом), то есть при заключении договора с Мефистофелем, становится ясно, что успокоение, отсутствие страданий — капитуляция. «Лишь только миг отдельный возвеличу, вскричу: мгновение, повремени, — все кончено, и я твоя добыча, и мне спасенья нет из западни»…

Но главная трагедия Фауста — не на небе, но на Земле. Этический монотеизм Запада, его вечное мессианство. Фауст вспомнил, на их беду, о людях. «Я все их бремя роковое, все беды на себя возьму». Фаустианская душа опьяняется крепчайшим

вином спасения человечества. А человечество пока живет, не подозревая, что Фауст сейчас начнет его спасать. Христианство Запада сурово. Оно не спрашивает у спасаемого разрешения, оно просто тащит его за шкирку на ослепительный, режущий свет, то Ад духа, который создает себе и другим фаустовское миссионерство. Фаусты, как пушкинские шестикрылые серафимы, вечно гоняются за объектами своего спасения, дабы «уголь, пылающий огнем», запихнуть-таки в их отверстую мечом Истины грудь. Спасение по Фаусту — почти вивисекция. Не всякий снесет бремя Голгофы, не всякий выдержит пытку Свободой и Истиной. Маргарита погибает, но этим фаустов не остановить. В конце концов Фауст постигает формулу своего проклятия, которое является спасением всей западной цивилизации: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой». Или еще более трагическое, бернштейновское: «Истина — ничто, движение — все». (Ведь целью была именно истина! А где она? На дне морском. И добродетель там же, и спасение человечества в тех же краях.)

В общем, крикнул ворон: Nevermore!

Эдгар По — это Фауст XX века. Наша фаустовская душа — хищник, ядовитый, как змий, и наивно-целеустремленный, как голубь. В западной цивилизации нет кротости. Тем хуже для маргарит. Прогрессоры никого не оставят в покое и всех соблазнят. Соблазн — наше послушание. Мы пришли в этот мир, чтобы «соблазнить многих из стада». Заратустре тоже приходилось убивать своих маргарит. Гёте и Ницше — звенья одной великой западной цепи.

Последний Фауст, Фауст Серебряного века, «Манфред» Байрона, несчастнее всех. Он не уверен в том, что Вселенная его видит и знает о его вызове. А вдруг она слепа и глуха, а вдруг не с кем бороться? Атеизм для фаустов хуже Ада. Как жить, если некому бросать перчатку? Для Фауста Байрона Вселенная пуста без Врага и без Битвы. Огонь и Воздух — любимая стихия Духа. Трагедия Манфреда — это трагедия глухого пожизненного каземата, где разбивают себе голову о стены из-за отсутствия столь необходимой кары за святотатство и ересь, ибо только под молниями богов, на Лобном месте для богоборцев Фауст, а вместе с ним и Запад способны ощутить грозную и мучительную полноту бытия.

Бремя вандалов

Я не буду советовать Вам, Володя, на уроках столь нелюбимой Вами эстонской литературы почитать Яана Кросса, потому что он сейчас, при Вашем настроении, пойдет Вам не впрок. Когда будете в следующий раз зевать на уроке, прочтите Киплинга:

Несите бремя белых,
Что бремя королей?
Галерников колодок
То бремя тяжелей.

Да, Британии и Киплингу было что нести в свои колонии: Великую хартию вольностей (с 1213 г.), Палату общин парламента (с 1265 г.). И тем не менее Британия и Киплинг, столкнувшись с героическим сопротивлением «туземцев», увидев, что на пути стоит не дикая орда, а Ганди, научились уважать своего врага, полюбили его и ушли, дойдя с помощью Киплинга до высокой истины, что право человека на свою землю священно, если этот человек готов ее защищать ценой жизни.

О, Запад есть Запад, Восток есть Восток,
И с мест они не сойдут,
Пока не предстанут небо с землей
На страшный Господен Суд.
Но нет Востока и Запада нет,
Где племя, родина, род,
Если сильный с сильным лицом к лицу
У края земли встает.

Но то Британия, Володя. А мы с Вами не в Британии рождены. Мы белые только по цвету кожи. Мы — вандалы, разрушившие Рим: в Чехии, Словакии, Югославии (которой уже, слава богу, нет, а есть веселый хоровод новых государств), в Польше, Венгрии, Эстонии, Латвии, Литве. Является ли дикость извинением? Надо ли прощать тем, кто не ведает, что творит? Является ли извинением Ваша молодость? Задачи советского империализма Вы формулируете грамотно, а Ваш кумир, Александр Невзоров, видимо, не вырос до сих пор, так что инфантильность вообще свойственна имперскому сознанию, и не

будем делать друг другу скидок. Тем более, что с автоматом так легко научиться обращаться, даже в «шестнадцать мальчишеских лет».

Кстати, о рабах. Письмо Ваше, Володя, пришло к нам не с каторги, не из барака, а из чистенького, игрушечного, андерсеновского Таллина, где Вы, как уроженец Эстонии, будете через два года иметь все гражданские права. Владея языком, Вы не встретитесь ни с одним барьером, кроме того барьера ненависти, которым Вы сами себя отделяете от чудесного мира, который мог бы стать Вашим. Вы любите, наверное, фантастические видеофильмы. Там супермены с космических кораблей сражаются с чудовищами с иных планет и создают Галактическую империю. Но в Эстонии Вы, начинающий супермен, столкнулись не с чудовищами, а с цивилизацией, превосходящей нашу собственную по уровню развития, мудрости, терпимости. Заметьте, Володя, что это не они на Вас бросаются, а Вы на них. Вы пишете, что чуть было не попали в эстонскую армию (двух лет не хватило). Ничего себе дискриминация! Вам, потомку завоевателей, доверяют честь защищать Эстонию! Надо быть очень черствым человеком, чтобы этого не оценить. За Вашей спиной, Володя, уже нет метрополии, и Вам не для кого Эстонию завоевывать. Московская орда слабеет, и для нее наступает Страшный суд. Я на эстонские спецслужбы не работаю и эстонским агентом не являюсь, однако Ваша (не моя!) советская армия в Эстонии, и то, что ее оттуда никак не выгонишь, — это моя непреходящая боль не меньше, чем для эстонцев. Вы слышали когда-нибудь об организации под названием ДС (Демократический Союз), которая еще в 1988 году вписала в свою программу пункт о дезинтеграции Советского Союза и освобождении балтийских государств от колониального гнета Вашей семьи и других аналогичных семей? У нас достаточный тюремный стаж за эти дела, достаточно хожено на митинги и отведано дубинок. Мы боролись с эстонцами, латышами и литовцами бок о бок. Языка мы не знаем, но порядочность понятна всем без перевода. В Латвии мы проводили свой II съезд ДС. Нам бесплатно дали зал, кормили, щедро поделились тем, чего в России к тому времени уже не было: своими глазированными сырками, своим шоколадом, своей ветчиной. В хрупком игрушечном Старом городе мы боялись дышать, боялись ходить, чтобы не поломать случайно эту блестящую драгоценную елочную игрушку чужой жизни, пробившейся даже под иноземным сапогом. Прибалты для нас родные, Володя. А вот Вы — чужой. И если Вы не перемените мнения, то Вы рискуете

никогда и никому не стать своим. И зря Вы обвиняете Горбачева и Ельцина (которых я люблю еще меньше Вашего) в том, что они добровольно отпустили страны Балтии. Вот уж в чем они неповинны! Но саблезубое имперское чудовище одряхлело, и три маленькие страны, истекая кровью, наполовину вырвались из его полупарализованных, но все еще железных лап. Как говорится, хоть видит око, да зуб неймет.

Вы знаете, Володя, я за свой патриотизм заплатила гораздо дороже Невзорова за последние 23 года (Невзоров в тюрьме не сидел, спросите у него сами, здесь он не сможет солгать), поэтому я Вам скажу то, чего Вы в его программах не услышите: лучше России погибнуть, исчезнуть с лица земли, чем заниматься созданием или удержанием Галактической империи.

Возможно, субъективно Ваши деды и бабушки были хорошими людьми, но это ничего не меняет. Немецкие парни в 1941 году, нас завоевывая, тоже ничего худого не думали: их учили в той же страшной школе тоталитаризма, что и Вас. И немецкие фрау, собиравшиеся заводить свое хозяйство на тучных землях Украины, тоже виноваты не были. Но и партизан тогда винить не надо. Никто не хотел умирать рабом на своей земле. Кстати, Володя, поскольку эта страна Вам так ненавистна, а работать по найму, не имея никаких других с ней отношений, кроме деловых, Вы по своему темпераменту не сможете, то почему бы Вам не вернуться в Россию? Если Вы, конечно, готовы сравняться в качестве жизни с тем псковским парнем. Но ведь любовь превозмогает все! Приезжайте и разделите с нами наши беды. Может быть, хлебнув лиха, Вы научитесь жалеть других. Эстонцев, например. Неблагодарность — тяжкий грех. Когда я ездила выступать в Снечкус, в Литву, где компактно живут русские, я видела там детский садик с бассейном, с печеночкой на обед, землянику на клумбах возле фабрики. Все это — дар Литвы, в России жители Снечкуса никогда бы этого не получили. Что не мешало им поносить Литву и литовцев (хорошо еще, что не все в этом участвовали). Да, Лысенко, Крылов и Белов — политзаключенные. Да, как правозащитник, я выступаю за их освобождение. Но сидят они за неправое дело. Я бы и гитлеровцев не карала после Второй мировой (из нелюбви к казням и застенкам). Но от этого они правыми не становятся. И до выведения войск из стран Балтии я на митинг протеста к эстонскому посольству не пойду. Невыведенные войска — незаконченная война. Да, Лысенко и Крылов — заложники. После окончания войны, после того, как последний оккупант покинет

землю Балтии, демократы России смогут позаботиться о заложниках. А сейчас, простите, недосуг. Надо спасать Эстонию, Латвию и Литву. Они такие маленькие! А СНГ — такой большой! Как пожалеть такого слона, который давит все на своем пути…

Что же до Вашего кумира, то я ему от души желаю снимать его программу, хотя мне она глубоко претит. Однако в его суперменстве я не сомневаюсь. А мы, бывшие политзаключенные, здесь большие знатоки и эксперты. За свои убеждения Александр Невзоров еще и мизинца себе не уколол. Он очень богат и собирает антиквариат. Так что на жертву режима он не тянет. Он всегда был на стороне сильных против слабых. Один его фильм о Литве обеспечил ему навеки репутацию человека, которому нельзя подать руку. Мало нужно мужества, чтобы с империей за спиной выступать на стороне танков против крошечной Литвы. Не мужское это дело — когда тысяча на одного. Поэтому я не уважаю Александра Невзорова. Он лихой парень, но петербургский ДС несколько лет назад на своих несанкционированных митингах его не видел. Выступать против власти, когда тебя за это не карают, — сомнительная честь. Спросите у своего кумира, где он был в 1988 году, что поделывал, чем прогремел? Конечно, Невзоров готов (на словах) пулю в Приднестровье схлопотать, ну да в этом мало будет чести. Ведь и гитлеровские солдаты в России полегли, и бандиты, идущие на мокрое дело, жизнью рискуют. ДС всегда дрался честно, и дрался против власти, и сейчас с ней в очень жесткой конфронтации. А до этого было Сопротивление. Не все стояли на месте в эпоху застоя, кое-кто и сидел. И эстонцы, кстати, тоже. Вы у них спросите. Они знают своих политзаключенных. Вы можете, конечно, обвинить меня в жестокости. Почему я Вас, бедного, гонимого, не жалею? Мне никогда не было жалко оккупантов. Мне не жалко тех, кто погиб в Афганистане. Они погибли за неправое дело и от собственной трусости, потому что не посмели не пойти на чужую войну. Мне жаль афганцев, которых они уничтожили.

Я всю жизнь расплачивалась с прибалтами за то, что натворили на их земле Ваши дедушки, бабушки, отцы — словом, Ваша семья.

Мысль о том, что придется расплачиваться еще и за Вас, мало меня вдохновляет. Поэтому письмо столь неприязненно. Вы пока не заслужили приязни ни русских, ни эстонцев. Не считая приязни колонизаторов из той общины, о которой Вы пишете.

Насколько я знаю эстонцев, они наложат на Вас единственное взыскание: не подадут Вам руки и не станут с Вами разговаривать ни на эстонском, ни на русском языке.

И здесь, Володя, Вам не помогут ни автомат, ни Невзоров, ни Витебская дивизия.

Что делать? Как жить?

Спросите у эстонцев. Но придите к ним с повинной головой.

Красная тоска

Для начала небольшой сюжетик.

В Гамбурге руководить органами безопасности назначили некоего NN. Местные «зеленые» раскопали кое-что из его деятельности и возопили: он был следователем СС, он отправлял в концлагеря антифашистов! Бундестаг произвел расследование и представил канцлеру результаты: следователь СС действовал согласно законам нацистской Германии; следствие велось в соответствии с фашистским законодательством; грубых нарушений не выявлено; оснований для увольнения нацистского чиновника с демократической службы нет.

А в Бонне, скажем, возник другой инцидент. Журнал «Шпигель» напечатал материал о пытках в концлагере Бухенвальд. Кстати, концлагерь отнюдь не закрыт, он действует, и с прежней администрацией, только крематории остановлены. Концлагерь используется как исправительно-трудовое заведение, политических там временно нет. Так вот, администрация Бухенвальда подала в суд на «Шпигель», доказывая, что применение пыток было юридически обосновано; работа газовых камер регламентировалась теми же правилами нацистской Германии, а администрация обязана была приказы выполнять. Дело о дискредитации концлагеря Бухенвальд пошло в суд; на суде выступили уцелевшие узники, рассказавшие о зверствах охранников, о печах и о пытках, которым лично их подвергли; приводились имена сожженных заживо; один антифашист демонстрировал выбитые зубы. Суд признал журнал «Шпигель» виновным в клевете и обязал его письменно извиниться перед администрацией концлагеря Бухенвальд.

Кстати, и президент объединенной Германии в прошлом — региональный деятель национал-социалистической партии Германии и управлял при Гитлере Баварией.

Что за сюр, вы спросите? Что за фильм ужасов? Нет, конечно, в Германии этого не произошло. Это картинка из жизни сегодняшней демократической России. Следователь СС — это труженик КГБ Черкесов, назначенный возглавлять МБР в Санкт-Петербурге, на совести которого немало диссидентов, попавших из его рук на суд и далее — в концлагеря.

Судебное дело против газеты и ее журналиста Майорова выиграл один из самых страшных застенков коммунистической системы — Орловская СПБ (спецпсихбольница), где диссидентов пытали так, что многие пошли бы в газовую камеру охотно и добровольно. Политзэк с выбитыми зубами — журналист Владимир Гершуни.

А президента вы все узнали — это Борис Николаевич Ельцин. И в этой вот обстановочке пройдет процесс гэкачепистов. Кстати, вы представляете себе Гиммлера, Геринга, Гесса, освобожденных союзниками из тюрьмы под подписку о невыезде до Нюрнбергского процесса? И чтобы Гиммлер и Геринг пошли на конгресс какого-нибудь Фронта спасения Германии от демократии — прямо из тюрьмы? Как это сделал поэт Осенев, то бишь спикер Лукьянов. (Роковая это должность — спикер. Просто проклятие над ней тяготеет! Как спикер — так активный большевик; я понимаю, что есть еще пассивные, но эти не так опасны. Кто понимает разницу между активными и пассивными гомосексуалистами, не в укор им будет сказано, тот должен понимать и разницу между пассивными и активными большевиками и признать, что пассивность в большевизме — это уже общественный прогресс для нашего безрыбья.) А можете вы себе представить, что перед Нюрнбергским процессом какой-нибудь германский Конституционный суд разрешил бы воссоздать низовые структуры нацистской партии и она собралась бы на съезд прямо в Берлине? А что такое КПСС, скажите на милость? Не преступная организация? Караул! Вокруг нас не мафия, это бы еще полбеды. Вокруг нас просто воровская малина. Не страна, а Двор чудес. Преступники сидят в парламенте (сколько там коммунистов из структур?).

Президент — тоже преступник. Суд преступен, медицина (психиатрия) преступна. Сразу возникает ряд вопросов. А судьи кто? А армия — кто? А почему так мало подсудимых? Где приставные стулья для палача Тбилиси генерала Родионова, палача Вильнюса Усхопчика? Для палачей Баку, для палачей-психиатров и гэбистов? Скамья подсудимых должна быть несколько длинней… Она в зале не уместится, ее придется поперек всей Колымы положить… Понаблюдав ситуацию в России и окрестностях, которую можно условно назвать «национальным примирением палачей и жертв», навязанным последним вопреки их воле, я поняла наконец причину неумолимой жестокости Нюрнберга и всех последующих судов над нацистами — без срока давности и без снисхождения к возрасту. Руководители союзнических армий Запада знали всегда то, что мы узнали

только сейчас. У человечества нет ни совести, ни нравственности, ни памяти, ни умения учиться на ошибках. Есть только страх, простейший, безусловный рефлекс. При уголовной нравственности это действует безотказно. И если люди не способны понять, почему нельзя отправлять евреев и инакомыслящих в крематории, то пусть не делают это из страха быть повешенными. Закрепить условный рефлекс, простейшую связь: крематорий — виселица. Когда Европа и Америка вколачивали нацистов на семь колен в землю, они заглушали в себе ужас перед самими собой: перед своими Мосли, Петеном и Лавалем, перед нацистами и коммунистами, перед черной стороной своего подсознания, перед будущими попытками начать сызнова. Нацистские партии на Западе запрещены; может быть, за них и проголосовали бы, да нельзя: их не пускают на выборы. А вокруг их шабашей — санитарный кордон, как вокруг зачумленных, а их издания приличные люди в руки не возьмут: побоятся остракизма. Попробуйте сегодня в Европе признаться в том, что вы кого-то пытали в концлагере, — пожизненное заключение вам обеспечено. Кто сегодня станет хвастаться там подвигами в частях СС? Зато у нас хвастаются приверженностью к идеалам коммунизма, зато следователь Вавилова Хват считает, что он был во всем прав, зато Пятый отдел КГБ растекся по другим подразделениям.

Когда-то нацисты были загнаны в свои крысиные норы и дышали через соломинку, хоронясь в камышах. В такое же положение следует поставить и руководящих коммунистов. Чтобы не смели оправдываться и оправдывать преступления против человечества. В Албании вдова Энвера Ходжи получила девять лет.

А в России мы что, должны задохнуться на общем гноище с коммунистами?

Да, мы не победили. Общество, простертое ниц, не вправе ничего требовать, оно не заработало и того, что ему бросили Горбачев и Ельцин. Какой Нюрнберг после поражения?

Но если победили они, зачем судить гэкачепистов? Пусть они судят нас за антифашизм. Тех диссидентов, которые еще не смылись. Хватит для процесса. Судите Владимира Гершуни, семью Подрабинеков, Льва Тимофеева, Сергея Григорьянца, меня, ДС, Константина Борового, Глеба Якунина, ПЭС. За то, что мы выжили, за то, что защищали идею демократии у Белого дома, за

то, что смеем вам напоминать о вашем поражении и о вашем позоре.

Лучше добрая гражданская война, чем такой худой мир. Но на гражданскую войну советские кролики не потянули. Не им судить и не им «вязать и разрешать». Спросите у тех, кто имеет право судить. У диссидентов, боровшихся с коммунизмом, у тех, кто имеет сроки, приговоры, антикоммунистический стаж. Я думаю, что Огурцов и Шафаревич в наших рядах — абсолютное меньшинство. Диссиденты — единственные победители. Им принадлежат по совести и власть, и право судить. Причем без всяких выборов. Или вы всерьез считаете, что мы пойдем оспаривать власть над вашими заячьими душами у Анпилова, Руцкого, Вольского, Стерлигова и Проханова? Не дождетесь, мои дорогие. Те, кто стоял у Белого дома на баррикадах, — единственные судьи для гэкачепистов. И судить их надо не по советским законам. Никакой Родине они не изменяли. За это надо судить не их, а меня. Они-то были верны делу социализма. Имейте мужество это признать. Нет! Здесь политический процесс. Судят социализм, коммунизм, КГБ, СА, тоталитаризм. Это правый суд. Но давайте без вранья. В отличие от Леонида Радзиховского я не боюсь правды. Итак, если вы хотите знать мой вердикт и мой сценарий нашего псевдо-Нюрнберга, могу перейти с поля эмоций на линию юридическую — минимальной самообороны.

1. Признать КПСС преступной организацией, а преступления коммунизма — преступлениями против человечества. Без суда: судьи сами коммунисты. Международный суд с участием диссидентов.

2. Запретить указом (не знаю, чьим только!) коммунистические и нацистские организации (все бесчисленные КПСС, ВКП (б), РКП, ФНС, Соборы, РОС, «Память»). Запрет означает только одно: нельзя участвовать в выборах (и избирать, и избираться). Митинги, собрания, выступления в СМИ, издание прессы этими организациями — без ограничений.

3. Запрет на профессии (в образовании, в управлении и в суде) для них же и для всех сотрудников V отдела КГБ и функционеров компартии, начиная с секретарей райкома. Прочая деятельность — без стеснений.

4. Открытие всех архивов КГБ, опубликование в печати имен всех стукачей.

5. Лишение дипломов врачей-психиатров, которые в ПБ и СПБ пытали диссидентов. Лишение их избирательных прав.

6. Лишение избирательных прав руководителей компартии и сотрудников V отдела КГБ.

7. Освобождение даже от минимального наказания тех коммунистов и гэбистов, которые сделали кому-то добро, кого-то спасали, смягчали репрессии, по рекомендации диссидентов.

Я лично не хочу кары ни для Ельцина, ни для А. Яковлева, и еще найдутся люди, которые сделали добра больше, чем зла.

8. Процесс ГКЧП — это лишь этап. Танки в Тбилиси, Баку, Вильнюсе — это было не лучше. Выдать для суда генералов Родионова, Усхопчика и руководителей рейда в Баку народам Грузии, Литвы и Азербайджана. В следующий раз армия будет думать, надо или не надо выполнять такой приказ.

9. Судить гэкачепистов не по УК, а за ввод танков в Москву, запрет газет, «Лебединое озеро» по телевидению и смерть ребят. А также за запрет митингов. Оправдать Стародубцева и Тизякова — это просто участники массовки, бедные советские кролики, взятые для ровного счета.

Тех гэкачепистов, которые покаялись, которые жалеют о своих действиях, оплакивают ребят (похоже, это Язов), отпустить, засчитав в наказание срок, что они отсидели. Присудить штраф, который они будут всю жизнь платить семьям погибших.

10. Тех, кто считает себя во всем правым, но танки в Москву не вводил (они ему не подчинялись), лишить избирательных прав. И отпустить.

11. Тех, кому подчинялись танки, но кто считает себя вправе давить ими людей, подвергнуть суду родственников погибших (кроме смертной казни, конечно). Освободить из тюрьмы, когда до них дойдет, что давить людей танками на улицах городов нельзя.

12. Все, что скажут гэкачеписты о Ельцине и Горбачеве, не принимать к сведению.

Но если и этого минимума не сделать, тогда не обессудьте: мы останемся врагами этого государства. Совет вам с коммунистами да любовь.

Я знаю, что этого не будет. Ничего никогда не будет. Совести не будет. Демократии не будет. Правды не будет. Наша улица не ведет к Храму. Наша улица ведет на помойку.

Красная армия. Красный суд. Красные зрители. Красные прокуроры. Красные подсудимые. Красные знамена…

Какая красная тоска!

Каждая девочка должна сама выбирать

Посвящается Марку Захарову

Марк Захаров поставил «Женитьбу Фигаро». Марк Захаров ничего не делает просто так. Если Бомарше, значит, в нем что-то зарыто. Какая-то страшная, ослепляющая фейерверками, сыплющая блестками и позолотой тайна. Так что же зарыто на сей раз недалеко от Пушкинской площади? Почему от веселого, бесшабашного спектакля волосы долго стоят дыбом? Какая странная зависимость от времени, обратно пропорциональная зависимость! Та же «Женитьба Фигаро» в Театре сатиры в мрачном 1968 году смотрелась как нечто жизнеутверждающее и оптимистическое. «Бери барабан и не бойся». А в 1993 году тот же спектакль смертельно, окончательно печален. В чем тут соль? А в том, что Бомарше написал свою пьесу до, а не после 1789 года. Напиши он ее где-то в 1845 году, он кое-что бы уточнил. Бомарше не успел, на свое счастье. Не успел узнать. Закрыть тему выпало Марку Захарову. Собственно, спектакль не о женитьбе. А о поминках. Ведь поминки имеют внешнюю форму праздника: на них пьют, едят, ловят кайф, даже смеются.

Наши праздничные поминки… Марк Захаров приготовил нам поминальную кутью. И нам, и себе — хватит на всех. В 1968 году тоненький Миронов, пьянея от собственной храбрости, ожидая то ли ареста прямо на сцене, то ли закрытия спектакля и театра, бросал в зал слова. Зал замирал. «Ой, что-то будет?» — думал зал. По залу бродил призрак революции. Но зал себя переоценил. И что такое революция? Конец времени или продолжение его в иной суперобложке? Французская революция — это тоже были поминки. Разве сиятельный граф даже в самый либеральный век откажется прижать в уголочке хорошенькую Сюзанну, впрочем, предложив расплатиться с ней по себестоимости?

Но черт с ними, с французами. Мы всегда играли свое, даже когда ставили чужое: либеральные идеи, революции, марксизм, коммунизм, «Женитьбу Фигаро». Все комические, привнесенные в наш воздух молекулы конденсируются в мощный трагический кристалл. Марк Захаров захотел помянуть Андрея Миронова, накрыв стол угощением от Бомарше. И, поминая, он вспомнил… наше гордое застойное отчаяние. Наши полновесные оскорбления и проклятия в адрес строя (вполголоса, вслух, во сне, беззвучно, на ухо, на кровлях). Наши мечты о добродетели и о праздничной

свободе. Наше счастье от того, что мы знали, зачем встаем с постели. Нашу чистую ненависть и нашу любовь. Почему по сцене в самый неподходящий момент проползают санкюлоты, почему так побочно стреляют пушки, почему революция похожа на задник сцены, на декорацию, на кулисы? Да потому, что она такая и есть. Она — только эпизод в этой проклятой, заданной раз и навсегда жизни, и не самый существенный эпизод. Наши три августовских дня — все, что мы получили достойного в этом веке за прадедов, дедов, отцов, это наше единственное достояние, которое кто-то сгоряча воспел, а кто-то хотел завещать внукам, — это были декорации, где нам позволили сыграть нашу заветную роль. А главное действо шло на сцене. Там решался вопрос о том, почем мы теперь пойдем и какими методами нас будут употреблять. И вместе с трехцветным знаменем мы получили новые условия трудового договора. Я говорю не о народе, потому что власть у нас никогда не вожделела к народу, но только к интеллигенции. Зачем насиловать народ, не имеющий ни памяти, ни воли, ни смысла, ни сексуальной привлекательности? Народ у нас одного пола с властью. Власть мужицкая, и народ — мужик мужиком. Половые же извращения между особями одного пола жестко пресекались добродетельными идеологами КПСС. Так что власть народ не употребляла, а употребляла интеллигенцию. Особу, биологически устроенную иначе. Одаренную разумом, и памятью, и волей. До Горбачева сексуальные отношения власти с интеллигенцией выглядели как чистая уголовщина. Нас насиловали зверски, целым взводом, а потом убивали. И было еще большим везением попасть в гарем, под охрану бдительных евнухов из Идеологического отдела ЦК. Наложниц убивали только в случае крайней необходимости, по настроению. После Сталина наложниц стали содержать лучше, не топили в мешках, однако насиловали регулярно. За измену же карали по законам шариата и зарывали в неосвященном месте. И вот пришел Горбачев. Он все еще насиловал, но уже обещал жениться и даже платил согласно тарифу, по часовой сетке. После же августа группа «Освобождение труда» преуспела и восторжествовала: нас не насилуют, брак с властью заключается на небесах, нам платят в зависимости от нашей квалификации, а самые продвинутые и передовые девочки, вроде меня, даже сами выбирают себе клиентов! В принципе демократия в нашем родном контексте — это такая ситуация, когда мы работаем на панели в удобные нам часы и выбираем, с кем нам идти и за какую плату (желательно в СКВ). «А в комнатах наших сидят комиссары и девочек наших ведут в кабинет». Было ясно, что мы только меняем комиссаров. Мне это стало ясно 23 августа, когда я вышла из Лефортовской

тюрьмы и услышала историческую речь Ельцина на пригорке, откуда сволокли Феликса: «Идите спокойно по домам, я обо всем позабочусь». До сих пор меня разбирает любопытство: неужели 21 мая меня арестовали специально для того, чтобы было кого выпустить после победы августовской революции? (Что за революция без освобождения политзаключенных!) Я не ропщу. Работа хорошая, сдельная, по специальности. С героическим началом и благополучным концом. На панели есть и такое амплуа — профессиональные революционеры. От нашего бескорыстного горения в застенках, «в рудниках на железной цепи» и у Белого дома кто-то хорошо покорыстовался. Впрочем, нам щедро заплатили. Даже мне. Если меня выпустили и закрыли дело без всяких уступок с моей стороны — значит, это было кому-то нужно. Если меня печатают хотя бы где-то — значит, комиссары не наложили вето. Просачиваюсь иногда на телевидение — значит, не заделали все дыры и не рассыпали отраву для нонконформистской мышки. На панели все имеет свою цену: и конформизм, и нонконформизм. Конечно, нонконформист будет ходить пешком и не будет у него виллы или особняка, но на скромную квартирку, книги и шоколад ему хватит. Нас покупают на другом. Нам в мышеловку кладут не сыр, а возможность говорить нашу правду. Кто сможет отказаться? А наша правда — очень нужная костяшка домино, дабы составить «рыбу» — одну общую ложь. Мы обречены на нашу панель, потому что в нынешней демократии нет ничего, кроме панели. Вне панели только смерть. Но даже если пойти и повеситься, чтобы документы ДС сегодня не выставляли в Музее революции, через зал от «Искры» и прочих лениниан, твою смерть припишут делу рук коммунистов или национал-патриотов и изготовят соответствующий документ: «Так будет со всеми демократами». Как доказать, что мне хочется повеситься именно от морального уровня моего демократического лагеря, от грязи, забрызгавшей мои трехцветные знамена? От коммунистов и нацистов я вешаться не стану. С ними мне хочется драться. Пусть они сами меня вешают! Но я не могу драться со своими, а эти свои не убивают, они утонченно насилуют, и от них не спрячешься ни в одном монастыре. Спектакль Марка Захарова — последняя месть изнасилованной интеллигенции, которая только и может, что выбрать себе соответствующий кабинет. Никто из нас не сохранил свою девственность; Мария тоже была чиста, но высшая сила овладела ею путем непорочного зачатия. Даже самые лучшие из нас кого-то родят от этой власти: брокеров, менеджеров, нуворишей. Власть сохранила право первой ночи. Но теперь она делает это вежливо и не даром. Это выигрыш, других ставок в

банке не было. В конце концов, могло быть и хуже.

Вон право-левые господа из национал-коммунистической оппозиции считают, что мы должны им отдаваться даром, из идейных соображений, в общей казарме. И им и народу! От которого, собственно, и возникла наша горькая панель. От того мы всю дорогу проваливаемся в поисках добродетели, что народ с властью у нас одного пола. Отдаваться народу — это уже шаг назад, это опять групповое изнасилование интеллигенции. Это покушение на право демократического выбора клиента. Так что благосклонность интеллигенции не светит ни красным, ни черным, ни коричневым. Когда-то таких хамов даже в приличный дорогой публичный дом не пускали. Однако сегодняшние комиссары не должны обольщаться на наш счет. Мы с ними идем в кабинет, но мы их не любим. «Женитьба Фигаро», да и вообще все творчество Марка Захарова — доказательство нашей к ним нелюбви. Прежние комиссары понимали толк в этом различии. Мы должны были под пытками именно полюбить Большого Брата. Сегодняшние «братики», должно быть, не читают классику. Иначе они бы понимали, что за свою дрянь от нас получают только то, что можно получить на панели. Поцелуй они от нас не получат. Умрем, а не дадим поцелуя без любви!

…А Игорева храброго войска не воскресить

Режиссер Говорухин зря оправдывался по телевидению, что они с младшим Стерлиговым вместе Алис не пасли, а со старшим в одном полку не служили, Дмитрия же Васильева из «Памяти» он не помнит: если где и видел, то разве что в кошмарном сне. Алиби свое он застолбил, но все равно он страшный человек, и демократы будут от него в кусты кидаться. Потому что он слишком многое понял. Как Кассандра. И у него будут с его окружением такие же теплые отношения, как у последней — с троянцами.

Любая модернизация в России — это тот самый троянский конь. Мы тащим его в городскую черту, надрываемся, а Говорухин уже знает, кто в этом коне сидит. Талант всегда видит коней насквозь.

Так жить было нельзя. И этак жить тоже нельзя. Нам, похоже, вообще жить нельзя. Станислав Говорухин не охотник до Совдепии. И империю готов отпустить, как рвущийся в облака воздушный шарик. Но он оглядывается назад, как жена Лота, и, согласно условиям игры, превращается в соляной столб. Знаменитый 1913 год… Наша просвещенная автократия. Пудовые осетры, пудовые калачи и черная икра ложками… И на что же мы променяли эту благодать? Да на то, на что всегда в России благомыслящие люди меняли свой сытный кусок, — на авось. На журавля в небе. На Несбывшееся.

Станислав Говорухин любит Россию и знает ее. Но он ее не понимает. Потому что он умен. А умом Россию, как известно, не понять. Россия — это Фрези Грант. Она непременно должна спрыгнуть с корабля, который куда-то надежно и стабильно плывет, и забежать вперед по волнам, потому что где-то есть остров — Земля обетованная. Но Россия — не Иисус Христос, и мы не в гриновском романе, поэтому мы каждый раз идем акулам на обед. Вот и в 1917 году, в том самом феврале, когда мы вроде бы куда-то плыли и, может быть, лет через 200 приплыли бы, осеняемые столыпинскими реформами и столыпинскими пеньковыми галстуками, нам надоело плестись в хвосте, и мы опять забежали по волнам вперед… И с тем же успехом, что и в 1600 году, и при Петре, и при Александре II.

Это и есть отпущенная нам формула свободы: долгое падение

с палубы в холодную пучину, свободный полет; туча брызг, дикая боль от падения; зеленая, ледяная свобода, в которой мы не умеем даже плавать; горький и соленый глоток, разрывающий легкие; и последнее, что нам суждено увидеть и почувствовать, — улыбающаяся акулья пасть и треугольные зубы, как в фильме «Челюсти». А потом зеленая вода становится красной. От нашей крови. И мы правы.

Потому что та сытая Россия была типичным Китаем. Бешеные темпы экономического роста. Свободные экономические зоны. Машины и видео. Жратва от пуза. И политические танки, политические застенки, политические расстрелы. Политический Тяньаньмэнь… Это была Россия, которую мы не потеряли — бросили. И не пожалели. Россия, в которой можно было загреметь на каторгу за членство в «незаконной организации, имеющей целью ниспровержение существующего порядка и располагающей взрывчатыми веществами». Россия, где вешали даже за неудачное покушение на царя. Россия с процессом Бейлиса. С погромами. Где было все, кроме свободы. Россия, где милейший Николай II, как добрейший Горби, проспавший Вильнюс, Баку и Тбилиси, проспал 9 января, подавление Пресни и Ленский расстрел. Верочка Засулич стреляла в Трепова? Ее оправдали? Этой минутой я буду гордиться даже в акульих зубах. Трепов приказал высечь политзаключенного, студента, неформала. Я бы тоже стреляла в него… Александр II подавлял польское восстание. А это стоило бомбы, потому что там были не десятки, как в Вильнюсе, а тысячи убитых и казненных.

Мы променяли калачи на справедливость. Николай II стал человеком и мучеником только в заточении, перед казнью. У власти он был не человеком. Его страшная смерть — это плата за право попасть в говорухинский фильм. Об Александре III и Николае I фильмов не будет, ибо они не пострадали. Русские офицеры были свободны именно тогда, когда чекисты приколачивали им гвоздями погоны к плечам, а не тогда, когда они расстреливали баррикады в ходе декабрьского вооруженного восстания.

На что мы променяли наших осетров? В фильме «Дипкурьеры» есть такая сцена: красные входят в город, какой-то Щорс гарцует на вороном коне. А несколько офицеров с какого-то чердака встречают победителей пулеметным огнем. У них нет ни одного шанса. Следующий кадр — тюрьма. Еще один — расстрел. Вот на это и променяли. Свобода — это гибель. Свобода — это

риск. Свобода — это моральное превосходство.

Наше королевство не от мира сего. В России, которую мы бросили, не было граждан. Крестьяне ломали шапку перед барином и перед урядником (а потом их поджигали полуночной порой). Холопы и бандиты — вот из кого состоял народ. Какой контраст между нашими самыми зажиточными крестьянами и американскими фермерами, у которых никогда не было хозяина! В том же, 1913 году наши отъявленные либералы — Милюков и К° — не могли решиться на украинскую автономию, а Финляндии и Польше эту самую автономию предоставили и почитали то за подвиг. Автономию — не независимость.

Интересно, что бы сделало тогдашнее царское правосудие с членами ДС, если бы в 1913 году мы вылезли с программой дезинтеграции Империи, то есть с идеей независимости Польши, Финляндии, Эстляндии, Лифляндии, Украины, Белой России, Кавказа? И назвали бы российскую армию оккупационной? А царя обозвали бы фашистом, сатрапом, империалистом etc? На Дворцовой площади? Куда попал Плеханов с товарищами за демонстрацию у Казанского собора? У большевиков было мало трудностей в их первую пятилетку: бандиты пошли служить в ВЧК, РККА и в комбеды, свободных людей уничтожили (от силы 15 процентов), плюс кучу невинных, но не свободных, не пытавшихся барахтаться. Холопы стали служить большевикам. Холопы были в большинстве с XV века и остались в большинстве по сей день. Россия — это 15 процентов голосующих за Фрези Грант. И мы будем прыгать, и плевать нам на ваши калачи, и вашу икру, и ваши шахты, и ваш экономический рост. И пока мы не решим свой вопрос — вопрос политической свободы, вопрос перехода в иное, западное качество, — вы никаких других вопросов решать не будете, смею вас заверить. В нашей ванне нет младенца, и мы не будем церемониться с выплескиванием воды.

Откуда же такие сожаления у великого художника Станислава Говорухина?

Я уже говорила, что он слишком много знает. Он знает, что мы по дороге на кладбище. Поэтому он вспоминает прошедшую жизнь и жалеет о ней. О том, что мы имели в 1913 году, можно пожалеть лишь по дороге на кладбище. А 1913 год не оглядывался. Он жил. Dum spiro — spero. Пока живу — надеюсь. И с этой надеждой мы вошли в мертвую петлю 1917 года. «Но гибель не страшна герою, пока безумствует мечта» — Блок был

очевидцем полета.

Наша никому не кланявшаяся Русь умерла в XIV веке. Там осталось то, о чем стоит жалеть. Русичи Новгорода и Пскова. Киевская Русь. Свою историю мы проиграли, потому что XII век был потерян 1913 годом безвозвратно. «…А Игорева храброго войска не воскресить». Нас похоронили не под Нарвой, не на поле Куликовом. Нас похоронили при Калке. Нас похоронили в Золотой Орде. Нас похоронила Византия, и геополитика нас отпела. Когда теряют свободу и честь, о жизни не плачут. Тем более о харчах.

Режиссер Говорухин — наша кумская Сивилла. Он провидит будущее. Значит, кранты? Похоже, что да. Теперь главное — не изменить себе до конца. Мы втащили в город троянского коня. Мы открыли ему ворота, хотя Станислав Говорухин заламывал руки. Может быть, мы переиграем историю? Может быть, Гектор убьет Ахилла? Может быть, мы сожжем наконец проклятую тоталитарную Спарту? Даже если при этом все сгорит дотла, в том числе и мы сами…

А на нет — и суда нет. Тогда для последней смертельной атаки позовем Станислава Говорухина…

Поручик Голицын, раздайте патроны

Вы видели когда-нибудь плачущего большевика? Нет? Так посмотрите на меня. Я плачу от того, что вымирает наша порода, от того, что, кроме дээсовцев, и большевиков-то в стране не осталось. Правда, некоторые демороссовцы уже вполне созрели. Самые отборные. Не из руководителей, а из рядового состава. Или «Август-91». Тоже братья по разуму, большевики. Правда, мы нового, мичуринского сорта. Если вишню скрестили с черемухой, то почему бы не быть у нас либерал-большевикам, то есть либеральным революционерам?

Уж на что казаки были консерваторы, но и они с горя в революционеры подались. Предлагают Борису Николаевичу вместо него со съездом и Верховным Советом выяснить отношения. Ждут только, когда президент вышитым платочком махнет. Словом, мыкаются наши революционные силы Буревестниками над седой равниной съездов. Мы уже голос сорвали на криках «Пусть сильнее грянет буря!». Конформистские чайки из бывшей «Независимой» и левой половины «МН» во главе с Людмилой Телень стонут с утра до вечера. Понятно, им неохота. Хотя зря беспокоятся, на суп они не годятся. Жирные пингвины из Гражданского союза все попрятались, у себя в утесах теневые правительства создают.

А мы, либералы-большевики, недобитые в первую Гражданскую интеллигенты, все декламируем Михаила Светлова:

> Выдай оружие смелым!
> И в первую очередь — мне.

Потому что началась вторая Гражданская. Началась с публикации в «Дне» такого импрессионистского пейзажа: конвоиры гонят через Москву огромную толпу людей. Сверху написано: «1944 год. Пленных фашистов ведут через Москву». Снизу добавлено: «Вот так же пойдут и демократы».

Понятен вам смысл сей басни и ее мораль? Первую Гражданскую мы проиграли. Но я лично хочу поиграть еще и отыграться. Это наш последний матч. В 1922 году Белая гвардия ушла на Запад, оставив страну красным. Сейчас мы должны уйти на Запад вместе со страной. Даже до Хасбулатова дошло. Заявил

на съезде, что, мол, Каледин идет из Сибири на Москву (география — наука не спикерская). Казаки идут с юга. Встает из могил Тихий Дон. Из Сибири идут белогвардейские полки под командованием Олега Томилова (кстати, члена Омского ДС). И едут шахтеры (наследники ижевских рабочих, воевавших с красными до конца).

Может быть, всем этим силам стоит сделать президенту сюрприз? Встает он утречком, кофей пьет. А мы уже телевидение у Хасбулатова отбили, Советы разогнали (вежливо и ненасильственно, просто попросили освободить помещения в связи с передачей их другому квартиросъемщику), в главы Конституционного суда возвели праведного судью Аметистова, а судью неправедного Зорькина уволили без выходного пособия. Причем мы за все эти дела даже бочки вина у президента не потребуем. Пусть они только с Гайдаром и Шахраем строят капитализм, как три богатыря. И мы пойдем на наши строительные участки план перевыполнять… О, как мы будем строить! Так Магнитку не строили, как мы будем строить капитализм! У нас четыре европейских столетия уместятся в парочку пятилеток, выполненных за четыре года! Это Россия, и нами владеет страсть. Наша Тройка заехала сослепу не туда. Сейчас мы ее разворачиваем, а потом так рванем, что опять опрокинем все нормативы и прогнозы на триста лет вперед. Если мы построили Королевство кривых зеркал и даже жили в нем 75 лет, то неужели мы простого капитализма не построим?

Мы всегда мостили свои проспекты собой, мы слишком многое вкладывали в творчество! Но кровь ушла в землю и удобрила сады и парки Ораниенбаума, а кости сцементировались в петербургских дворцах. И это стоит, и это уйдет в вечность.

Мы даром потратили 75 лет, все ухнуло в один братский котлован, но мы научились умирать и научились ненавидеть. Мы возобновляем недоигранную в 1918 году партию. «А нынче нам нужна одна победа. Одна на всех — мы за ценой не постоим». Мы всегда платили не скупясь. Самой страшной и самой твердой в мире валютой — своей кровью.

Хасбулатов, Зорькин и Астафьев не большевики. Они пытаются вернуться назад, они бесплодны, как иссохшая смоковница. К тому же они врут. Про Конституцию, про народный интерес и про происки масонов Клинтона и Буша. Ложь — удел меньшевиков. А большевики идут вперед и создают новый мир,

как Демиурги. Ленин был злым Богом, и он построил злой мир. Нам нужен новый Демиург. Добрый. Но все-таки большевик. Чтобы ускорить роды России, слабеющей в тщетных попытках произвести на свет новую либеральную реальность. Акушер не говорит о согласии, он производит, если надо, кесарево сечение.

Я больше ничего не хочу слышать о согласии с коммунистами и империалистами. Я — из несогласных. И когда на этом загробном съезде мертвецов разверзаются могилы, я боюсь, как бы Бориса Николаевича не постигла участь вещего Олега. Из рукава Зорькина или Челнокова может выползти гробовая змея и ужалить… Зачем президенту ходить по этим могильным курганам и договариваться с чрезвычайными и полномочными представителями истлевшей Империи зла? Разве можно договориться с всадниками Апокалипсиса? Хасбулатов на рыжем, Зорькин на вороном, а сзади уже маячит некто на бледном коне… Зачем договариваться с ними? Загнанных лошадей ведь пристреливают? (Конечно, чисто юридически, указом о роспуске этой дикой охоты короля Стаха.) Мы не равны: мы хотим отнять у них только власть, а они у нас — жизнь. Именно поэтому Запад не выдаст, история не осудит, а Провидение на этот раз не подведет. История повторяется. Но не как фарс. Победила неправая сила, и через 75 лет Бог дает нам право переиграть нашу Гражданскую войну.

Нам нужна ленинская решимость без ленинской свирепости. Гордиевы исторические узлы не развязываются — их разрубают. История судит победителей только за политические репрессии, за стадионы и казематы, за виселицы и газовые камеры. За мирное вымирание динозавров история не судит. А люди способны адаптироваться к капитализму. Он построен людьми для людей на Земле людей.

Те, кто требует роспуска Советов на Васильевском спуске, великие люди. Бессмертие им гарантировано. Если в коммунистической массовке бедные одержимы злобным желанием отнять что-то у богатых и опять поделить, если они стоят за справедливость, от которой им на халяву достанется пай, то в демократической массовке, которая в звездные дни (три дня в августе 1991 года и мартовские дни 1993 года: 21, 28, 29…) перестает быть массовкой и становится многоликим трагическим героем и античным трагическим хором одновременно (ибо Рок всегда на подходе и даже после победы против нас), присутствует элемент благородного бескорыстия и добровольной

жертвенности, сегодня, может быть, даже больше, чем в августе 1991 года. Тогда они могли надеяться, что капитализм — это что-то вроде билета в рай. Сегодня, отощав и пообносившись, потеряв прежний скромный достаток, они уже знают, что пряников не хватит на всех. Не иметь им вовек в большинстве своем «кадиллаков» и не заработать миллион. Но они способны радоваться успехам Константина Борового и считать чужое богатство не врагом, а партнером своей бедности. Эти люди приняли условия игры под названием «Свобода». Этого пряника хватит на всех, и они согласны довольствоваться им. Здесь нет смирения. Это вызов мировым отношениям и опровержение классовых теорий. Демороссы свободны. Свободны от низости. Они борются за свой проигрыш в честной игре, потому что уже знают, что выигрывает не каждый.

Гражданская война идет еще всухую, и я надеюсь, что не моя, белая, сторона размочит счет. Между двумя лагерями нет ни нейтральной полосы, ни третьей силы. И не надо. Тот, кто в 1918 году не пошел сражаться в белый лагерь или промахнулся, как сейчас Челноков или Юрий Власов, и оказался в красном лагере, выбрал третий лагерь, производный от поражения первого и от победы второго: ГУЛАГ.

И сегодня тот, кто говорит: «Я вне схватки», выбирает концлагерь если не для себя, то для детей, внуков, друзей, любимых актеров, любимых писателей, журналистов своей любимой газеты… Надо драться и никому до полной победы не предлагать руку для соглашения. Протянуть сейчас красным руку — это значит в недалеком будущем протянуть ноги. В зоне.

Если нам опять суждено поражение, умрем достойно, в бою. Есть у Крылова одна басня. Возврат к истокам — так возврат к истокам! В той басне Полкан и Шавка попали в волчью стаю. Полкан стал драться и был растерзан. Шавка стала предлагать варианты конституционных соглашений и компромиссов. Она прожила еще несколько часов и даже обещала показать вход в овчарню. Ее съели предварительно у этого входа, когда она уже больше не была нужна.

Вокруг нас — волчья стая Стерлиговых, Анпиловых, Зорькиных, Жириновских, Бабуриных. Не будем же унижаться. Как там писал Крылов?

У басни сей проста мораль.

Мне жаль Полкана.
Шавку мне не жаль!

Признание комиссара оппозиции президенту республики

За двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. А мы с августа 91-го никак не выясним, кто мы: фельяны, жирондисты или монтаньяры. И в результате попадаем в «болото». Чтобы не мучить невинные читательские души, сразу признаюсь, что это я про девятый съезд нардепов. Сразу хочу заметить, что материалы про эти съезды в нашей газете следует публиковать в пресловутой рубрике «Съезд крыш».

Наши фельяны, Бабурин, Астафьев и К°, хотят строить социализм. Жирондисты выступают за «Согласие с ними во имя прогресса». Есть в ВС и такая фракция под предводительством В. Шейниса. Был такой персонаж и в «Мистерии-буфф» Маяковского. Звали его Соглашатель. И всю мистерию он взывал: «Дорогие красные, дорогие белые! Умоляю вас, согласитесь!»

Помнится, накостыляли ему обе стороны по шее с негодующим замечанием: «Мы тебе согласимся! Я тебе соглашусь!»

И наконец, наши монтаньяры-якобинцы хотят строить капитализм, даром что все они санкюлоты. Это типично русский феномен. Моя загадочная славянская душа не имеет за душой никакого движимого имущества и не будет иметь никогда, но я балдею от чужих «мерседесов» и торчу от чужих частных миллионов. Я бескорыстно люблю капиталистов и готова воспеть самого вредного среди них, потому что для страны он куда полезнее, чем все социалисты Млечного Пути и окрестностей.

Был у нас в ДС такой же пламенный поклонник Мамоны из идейных соображений Дмитрий Капиани. И предложил он лозунг для нашего переходного периода:

Возникай, содружество доллара с дельцом,
Укрепляйся, мужество, золотым тельцом.

Без этого фундамента демократии нет. Так что я, незаможний нонконформист, живота не пожалею, чтобы армия и военно-морской флот России стояли на страже завоеваний капитализма. И чтобы шли пионеры, летели самолеты и плыли пароходы и

отдавали салют Главному Буржуину.

Мы с Егором Гайдаром в равном положении. У меня дедушка тоже был старый большевик, служил комиссаром у Буденного. Так что коммунистический Змий — наш наследственный противник, и мы его добьем. И никакой дедовщины!

Мне надоело слушать про брежневскую кузину — Конституцию 1977 года. Я эту филькину грамоту сжигала на площадях вместе с красными флагами еще три года назад. И вообще читайте Блока: «А вот у поэта — всемирный запой, и мало ему конституций!»

Другое дело — американская. Чертовски обворожительна, влюбиться можно.

Так что Основной советский закон подходит для цитирования не больше, чем цитатник великого Мао. Если Ельцин этой Конституции не присягал, то я и подавно. Мне на нее глубоко начхать. Я бы ее отменила в два счета президентским указом. А вместо нее ввела бы на нашей горемычной территории в порядке гуманитарной помощи прямое действие Декларации прав человека и Пакта о гражданских и политических правах. Пусть Ельцин на здоровье нарушает эту Конституцию брежневского пошива после завтрака, после обеда и после ужина.

Что же до прочих почтенных демократических институтов, о которых столько толков, то здесь, как говорится, нет предмета для обсуждения. Какой же это Конституционный суд? Это же типичная сталинская тройка или ОСО по уровню решений. Жалко судью Аметистова, как бы его г-н Председатель первым к стенке не поставил. А на мантию для Председателя налогоплательщики даром потратились, ему бы больше пошел красный капюшон, как у средневекового палача. По-моему, он типичный Вышинский. Так и видишь его во главе процесса ельцинско-дээсовского блока. И если бы в стране не исчезло масло (с их же большевистской легкой руки), то Зорькин обвинил бы бедного Ельцина и в том, что он в масло насовал битого стекла.

Я представляю, в чем он обвинит на будущем процессе Святослава Федорова! Согласно тем же давним традициям… Наверное, в том, что он отравил Шафаревича! Когда я вижу этого Ягуарыча на экране телевизора, мне вспоминаются белые лебеди из известного балета, и я убегаю в другую комнату, чтобы не

утратить остатки демократизма и не закричать: «Судью на мыло!»

Что же касается съезда и ВС, именуемого по недоразумению парламентом (еще бы конгрессом обозвали), то и здесь особенно в анализах не разгуляешься. Из всех речей этого Коминтерна я поняла только одну фразу: «Не пойду я ни к кому — батюшки! Окромя родных коммун — матушки!» Все прочее логически не расшифровывается. По-моему, в реакционности они давно перещеголяли Союз Михаила Архангела: даже его члены не отрицали частную собственность. Я считаю, что Сажи Умалатова будет очень рада пополнению, если в дальнейшем оба съезда и оба ВС вместе будут неформально гулять по проселочным дорогам и читать свои резолюции в ДК при свечах. Я же не требую, чтобы съезду ДС давали государственные ассигнования и предоставляли Белый дом. А этим за что? Ни шерсти от них, ни мяса, ни молока, ни идей. Яиц и то не несут, а только высиживают.

Я каждую ночь вижу в кошмарных снах то Гражданский союз, то ФНС. А нервные клетки не восстанавливаются… И не я одна из-за них плохо сплю. Так что, по Фрейду, надо устранить причину сна… Может, тогда я во сне увижу что-нибудь приятное: Ельцина или Гайдара. Если некому сказать нашим коммунарам: «Караул устал», то предлагаю свои услуги. И мне глубоко безразлично, легитимные они в ВС или нелегитимные. Ну, избрали их бедные оплошавшие избиратели, ну и что? Съезд и ВС СССР тоже какие-то горемыки избрали. И где же снег былых времен? За сохранение Союза тоже надысь голосовали. За сроком давности давайте объявим себе амнистию. А августе 1991 года наша ракета-носитель сбросила первую ступень — первый Совнарком. В декабре в нижних слоях атмосферы сгорел СССР. Сегодня настало время отделить последнюю ступень: Советы. После чего мы разорвем путы азиатского притяжения. А Ельцин полетит с нами дальше. Заслужил себе звездный билет. 20 марта в 21.30 он произнес слово, заветное слово киплинговских джунглей: «Мы с тобой одной крови, ты и я». Демократы услышали и оценили. Интеллигенты поняли, что и на их улице бывает праздник. В этот вечер Ельцин стал для меня легитимен: я проголосовала за него постфактум. И мне для этого не нужна никакая урна. Когда президент записывается в диссиденты и в антисоветчики, это восхитительно. Я с ним пойду не только на референдум или на баррикады, но и на виселицу. Своего президента надо себе воспитать. Кажется, мы воспитали…

Я человек грубый и невоспитанный и скажу больше, чем Президент. Недемократический государственный переворот называется путчем. Демократический государственный переворот называется революцией сверху. Именно этот последний вариант предложил нам Ельцин. И я иду с ним в долю. Мы будем жить долго и счастливо — или умрем в один день. И что мне до легитимности революции! Помните, у Пушкина в «Борисе Годунове» о Григории Отрепьеве говорят: «Ты хоть и вор, но молодец, так у нас о тебе мыслят».

Чем нас еще могут испугать коммунисты? Танки уже были. Расстрелы уже были. Пытки уже были. Пусть попробуют поднять войска — призовем на помощь войска НАТО. Все мы демократы по рождению и космополиты по ремеслу…

Мы ни с кем не обязаны обсуждать, строить нам капитализм или не строить. Кто не хочет, пусть едет к Фиделю Кастро и строит коммунизм с ним на пару.

Впрочем, я комиссар по нечетным дням. А по четным дням я правозащитник. Мне хочется работать по специальности. Я буду защищать коммунистов и империалистов. После победы. Буду спасать Лукьянова, который, по-моему, «к злодеям причтен» (то есть к гэкачепистам) совершенно безвинно. Мое дело — милость к падшим призывать. Скорее бы они пали!

Открыт паноптикум печальный…

Моссовет и мэрия блестяще осуществляют принцип разделения властей (вплоть до баррикад). Мэрия заботится о хлебе, что при отсутствии такового в стране, безусловно, синекура. Однако мэрия стоит на твердых антисоветских позициях, так что она держит фронт и выполняет свое историческое предназначение. Мог ли когда-нибудь почтенный аппаратчик Лужков подумать, что он будет антисоветчиком? Растут люди!

С Моссоветом сложнее. Ему, согласно идее разделения труда, достались зрелища. А к этому разделу у нас относятся и права человека (за дефицитом человеков и полным провалом идеи правового государства). Тем более что права человека во время гражданской войны (официально наконец-то объявленной 20 марта) — это нечто более близкое к Женевской конвенции (права военнопленных, гуманные способы ведения боевых действий, статус нонкомбатантов). Кстати, напрасно Конституционное ОСО надрывается, требуя от Степанкова списка злодеев, готовивших президентское обращение. Во-первых, зря Зорькин нашего Ельцина превращает в простое трансляционное устройство, бездумно передающее любой текст. Президент у нас и антикоммунист, и антисоветчик. Что думал, то и сказал. Слышали небось? Улетая в Ванкувер, сказал он в Магадане (хоть там и Колыма недалеко), что будет с коммунистической гидрой бороться. Надеюсь, Билл Клинтон откроет второй фронт, потому что в Штатах гидру тоже страшно не любят. Словом, схарчим гидру на двоих и запьем водкой «Смирнофф». И заедим «Сникерсом»!

Шахрай, конечно, тоже наш человек и «гидров» не боится, но зря Степанков делает из него козла отпущения. Заводил бы уж дело по 70-й статье за призывы к свержению конституционного строя против самого президента, как Илюхин против Горбачева! Или слабо? Не надо на Шахрае отыгрываться, Шахрая есть кому защитить. Боевики ДС, скажем. Первыми начали мы, а не Шахрай. И нечего мне четвертую 70-ю статью зажиливать. Мне их нужно ровно пять для олимпийского результата.

А пропаганда войны? Статья 71! От трех до восьми и со ссылкой! А измена Родине? Статья 64! У нас с Хасбулатовым, Зорькиным и совдепами Родины разные, и их Родине я изменяю.

Степанков, видно, совсем прессу не читает — «Новый Взгляд», в частности. Для того и средства массовой информации, чтобы совершать государственные преступления! Это красное государство. А у нас с президентом будет белое, и вообще у нас рабочий контакт: мы пишем, а он через три года выполняет. ДС — революционный авангард ДемРоссии, а ДемРоссия — приводной ремень к Сергею Шахраю, а Сергей Михайлович, надеюсь, любимый визирь президента. Так что держитесь, православные! У нас в программе свержение Советской власти еще в 1989 году было объявлено, и плод созрел. Пора его срывать, пока мы с ним вместе не сгнили.

А здесь Моссовет открыл паноптикум. Мэров, или, как их ласково прозвали в народе, «недомэрков». Следует отдать должное Моссовету: пускают на это представление бесплатно, хотя билеты в цирк нынче стоят недешево, а в Моссовете куда занятнее, чем в цирке. Всем охота в мэры! (Место есть — ума не надо.) Мэров гипотетических у нас уже 34 штуки! Из них баллотироваться в структуры власти, а не в команду КВН, по моему глубокому убеждению, могут лишь Константин Боровой и Лариса Пияшева. Но они-то в моссоветовский паноптикум не пойдут, они для московских тараканьих бегов слишком хороши, их бы и в Нью-Йорке, и в Париже внесли в список кандидатов. Что же до остальных, то они вполне могли бы участвовать в первом трехгрошовом финале «Трехгрошовой оперы».

Поскольку недавно в Моссовете 23 кандидата из 34 возможных (неквалифицированное большинство) устроили кавээнскую разминку, перечислим самые занимательные аттракционы.

Каждая команда недомэрков получила по четыре минуты.

Номер первый. Некто Ахмадеев. Вошел в зеленой чалме и совершил намаз. Читал Коран на арабском языке. На русском объяснил, что в Москве много мусульман. Словом:

> Мой первый мэр сидит в чалме.
> Он на Востоке быть обязан.

(Надеюсь, за этот этюд правоверные мусульмане побьют соискателя мэрской должности мелкими каменьями.)

Номер второй. И тоже по Ильфу и Петрову!

Второй же мэр известен мне.
Он с цифрою как будто связан.

Некто Лебедев в вышитой рубашке и онучах. Вошел и запел народную песню. На словах объяснил, что «сто» есть священное число и всего надо иметь по сто (друзей, рублей, депутатов, ног, ушей, мэров etc.). А также претендовал на арийское происхождение и советовал всем москвичам срочно вступать в ряды арийцев, если уж они не успели ими родиться.

Номер три. Глущенко, православный священник. Вышел и сказал, помолясь, что Москва может надеяться только на Бога. Однако кандидатуру Всевышнего не предложил, а стал протискиваться в мэры Москвы лично. Зря когда-то святой Владимир связался с православием! Вон католики и протестанты на мэрский марафон не пришли, а кришнаиты — тоже. Сразу видно, приличные люди, из общества.

Затем выступил покаявшийся в демократических заблуждениях т. Уражцев. Твердый съездовец, характер явно нордический. Сказал, что его союз «Щит» преградит путь супостатам, президентам и иноплеменникам. А заодно поведал, что 28 марта на Васильевском спуске каждому демократическому демонстранту Лужков платил за участие в СКВ. Черт возьми! Похоже, наши демократические суточные опять зажилили коммунисты, потому что ни мне, ни всем, с кем я имела дело на спуске, ничего не давали. Анпиловцы же заели и наши бутерброды с ветчиной и сыром, которые, если верить любимой недомэрками коммунистической «Гласности», нам должны были выдавать. Анпиловцы такие, им чужой бутерброд в рот не клади — сразу откусят.

Далее перед журналистами и собравшимися на даровое «позорище» избирателями прошествовали степенный Жириновский в любимом походном френче, коммунистический миллионщик Завидия, обещавший построить в Москве коммунизм, при котором все будут миллионерами, бывший эстонец на платформе КПСС Евгений Коган, обещавший вернуть Эстонию в пределы кольцевой автострады, и вождь пролетариата Анпилов с Лениным в башке и с серпом и молотом — в руке.

Терехов из Союза офицеров точил на демократов штык, чистил избитый кивер и кусал длинный ус. Приятное

разнообразие было внесено кандидатом Милосердовым, высказавшимся за частную собственность на этнической основе (только расово полноценные русские имеют право быть собственниками).

Особенно интересным показался один многообещающий юноша по имени Виталий Журавлев. Интересен же он тем, что работает лучше Остапа Бендера, то есть в двух направлениях. Остаповский «Союз меча и орала» был рассчитан только на то, чтобы трясти «патриотов». Ни коммунистов, ни демократов Остап при этом изловить на предмет получения денег не пробовал. А мог бы! Для одних создал бы троцкистское подполье, для других — какую-нибудь «Промпартию»… Виталий Журавлев оставил Остапа далеко позади, пытаясь использовать для этой цели фонд «Демократия и гуманизм». Виталий Журавлев — настоящий сфинкс. Он поочередно имеет дело то с патриотами, то с демократами. (Вот будет номер, если он встретится сразу и с теми и с другими!) К тому же он создал очередное Единственно Верное Учение, первое после перерыва, связанного с переосмыслением краха марксизма-ленинизма, то есть «новый гуманизм».

Часть идей сего опуса позаимствована из учебника по истории КПСС, что-то взято из материалов «Советской России».

Свои четыре минуты получила и блаженная Татьяна, потомок славных российских юродивых (минус их нравственная направленность на обличение зла). Она поведала аудитории о происках сионистов и империалистов. Всех превзошел бы, будь он там, генерал Филатов: он обещает каждому москвичу на миллион собственности, свое дело, дешевое жилье, землю, большую зарплату, а если кто потребует выполнения предвыборных обещаний, то генерал намерен построить большую новую тюрьму. Жаль, что не пришел Паук, кандидат от праворадикалов Эдика Лимонова. Эта партия обещает выход России из ООН и введение в лимитрофах платы за пользование русским языком. На пост президента они тоже кого-то наметили, то ли Сколопендру, то ли Скорпиона. Но точно помню, что что-то ядовитое.

Все кандидаты страдают за народ и намерены напитать его своим молоком (за неимением более реальных источников получения провизии). Этой компании хватит не на один мюнхенский путч, их можно плавно распределить по всем пивным Москвы для достижения лучшего эффекта. Они создали свою

коалицию (что-то вроде тевтонского ордена) и даже профсоюз кандидатов в мэры! Того и гляди забастуют, требуя повышения зарплаты.

Зря Дмитрий Рагозин назвал свою младопатриотическую организацию «Союз возрождения России». Судя по представленным Моссоветом патриотическим кадрам, речь идет не столько о возрождении, сколько о вырождении России. Боюсь, что после этого «Парада планет» Моссовет станут рассматривать как лепрозорий. Лично я оскорблена в своих лучших чувствах. Лучше десять Лужковых, чем один Анпилов!

Эти кандидаты, конечно, миллионы не украдут: масштабы не те. Они будут красть ложечки из буфета.

Если это многопартийные выборы, то я — пас. За это, что ли, мы звенели кандалами и, когда нужно было, шли на эшафот? Когда сегодня я слышу слово «патриот», я вижу крокодила, утаскивающего Россию в свое болото, чтобы там съесть ее на просторе…

Скучно на этом свете, господа!

Изыди, люмпен!

Я отдал все. Я нищ и светел.
Бери, бери меня, ветер!

И. Эренбург

Основы рационального интеллектуального и эмоционального питания предусматривают строгую дозированность поэзии и прозы, страсти и рацио. Сама идея общественного бытия людей, сами устои государственности предполагают некий баланс между льдом и пламенем. Мы, в течение четырех веков существующие вне бытия, пробавляющиеся одним сознанием, брошенные на раскаленную крышу мира, все мы, беззаконные и неприкаянные борцы за светлое будущее человека — декабристы, народники, эсеры, эсдеки, дээсовцы, анархисты, — годимся ли мы не то что в зодчие, но даже просто в архитекторы этого самого будущего? Есть революционеры буржуазные, чья поэзия украшает солидную прозу их недавнего бытия. Джефферсон и Патрик Генри, Вашингтон и Мэдисон были достаточно храбры, чтобы успешно конкурировать с народовольцами и раскольниками. Но они были джентльмены, плантаторы, адвокаты, у них был за спиной дом, была собственность, которой они рачительно управляли. Поэзия бунта не могла увлечь их в безбрежность, ибо они стояли на якоре жизненной прозы. Американскую революцию делали не люмпены, но вольнодумцы, и это общество не сорвало с корней и не унесло ураганом только потому, что у каждого минитмена, кроме мушкета, были еще и ферма, и участок земли.

Есть задача, как сделать мирного обывателя гражданином и воином, и есть задача, как потом вовремя демобилизовать воинов и не превратить революционные войны в перманентную схватку с самой жизнью.

Джефферсон, Вашингтон и другие отцы-основатели перековали мечи на орала и вернулись в поместья и в залы конгресса. Томас Пейн этого сделать не сумел. Этот Тиль Уленшпигель американской революции пытался заниматься поджигательством дальше, не был понят, французы посадили его в тюрьму, он вечно скитался, впал в нищету и ничтожество и умер в бедности и забвении, осмеянный современниками.

Перманентная революция стала его личной трагедией, а если бы он увлек за собой остальных, то процветающих США сейчас вовсе не было бы, они превратились бы в действующий вулкан, ушли бы в Марианскую впадину, провалились бы или вознеслись, но не существовали бы в мире реальности.

Буржуазный революционер способен умереть за идею, но ему все-таки хочется выжить и даже кое-что нажить. Торговля, бизнес, богатство — его самореализация. Такими были грезы Фландрии, таким был Вильгельм Оранский. Отбившись от Испании, отбив у инквизиторов свободу совести, пройдя через ядра, пули, плахи, пытки и костры, Фландрия, охваченная огнем борьбы и протеста, стала мирными и благополучными Голландией и Бельгией. А этот великий пожар, пережитый ими, еще сегодня им обеспечивает большую нравственную чистоту, меньший процент шкурничества, чем у других стран ЕЭС. Они всегда старались помочь нашим оппозиционерам, когда их в очередной раз предавали великие державы.

Тиль Уленшпигель должен был умереть в последний день войны. В мирной жизни ему не было места.

После четырех веков гражданского неповиновения, напрочь вытравивших из нас всякое законопослушание, всякое уважение к ценностям мирной жизни, сможем ли приспособиться к ней мы? Перелистаем историю французской революции. Мы явно не фельяны, даже не жирондисты. Может быть, уже и не якобинцы, которые все-таки принадлежали к небедному и отнюдь не люмпенскому сословию. Мы — вне сословий и не обладаем ничем, кроме своей мятущейся сущности. Не окажемся ли мы ближе к «бешеному» Жаку Ру и к Гракху Бабефу с его заговором равных, нежели к Сийесу, Лафайету и Кондорсе?

Люмпен не по своей воле, люмпен, жаждущий своего хозяйства и собственности, недовольный своим жребием, тоскующий люмпен — это не опасно. А вот люмпен идейный, люмпен добровольный, саламандра, которая может жить только в огне, — это смертельный риск для упорядоченного общества. Революция — это ядерный взрыв, предельная концентрация излучения, смертельный ветер. Наш корабль лишен руля, ветрил, компаса, корпуса, трюма и якорей. Он состоит из одних парусов и флибустьерского флага. Совесть — это парус, но совесть несовместима с выживанием рода. Наша совесть в XIX веке заставляла нас поднимать пистолет и бросать бомбы в кареты

правителей, в XVII веке она раздувала огонь в наших скитах, в XX веке она же бросила нас на рифы самой странной и самой чарующей утопии, которую знавало человечество.

Сейчас, чтобы вырваться из нашего советского болота, мы снимаем предохранители, мы развязываем узы бездны, и из колодца веков к нам поднимаются испарения такой экзистенции, которую потом, возможно, не удержат уже никакие тормоза. Стихия идейного люмпена — беспредел. Мы четыре века не жили, но боролись. Слишком много совести, слишком много ветра…

Я пока еще сохраняю двойное сознание, сознание дневное и сознание ночное. По природе я буржуазный революционер, но 23 года застенков и борьбы сделали из меня идейного люмпена. Нельзя жить в смертельной ненависти: человек пропитывается собственным ядом.

Я еще могу служить вам переводчиком, быть связующим звеном между миром люмпенов и миром упорядоченным и обжитым… И я, как двойной агент, честно предупреждаю вас: удержитесь, уцепитесь корнями за жизнь, не возноситесь в страшный мир беспредельной свободы, где рвутся хрупкие нити человеческих законов, где меняется естество. Пусть борьба и битва будут для вас горестной необходимостью, а не естественной средой обитания. И берегитесь нас, степных волков. Мы должны пасть, не дожив до свободы, чтобы вы потом в ней смогли обустроить человеческую жизнь. А если кто не понимает, что несет в себе СПИД беспредела, перед которым бессильно человечество, от которого нет лекарств, то его, наверное, надо будет утопить в первый день свободы.

Я так же честно заклинаю товарищей по несчастью, тех, кто уже способен наслаждаться «войной всех против всех»: пожалейте людей, завоюйте для них свободу и умрите с последними залпами.

Я говорю — да здравствует история! —
И головою падаю под трактор.

П. Коган

Под колесом демократии

Мы еще не скоро сбросим с себя боевые орлиные перья, не скоро смоем боевую раскраску и не скоро зароем томагавк войны. Психологически мы если и приблизились к американским стандартам, то не к стандартам американской демократии, а к стандартам американских индейцев. Мы, белые индейцы, подняли свои томагавки во имя демократии, но ее не будет, пока нас не зароют вместе с этими боевыми топорами на последней военной тропе и пока не придет поколение, которое не боялось ежесекундно, что с него снимут скальп, и само не снимало скальпов. Наверное, нас в нашем нынешнем состоянии должны изучать не американские советологи, а специалисты по проблемам коренной краснокожей национальности. И когда страна замерла, в ужасе ожидая исхода референдума, это было не ожидание политических результатов, а трепет перед неизбежным решением главного нашего вопроса: кто с кого снимет скальп?

Я не питаю никаких иллюзий относительно самой себя. Я первая схватилась за томагавк, и все прочтенные и процитированные мной Джефферсоны, Монтени, Сенеки и Бердяевы не скроют мою красную кожу и индейское происхождение. Единственное, чего я хочу, — это остаться благородным делаваром, сражающимся по правилам, и не опуститься до боевых приемов гуронов (красных индейцев), которых так презирали Чингачгук, Соколиный Глаз и Фенимор Купер.

Я знаю, что демократия сегодня — это боевая колесница, брошенная Римом против отсталого и варварского Карфагена. Наша колесница будет давить. Но, в отличие от карфагенян, мы обязаны проверять, не попал ли кто лишний под наше колесо.

Сегодня под этим колесом Анатолий Лукьянов.

В лукьяновской квартире посетителей встречает веселая рыжая кошечка Варя, похожая на пушистую варежку. Она очень беспечная, ни от кого не ожидает зла и несомненно пошла бы ласкаться к самому Степанкову. Когда Анатолий Лукьянов держит ее на руках, они кажутся одинаково уютными и одинаково беззащитными.

Каждый бывший функционер власти, лишенный власти, должен быть похож на улитку, вытащенную из раковины. Но у

этой улитки нет даже рожек! И вполне обыкновенная квартира. Большая, приличная, но даже в Тбилиси я видела более шикарные. И ни прислуги, ни охраны, только консьержка. И клубничное варенье тоже варят сами… Обыкновенная человеческая жизнь… Не из фильма «Серые волки». Ни спецдач, ни спецпайков, ни членовоза. Не успел Анатолий Иванович обзавестись личной дачей и машиной, а теперь уже поздно. Хватило бы денег на адвоката. Я помню, сколько мне стоил мой только за три месяца Лефортова. А здесь — чуть ли не два года… Обыкновенная человеческая жизнь еще не скоро будет у нас находиться под охраной государства. Но уже сейчас она должна находиться под охраной правозащитников. Я все про жизнь Анатолия Ивановича. Еще ничего страшного не произошло, а Анатолий Лукьянов уже является мне по ночам, как тень отца Гамлета. И если уж нам суждено убивать, то давайте хотя бы испытывать угрызения совести, и если убивать, то с большим разбором.

Во время нашей беседы мне показалось, что Анатолий Лукьянов куда меньший большевик, чем я сама. По крайней мере, он вдвое терпимее меня, и его неприязнь к Ленину имеет характер скорее не политический, а нравственный. На мое частичное сходство с этим историческим персонажем Анатолий Иванович прямо не намекал, но в его грустных глазах я прочла молчаливый укор: Ленин разогнал Учредительное собрание, а Вы, Валерия Ильинична, готовы разгонять Советы… Только очень терпимый человек вообще согласился бы в его положении ласково разговаривать с совсем другим человеком, который написал, прямо скажем, весьма индейские по духу статьи. А он еще способен наслаждаться этим танцем с томагавками и хвалить стиль, хотя к столбу пыток привязали его… И кажется мне, что вопреки своим социалистическим убеждениям Анатолий Лукьянов скорее впишется в нью-йоркский пейзаж, нежели я со всем моим западничеством. Мне место на Ориноко. Следить, чтобы гуроны не вступили в прерию…

Где-то на двадцатой минуте я с ужасом поняла, что Анатолий Иванович — без томагавка, и именно за это его судят. Нельзя без томагавка! Кто не с нами, тот против нас! А за что же еще судить Анатолия Лукьянова? И ежу ясно, что Родине он не изменял. С Родиной у нас вообще будет напряженка из-за многозначности этого понятия. Меня следует судить по 64-й статье за измену СССР, демократов Татарстана — за измену Татарии, президента Мордовии — за измену Мордовии и подрывную деятельность в

пользу России. Социалистов будут судить за измену демократии, а демократов — за измену социализму.

От такого диапазона даже Зорькина хватит инфаркт, а за Степанкова я не боюсь: он парень хладнокровный и из этих дел извлечет профит. Сначала передаст материалы «Нью-Йорк таймс» за СКВ, а потом напишет книгу «Изменники Родинам на территории бывшего СССР с 1991 по 2001 год. Версии следствий». И опять-таки за гонорар. Вот кто готов жить при капитализме! Я ему просто завидую. Что же до нарушения служебного долга А. Лукьяновым, то в чем заключался его служебный долг? Если по советским законам? Помочь ГКЧП! Обезвредить Ельцина! Собрать ВС и присоединиться (этот ВС и с марсианами из «Войны миров» соединился бы). А он этого не сделал. Невзоров был очень недоволен. «Что же ты, Толик, демократов не замочил?» — вот его претензии. Значит, если бы ГКЧП победил, опять Лукьянова бы судили? За оппортунизм… Когда 19 августа началась гражданская война, Лукьянов, не сумев отговорить красных, не пошел к белым, а зажал уши и уехал на дачу. Он не взял томагавк. Кстати, его нейтралитет нас спас. Что было бы с Ельциным и с нами, если бы спикер ВС вместе с ВС встал на сторону танков?

Суд и полтора года тюрьмы — это наша благодарность? Это мы загнали его дочь в политсовет ФНС, а жену — на митинги красных. Их толкнули на это горе и желание спасти отца… А отец не хочет спасаться ценой нашей гибели. Познакомившись с фронтистами, «Днем», нынешними коммунистами, либертарианцами, анархистами, эсдеками, Анатолий Лукьянов отнесся ко всем весьма скептически, как Миклухо-Маклай — к обычаям и обрядам новозеландских дикарей. И если он ходит на митинги «Трудовой Москвы», то, как он объяснил мне, для смягчения «трудовых московских» нравов, дабы убедить их участников отказаться от кровожадности и подвигнуть их к идее национального согласия. Напрасный труд, конечно. Но в результатах волен Бог, а намерения наши должны нам быть зачтены и в этом мире, и в будущем. По крайней мере, предложив голосовать за четыре «нет» (что вряд ли могло понравиться «трудовым москвичам»), он публично высказался против устранения Ельцина. И пусть это ему зачтется. Так же, как выступления в политбюро за многопартийность, многоукладность, отмену 6-й статьи Конституции; заступничество за гонимых Александра Яковлева и Бориса Ельцина; спасение жизни Кронида Любарского, которого выпустили на Запад только

по его ходатайству; издание «Тарусских страниц», сохранение для музея дачи Пастернака, искреннее желание прекратить преследование диссидентов, хотя эта задача им не могла быть решена…

Зачтем это как смягчающие обстоятельства, если юридическая невиновность нуждается в смягчающих обстоятельствах. Ведь мы, белые индейцы, приняли христианство. Может быть, мы выглядим смешно в этой роли, может быть, Ельцин и Лужков на пасхальной службе смотрятся парадоксально, но это начало приобщения к цивилизации. И уж такая простая вещь, как прощение своих поверженных врагов вместо снимания с них скальпа, — это и делавару доступно.

Три года Анатолию Лукьянову приносили из КГБ материалы ДС на рецензирование: не пора ли пресекать? И он неизменно отвечал, что ничего страшного нет, нормальное инакомыслие. Это чего-нибудь да стоит?

Там, наверху, не много было книжников и меценатов, боготворящих Ахматову (и хранивших ее «Реквием»!) и Бунина. Да за одно это я бы сожгла все тома лукьяновского дела, не читая. Полуголодным студентом он разгружал вагоны, чтобы купить из-под полы запрещенного Ницше. Горбачеву он цитировал Фромма и получал нагоняй, потому что Горбачев никогда Фромма не читал. Горбачев читал все необходимое, а Лукьянов — лишнее. И писал стихи. Есть хорошие! Поэтому не надо его бросать на копья, даже если он станет сам нарываться и дерзить «правосудию». Больше всего его оскорбило то, что не посадили в Лефортово… И адвокат у него диссидентский.

Я думаю, что я была первым человеком, с которым Анатолий Иванович разговаривал откровенно. А с кем еще он мог? Со Степанковым? Он-то точно знал, какие они в прокуратуре демократы… И Лукьянов слишком горд и слишком много знает о жизни, чтобы просить пощады. В СССР пощады не давали никому. Он привык. Его предали его депутаты, его поэты, все объекты его благодеяний. Он не жалуется, и эта покорность так же страшна, как та школа, в которой его этому научили. Он поверит, что мы другие, если увидит, что нам доступно милосердие. А иначе чем же нам ему доказать, что мы не гуроны?

И стоит ли судить Лукьянова за то, что он растерялся и не принимает наш жестокий либеральный переход? Он из

идеалистов, а идеалисты хотят и солнца, и дождика в одно и то же время. Он сам понимает, что это все утопия — город Солнца и т. д., но не может видеть голодных (хотя там, наверное, 80 процентов нытиков и паникеров, вешающихся на бывшего спикера и требующих помощи весьма агрессивно). Раньше он тоже не мог видеть страдания. Но раньше об этом можно было говорить только на политбюро. А теперь — можно и в печати, и на улицах.

Хорошо еще, что Анатолий Иванович не хочет обратно в тоталитаризм. Он просит нас, чтобы мы просто сделали всем красиво и хорошо. Нашли третий путь. За идеализм нельзя судить.

И даже если мы обречены, гибель Анатолия Лукьянова нас не спасет, но только запачкает. В каком-то телеэфире Андрей Караулов спросил у Анатолия Лукьянова: «Скажите, что вы за люди?» Когда такой вопрос задают друзья, это не страшно. Выкрутимся как-нибудь! А вот когда враги… Если в результате этого суда с Анатолием Ивановичем что-нибудь случится, что мы ответим на его встречный вопрос: «А вы что за люди?»

Русские кавалеристы и французские товарники

Анатолий Стреляный и не подозревает, какой методологический подарок он преподнес сирому человечеству, придумав два термина: «кавалеристы» и «товарники».

Только зря он поместил и тех и других в России, фантазируя, что им всем есть место на нашей матери сырой земле. Если не считать Евгения Онегина, Василия Селюнина, Ларисы Пияшевой и Лисичкина с Егором Гайдаром, у нас сроду никогда никаких товарников не водилось, а перечисленная великолепная четверка тщетно пытается вогнать ножку российской практики под номером этак 42 в хрустальную туфельку теории 35-го размера, а когда не лезет, берет топорик и отрубает пятку. Вот удивится принц из МВФ, когда на общем рыночном балу попытается станцевать с нами тур вальса и обнаружит, что партнершу — Россию — впору вести в травматологию!

Евгений Онегин — еще самый умный из российских товарников, ибо честно исповедовал принцип «позаботьтесь о теории, а практика сама о себе позаботится». Но если не пытаться ловить черную кошку в той темной комнате, где ее нет (то есть искать товарников в России), то мы их с избытком найдем там, где они и водятся: во Франции. Причем отнюдь не в банке и не за прилавком. Во Франции по самым скромным подсчетам было пять-шесть революций, считая сексуальную, и я могу запросто доказать, что они не только имеют товарный вид, но и делались товарниками, а все русские, считая промышленную 30-х годов, — безнадежными кавалеристами.

Если сделать маленький чертежик в масштабе один к одному миллиону, то французская революция будет состоять из нулевого периода накопления рациональных идей, не имеющих к революции ровно никакого отношения. Затем идет досадная случайность, ЧП на производстве, когда ты просто хочешь повернуть вентиль, а у тебя срывает рукоятку, разрывает паровой котел, чугун льется мимо — словом, обнаруживаются некие дефекты в конструкции, то есть это, собственно, и есть революция. Потом схему дорабатывают, ЧП ликвидируют, а затем спокойно пользуются плодами новой технологии до следующего ее усовершенствования, то есть нового цикла, причем чем дальше,

тем скорее ремонтная бригада ликвидирует ЧП. Все французские революции, с 1789 года по 1968-й включительно, вполне укладываются в общую линию процесса, именуемого в просторечии «прогресс», и идут по восходящей.

Совсем не так выглядит наш русский революционный чертежник. Здесь схема состоит из трех звеньев. Звено первое — бесплодные мечтания о революции в течение одного-двух поколений, стансы о революции, куча революционных теорий, романсы и серенады в честь революции, причем все смотрят налево (или направо). Звено второе — нежданно-негаданно, обязательно не с той стороны, куда смотрели, тихой сапой в щель пролезает нечто мерзкое, какой-то скунс, помноженный на абракадабру.

С целенаправленностью эпидемии чумы эта жуть ликвидирует и тех, кто ее вызывал, и тех, кто без нее бы обошелся, причем случайно уцелевшие наблюдатели обнаруживают себя в Манчестере, когда планировался Ливерпуль (и наоборот). Автобус «Русская революция» принципиально ходит не по маршруту.

Когда кончается стадия собственно революции, наступает звено третье и последнее — лет этак 70 проклятий и стенаний по поводу того, что мы пришли не туда, куда следовало, что революция не удалась, и все сословия, классы и возрасты далее исповедуют бесплодные сожаления по поводу плохой революции. Бесплодные сожаления о минувшей революции плавно переходят в бесплодные мечтания о будущей, и все повторяется по новой, причем кривая отчетливо идет по нисходящей и чудесно укладывается в схему «социальный регресс».

В конце концов общество попадает в какие-то зыбучие пески, и даже фантазии Кобо Абэ не хватит, чтобы дать какую-нибудь теорию практике под названием «страна в песках». Срисуйте себе схему — это и есть особенный российский путь, он же знаменитый «третий путь», ибо давно известно, что те, кто ищет третьего пути, помимо французско-общезападного или первого, советского, почему-то попадают именно на этот первый, и если бы мы не были безнадежными пифагорейцами-гегельянцами, балдеющими от триады, то давно бы заметили, что римляне были правы: «Aut — aut. Tertium non datur» («Или-или. Третьего не дано»).

Давайте пройдемся галопом по чужим революциям и посмотрим, какую пользу французские товарники из них извлекли. Самый первый вариант, вариант 1789 года, был твердо рассчитан на достижение конституционной монархии или аристократической республики с сильнейшим олигархическим элементом (нормальная буржуазная республика всегда управляется качественной элитарной олигархией, назови ее хоть «сто семейств», хоть «сильные мира сего»). Словом, курс был взят на английскую палату общин, на Великую хартию вольностей, но не на уровне XIII века, а уже для третьего сословия, причем с креном в островной, американский вариант. Однако французское общество было гораздо более традиционалистским и централизованным (издавна аборигены превалировали, а пришельцы растворялись, тогда как США — сплошные пришельцы, а Англия — это такие их водопады, что соотношение абориген — пришелец было 50:50), поэтому полный островной вариант и сегодня не проходит, а континентальная модель вырабатывалась поэтапно.

Ясно, что элита третьего сословия могла с первого захода получить только хартию, независимую прессу и равный по значению слабой королевской власти парламент, то есть то, что третье сословие не могло вырвать в XVII веке, во время Фронды, когда часть аристократов уже сдала двор и его номенклатуру, решив поставить на парламент. Собственно, сословного общества во Франции не было с XVII века (помните, как Портос не погнушался жениться на деньгах прокурорши Кок-нар), ибо французский рационализм не идеологичен.

Словом, Людовик XVIII, его хартия и его время, когда газеты были сильней и влиятельней монархии, это и есть тот искомый вариант. Однако Франция получает это только в 1815 году (хотя бы начерно).

На что же ушли 25 лет, с 1790-го по 1815-й? На ликвидацию авралов и ЧП. Попытка приспособить к континентальному менталитету островной англо-американский вариант приводит к тому, что резьбу срывает: из скважины вырывается фонтан, но не нефти, а санкюлотов. Обращаться за помощью к плебсу так же накладно, как и выпускать из бутылки джинна: где гарантия, что он захочет назад? Он и не захотел. Все эксцессы якобинства — на его вкус и на его фасон устроенные кардинальные «разборки». Однако, к чести французов, надо отметить, что ни Ленин (Гракх Бабеф со своим заговором «равных»), ни Троцкий (Жак Ру и его

«бешеные»), ни Зиновьев (Эбер) власти даже в 1794 году не получили. Падение Дантона и Демулена (французский вариант Виктора Чернова, Церетели и К°) предопределило и падение Робеспьера, который в нашей системе координат оказался бы левым эсером, чем-то вроде Марии Спиридоновой или Ларисы Рейснер (мягкий большевизм). Безумную утопию Мора или Кампанеллы не взяли на вооружение даже якобинцы.

Общество, кстати, избавилось от них своими силами (ликвидировало аварию), значит, контроль за ситуацией не был утрачен. Директория — это прорыв в островной республиканский идеал, и все было бы ничего, но слабая коллегиальная олигархия — это хотя и прогресс, но не тогда, когда на пятки наступает плебс.

Пока по плебсу не шарахнул из пушек в Тулоне авторитарный (хотя и вполне буржуазный) молодой Бонапарт, плебс не успокаивался. Империя — это сильный, вернее, преувеличенный вариант Пятой республики, то есть президентское правление, когда расщепляется плебс, богатеет и постепенно уходит в третье сословие; путем конвергенции создается новая военно-буржуазная элита; словно в заварном креме, размешиваются все прежние сословия. И здесь опять срывает вентиль: мир завоевывается не кирасирами, а мануфактурами; Францию и Наполеона занесло, и здесь-то и случается Реставрация и достигается мягкая конституционная монархия, оптимум для Франции того времени; 1830 год — это попытка воссоздания абсолютизма, это рецидив. Один расстрел, одна манифестация — и монархия сметена, а Орлеанская династия — дальнейшее обыгрывание президентской республики и олигархии; рецидив ликвидирован мгновенно. Плебса все меньше, да и народа поубавилось. Буржуа — индивидуум, он уже — не народ.

1848 год пробивал дорогу современному трудовому законодательству, «народному капитализму», акционерству среди рабочих. В сущности, только рабочие в 1848 году не были буржуа (крестьяне уже приобщились к этому варианту). Срыв 1815 года, Луи Бонапарт — это опять недочет в создании третейского механизма олигархической власти.

С 1848 по 1871 год происходит процесс дробления народа на личности, на единицы крупных и мелких хозяев. Общие интересы почти утеряны, частный интерес превалирует. Народ — это вообще что-то униженное, оскорбленное, голодное и

нуждающееся в срочном спасении. Поэтому так просто оказалось в 1871 году (для олигархии, конечно). Бедные коммунары! Они затрубили в свой рог, а Карл откликнуться не мог: народа уже не было как общности. Коммунары не опередили время, а отстали от него. Отстающие гибнут вместе с Роландом в Ронсенвальском ущелье. С Коммуной олигархия справляется сама, и это — смертный приговор монархии: сильная рука больше не нужна. 1968 год — не иррациональный бунт. Даниэль Кон-Бендит помог Пятой республике проделать в своем палисандровом ящичке дырочки для воздуха. Даниэль сказал: общество не идеально.

Общество раскололось, призналось во всем чистосердечно и создало Римский клуб, «зеленых», Хельсинкские группы, Армию спасения, Корпус мира и прочие разносолы. Коварный прогресс отказался от самодостаточности и стал ломать руки и искать смысла жизни (в свободное от производства и потребления время). Как против него бунтовать? Ты ему говоришь: бяка! А он тебе: я и сам знаю, да что поделаешь? Почва протеста поросла травой забвения.

С каждой революции французы получили и товар, и навар. Поэтому 14 июля они не бьются в истерике и не бьют друг другу морды, как мы 7 ноября или 12 марта, а пускают шутихи, смотрят фейерверк и покупают в киосках значки с Маратом и Дантоном. Всё оприходовано, всё пошло на пользу.

Другое дело — мы. С 1905 года ничего не получили, кроме нулевого съезда народных депутатов Российской империи — четырех Дум. Перманентный митинг и никакой функциональности. Благодетельные столыпинские реформы не упразднили плебс, а приумножили. В феврале 17-го чернь сделала еще один рывок, октябрь 17-го — это уже пришествие Красной Смерти. Буржуа были вырезаны начисто, все 300 миллионов стали чернью и плебсом. Все эти тьмы и тьмы против Борового, Тенякова и С. Федорова — слишком неравный бой.

Мы — вечная кавалерия, не слезающая с коней, спящая в седле, новые кентавры, а наши революции — самые бескорыстные в мире. Ни себе, ни людям.

В этом мы достойны своих славных предшественников — ордынцев. Что может быть бескорыстнее Орды? Где теперь Чингис-хан, Батый и команда? Где все наработанное от набегов и походов к Последнему морю? Голосуют, болезные, о выходе из

состава Московского великокняжества. Поэтому, когда я слышу об особом российском пути, мне хочется кусаться.

Конечно, у всадников Апокалипсиса особый путь. Им мы и следуем без малого семь веков. Так что пять — ноль в пользу острого галльского смысла против сумрачного российского гения.

Пир победителей

Слабость — не порок, но большое свинство. Томные вздохи на скамейке под акацией про демократию и плюрализм, когда горит центр Москвы, когда мелодия «Интернационала» гармонично сочетается с песней про Хорста Весселя, когда красное и черное смешались в адском коктейле, когда жалкие заслоны травоядного ОМОНа (того самого ОМОНа, гонителя тихих и безвредных демократов) сметаются стальными рядами Коминтерна, они, эти вздохи, не смотрятся и не выслушиваются без иронической улыбки, потому что бессилие очевидно и никак не может быть идеологически обосновано помимо известной формулы «зелен виноград». Слава богу, моя диссидентская совесть может быть чиста: Президент России сегодня вполне диссидент. Его указы выполняются не чаще, чем решения партийных органов ДС России. Похоже, что власти у Ельцина столько же, сколько у меня. Плюс иллюзии. Так что можно считать, что не мы поддержали кучку реформаторов, случайно оказавшихся в верхних эшелонах власти, а они вступили в антисоветский фронт широкого профиля, и что прежде полагалось нам (сума, тюрьма и далее по нарастающей), теперь полагается и им: Ельцину, Филатову, Федотову, Гайдару etc. А хозяева этой страны сидят в Советах. И в МБР, и в верхних кабинетах МВД, откуда наконец-то убрали неформала Аркадия Мурашева. И в судах, и в прокуратуре. 1 мая фашистский мятеж не был подавлен. Илья Константинов, Геннадий Зюганов, Виктор Анпилов, черный подполковник Терехов в условиях минимальной цивилизации и демократии хотя бы на уровне Южной Кореи должны были тем же вечером сесть в тюрьму. Возглавивший фашистский путч «парламент» должен был быть распущен утром 2 мая. Но мы даже не в Рио-де-Жанейро. Мертвые хоронили своих мертвецов, а убийцы пошли домой обедать. После чего ОМОН, рассудив, что у президента есть ордена и слезы, чтобы оплакивать забитых насмерть чернью, но более — ничего (ни судей, ни закона, ни власти, ни тюрем), 9 мая поперек батьки в пекло уже не полез. Что им, больше всех надо?

По-моему, если демонстрант берется за булыжник или за топор, то он не может уже считаться жертвой. Разве что жертвой аборта… Взявший меч или заточку от меча и погибнет. Ребята, способные побить ОМОН, во мне жалости не вызывают. И пусть не лезут со своим свиным рылом в наш калашный ряд: мы, дээсовцы, нарушали закон, во-первых, по делу, то есть во имя свободы, а не

неволи, а во-вторых, били нас, а не наоборот. Когда нам преграждали путь, мы садились в снег, в лужу, в грязь. Когда кого-то из нас не брали, мы сами лезли в автобус. На судах мы признавали свою вину и требовали для себя максимальной кары. Наши отношения с законом выяснялись не на уровне правового нигилизма. К 15-суточным голодовкам нас не приговаривали, это мы сами добавляли себе «на посошок». Чтобы сделать нечто понятным обществу и государству, мы делали плохо и больно себе. А не другим!

Но что-то не видно руководителей ФНС в суде, они не требуют для себя кары; национал-коммунисты или разбегаются, как крысы, или набрасываются на слабейших, как волки. Что ж, крыс следует разгонять по крысиным норам, а волков отстреливать. Это знают на каждом ранчо. И без обиды! Закон природы… А у нас вошло в практику не бить чужих, чтобы свои боялись. Сколько мирных и слабых людей такая практика сделала негодяями! Они бы и рады не убивать, но им нужна гарантия, что их самих за это не убьют. А если гарантии нет, они закроют за вами дверь газовой камеры. Не со зла, о нет! А просто чтобы остаться снаружи. Вот, кстати, в чем причина странного поведения Анатолия Лукьянова. Ведь он сказал мне правду. Он хотел бы жить при демократии. Но не умирать за демократию! Вот я, должно быть, его насмешила со своей защитой! Посмотрев, как мы себя-то защищаем, опытный Лукьянов рассудил, что его защитники — уже покойники и никогда не утонут, потому что им суждено быть повешенными, а значит, с ними надо завязывать и идти отрабатывать свою пайку благополучия к Анпилову и Константинову. Мы вводим людей в грех. Безнаказанность Зла способствует бегству нестойких из рядов Добра. А нестойких — большинство.

9 мая коммунисты и фашисты, сговорившись, с опозданием на 50 лет взяли Москву. В день взятия Берлина! Без единого выстрела. Это был день победы над Москвой. И гармоничные красно-коричневые ряды могли бы спеть на Красной площади: «Сегодня мы не на параде, а к коммунизму на пути…» И нечего было президенту и дикторам «Вестей» унижаться и делать вид, что мы вернулись победителями. Может, хватит 48 лет военных и патриотических «Зарниц»? Брежнева нет, Андропова и того нет. Для кого стараемся? Нормальные фронтовики знают, что такое была для них эта война. Отдушина, единственное время, когда они могли встать в полный рост, и компенсировать себе храбростью жалкий страх перед НКВД, и не бояться своего

фюрера, потому что он остался в Москве, а сейчас они имели дело с чужим. А это для нас проще… И может быть, величайшее наше несчастье — это то, что американцы не объявили нам в 1945 году войну и не сбросили на нас атомную бомбу, как на Японию… Настоящие фронтовики знают, что мы не победили. Нельзя считать победой возвращение не в Эдем, а в Тартар. Мы храбро победили чуму, чтобы мирно и благостно помереть от холеры.

Василь Быков и Алесь Адамович, Вячеслав Кондратьев и Светлана Алексиевич написали про страшное. И страшно было не то, что случалось на войне, а те моменты, когда в войну вторгался жуткий сталинский мир, будущий или прошлый, и заставлял бояться своих больше, чем врагов.

Мой отец тоже фронтовик, но в шеренги ФНС и РКП он никогда не встанет. А те Кощеи Бессмертные, увешанные орденами, как иконостасы, которые не погнушались встать под Ленина, Сталина и под свастику, вышли на улицы, чтобы отнять жизнь у тех (и внуков тех), кому они ее когда-то, по их словам, подарили. И я им больше ничего не должна.

Так почему фашисты-93, которым нечем дать отпор, которые уже всемогущи, еще не убили президента и не захватили власть? Да потому же, почему фашисты-41 не взяли Москву. Тогда тоже нечем было защищаться, и дырку заткнули ополченцами. Винтовки были у них учебные, да и стрелять они не умели. У них не было шансов. Фашисты не могли понять, почему они вообще ввязались в это дело, и остановились от удивления. В августе 1991 года танки тоже встали не из-за игрушечных баррикад, а из-за непонимания: почему демократы не разбегаются? Сегодня, на последней черте, на их пути стоим только мы: журналисты, интеллигенты, антифашисты. С авторучками. И они опять не могут понять и поэтому притормозили. Пока притормозили.

Как нас обустроят коммунисты

Наш веселый и безобидный проект по прокормлению вечно голодных и раздетых, если им верить, коммунистов на основе рыночного подхода к марксистско-ленинской идеологии был опубликован в «Новом Взгляде». Пора опубликовать альтернативный проект, свежеперехваченный из окопов противника, только что со сковородки.

Недавно один владимирский коммунистический вождь местного значения, но с замахом широким, ленинским, не выдержал и проговорился. Заявив, что коммунисты, конечно, за восьмичасовой рабочий день, он добавил, что временно, для восстановления разрушенного перестройкой хозяйства, после прихода к власти «народного» правительства, работать придется и по 16, и по 18, и по 20 часов. Естественно, без выходных и отпусков. Конечно, понадобятся концлагеря. Благо виновных перед народом предостаточно. О, вождь не настаивал на смертной казни. Он великодушно предположил, что особенно провинившиеся демократы будут искупать свою вину в концлагерях пожизненно. И это, согласно моему личному банку данных, еще самый гуманный проект. Есть и более радикальные, начинающиеся с «тройки» и кончающиеся повешением или расстрелом (включая Президента России).

Мы живем не в июне, а в сентябре 1917 года. После июльского путча, который у нас приключился 1 мая. И живем мы худо, потому что Временное правительство перед концом сделало все-таки отчаянную попытку удержать руками падающее на Россию небо: против большевиков вяло, неспешно, дистанционно, но было-таки возбуждено дело, и пришлось обсудить вопросик, являться ли Ленину на суд из шалашика в Разливе… А у нас ситуация совершенно, извините, шизофреническая: после своего путча Анпилов, Терехов, Зюганов и Константинов сидят не в шалашике, а в парламентском центре и утверждают, что мало они убили — всего одного мальчика, в следующий раз сотню убьют. А чем занимается юстиция? И силовые, так сказать, структуры? А это-то и есть самое интересное.

Пока мы здесь кофей пьем и читаем в демпрессе, что ничего страшного не случится, восстановление тоталитаризма невозможно, а красно-коричневая угроза — миф, так вот, пока мы этим всем пробавляемся, прокуратура завела дело по ст. 70 части

II (Групповые призывы к свержению существующего строя) и передала в наш родной КГБ, сиречь МБР, в Лефортово. Угадайте, против кого? Отнюдь не против тех, кто хочет восстановить Союз, уничтожить общественную свободу, казнить президента и его демократическую команду и орет об этом на всех перекрестках… А против тех, кто поддерживает президента и пытается успеть убрать Советскую власть, пока она еще 110 миллионов не убрала, как в первый заход. На допросы в Лефортово таскают депутата Виктора Миронова, Юрия Черниченко, представителей Московской ассоциации избирателей, лидеров независимых профсоюзов, поддерживающих президента. В «криминальном» обращении, распространенном после 20 марта, было предложено Советы разогнать, ввести президентское правление, а Хасбулатова, Зорькина и Руцкого интернировать. Вполне здравые, кстати, идеи. Только я бы еще и КГБ разогнала. Надо было железным Феликсом 23 августа не ограничиваться, а убрать с пьедесталов его преемников, всю эту бериевскую рать, которая складывает губки бантиком, ищет шпионов у себя (и у нас!) под кроватью и занимается с 9 до 18 часов ежедневно заговорами против тщедушной нашей демократии, которая им давно, еще с 1987 года, поперек горла, не говоря уж о ельцинских революционных затеях.

Над Москвой, в районе Лубянской площади (не переименовывать надо явления, а устранять), высится «Пик Коммунизма». В его гранитных недрах давно уже все решено. Там точно известно, сколько Ельцину и нам еще осталось дней. Гэкачеписты у нас по небу летают, коммунисты и фашисты по полю гуляют. А демократов изловили и в мышеловку посадили. А Совдепы взяли спички и море синее подожгли… Уже нет вопроса, горит ли Москва.

У КГБ будет много работы: сначала Виктор Пименович Миронов, который в своей «Хронике» тиражом в 30 тысяч экземпляров все время кричал, что горим, потом все демократические лидеры и организации, выступившие против Советов, потом сам президент за свои обращения, потом 100 тысяч участников митинга 28 марта на Васильевском спуске, кричавшие «Долой Советскую власть!», потом все 36 миллионов, голосовавших на референдуме за либеральные реформы или даже 44 миллиона, голосовавшие за роспуск съезда нардепов… Какой ГУЛАГ управится с таким количеством «врагов народа»? Какой аппарат КГБ сможет проводить следствие в таких масштабах? Не волнуйтесь, есть варианты. У Пол Пота погиб каждый третий, и

обошлось без суда.

Мы стоим на пороге кампучийского «третьего пути», а Людмила Сараскина, Людмила Телень и Леонид Радзиховский пишут, что волноваться нечего, нет оснований. Кассандр, вещающих о гибели Трои и заглядывающих в брюхо троянским коням, переловят и ликвидируют поодиночке. И вы останетесь с теми, кто вами правил всю вашу жалкую советскую жизнь: и в 60-е, и в 70-е, и в 80-е. Только прежде они «наказывали нас бичами, а теперь будут наказывать скорпионами». И вы поползете к ним на брюхе. Это Ельцину можно предлагать лечь на рельсы. Бабурину и Стерлигову — не предложите.

Хотите знать, как вас обустроят коммунисты? Одну страну они уже обустроили. Теперь по тому же сценарию обустраивают нас. Я говорила, что равнодушие к участи несчастной Грузии нам отольется… Но я не думала, что это произойдет так быстро и так пугающе одинаково. Правда, Грузия зашла гораздо дальше нас: у диссидента Звиада Гамсахурдиа антикоммунистический стаж был побольше, чем у нашего Ельцина. Но зато Россия, хотя и застрявшая на полпути к капитализму, раздражает гораздо больше: коммунистам отступать больше некуда, за ними Лубянка…

За отпущенные ей нашими общими врагами считаные месяцы Грузия успела тогда обзавестись демократическим президентом и демократическим парламентом, закрыть КГБ, запретить компартию, изгнать коммунистов из парламента и изо всех структур, закрыть музей Сталина, отменить советские праздники (включая Восьмое марта), провозгласить независимость… А дальше их остановила та же холодная и безжалостная рука, которая сейчас сжимается на нашем горле. Узнаете сюжеты: демократы не умеют управлять, они развалили страну, национальная катастрофа, диктатура, тирания, Гамсахурдиа — Чаушеску… И ведь нашлись интеллигенты, местные и российские, которые примкнули к этому хору в заупокойной молитве по демократии — и не унялись, пока не отдали демократическую власть связанной в руки коммунистических бандитов… Все попытки интеллигентного, тишайшего Звиада как-то защитить страну от своего Октября, который наступил в декабре 1991 года, все робкие, половинчатые действия по прекращению беспредела своих штурмовиков («Мхедриони»), своих Анпиловых и Константиновых (Чантурия и Церетели), своей Сажи Умалатовой (Ирина Саришвили) наталкивались на

злобный вой шакалов, сделавших все для прихода к власти волков: «Сатрап! Тиран! Душитель демократического движения!» Вспомнили ли вы 1 мая о Звиаде, когда наши «Мхедриони» в центре Москвы безнаказанно убивали и жгли машины? Вот Грузия и обустроена… Президент и парламент в изгнании, коммунисты и бандиты у власти, 17 процентов от уровня производства 1991 года, гражданская война, голод, холод, повальные аресты, пытки и расстрелы…

Шеварднадзе вернул власть коммунистам в Грузии. Целуя Ельцина («Поцелуи в уста, кинжалы в грудь»), он мечтает вернуть коммунистам власть и в России… У него за спиной не только Горбачев, но и ФНС с РКП. Свои люди — сочтутся. Это нам сидеть с Ельциным в Кремле или на Ильинке, когда те, кто штурмовал грузинскую демократию в декабре 1991 года, откроют артиллерийский огонь и по нашей. Изучайте грузинский опыт! Это нас будут расстреливать на московских площадях на митингах протеста, и мы, как грузинские демократы, как звиадисты, будем считать это за счастье, потому что смерть от пули на свободе легче пыток и унижений в тюрьме…

Найдутся и свои абхазы… Коммунисты отправятся завоевывать Чечню, Татарстан или Украину… Россия распадается, как распадается окровавленная, попираемая сапогами насильников из «социально близких» коммунистам мафиозных военных соединений Грузия. Калмыкия не подчинится, Урал станет нашей Менгрелией, где будут вести партизанские бои сторонники Ельцина и казаки… Но в Грузии не было ядерного оружия. А в России оно есть… Коммунисты обустроили Грузию, сейчас они обустраивают руками Хасбулатова Чечню, свергая демократа Джохара Дудаева. Они все ближе… Объявляется конкурс планетарного значения. Пусть Россией владеет тот, кто сможет остановить коммунистов. Ау, варяги! Не опоздайте хотя бы на этот раз…

Тайная вечеря как прообраз учредилки

Когда мы, дээсовцы, были молодые и глупые, то, потрясая основы, в 1989 году выкинули лозунг Учредительного собрания. Однако наша глупость не простиралась так далеко, чтобы в самом деле предложить советским обывателям намылиться в эту самую Учредилку. Во-первых, было очевидно, что ничего путного бедное советское население, которое стало что-то вякать только с разрешения Горбачева, учредить через не менее бедных и советских своих представителей не сможет. Идею Учредилки ДС использовал с 1989 по 1991 год (до августа) в качестве той самой селедки из грустной повести про Ваньку Жукова: чтобы ейной мордой тогдашним властям в харю тыкать. Нам нравилось пугать Горбачева и коммунистов их нелегитимностью. Чтобы во сне им являлись Милюков, Набоков и Чернов и втроем вытаскивали их из насиженного кресла. В сентябре 1991 года этот безумный проект, пожалуй, можно было реализовать. Коммунисты были загнаны за Можай, а национал-патриоты еще сладко дремали в эмбриональном состоянии в своих змеиных яйцах. В эйфории, с перепугу и с пересыпа (а может, с перепоя), один-единственный раз на основе классической четырехвостки (всеобщее, тайное, равное и прямое) могли выбрать в Учредилку исключительно тех, кто считал себя демократами и либералами (пока этот сон золотой еще не развеялся от столкновения с грубой капиталистической действительностью). В горячке первого порыва и очередного нашего прорыва («…и рай земной в объятья примет нас») депутаты учредили бы таки капитализм, тем паче что либеральные реформы тогда виделись большинству как дары Бога Моисею в пустыне: бредешь себе в Землю обетованную, а с неба сыплется манна небесная, а по воскресеньям и жареные перепела. Да в сентябре 1991 года можно было принять американскую Конституцию!

Но поезд ушел. Однако идея Учредилки по четырехвостке овладела демократическими массами (ДемРоссией, СвДПР Марины Салье), как всегда, вовремя и к месту. Гавриил Попов доисследовался до мысли о том, что первая Учредилка была компромиссом между Думой и Советами. СвДПР и ДемРоссии не дают покоя лавры кадетов, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть подготовки к выборам в УС, создавали клубы, комитеты, а в награду получили 5 процентов мест. И это в стране, где худо-бедно жили нормальные буржуи, лавочники, помещики, кулаки, середняки, где богатых было больше, а бедные еще не успели до

конца усвоить истину, что надо взять все и поделить… А колхозники, совки и партаппаратчики в 1918 году не завелись еще… Люмпены были, но не в таких масштабах, как у нас. И не успели бедные кадеты посидеть на своих местах, как еще до 5 января были запрещены, посажены, а некоторые даже убиты. А Учредилка учредила запрет на частную собственность на землю. На том ее и попросили (разогнали).

Неужели лидеров ДемРоссии и Марину Салье прельщает участь Шингарева и Кокошкина, убитых революционными матросами (из тогдашнего ФНС) прямо в больнице?

Результаты референдума мы видели. 36 миллионов за реформы. А остальные 70 миллионов за что? Видит Бог, по телевизору можно, конечно, сказать, что весь народ в едином строю за либеральные реформы, а события 1 и 9 мая — «это растленное влияние»… Востока. Можно заявить, что Анпилов работает на Фиделя, а Астафьев — на Ким Ир Сена. Сказать — можно. Авось кто-нибудь спроста и поверит. Но самим-то зачем ловиться на удочку, приготовленную для карасей-идеалистов? Президент предлагает единственно возможный в нашем отчаянном положении вариант. Ведь Конституция — как подарочный шоколадный рог изобилия с ВДНХ, из бывшего Сахарного павильона (предмет моих детских вожделений). Неужели слюнки не потекли? За нее 30 лет диссиденты в застенках умирали. Мы бы ее на могилы Юрия Галанскова, Ильи Габая и Анатолия Марченко положили…

Что для нас первично? Учредилка или принятие Конституции? Если принятие, то поймите, что 60 или 50 процентов потомственных социалистов страны ее не примут: там сказано, что даром ничего не дадут. Твоя социальная гарантия у тебя в руках и в голове… 36 миллионов пошлют в УС не то число депутатов, которое будет правомочно ее принять. На Съезде мы уже имеем свою пятипроцентную норму. Хотите этого и в УС? Тогда не надо туда нести президентский проект, не надо даже проекта 1977 года — слишком либерален, по Челнокову и Терехову. Туда надо нести ленинский, из текстов, принятых в 1918 или 1924 году. Вот это и пройдет… Охота еще раз посидеть с социалистами, попеть с ними «Интернационал», как 5 января 1918 года? А утром придет Невзоров и скажет, что караул устал… А что будет дальше — читайте историю КПСС. Если мы с Советами не завяжем насчет компромиссов да консенсусов, они нас просто повяжут. Есть же гарантийные механизмы получения

нашей Синей Птицы, то бишь Конституции. Референдум (по простому большинству), Конституционная ассамблея из правоведов (founding fathers), субъектов Федерации, демократических партий. Сядем рядком, поговорим ладком… И уж здесь-то место и СвДПР, и ДемРоссии обеспечено.

А уж что до того, что подобная хартия из президентской руки похожа на царский указ, то давно ли мы стали такими разборчивыми? Нос воротим от гостинцев… Тогда надо было самим перестройку начинать, не дожидаясь августа 1991 года и инициативы Бориса Николаевича! И самим Союз распустить еще в 60-е, и сегодня с Совдепами управиться тоже самим. Не можете? Тогда берите, что дают, благо дают не просто хлеб, а с маслом… Настоящая Конституция не является альтернативой севрюжине с хреном. Наоборот, она добрым и умелым гражданам как раз этот деликатес и обеспечивает. А вы хотите УС от всего крещеного (и некрещеного) мира? Ну, так не будет ни Конституции, ни севрюжины. Один хрен останется…

В конце концов первая Учредилка закончилась большой бедой. Тайная вечеря. Хотя Христос омыл ноги Иуде ради консенсуса. А тот пошел к нардепам в Синедрион и заложил. За тридцатку в СКВ. А ведь предатель был один на 12 человек. У нас хуже будет. Челноков и Власов — это цветочки…

Не надо советовать Борису Николаевичу омыть ноги Вольскому или Стерлигову. Я предпочитаю скорее получить эту Конституцию по указу президента, нежели лишиться ее путем всеобщего, равного, тайного и прямого…

Консенсус как форма массового самоубийства

Я не ханжа, хотя и девственница. Пусть у нас будет много секса. И с разбега, и на месте, и двумя ногами вместе. Постбрежневский реванш. Пусть на каждом углу стоит дом терпимости. Я одного только не допускаю — чтобы в доме терпимости принимали Конституцию. Ее-то зачем пускать по рукам? А она у нас уже пошла… Что такое Конституционное совещание? Если схематично? Типичный дом терпимости. Сидят там в Кремле хорошие люди. Президент. Люблю президента. Егор Гайдар. Обожаю Гайдара. Сергей Шахрай. Пальчики оближешь. Марина Салье. Ну просто объедение. Вот бы и сидели. Да надо же им было догадаться зазвать туда Жириновского, Слободкина, Зорькина, Хасбулатова и прочую дьявольскую свиту. Как на бал Ста королей. Не хватает Малюты Скуратова и госпожи Тофаны. Представьте себе американских отцов-основателей. Они же для работы над Конституцией не привлекли короля Георга! Могу себе представить тот компот из сухофруктов, в который превратится президентский проект усилиями Олега Румянцева, Слободкина и Жириновского. Представляете себе положеньице? После этого Совещания Жириновский и Слободкин станут называть себя отцами Российской Конституции. Оставят они от нее рожки да ножки… А президенту наука — не приглашать впредь лебедя, рака и щуку дорабатывать Конституцию.

А субъекты Федерации, по-моему, мечтают только об одном: как бы им поскорее остаться наедине со своими социалистическими устремлениями. Татарстан, Башкортостан, Саха, Мордовия, Карелия… Одна большая Вандея. А в ней Москва и Санкт-Петербург — как две свободные капиталистические зоны. И переименовывать не придется, когда президентские национальные консенсусы и соглашения кончатся, чем им положено кончаться: национальной катастрофой. Зона — она и есть зона. Борисом Ельциным сейчас владеет то же ослепление, тот же амок, который когда-то владел Александром Керенским. В Корнилове было спасение России, спасение Керенского и Временного правительства. Керенский подавил восстание Корнилова и досоглашался с Совдепами до большевистского путча.

И страшна не сама смерть, а то, что президент лишил нас

возможности сопротивляться и этими самыми переговорами с Советами о совместном проекте, этим составом Конституционного совещания заживо одел в саваны и уложил в гроб. Нас, которые готовы были драться. За него, за себя, за его проект, за Землю и Волю. Может быть, в свете консенсуса, с помощью которого нам сейчас стряпают тартинку с гвоздями, имеет смысл внести в совмещенный, как санузел, проект следующий пункт: «Граждане Российской Федерации имеют право на компромисс, на капитуляцию и на отступничество. Президент РФ — тоже».

Румянцев и Слободкин убиваются по части прав. В президентском проекте им их было мало. Они хотят перенести в Конституцию все права из лукьяновского текста 1977 года. Благо и Лукьянов, как член ФНС и РКП, запросто мог бы оказаться в Кремле рядом с демократами, уже приговоренными его организациями к высшей мере. Кое-кому хочется видеть в Конституции право на труд. А как насчет 10 процентов безработицы, неизбежной на первых порах (да и потом она не будет меньше пяти)? Ежели личность хочет трудиться, пусть ищет. И обрящет, если она что-то полезное делать умеет. Государство, которое нечто обязано делать, обязывает. Бойся государства, даже приносящего тебе права! Свобода — это Дикое Поле риска и игры. И никто ничего никому не должен.

Каждый получит землю. Если захочет. Вот тогда пусть и потрудится, если не умеет ничего больше. Нужно ли ваше право на труд Ростроповичу, Улановой, Искандеру, Боровому? Всем — одно главное право: не иметь никаких гарантий! Это и есть свобода. Здесь забегаешь. Право на труд — это гарантии для бездарей и бездельников. Другим ваших гарантий не надо.

Есть еще одно нелепое право — право на отдых. Спасибо, конечно, Олегу Румянцеву за такую заботу о моем отдыхе, но ведь статьи он за меня не сядет писать. А если сядет, то, судя по качеству его Конституции, такое напишет, что в «Новом Взгляде» не опубликуют. Так что придется мне писать самой, а газетки выходят каждую неделю, что сильно подрывает мои права на отдых. А бизнесмены над этой статьей просто посмеются. Не Олег ли Румянцев позаботится об их капиталах, пока они станут отдыхать? В конце концов, у Войновича в его антиутопии «Москва 2042» права выглядят более концептуально, чем у Румянцева. Там сказано, что граждане имеют право: есть пищу, прикрывать наготу одеждой и иметь крышу над головой. Это выглядит

гораздо ближе к действительности, чем лицемерные права на жилище, труд и использование достижений культуры. Ведь согласно последней статье, я имею право посетить Лувр, Колизей и Тауэр. Вот пусть Олег Румянцев и покупает мне тур во Францию, Италию и Британию. Ловлю его на слове. В перечне прав не хватает права на сон. Его можно так сформулировать: «Граждане РФ имеют право на сон. Гарантируется регулярной сменой дня и ночи, а также наличием в продаже одеял, подушек и матрацев».

И в Конституции, как из тартинки, на этом Совещании вытащат весь мякиш и всю ветчину и напихают гвоздей. Я думаю, что при таком составе КС не президент будет распускать парламент, а парламент будет распускать президента. А субъекты Федерации превратятся в неопознанные летающие объекты и отчалят к светлым далям коммунизма вслед за Мордовией. А частная собственность будет только на белые тапочки. Еще, по-моему, ни одна цивилизованная страна не пыталась вырабатывать текст Конституции за одним столом с коммунистами и нацистами. Мы и здесь «впереди планеты всей». Похоже, что именно это Совещание призвано сказать избирателям, которые примчались на всех парах на референдум и проголосовали по формуле: «Да, да, нет, да!», некую горькую истину устами Сельвинского: «Зачем ты пришла, золотая? Здесь нет для тебя ничего». Это, конечно, не значит, что мы не придем на следующий референдум. Демократ — всегда невольник чести. Мы бы пришли и снова отдали свой голос президенту. Да беда в том, что референдумов больше не будет. «Им» открыт фронт. Коммунисты не заставят себя долго просить. Мы не успеем отдать президенту свои голоса, а он не успеет у нас их попросить. Потому что и мы, и он на этом алтаре «национального согласия» просто сложим свои головы.

Бал воров

Евгений Евтушенко сказал: «Протест социальный — открытие себя для себя самого». В стихах Евтушенко всегда прав. Я вообще считаю, что при прогрессивности политического протеста социальный, напротив, чреват большими пакостями во всемирном масштабе. Как кто примется социально протестовать, так хоть из дома беги: или какие-то луддиты станки поломают, или некие «жаки» устроят Жакерию и начнут чужие поместья грабить, а то их потомки и вовсе устроят Октябрьский переворот.

Мне в душу глубоко запали сомнения и терзания радикально-левой российской общественности насчет коррупции и нечестного источника доходов нуворишей. Нынешнее правительство, с точки зрения праведника и бессребреника г-на Руцкого, заворовалось. А потом, всех страшно волнует, где взял деньги Боровой. Причем точно знают, что не у них. Но волнуются. Что заработал — не верят. Мол, у него «деньги КПСС». А что же вы первые их не отрыли на субботнике? Лопаты у вас не было? И если кто нашел деньги КПСС, то почему он должен делиться с вами или с государством? Когда вы по грибы ходите, вы тоже себе оставляете только процентов двадцать пять? По-моему, за то время, которое тратится на поиски расхитителей, два национальных дохода заработать можно.

Многие не верят, что Ельцину и К° нет альтернативы. Номенклатура, мол. Социально чуждый элемент. Чистки для нее ввести. И ВЧК — со спекуляцией бороться. С мешочниками, ларечниками, брокерами, фермерами, банкирами.

Удовлетворяя художественные запросы трудящихся, я хочу сводить их в андеграунд политики. Вы же не желаете альтернативу искать в приличном обществе — там, где Гайдар, Явлинский, Бурбулис, Шахрай. У них анкета не та.

Поэтому давайте рассмотрим кандидатуры трех бедных и честных политиков «со стороны» (так называемые дети подземелья), апостолов социального протеста, борцов с режимом вообще и со всеми мыслимыми режимами в частности. Я провела маленькое журналистское расследование, и у меня получилась любопытная кривая. Номер первый. Виктор Анпилов. Борется с властью денег, как положено коммунисту. Услышав о его похищении и затем о чудесном спасении, я почему-то сразу

вспомнила (в контексте трехсот тысяч пропавших рублей) историю, которая с нашим спартаковцем приключилась на Пятницкой, на радио «Алеф». Он до начала передачи потребовал у ведущего уплатить ему по 10 рублей за каждое праздничное слово, так что эфир не состоялся: смета такой оплаты не предусматривала — дело-то происходило до либерализации цен. Теперь, когда я вижу Анпилова на митингах, я начинаю вычислять: какая у него ставка с учетом инфляции? Я, не дай бог, не хочу оклеветать Анпилова и голословно утверждать, что он украденные якобы в лесу похитителями сотни тысяч партвзносов просто присвоил. Я у изголовья не стояла. Я не похищала Анпилова, с одной стороны, а с другой — меня не приглашали эти деньги пропивать. Но у меня возникли сомнения и вопросы. Если Анпилова похитили политические противники, то почему они его не убили, гордо швырнув на труп эти несчастные 300 тысяч, как всегда поступали приличные террористы? И газеты бы написали: «Убитый не был ограблен. Налицо политические мотивы покушения.» Или хоть оставили бы записку: «Это ждет каждого коммуниста». А если были банальные грабители, то почему они, обчистив жертву, не оглушили ее и не отправились в притон — пропивать коммунистические денежки? Зачем таскать Анпилова на дачу и поить за свой счет водкой? Что это за пансионат такой? А потом в лес отвели. Зачем? Не могли же они рассчитывать, что в подмосковном лесу есть волки…

Номер второй. Владимир Данилов. Мелкий «патриот» (если считать крупными его патронов — генералов Стерлигова, Невзорова и К°). Считает себя политзаключенным, хотя к его второму делу примешалось совращение малолетней, а когда в мае 1991 года за ним явился КГБ, то он обнаружил не только нелегальные издания, но и порнофильм, отснятый В. Даниловым лично. Опять-таки ничего не хочу сказать. У Оруэлла в «1984» Смит и Юлия считают секс методом борьбы с тоталитаризмом. Может, «Воля России» издается Даниловым на пожертвования спонсоров из ВПК и КГБ (продается она в Твери по 2 рубля — бумага одна стоит дороже, — но и по этой цене ее не берут, ибо тоска в ней зеленая: мечта экологов). Не помогает и то, что на газете крупно написано, что ее зарядил лесной колдун. То есть леший, конечно, там бродит, но чудес не предвидится, и русалка на ветвях не сидит. Если в «Дне» — громкий патриотический вой, то в «Воле России» — тихое патриотическое тявканье. А все потому, что В. Данилов в Лефортово за 3 месяца скис, как неснятое молоко. Даже гэбисты огорчились. Им для политического процесса нужен был орел, а не мокрая курица.

Хорошо, что до суда дело не дошло.

Правда, в газетке полно мечтаний об утраченном СССР, и печатался даже смертный приговор Б. Н. Ельцину, но где этого нет! Скоро такие тексты на заборах будут вывешивать, как дацзыбао. И, понятное дело, там содержится социальный протест против «ограбления народа». Вы еще не догадались? Владимира Данилова тоже похитили! Лица кавказской национальности! И полмиллиона отобрали! (Кто больше?) Увезли на уединенную квартиру, не поили, но кормили. А потом отпустили, запретив заниматься политической деятельностью (правда, этого никто не слышал). Тот же сценарий. Я опять-таки не хочу никого обвинять в присвоении чужих денег, но в бытность свою демократом (до 1991 года В. Данилов был членом ДС) он уже приватизировал кассу и пытался (хотя и неудачно) приватизировать оргтехнику. Перешел к патриотам — и у них пропажа. Правда, достоверно я смогу что-то утверждать, лишь когда В. Данилов перейдет к либертарианцам — в партию сексуальных меньшинств — и у них тоже что-то случится по части движимого имущества.

Третий номер. Владимир Матвеев. Тоже бывший член ДС. Бывший демократ. Тоже сожалеет об обнищании народа и протестует против гайдаровских реформ. Вы будете смеяться. У него в провинции рэкетиры средь бела дня отобрали крупную сумму партийных денег и кучу партийных же ваучеров. Когда он еще был членом ДС. Я бы, может быть, и поверила в покражу движимого имущества, если бы, выходя из партии, он не присвоил себе недвижимое — всю партийную оргтехнику на несколько миллионов. По идейным соображениям. Чтобы не отдавать ельцинистам. (Это макет для всех СП: директор или учредитель крадет капитал и объясняет, что его партнеры — ельцинисты. Инцидент исчерпывается.) Правда, Владимиру Матвееву придется делиться с пятью-шестью напарниками, тоже вышедшими из ДС из-за нелюбви к капитализму, но они много не возьмут: одни слишком заняты участием в анпиловских митингах, а другие — исполнением профессиональных обязанностей агентов МБР (КГБ).

И если вспомнить номер четвертый — христианских демократов Чуева и Огородникова, тоже разошедшихся по разным партиям на почве присвоенного имущества, причем то ли Карл у Клары украл кораллы, то ли Клара у Карла украла кларнет, а может, и то и другое… Я все это к тому, чтобы на выборах, если мы вопреки усилиям № 1–3 до них доживем, вы голосовали за богатых. № 1–3 исповедуют истину: «Мир — хижинам, война —

дворцам».

А это не просто воровство, а воровство в законе. И если уж мы переживаем некий шумный бал воров, то давайте выберем тех, чей закон больше нам подходит. Воры в капиталистическом законе сами будут жить и другим дадут. А воры в социалистическом законе и сами жить не будут, и нас замучают.

И никогда не голосуйте за андеграунд. С Ельциным и Гайдаром спокойнее. У них приличные манеры.

А в подполье, как сказал некогда генерал Григоренко, можно встретить только крыс.

Что ищет он в стране далекой?

Поскольку редакция «НВ» обратила внимание на то, что я все пишу о политике, а Игорь Воеводин, наоборот, о бабах, что нравится читателям гораздо больше, я решила перековаться и описать что-нибудь интересненькое. Поговорим о таинственных «агентах влияния», тем более что, в отличие от Крючкова, я раскопала две реальные подрывные организации.

Насчет агентов ЦРУ — это все мура, я по себе знаю. Агентов у ЦРУ на территории СССР вообще не было, а в отчетах родной организации боссы писали «липу». Приписки — это не только советская методика. Мы, диссиденты, для ЦРУ были слишком «крутыми». Почему при моих-то воззрениях и деяниях ни один из них ни в 60-е, ни в 70-е, ни в 80-е ко мне не подъехал — обсудить тактику и стратегию подрыва и ослабления госстроя. Так что, когда в 1978 году здорово были нужны ксерокс — хоть цэрэушный — под листовки и подпольная типография под «Самиздат», приходилось довольствоваться своими жалкими ресурсами. И мне было очень стыдно в октябре 1986 года на Лубянке (перестройка началась с 31 декабря), когда меня арестовали в очередной раз с листовками, напечатанными на гнусной машинке «Эрика». Следователи не преминули пройтись насчет кустарного способа изготовления. А кто виноват? ЦРУ! Техникой не обеспечило. Специально об этом сегодня пишу, чтобы те, кто здесь от ЦРУ «сидел на хозяйстве», были задним числом пенсии лишены.

Ручаюсь, вопреки наветам Крючкова, что Александр Яковлев тоже к ЦРУ никакого отношения не имел. Да если бы он при той любви, которую к нему питало Политбюро после предложения ввести частную собственность на землю, хотя бы пачку жвачек от ЦРУ получил, его бы давно расстреляли сподвижники Крючкова, и он даже до перестройки бы не дожил.

Но, извините, я отвлеклась. Хочу поведать про новый способ зарабатывать деньги. Путем создания серии организаций «Союз меча и орала».

Скажем, на Западе все есть. Например, гомосексуалисты и лесбиянки. И они ищут способ распространить на отсталые страны свой передовой опыт. И тут является Евгения Дебрянская, успевшая за свою короткую жизнь завести на девственной

территории советского таежного пространства пацифизм, ДС и транснациональных радикалов. Но поскольку радикалов развелось столько, что прокормиться за счет одного несчастного итальянского центра уже не удавалось, пришлось Жене разводить в Москве либертарианцев и объявлять себя лесбиянкой (хотя, как говорится, ни в одном глазу, но ведь проверять-то не будут!). И в Штаты свозят по обмену опытом, и с собой чего-нибудь дадут. Представляю себе умиление американских сексуальных меньшинств, не чаявших обнаружить последователей в российском захолустье. А вклады всегда прямо пропорциональны умилению.

Но это способ добывания денег не предосудительный и даже полезный. Статья за гомосексуализм из УК выпала. И Жене сытно, и государство цивилизовывается, а то при нашей дикости с сексуальными меньшинствами обращались, как с национальными.

Жаль только, что бывший супруг Жени Дебрянской, Александр Дугин, не проникся ни демократическим настроем, ни гуманитарными склонностями своей первой жены. Дугин решил заработать на фашизме, а это затея куда менее безобидная. Он сошелся с «новыми правыми», которые, как некая молодая поросль, произрастают на вырубке, оставшейся после того, как на Нюрнбергском и последующих аналогичных процессах без чести пали «старые правые». Рецептура приготовления «нового правого» направления следующая. Берется хорошая доза обыкновенного фашизма. Прибавляется взбитый венчиком исламский фундаментализм. По вкусу все это сдабривается язычеством (друиды, валькирии, митраизм, индуизм). Доливается стаканчик евразийства (идеология монголо-татарской орды пополам с китайским тоталитаризмом). Сверху посыпать социализмом. Перед употреблением взбалтывать.

Ознакомиться с конечным продуктом можно иногда по газете «День». Но лучше по первоисточникам — по дугинским журналам «Элементы» и «Милый ангел».

Возникает резонный вопрос: зачем европейским фашистам завоевывать российский рынок таким дорогостоящим способом (Дугина кормить, журналы на глянцевой бумаге издавать)? Для ответа надо задать второй вопрос: «Что кинул он в краю родном?» На Западе идея борьбы с американским мондиализмом и ностальгические вздохи об утраченных фашистских добродетелях

имеют весьма малый успех. От добра, как говорится, добра не ищут. На десять новых правых вождей там может набраться девять слушателей. «Новые правые» на Западе — экзотика. Их там показывают, как отца Федора: «А на этой скале фашист живет. А как он туда попал и чем питается, неизвестно». Справедливо полагая, что в России проповедь ненависти к деньгам, комфорту, цивилизации, христианству, правам человека, милосердию, здравому смыслу и США — за неимением в наличии перечисленного в списке — будет иметь гораздо больший успех, Тириар и К° устремились в Россию. И они настолько небезобидны, что напугали даже Сергея Кургиняна, которого трудно напугать отрицанием идеи прав человека. Только зря он со всех амвонов пытается отвратить Дугина и Проханова от их бесчеловечных намерений. Кургинян столько пишет о подвигах советского народа в Великой Отечественной войне, что уж он-то должен бы знать, что на фашистов воздействуют не проповедями, а «катюшами» и танками Т-34.

А пока Дугин свои дойчемарки окупает с лихвой. Особенно поразил меня журнал «Милый ангел». Я-то спроста считала, что ангелы очень добрые и благородные, а у Дугина ангел — это тот, кто лишен всяких человеческих черт, что-то вроде Голема и Франкенштейна, разбавленных Розенбергом. Впечатление от чтения журнальчиков прямо по известному шлягеру из фильма «Усатый нянь»: «А вот из-за Нила идет Горилла. Под мышкой горилла несет крокодила».

Есть и более безобидная на первый взгляд организация. Шиллеровский институт. Гнездится в Штатах, в Германии, во Франции. Это «новые левые». Ищут днем с огнем «третий путь». Мимо капитализма, но мимо якобы и тоталитаризма. Идея знакомая: и рыбку съесть, и в фаэтоне прокатиться. Злые языки утверждают, что институт создан КГБ. Еще более злые — что его содержат нацисты-подпольщики из Южной Америки. Однако на деньги ли КПSS, на деньги ли SS, но соблазнить идеей отказа от капитализма романтикам-шиллеровцам в странах Запада мало кого удалось.

Хуже всего, что в это дело оказались втянуты некоторые объективно честные и простодушные западные интеллигенты. Ну что ж, ведь и Сталин «употребил» Барбюса и Фейхтвангера. После неудачи с Западом шиллеровцы принялись за «третий мир» и стали его убеждать капитализм не строить, МВФ не слушать, долги Западу не платить, а США близко не подпускать. По

странной случайности сия программа совпала с доктриной национал-большевиков, а долги не платить мы и сами еще в 1918 году додумались.

«Резидентом» шиллеровцев в Москве стал тот самый (мир тесен!) Владимир Матвеев, которого мы уже приглашали на танец в статье «Бал воров». Правда, маршрут по третьему пути у него начался довольно странно: с тесной дружбы и взаимовыгодного сотрудничества с троцкистами и национал-патриотами, а его сподвижники отправились выступать на анпиловских митингах и создавать нечто вроде Съезда демократов СССР. Уж очень это близко к тому, первому, коммунистическому пути. И не диво: в нашем советском пространстве параллельные прямые всегда пересекаются. Кстати, КГБ никогда не потревожит агентов этого влияния: его бронепоезд тоже стоит именно там, на третьем пути.

Когда номер кончен

Нет, не случайно Буковский не возвращается. Ведь не дом же он в Оксфорде пожалел… А что ему делать? Конкурировать с Жириновским и Астафьевым в соискании депутатских мест в это пресловутое Федеральное собрание, куда сползутся экземпляры почище нынешних съездовских особей: красные, коричневые, розовые, кремовые, — так что получится не столько парламент, сколько историческая помойка? Буковский так и спросил: «А что мне тут делать?» И в самом деле, что? Вон на Конституционное совещание бывших диссидентов не пригласили и даже не позвали рыцарей демократии из «Живого кольца», «Августа», «Сентября». Зато для ФНС и РКП места были готовы. Они сами не пришли — их не выгнали. На том основании, что коммунистов и нацистов много, а защитников Белого дома мало. Ну что ж, малины в лесу всегда меньше, чем волчьих ягод, а белых грибов не столько, сколько мухоморов. Количественный критерий отбора, продемонстрированный президентом на первом этапе, обеспечит нам и на выборах при соответствующем избирательном законе приоритет мухоморов и волчьих ягод.

В принципе все понятно: все каштаны уже вытащены из огня. А едят их обычно не те, кто вытаскивал. Но правозащитники не вправе обижаться. Они должны очень крепко задуматься: а они ли вытаскивали каштаны из огня? Сейчас, когда наш номер кончен и мелодия допета, есть время сказать друг другу правду: ни черта у нас не вышло. Все эти годы, с первой оттепели до последнего ельцинского ледохода, мы были прямо по оперетте: храбрыми шутами. «Со смертью играю — смел и дерзок мой трюк…» Что ж, отечественные и зарубежные зрители швырнули нам немало букетов. Каждый умирает в одиночку. И каждый доживает в одиночку. Мы, как Юлия и Кинстон Смит из «1984» Оруэлла, работали для истинных ценителей и потребителей нашего искусства — для КГБ. Насколько это нужно было народу, видно из результатов матча Кравчук — Черновил. Все законно. Народ не любит побежденных, мучеников, жертв, узников совести. Народу нужны победители. Мы должны были лично повергнуть коммунистов, во главе каких-нибудь там легионов вступить в Кремль, взять, как водится, почту, телеграф и все банки, разрушить Лубянку и кое-кого повесить, как в Германии в 1945 году. Мы должны были соблюсти классику: поднять народ на восстание против «супостатов». И этот бунт, осмысленный, но беспощадный, всем бы сразу доказал, что мы не какие-то там

мечтатели и звездочеты, а серьезные люди. Вот здесь бы мы не были отстранены от власти, а сами бы поделили все места, как некогда большевики, а народ сел бы писать доносы на коммунистов и совработников… Начался же этот красивый процесс после 21 августа! Зачем остановили?

А так единственное наше достижение — это то, что мы сидели. И освободили нас кого Горби, а кого Ельцин. На первого нашло, а второй по идейным соображениям. СССР развалился у Горби в руках, он просто сломал свою игрушку, как ребенок, желающий обязательно посмотреть, что у нее внутри. Вот и доковырялся. Спасибо, что наконец попался генсек с инициативой. А вот Ельцин — это единственное, пожалуй, наше завоевание. Он нас послушал-послушал да и вытащил каштаны из огня. А вот есть он их будет с теми, кого пригласит.

Хвастаться сегодня своим диссидентством и отсиженными сроками — это все равно что с упоением припоминать, сколько раз тебе дали по роже и сколько раз ты не дал сдачи… Мне съездили по роже 70-й статьей и в 1969 году, и в 1968-м, и в 1991-м, не считая более мелких подзатыльников в 1985-м, в 1988-м и 17 тычков с 1988-го по 1990-й. А сдачи дать было нечем. Бодливой корове бог рог не дает. Это я про свои «славные» столкновения с КГБ. Какое уж тут торжество. Одна стыдобушка. Такой у нас народ. Такой я агитатор. Такие мы все революционеры. Без Горбачева и Ельцина нас бы уже скушали птички под названием вороны.

В общем, в хоккей не играют не только трусы, но и те, кто не имеет коньков, клюшки, шайбы, спортивной формы, да и вообще не умеет играть. Кому нужны на поле храбрецы, но сапожники? И если коммунизм и падет (еще не факт, кстати), то мы здесь будем вовсе ни при чем. А поскольку оплата идет сдельная (а не по количеству отработанных в зоне лет), то и гонорар требовать не приходится. И нигде мы не будем сидеть, ни в каком ареопаге. История плевать хотела на наши изящные помыслы, которые были чисты, на наши руки, которые тоже были чисты, но как крюки, — истории подавай результат. Мы не избежали позора быть помилованными той частью КПСС, которой по каким-то глубоко личным причинам вдруг надоела скоромная пища и она переключилась на молочно-растительную диету. Может, доктора прописали. Поэтому еще не съеденные диссиденты были выпущены из закромов.

Твоя свобода — это то, что ты приносишь на острие копья. Ее

надо было добыть, как мамонта. А мы дождались, что в нас ею просто плюнули. Нас уже несли топить в мешке. Но вдруг передумали и вытряхнули из мешка прямо в заросли крапивы. Свобода — это и есть крапива.

Поэтому мы должны знать свое место и никому не признаваться, что были правозащитниками, диссидентами, революционерами. Надо срочно закрыть все лавочки с хельсинкской символикой. И никогда не поминать всуе о правах человека. Я об этом феномене еще продолжу. Нет! Мы просто выступали в цирке, «работали каучук». Пока не окончился сезон.

На границе тучи ходят криво…

И да простят меня российско-советские патриоты, так и разбирает охота поиздеваться над очередным национальным бедствием. У нас такие бедствия, что обхохочешься — прямо по Е. Шварцу. Опять кто-то покусился на священные рубежи нашей демократической Родины. Поскольку эти рубежи у нас не постоянные, а переменные. Они у нас кочуют, как цыгане. Еще шесть лет назад они пролегали через Венгрию, Чехословакию, Польшу, Монголию. Караулить такие рубежи было трудно даже с высоты Спасской башни. Приходилось круглосуточно сидеть в танках под Прагой, Варшавой и Будапештом и вечно стучать ракетой об ракету, дабы распугать нечестивцев, которые придут наши груши отрясать. Казалось бы, убравшись разочек с тех «священных рубежей», будешь впредь курировать только свой огород. Однако нам мало было прежних приключений, мы пустились искать новые на свою пустую голову. Сказано же: кто ищет, тот обрящет. Обретя новый священный рубеж в таком родном, таком коломенско-рязанском Таджикистане, принялись мы там обживаться…

Сейчас эфир, как спелый арбуз, просто трещит от жутких историй о свирепых моджахедах, которые гарцуют на гнедых БТРах вдоль таджикско-афганской границы и, видно, хотят выкрасть русскоязычную барышню. Дикторы либеральных «Вестей» сообщают о возможности «упреждающих ударов», экран обливается слезами христолюбивых пограничников и неутешных матерей. В связи со всем этим «мутным валом вдохновения» мне вспоминается песенка об израильских границах, сочиненная в ранних восьмидесятых стопроцентным евреем-каэспэшником. Никто из нас, русских нигилистов и насмешников, не посмел бы сочинить такое из страха прослыть антисемитом, но Женю-то в этом обвинить было нельзя. Песенка звучала так:

На границе тучи ходят криво,
Край суровый тишиной объят,
В сорока верстах от Тель-Авива
Часовые Родины стоят.

Дальше, как водится: «В эту ночь решили ярафатцы перейти границу у реки». А навстречу им выступили «три дантиста, три веселых друга, экипаж машины боевой». И ведь было понятно, что

там не шуточки, что Израиль в кольце огня, что его границы действительно нужно защищать. Однако ни один интеллигент никогда не сможет пройти без издевки мимо патриотической риторики. Женя не поехал в Израиль, и правильно сделал, иначе своими насмешками он мог бы подорвать обороноспособность ни в чем не повинной страны…

Так как же мы обустроили Таджикистан? Застав там народ на двух площадях, на одной с портретами Ельцина и номерами «Огонька» и «Московских новостей» (журналов такого рода было куда больше Коранов, а портретов Ельцина — больше, чем портретов пророка Магомета), а на другой — с красными флагами и портретами Ильича и Виссарионыча, демократическая Россия ничего лучшего не придумала, чем поддержать вторую площадь и привести к власти людей, которые немедленно стали сажать, пытать и расстреливать без суда и следствия всех демократов и сторонников Ельцина, каких только могли отыскать. Это-то еще могло обойтись без шума, а на крики пытаемых и казнимых наш слуховой аппарат с 1917 года не реагирует. Но красные таджикские кхмеры, не удовольствовавшись горсточкой интеллигентов и демократов (которых и у нас-то меньшинство, не то что в Таджикистане), принялись искоренять в исламской стране ислам и заодно развлекаться этническими чистками. Все это при активном участии российских аник-воинов, которые, выполняя свой интернациональный долг, сравнивали с землей кишлаки, применяя тактику выжженной земли. После того как красные кхмеры — российские и таджикские — общими усилиями уничтожили полмиллиона таджиков и еще несколько десятков тысяч загнали беженцами в Афганистан, самое время удивиться: как это вдруг неблагодарные туземцы нападают на российских пограничников? откуда вдруг такая напасть?

Обратите свои очи на недавнюю афганскую войну. То-то мы осчастливили «наших» афганцев! После того как СССР оттуда вышвырнули, те, кто держался на наших штыках, вынуждены были с Родины бежать… То же будет и с нынешним правительством, краснознаменным и по локоть в крови… А представляете, что было бы, если бы в Афганистане оставалось русскоязычное население? Не представляете? Вот и Павел Грачев не представляет. Хочет проверить эмпирическим путем на таджикской территории… Ведь его родственники там, наверно, не живут. А то бы он поостерегся пускаться в такие творческие эксперименты. Самое интересное — реакция российского

населения, вполне адекватная советской. Пишет сыночку мать на ту самую пресловутую заставу: «Отомсти за брата». Кому? Павлу Грачеву? Нет! Ни в чем не повинному афганцу или таджику! Теперь я уже не удивляюсь тому, что безутешные вдовы и матери ограниченного воинского контингента, прочитав книгу об афганской войне, подали в суд не на генералов, не на КПСС, а на автора книги Светлану Алексиевич… Наше агрессивно-послушное воинство при полной покорности отцам-командирам всегда готово было изорвать журналистские или пацифистские мундиры о русские штыки. А полторы тысячи Митрофанушек (не хочу учиться, хочу убиться!) подали заявление с просьбой отправить их на афганско-таджикскую границу… Мне надоели разговоры о том, что бедные российские солдатики в себе не вольны и ни за что не отвечают. Если человек ни за что не отвечает, ему опасно давать автомат. Давайте тогда предоставлять избирательные и прочие гражданские права с 30 лет, как в Спарте. Если уж в 18–19–20 лет человек ничего не соображает.

Если ты позволил сделать из себя стойкого оловянного солдатика, не удивляйся, когда в горячей точке тебя бросят в горячую печку чужой войны… Генералы спокойны: они знают, что еще 15 тысяч бешеных кроликов себе всегда добудут — что для Афгана, что для Таджикистана. А кролики затвердили наизусть: «А если что не так — не наше дело. Как говорится, Родина велела. Иду себе, махаю автоматом. Как славно быть солдатом, солдатом!» Бедные солдатики! Бедное пушечное мясо! Это они поплелись в Берлин в 1953-м, в Венгрию — в 1956-м, в Чехословакию в 1968-м, в Москву — в 1991-м. По не очень приличной пословице: «Наше дело — телячье. Обвалился — и стой». Их можно морить голодом в Приморье, они чистят сапоги «дедам», они только и способны спрятаться за юбками «Солдатских матерей».

Нет, это не субъекты Федерации. Это ее жалкие объекты, объекты обмана и лжепатриотизма. Пусть эти мертвые сами хоронят своих мертвецов. Без меня.

Вьется по ветру веселый Роджер

Я никогда не могла понять, почему фрегат Совета Московского и бригантина Совета Верховного до сих пор не подняли на флагштоках веселого Роджера с черепом и костями, а плавают под чужим трехцветным знаменем. Впрочем, они с таким же несокрушимым аппетитом плавали и под красным. А под чужим флагом удобнее брать на абордаж несчастный, уже наполовину затонувший либеральный ельцинский режим. Пираты — они как пираньи. Они знают, когда надо напасть, добить или приплыть на запах крови и обглодать до костей, до скелета. И поскольку подвиги новоявленных Флинтов из ВС описаны и растиражированы, мое скромное перо нацелилось на джентльменов удачи из Моссовета, ибо они мало кому известны, хотя их Одиссея будет почище гомеровской.

Кадровый состав депутатов Моссовета не может быть ни учтен, ни охарактеризован иначе, чем понятием множественным и античным. Моссовет — это лернейская гидра. Впрочем, любой советский коллектив, дорвавшийся до власти, будет таким же тупым, свирепым и ядовитым, как это милое кишечно-полостное на Советской площади, на которое стыдно смотреть даже каменному Долгорукому. Немногие демократы, словно пленники на пиратском корабле, проводят время в трюме Моссовета и ВС, скованные по рукам и ногам красно-коричневым большинством, которое держит их только для кворума и уже присмотрело для них соответствующую мачту. Депутат Миронов совершил побег. Остальные давно должны были отвязать шлюпку, доплыть до президента и попросить его пустить по пиратским кораблям парочку торпед. Среди депутатов Моссовета много литераторов: одни, как зампред Седых-Бондаренко, пишут эссе для газеты «День», главного органа джентльменов удачи; другие — просто строчат доносы в КГБ и в прокуратуру. Украшением Моссовета является отставной палач из КГБ Саушкин, истязавший диссидентов и только для вида перековавший орудия пыток на орало. Чекист Цопов дополняет моссоветовский первый отдел.

Но настоящие люди Флинта в Моссовете — это депутаты Кузин и Анпилов, два Виктора, два победителя, которые, если завтра Москва загорится, а мэр Лужков начнет ее тушить, немедленно возьмут канистру масла и начнут подливать в огонь, ибо если мэрия говорит «стрижено», то Моссовет говорит «брито», а поскольку мэру платят деньги за то, что он как-то поддерживает

жизнь в московитах, то депутаты Моссовета подрядились им жизнь отравлять. Карьера Виктора Кузина — пример беспроигрышной лотереи и образцово-показательного ухаживания за госпожой Удачей. Как многие эсдеки, он начал с демократии. Тогда она была в большом ходу. Заработав на модном в те времена понятии «кресло в Моссовете», удачно пустив в рост неформальные подвиги 1988–1989 года, он пожал все те привилегии, которые можно было оплатить рабочими заготовками на площадях, в участках и в КПЗ. А когда демократическая новогодняя елка стала осыпаться, «в миг расставания, в час платежа, в день увяданья недели» депутат Кузин перешел линию фронта и был радостно принят врагами демократии, ибо никто не любит предателей, но все любят предательство (по словам Кая Юлия Цезаря). Обобрав одну елку с гостинцами, он сейчас обирает другую, в коммунистической гостиной.

Он искупил свои грехи. Сначала он сватал городу вместо либерала и интеллигента Мурашева некоего Комиссарова, что собирался с помощью московской милиции ловить на Арбате агентов ЦРУ. Потом ставил рекорд популизма последнего разбора, требуя от прокуратуры предать Ельцина суду за то, что 1 мая коммунистам не дали убить всех омоновцев и поджечь Москву. Данная ему в руки листовка «Долой Советскую власть!» (по наивности бывшие товарищи-демократы перед референдумом зашли к нему, пытаясь устыдить) таинственными и неисповедимыми путями оказалась в прокуратуре с требованием возбудить дело по ст. 70, а далее откочевала в КГБ. Кузинская комиссия по защите прав граждан стоит на страже тех интересов, которые модно в данный момент защищать.

Анпилов в Моссовете как за каменной стеной. И как положено у них на фрегате, депутат Кузин принял участие (в приятной компании с В. Анпиловым) в избиении демократа Боксера, пытавшегося забрать из Моссовета свои листовки перед референдумом. Последние подвиги Кузина — это рекламная поездка в США за счет Шиллеровского института, вам уже известного, для чтения лекций о том, что в Америке нет демократии, а есть политзаключенные (читайте «Проблемы мира и социализма» 70-х годов!). К тому же, всласть поразоблачав Ельцина в Москве, этим кушаньем Виктор Кузин решил не обнести и американцев. Однако в США и так хватает развлечений, и на это представление никто не пришел. А мы зато с этого же представления никак уйти не можем! Некуда. И господа пираты

ломают перед нами своего Шекспира.

Не преуспев во внедрении в Москву 33 мэров-недомэрков, Моссовет завел себе притон, хотя в кодексе прежней Российской империи полагалась за это дело какая-то кара.

В своем Общественном центре Моссовет развел фашистов, коммунистов, социалистов. Именно там складируется «трижды политзаключенным» от инфантерии Владимиром Даниловым газеточка «Воля России», печатающая смертные приговоры президенту.

Моссовет всегда готов удовлетворить сексуальные потребности граждан. Владимиру Данилову был даже оплачен разговор по сексуальному «порнотелефону» (я слишком мало знаю о сексе, чтобы понять, в чем здесь кайф, но сексуальные маньяки, безусловно, поймут). Я не удивлюсь, если в один прекрасный день Моссовет откроет в своем Центре бордель, причем уже без телефона, а во плоти. Средств у пиратов хватает.

А вы спрашиваете, где законность и где порядок. Пока две трети власти принадлежат советским пиратам, порядка не будет. Будет «пятнадцать человек на сундук мертвеца». В Грузии и Азербайджане с Таджикистаном пираты уже всю власть захватили. И как вам тамошние порядочки? Нью-Йоркский муниципалитет небось смертных приговоров Клинтону не сочиняет. Запад — это иерархия, это сверчки, знающие свои шестки, это прерия, но с шерифом. А наших шерифов коммунисты бьют. Кричать «Вся власть Советам!» — это все равно что кричать «Вся власть пиратам!». Не будем вешать их на реях, но пустим ко дну ВС и Моссовет — их корабли.

Кто собирается гасить свечи?

Я долго и безуспешно пыталась лично встретиться с Юрием Власовым на предмет интервью. Мои хождения по мукам длились весь конец весны, все лето и часть осени. Прочитав в его статьях, что трусливые демократы изгнали его из всех демократических газет, вогнали в горло кляп, не пустили на телевидение и обрекли на мучительное пребывание на страницах «Дня», «Совраски» и «Правды», я поспешила предложить затравленному антикоммунистами правдолюбцу страницы сразу двух демократических изданий — «Нового Взгляда» и «Огонька». Но если Лукьянов, тоскуя перед прелюдией своего процесса, не зная, чего ждать от Ельцина в случае его победы на референдуме, все-таки дал мне интервью и отрекся от сказанного только тогда, когда убедился в том, что и суда не будет — раньше конца света — и что Ельцин, несмотря на победу, добивать не станет, а скорее сам будет бит за свои великодушие и доброту, то с Власовым мне не повезло еще больше.

Шли месяцы, цвели и отцветали ландыши, сирень, лилии, розы, георгины, а Юрий Власов то заканчивал редактировать свой труд о коммунистической угрозе, попутно оделяя своими статьями коммунистическую прессу, то занимался пушкинским юбилеем, то открывал памятник Достоевскому, то проповедовал духовное обновление в Волгограде. Думаю, что если бы я эти же усилия употребила на поимку для интервью самого Президента России, то давно бы получила желаемое. Давно уже поймались и куда более занятые Е. Гайдар и Г. Явлинский, а Юрия Власова в моих сетях все еще не было.

И наконец, последовал формальный отказ. «Новый Взгляд» оказался недостаточно целомудрен, а я сама, как мне сказали, с Ю. Власовым не имела ничего общего, кроме антикоммунизма. Здесь я задумалась: а сколько же общего у А. Караулова с его объектами: А. Лукьяновым, Г. Алиевым? Оказывается, все интервью базируются на здоровом чувстве общности!

Как полагается разговаривать с идеологическими противниками, изображено на обложке бестселлера Юрия Власова «Кто правит бал» (Москва, 1993, издательство «Кедр». 25 тысяч экз.). Там нарисован гнусный на вид змей (сразу видно, что демократ), которому в пасть загоняется копье. Вот так с нами и поговорят Власов и власовцы, как только они установят

настоящую «национальную власть». А пока мы еще живы и за хулу на народ, веру и Отечество, а также на русских классиков нам еще не отрезали язык и не отрубили правую руку (национально-исторические наказания, которые были в большом ходу во времена расцвета России, по хронологии Юрия Власова), проанализируем пророчества новоявленного пророка Даниила из той самой книжки.

Я все эти месяцы честно крепилась, надеясь, что автор даст мне хоть какие-то разъяснения (я не могла поверить, что все это написано всерьез). Но автор предпочитает общаться с целомудренной «Правдой» и с пролетарской «Совраской» (Юрий Власов, наверное, единственный антикоммунист, который не любит буржуев), а с Прохановым у него оказалось гораздо больше общего, чем со мной. Поэтому займемся манускриптом.

Сказать, что книга нескромна — это значит ничего не сказать. Начинается она с фотографии: Власов с Гагариным пьют шампанское (и подпись: «Два Юрия — Гагарин и Власов»). В конце книги сам автор со штангой и опять-таки подпись: «Он не оставлял шансов на победу никому». Насчет первого Юрия сразу вспоминаются стихи Наума Коржавина:

Громче звучите, орудья!
Есть великая радость:
В космос выносят люди
Их победивший хаос.

О чем говорит подбор фотографий? О беспечальной жизни великого и нерушимого Союза республик свободных, которые сплотила навеки могучая Русь, прекращенной во цвете сил злодейской перестройкой? Как все было хорошо — и как вдруг все стало плохо! Остается выяснить, какая это «злая рыба осетрина нас во мраке догнала…».

Предисловие к сборнику написано Дмитрием Ильиным. Любой автор, хоть сколько-нибудь заинтересованный в своем добром имени и в соблюдении светских приличий, должен был бы сперва на семи осинах удавиться, а уже потом позволить, чтобы его книга вышла с подобным предисловием. В наши либеральные времена, тем паче в издательстве «Кедр», предисловия силой не навязывают. Мне в издательстве «Новости» и то не навязали!

Из предисловия выясняется, что американцы, побеждая на разных спортивных аренах, преследовали чисто идеологические цели для того, чтобы рвануть к нынешнему «мировому порядку». «А Власов пришел и сокрушил их» (с. 5). Не слабо, а? Затем следует «производственная характеристика» автора книги. Вряд ли сам Иосиф Виссарионович мог бы пожелать большего: «Природа славно потрудилась, создавая этот феномен: великая сила, ограненная совершенной фигурой и красивым, обаятельным ликом. Мировая культура, видимо, не знала раньше, да и не знает теперь подобной физической завершенности, одухотворенной такой магической силой приятия, какая берет вас в полон всецело и безотчетно». Далее мы узнаем: «В телестудии, ожидая передачи, сидели майоры Гагарин и Титов. Когда вошел огромный старший лейтенант Власов, два майора энергично встали, щелкнули каблуками» (с. 5). И все эти перлы только на одной странице!

На следующих страницах сделаны следующие открытия: 1) диссиденты в основном были русофобы, «выполнявшие социальный заказ западной демократии и докучавшие России любой заданной актуальной формой разрушения» (с. 7); 2) Юрий Власов — страстотерпец; 3) Юрий Власов — русский (а мы нешто турки?); 4) КПСС была единственным гарантом стабильности; 5) антикоммунизм — это форма мазохизма; 6) Союз русского народа и Союз Михаила Архангела тщетно пытались пробудить русское чувство в русском народе.

В принципе от одного предисловия уже можно угореть. Что же до самой книги, то она, конечно, чисто русское и чисто национальное явление. Из творчества любимого Ю. Власовым А. С. Пушкина, из живописного стихотворения «Бесы»: «Бесконечны, безобразны / В мутной месяца игре / Закружились бесы разны, / Будто листья в ноябре».

Насчет «злой рыбы осетрины» в книге все ясно. Проклятый Запад, стакнувшийся с диссидентами, с интеллигентами, с коммунистами-отступниками, с гомосексуалистами, с проститутками, с ворами, с бизнесменами и эротоманами, вывел в расход любимый, могучий, единый, советский, счастливый Союз. Он же (ехидный Запад) от тайги до британских морей угробил Красную Армию, что была всех сильней, и развалил нашу самобытность, сосредоточившуюся в парткомах, концлагерях, застенках и тайной полиции. Все остальное проходит на уровне лозунгов: «Грабют! Убивают! Караул!» В общем, «мчатся бесы рой за роем в беспредельной вышине, визгом жалобным и воем

надрывая сердце мне».

Один только вопрос и остается открытым: «Домового ли хоронят? Ведьму ль замуж выдают?» Политическая паранойя — это нормальное состояние национал-патриотической души. Из книги можно узнать, что ельцинский режим через день подсылает к Власову наемных убийц, но, видно, их злодейскую руку отводит Николай-угодник.

Ю. Власов, страстотерпец и нонконформист, упорно набивается в диссиденты и похваляется дружбой с Буковским. Однако вот что Власов ответил в мае 1989 года журналу «Советский цирк» на вопрос: «А вы не пытались опубликовать свои книги на Западе, скажем, в издательстве «Ардис»?

«Такие предложения были, но я их категорически отвергал. Я прекрасно понимал, что если за мной сохранялось по меньшей мере право писать „в стол“, то, опубликуй я хоть строчку на Западе, мне не только не дадут здесь ничего опубликовать, но и лишат возможности просто писать: начнутся обыски, допросы».

Солженицына это не остановило… Леонид Бородин за свои книги сел на 10 лет в тюрьму. Все честные писатели прошли через «Ардис» или «IMCA-PRESS». О, Ю. Власов будет жить долго, он еще три режима переживет.

Подумайте только: впервые за тысячелетие мы живем на воле, это наш первый бал, первый бал Наташи Ростовой, а чья-то рука уже собирается гасить нам свечи! По-моему, власовцы просто не выносят жизнь с присущей ей болью, грязью, неравенством, восторгом, наслаждениями, взлетами, падениями и т. д. Они бы и море Черное загнали в барак, как в одной балладе Галича.

Жизнь — это беспорядок. Она разная. А палачи не любят шума и суеты. Власовцы — убежденные палачи. И зря, если верить симпатичной жене Власова, у него в передней толпятся иные демократы и банкиры в надежде, что великолепный Ю. Власов их потом за это помилует. Он честен и неумолим, как Торквемада. Он не кровожаден. Власовцы предадут демократов казни «без пролития крови», как святая мать наша инквизиция, то есть просто пошлют на костер.

Надо пустить власовцев на телевидение на два часа в день, а

книгу издать за счет казны миллионным тиражом. Читайте и слушайте проповеди Власова, и вы почувствуете запах дыма будущих аутодафе и увидите над Россией зарево!

Ю. Власов часто ссылается на книги писателя И. Солоневича, благо тот уже не может от него отмежеваться. Так что написано у Солоневича про эти дела, что может быть приложено к книге «Кто правит бал»?

«Читайте и боритесь».

Осенние маневры

Осенью улетают птицы и прилетают политики. Вернее, слетаются на жнивье. Но чем на нашем жнивье можно поживиться? По-прежнему «золотятся колхозные нивы на бескрайних просторах страны», а в фермеры, как и при Столыпине, пошел некий несчастный процент, примерно в той же пропорции. Уже злополучный эксперимент Петра Аркадьевича над общиной, над этим затхлым, холопским, самодостаточным муравейником, показал, что на волю — не захотят. Уцепятся — и на русскую печку. Если хочешь муравейник перестроить, не предлагай муравьям голосовать за реформы, а просто возьми палку и раскидай муравьев так далеко друг от друга, чтобы они ощутили наконец прелесть индивидуализма.

Армения в один день управилась: колхозы распустили, скот и инвентарь раздали. И все крестьяне проснулись фермерами. И мы еще собираемся судить ГКЧП! Да каждый председатель колхоза — потенциальный Василий Стародубцев! Каждый председатель — гэкачепист, и каждый функционер ВПК — гэкачепист, не хуже Бакланова, и каждый спикер советского парламента — гэкачепист, что Хасбулатов, что Лукьянов, и каждый красный директор — гэкачепист, не хуже Тизякова, и каждый генерал держит руку на танковых рычагах управления и подсчитывает прогонные мили от ближайшей танковой дивизии до Кремля — что Язов, что Грачев, что Руцкой.

Мы одни в кольце орловских, курских, вологодских, поволжских фронтов. Там победили коммунисты, там уже готовят вилы на жалкую кучку не нужных советскому коллективу демократов. То-то встреча с президентом в Доме прессы 12 августа была похожа на театрализованное представление на сюжет известной революционной песни: «Наш враг над тобой не глумился, кругом тебя были свои». Интеллигенты, которые до Ельцина не знали ничего, кроме гонений. Ельцин, который может положиться только на интеллигенцию, от брокеров до журналистов, и который не нужен этой стране так же, как ей оказались не нужны Солженицын, Бродский, Буковский, Аксенов. Зачем сверхдержаве, правда гнилой, но обширной, нужен президент, который поедет в крошечную Польшу и микроскопическую Чехию и будет просить прощения за наши подлости и благословит Польшу идти под венец с НАТО?

В первый раз за тысячу лет сильный уступает слабым, а не душит их на ходу. Григорий Отрепьев тоже был добр, тоже хотел завести демократию. Его выкинули из окна на копья. И, выдворив просвещенных, европейски образованных поляков, посадили на трон серого, привычного, тупого Михаила Романова.

Здесь уже кандидатура подобрана: наш охотник за ведьмами Руцкой. И туп, и сер, и в мундире, и привык не извиняться, а давить. Подсчитайте его сторонников, и вы будете знать точное число муравьев, которых надо брать за шкирку и вытаскивать из муравейника.

Муравьев много. Мы всегда были в этом муравейнике мутантами. (Интересно, по какой статье в муравейниках судят диссидентов?) Мы рождены свободными, и мы пришли, чтобы разорить эту райскую кучу коллективного бытия. В крайнем случае — чтобы ее поджечь. 20 августа мы выстояли на собственной гражданской панихиде между врагами, окружившими нас, российских лишних волков, красными флагами, как флажками. Будем ждать, когда заговорят двустволки? На этой «ферме животных», среди овец, кроликов и свиней, мы не были предусмотрены.

Но волк — это не только умение ходить самому по себе. Это умение прорваться сквозь строй, уничтожив «превосходящие силы противника».

Наступает осень. Мы пожнем то, что посеяли. Все лето мы выкручивались, лгали, хватались поочередно за все соломинки. То подкладывали Конституцию в почтовый ящик муравейника, то оставляли ее на пороге, то делали из нее винегрет на Конституционном совещании. А в результате? Ромашки спрятались, поникли лютики. Сейчас демократы шепчут над водой, обжегшись предварительно на молоке, очередной заговор: Совет Федерации. Который будет состоять из тех же председателей, два года назад поддержавших ГКЧП. Они в своих муравейниках — областях — короли. Они не примут Конституцию, ставящую муравейники вне закона. А идея сделать ботвинью из «останков» президентского проекта, уцелевших в мясорубке Конституционного совещания, и пучка полыни, предложенного в качестве Конституции нардепами, меня нисколько не прельщает ни в плане кулинарном, ни в плане политическом.

Наступает время сбора урожая. Его соберут в колхозные житницы. И, как с аппетитом рассказывает с телеэкрана мэр Лужков, будет он собран подневольными руками солдатиков (вот для чего всеобщая воинская повинность-то нужна! Для барщины!), которым даже заплатят трудодни. Нет, мы не дождемся при таких президентских сподвижниках, при таких столичных мэрах (представляете мэра Нью-Йорка, мобилизующего на кукурузу Пентагон?) своего законного кулака, на которого так хочется побатрачить. Нас обрекают батрачить на все то же государство, и ничто не скрасит этого добровольного крепостного права. Нас тыкают все в то же свиное корыто. Недаром Лужков предал Ельцина: ему не хочется, чтобы через прорубленное Гайдаром и Чубайсом в Европу окошко приватизации подул свежий ветер. Пусть все акционерные общества будут закрытого типа, как в Северной Корее, согласно чучхе. Фабрики — рабочим! И пусть с этими фабриками даже случится то, что с ними происходит уже 75 лет. Начхать! Муравейнику по фигу, что его Америка давно на пять столетий обогнала. Еще одну игрушку нашли: выборы в вакууме, без Конституции, без права, без перспективы. Мы, воинствующие либералы, гайдаровцы, проголосуем за себя, то есть за «Выбор России». Муравьи проголосуют за муравейники.

Солженицын писал: «От этого режима не требуется, чтобы он реформировался. Надо, чтобы он попросту сгинул». От колхозов не требуется ничего другого. Надо, чтобы они сгинули. Вместе с носителями красной заразы.

Хитрости не помогли. Остается поединок. Ведь победил же Давид Голиафа! Я не хочу есть колхозный хлеб, лучше пусть будет канадский: его фермеры произвели. Наши предки говорили: «У поля не стоять — все равно что побиту быть». Надо стоять у поля. Время строиться в каре.

Хорошо, что наступает осень. Пусть листья падут, как иллюзии, и обнажится беспощадная суть бытия. Или они — или мы. «Мне не служить рабом у призрачных надежд, не покоряться больше идолам обмана».

Советская власть запрещена

Такой плакат висел на соседней с нашей баррикаде в ночь на 4 октября. Ну сколько можно мучиться с кризисом власти? Мэрия сгорела, Белый дом расколошматили танками, Останкино едва потушили, до АЭС, слава богу, не дошло. Видно, над всей Россией было слишком безоблачное небо, и генерал Руцкой решил последовать примеру генерала Франко. Этак у нас целых зданий в столице не останется. Когда одна власть раздает на сессиях автоматы, а в подвале у нее не архив, а склад оружия, остается ее только запретить. И никакого кризиса властей!

Не умели жить при разделении властей — довольствуйтесь одной. Той, что осталась. То-то сейчас иностранцы передают в свои газеты: войска президента взяли штурмом парламент. А сами про себя думают: бедные русские! Им чего-нибудь попроще бы…

А то вместо того, чтобы идти во фракцию, у них оппозиция идет в леса. Прямо в Москве.

Звонят мне из бывшего АПН, которое теперь вместо коммунизма усиленно несет в массы демократию и даже экспортирует ее за рубеж, и говорят, что приехал мексиканский журналист из респектабельной газеты поживиться нашей революцией, потому что они у себя в Мексике страсть как революции любят, но дело у них с ними не выходит, потому что, во-первых, единственная проблема — это страдания Лауры и Хосе Игнасио, а во-вторых, у них Симона Боливара уже нет, а у нас Ельцин еще остался… Словом, сказали этому журналисту, что опять, мол, в России десять дней, которые потрясли мир, а Джона Рида нет, так что поезжай и привези материал. В Мексике очень удивляются, как это мы ухитряемся за одно столетие устроить две революции: одну справа налево, а другую слева направо, причем с одинаковым энтузиазмом.

Это вам не Рио-де-Жанейро, господа мексиканцы. Это Россия. А Россия, по Ницше, божественное играющее дитя — последняя степень свободы. Нам от природы даны художественные способности. Наша жизнь — набор из детского конструктора.

В 1917 году мы из этих кубиков, реек, деталей построили социализм. А сейчас он нам опротивел, мы пнули ногой эту эфемерную конструкцию, развалили с наслаждением собственную бутафорскую жизнь и сейчас из тех же кубиков хотим построить капитализм. В конце концов, кто у нас в России прораб? 21 сентября и 4 октября Ельцин доказал, что именно он. Он и мы, либеральные западники — демократы. Словом, «и Ельцин такой

молодой, и юный Гайдар впереди». И напрасно Руцкой с изменившимся лицом бежал к зоосадовскому пруду, а Хасбулатов и его братья-разбойники требовали, чтобы автоматы грузили в бочках. Россия — не храм, а мастерская, и демократ в ней работник. Представляю: сидят сейчас западные советологи, пьют виски с содовой и рассуждают на тему, что умом Россию не понять. Мол, только в России демократия с разгоном парламента не кончается, а начинается. Только в России президент может быть демократичнее парламента. Только в России могут разогнать представительную власть по просьбе интеллигенции. Только в России народ и президент едины… А я вам скажу, что все это — лажа. Не было никакого парламента, и Конституции не было, и соответственно конституционного кризиса не было. Расскажите все это нашей американской бабушке, а народу не вешайте на уши лапшу. Все губернии и половина субъектов Федерации плюют на советскую Конституцию. У нас революция, шикарная буржуазная революция с ванной, гостиной, фасадом и садом.

Зрители садятся в первый ряд, надевают тапочки, прихлебывают баночное пиво и смотрят революцию по телевизору, как там Красная площадь заполняется белой гвардией, а Белый дом ломится от красных. На Советской площади кричат: «Долой советскую власть!» На площади Свободы скандируют: «Смерть демократам!»

А то еще вся Москва покрывается баррикадами. Одни — коммунистические, другие — демократические. Не перепутать бы мирному обывателю, как назваться. Демократы не пропустят, а коммунисты застрелят. Ни про ехать, ни пройти. У всех выходной день по случаю революции. Телевидение советует сидеть дома, пока не переловят всех красных боевиков. А если их еще месяц ловить будут? Обыватель лезет от тоски на высотный дом посмотреть, как в ходе демократической революции горит Москва. Но с крыши обывателя «снимают» снайперы. Остается одно: в будущем правительственные здания размещать в пустыне Каракумы, дабы сохранить жизнь мирных граждан. И телевидение туда с ИТАР-ТАСС. Или проще отдать Каракумы коммунистам? Может, там они успокоятся? То есть если «жабы по небу летают, рыбы по полю гуляют» — это еще в порядке вещей. А вот если дивизия имени Дзержинского демократию защищает, так это гораздо чудней! Чувствуется, Ельцин ее на месте сагитировал, хотя малиновый берет идет ему меньше, чем Татьяне. Там, видно, ребята поумней нашлись, чем Хасбулатов, хотя и не

профессорского звания. И вообще, капитализм — это много-много пряников. Вышедшим добровольно до 3 октября из краснопресненских катакомб нардепам — квартиры, привилегии и оклады, Грачеву — ложка, Голушко — ложка, субъектам Федерации — ложка! За папу, за маму, за Ельцина, за капитализм!

А из Белого дома — один только кнут: «Всем! Всем! Всем! Всем расстрел с конфискацией имущества», сплошные снайперы, заложники, боевики и прочие крупные и мелкие неприятности.

Словом, звоните и приезжайте. Надо полагать, что российские матери будут пугать непослушных детишек Руцким и Хасбулатовым: «Спи, а то Руцкому отдам!», «Ешь, а то Хасбулатова позову!»

Жаль, что Ленин не выглянул из Мавзолея и не объяснил своим идиотам-последователям, что «Аврора» не придет. И что просто они дом перепутали, улицу, город и век. Нет, если Бог хочет кого-то покарать, он делает так, чтобы от него отвернулась интеллигенция. А нам с краснопресненской массовкой было не по дороге. Ей — налево, нам — направо. Пути интеллигенции и социалистов расходятся навеки, и на этом кончается история пролетарских революций в России.

Ленин вообще-то рассчитывал, что после буржуазной революции наступит пролетарская. А мы его огорчим и сделаем все наоборот: у нас после семи с лишним десятилетий пролетарской революции произошла буржуазная, потому что социализмом нас перекормили, он у нас из ушей течет. Говорят, уже формируется предвыборный блок «Мафиози за новую Россию». У большевиков были попутчики, а нам что, нельзя? Перед митингом демократов 26 сентября, освежившим ряды «Августа-91» и «Живого кольца» новыми молодыми либерально-революционными кадрами, интердевочки и рэкетиры лично развозили на иномарках свежие антисоветские листовки. А дружественные капиталисты в баррикадную октябрьскую ночь снабдили демократическое ополчение итальянской тушенкой, французской колбасой и финским сыром.

Наверное, заседавшие в Белом — некогда — доме 140 нардепов рассчитывали просто обеспечить себя до конца жизни. Они собирались сидеть там весь 1994, 1995 и 1996 год — и до конца своих дней. Жилье было, отапливаться намеревались

буржуйками, а прокормила бы их сердобольная наружная часть красно-коричневого спектра. Советские старушки, услышав вопли: «Подайте бывшим гласным Верховного Совета», уже возлагали на сковородки оладушки в форме серпа и молота. По части собирания милостыни нардепы были гораздо талантливее Кисы Воробьянинова. Некий красный поселянин привозил полторы тысячи кур, так что цыплята табака были съедены до «театрального разъезда». Лучше бы привез полторы тысячи яиц и посадил на них нардепов. Они бы высиживали цыплят и внесли этим некоторую осмысленность в свое существование. Может быть, этот созидательный труд не дал бы им схватиться за автоматы.

Белый дом едва не стал в последнее десятилетие XX века самой популярной ночлежкой для коммунистов, фашистов, экстремистов и левых уклонистов.

Ночью над Домом Советов загорались огни святого Эльма. На трубе мрачно ухала сова. Перед подъездом № 1 ходил Руцкой и вполголоса «соратников громко он кликал и маршалов грозно сзывал». Но маршалы, как вы понимаете, зова не слышали, потому что изменили Варшавскому договору ради НАТО.

А днем нардепы сидели в зале заседаний, как боярыня Морозова, и клялись умереть за двоеперстное крещение, однако, когда представился случай, не воспользовались им и сдались на милость демократов. А Руцкой ходил по Новому Арбату и, как его предшественницы Дунька-толстопятая и Матренка-ноздря из Салтыкова-Щедрина, вопрошал прохожих, признают ли они его градоначальником. И, как тушинский вор, жаловал звания и чины. А бывший социал-демократ Олег Румянцев бросил писать плохие Конституции и едва ли не создал такого же качества красные бригады.

Мы очень долго дергали президента за полы его серого походного сюртука, пока он не плеснул бензина на наших термитов и не бросил туда горящую спичку. На массовый террор после 4 октября они больше не способны. Зато им остается индивидуальный террор — последнее оружие Мрака, который знает, что ему придется сгинуть при первом крике петуха. Но эта ночь будет все-таки не полярной ночью. Однако за днем она будет следовать с тягостной неизбежностью.

У нас больше никогда не будет безопасности. Несмотря на ее органы. Потому что мы отняли у волков их добычу — Россию. Смерть будет поджидать нас и нашего президента в броске гранаты из-за угла, в бомбе, подложенной в машину, в дуле пистолета в темной подворотне. Полночь — время нетопырей, коммунистов, наци, руцких и хасбулатовых. Они уже убили

многих. Причем даже не спросили у своих жертв, как они голосовали на референдуме. Убили между делом, убирая случайное живое препятствие по пути к живому эфиру, шли, просто стреляя в прохожих. Они уже продали и заложили друг друга: Руцкой и Хасбулатов отреклись от Терехова и Анпилова, Терехов выдал сообщников, а потом все валом повалили из Белого дома, когда там стало жарко. Даже на протопопа Аввакума не потянули. Тот в срубе сгорел. Мы в КГБ никого на допросах не называли! Мы не отрекались друг от друга.

Они уже объявили, что будут взрывать поезда в метро. С них станется. Чудище обло, озорно, стозевно, огромно. И лаяй! Не петь же ему псалмы. Агония дракона будет длиться десятилетия. ЭТА в Испании, красные бригады в Италии, «Черные пантеры» в США, исламские террористы, ИРА в Ирландии… Наши побочные продукты революции, гарцевавшие у Белого дома, пополнят их ряды. Нас всех уже приговорили поименно. Но мы не будем прятаться, подобно Салману Рушди. Мы не станем оглядываться и пригибаться. Мы пойдем в полный рост, не кланяясь пулям. В прорыв идут штрафные батальоны… 4 октября мы взяли свой рейхстаг. Между нами и ними не может быть ни жалости, ни компромиссов, ни перемирий, ни взаимных уступок. Они — антиматерия.

21 сентября мы подожгли не только советский муравейник, мы сожгли свои мосты. Они тоже. Но нет худа без добра. Посетив сей мир в его минуты роковые, мы узнали, кто есть кто. Одним кандидатом в президенты у нас стало меньше, не считая усатую даму пик — Руцкого. Предлагая временно вернуться в советское стойло и убрать поскорее Ельцина (аж 12 декабря), нас предал умный, образованный, честный, воспитанный Григорий Явлинский. И что это за документ? Егор Яковлев, Владиславлев, Рыжков, Затулин… Что это за тайное общество троечников? Ну нет! Нам нужен президент, который коня на скаку остановит и в горящую избу войдет, как в ночь с 3 на 4 октября. В лице Ельцина Россия поймала жар-птицу. И мы ее не упустим!

А Явлинскому за что? Он с нами на митинги не ходил, на баррикадах не был, письма не подписывал, не боролся, как Гайдар… Ты дров не рубил? Ты воду не носил? Ты каши не варил? Вот это Россия ему и ответит. И каши не даст!

Мы этого президента отшлифовали, как алмаз, и оправили. Никаких досрочных перевыборов. Выбор России сделан. Будем строить капитализм до победного конца. Мир кончился.

Гражданская война между Добром и Злом пребудет вовеки.

Содружество зла

Ветер кружит, и реки впадают в Каспийское море. Но море, по словам Экклесиаста, не переполняется, потому что реки обращаются вспять. На свою блевотину. На свое место.

К примеру, СНГ. Вначале это казалось каким-то курьезом, то ли клубом «Четырех коней», то ли КВНом, то ли посиделками у забора. Пара ушанок отплясывала фантасмагорический канкан с четырьмя тюбетейками. Туркмен-баши держал путь на верблюдах мимо демократии с заходом в феодализм. Хитрый Назарбаев косил под Марлона Брандо. Беларусь тихо посапывала под боком. Украина делила поровну миноносцы и эсминцы и закапывала в вишневых садочках приватизированные ядерные боеголовки.

Потом раздался мелодичный кандальный звон: Ислам Каримов в надежде сделать Узбекистан Европой посадил всех, кто ему казались исламскими фундаменталистами, прихватив заодно неверующих диссидентов. Содружество независимых обломков зацвело и запахло.

Плохо запахло. Потом запахло и вовсе кровью. Коммунисты Таджикистана оказались весьма дикими, они запросто сошли бы за троглодитов, если бы «Мосфильм» пожелал снять на местном материале фильм о палеолите или даже о более ранних временах. До того, как наши предки слезли с дерева и у них отвалился хвост. Что же общего могло найтись у изящного Козырева и варваров, отрезающих живым пленникам уши, практикующих средневековые пытки, тотально уничтожающих интеллигенцию? Империя. Она, родимая. Красная смерть. Исламисты и те, которые фундаментальные, и те, которые не очень, а также светские демократы, ориентированные на те задворки Европы, где они могли «приобщиться», то есть на Россию, оказались неспособными вступить в СНГ. А коммунисты и мафиози, усиленные бандитами и уголовниками, из состава нынешней таджикской «законной» власти привыкли вступать и состоять. Коммунисты, мафиози и неангажированные уголовники имеют ту общую черту, что готовы ходить на сходняки и платить членские взносы: в КПСС, в «семью», в клан. Одни имеют генсека, другие — пахана, третьи — «крестного отца». Но главное — иметь своего полковника, а остальное все приложится.

Создалась крайне пикантная ситуация, при которой демократическая Россия, сбросившая иго коммунизма, истребляет сотнями несознательных таджиков за отказ состоять в коллективе, то бишь есть из одной миски и спать на общих нарах с другими членами СНГ, и за неготовность жить при коммунизме

под благостной сенью красных флагов, украшающих все людоедские пикники Народного фронта. Я только надеюсь, что за свой миллион убитых таджики и еще не забывшие генерала Руцкого афганцы таджикского происхождения успеют уложить у нас те же 15 тысяч из 201-й дивизии и сходных карательных формирований. Дураков надо учить. Подлецов — тем паче. Мы — очень глупые подлецы. Пусть нас научат.

Зачем, кстати, нужно было заводить СНГ? Почему бы не сделать, как все девчата, парами? Заключать браки по расчету или по любви, а не устраивать этот свальный грех по имени СНГ? Это что, наследие Монгольской орды? «Рубите, рубите молодых и старых, взвился над Вселенной монгольский аркан»? Так ведь там был Чингисхан, а у нас добрый и хороший президент… Только до Таджикистана не дошли у демократов руки. Некогда. Выборы на носу. Зато дошли штыки!

А потом началась пляска смерти в Закавказье. Из КПСС и из мафии нельзя было безнаказанно выйти. Из СССР и СНГ — тоже. Кто хочет отколоться, получает пулю. Грузия и Азербайджан проследовали одним страшным путем на Голгофу, ступая по битому стеклу, подгоняемые бичами демократических конвоиров из Москвы. Только Грузии досталось больше. Потому что вырвалась. В награду за уход от партизанской войны Абульфаза Эльчибея оставили в живых. Звиада Гамсахурдиа могут не оставить. Он плохо вооружен. Но очень опасен, потому что не сдается. Грузия и Азербайджан — горькая парочка. Вовремя образовавшиеся банды по типовому сценарию свергли демократических президентов и демократические парламенты. Затем с небес упали как бы случайно новые лидеры из резерва главного командования: все, как на подбор, в КГБ вскормлены, КПСС вспоены, Политбюро повиты… И получились демократические выборы, когда под дулом автоматов 120 процентов пришедших на избирательные участки голосуют за Гейдара Алиева или Э. Шеварднадзе 150 процентами голосов. Вступление в СНГ становится чем-то вроде травли сайгака в степи: или догоняют на грузовиках и расстреливают в упор, или бросают аркан, сжимающий горло, сваливают с ног и бесчувственное тело приторачивают к седлу. К седлу России, теперь уже антисоветской и некоммунистической. Почему же так много кровавых костей в колесе? Грузинские демократы полтора года терпеливо ждали, когда Россия, США, Британия и прочие звезды мировой демократии хоть как-то выскажутся по поводу режима Шеварднадзе. Если бы посольства России и США захотели разбогатеть, им было бы достаточно сдать в макулатуру все те петиции, списки политзаключенных, заявления протеста,

описания пыток и расстрелов, которыми их завалили звиадисты. Мировое сообщество молчало, как пробковый дуб. Все петиции в его адрес — это равносильно вопросу, заданному карасем-идеалистом щуке: «А знаешь ли ты, щука, что такое добродетель?» Идеалисты всех времен и народов склонны впадать в социализм: они веруют в справедливость.

Либерализм — это когда человек наконец понимает, что он один. Что на него всем наплевать. Что всем на всех наплевать. И растереть. И тогда либерал берет в руки перо, мотыгу, акцию, иглу, рубанок, автомат Калашникова и начинает добывать себе кусок хлеба с маслом или отстаивать свою свободу самостоятельно.

«Познайте истину, и истина сделает вас свободными». Мы сделали звиадистов, сохранивших в себе живую душу и не сдавшихся ни под пряниками, ни под кнутами Шеварднадзе и его российско-американской «руки». Звиадисты взяли в руки автоматы и пулеметы. И в тот момент, когда мы разбирались со своим фашизмом на октябрьских баррикадах, они вступили в не последний, но решительный бой со своим, освободили Поти и Самтредиа, дошли до Кутаиси, приблизились к Тбилиси. В ответ Шеварднадзе пересажал всех диссидентов Тбилиси. Это была сталинская жатва в житницу террора: 600 человек за три дня. В Тбилиси один миллион жителей, а в Москве — девять. Представьте себе, что в Москве за три дня арестованы 5400 человек, а остальные боятся позвонить друг другу по телефону.

Не подействовало. Отречений не было. Время отречений для Грузии кончилось в 1989 году, 9 апреля. Тогда Шеварднадзе произнес пароль: он попросился в СНГ. В хлев. В стойло. В холопы. Московский прихвостень, сатрап на договоре и временщик кончил играть в независимость. К Уголовному кодексу решили добавить еще одну статью: отказ от вступления в СНГ. Мера пресечения — расстрел.

И тогда это повторилось. Российский кованый сапог наступил на Грузию. Статус российских войск в Грузии перестал быть предметом обсуждения. Не только оккупанты. Каратели. Убийцы. Ну что ж, одно нам дала демократия, одному мы научились: врать и прятать концы в воду.

В августе 1968 года мы услышали откровенную браваду фашистов: мол, братские республики в целях сохранения социализма решили ввести войска. А в октябре 1993 года мы слышим по три раза в день утешительную и наглую ложь (генерал Грачев, наверное, и жене этой правды не скажет): российские войска ни во что не вмешиваются, примус починяют, дороги собираются охранять. А в это время танковый российский

батальон, два воздушно-десантных полка, дивизия имени Дзержинского в составе 700 отборных коммандос (это Москву они до утра не решались защитить, а Шеварднадзе защищают по первому требованию) шли, сметая все на своем пути, разрушая города, вырезая мирных жителей Менгрелии, уничтожая вооруженных против танков Т-72 устаревшей техникой звиадистов, которые, как 300 спартанцев, умирали у своих Фермопил.

Глядя, как кучка героев умирает от руки убийц в российской форме, с трехцветными шевронами, как войска победившей демократии истребляют демократов Грузии, мир улюлюкал, как на корриде или во время гладиаторских боев, и показывал пальцем вниз: добить. Не знаю, что ел Шеварднадзе в Москве с Черномырдиным и Козыревым, с Грачевым и Станкевичем. Но я знаю, что они пили на брудершафт. Кровь.

Теперь Грузии осталось одно. Демократическая Россия хотела кавказскую войну, пусть она ее получит. Как там говаривала Жанна д'Арк про англичан?

«Все англичане должны покинуть Францию, кроме тех, кто здесь найдет себе могилу». Пусть это произойдет с российскими войсками. Маленький Афганистан должен работать и днем и ночью. Ни для оккупантов, ни для хунты Шеварднадзе не должно быть больше ни одного клочка земли, где они были бы в безопасности. Звиадисты станут «зелеными» и уйдут в зеленые леса.

«И графство задрожит, когда, ночной взметая прах, из леса вылетит беда на взмыленных конях». И на каждый труп оккупанта, который вернется на опозоренную им Родину в цинковом гробу, пусть звиадисты положат записку: «За это несет ответственность Валерия Новодворская». Пусть меня на этот раз судят по ст. 64 — за измену Родине. Российская военщина мне не Родина.

В Москве будут свободные выборы и суды присяжных. В Грузии будут казни, пытки, похороны, траур. На воротах Бухенвальда было написано: «Каждому свое».

Мы наконец-то стали приличными людьми и вращаемся в лучшем обществе. Там принято предавать. Демократия — это предательство.

Чехословакию предавали дважды: в 1938 и в 1968 годах. Сытый, воспитанный, благополучный Запад… Демократия — это когда ты живешь, а другие умирают. И это единственный вариант, потому что при тоталитаризме умирают все. И еще демократия —

это безответственность. Ельцину не доложили, у Гайдара не спросили. Козырев сошлется на Грачева, Грачев — на Козырева. Несчастный президент, который для защиты своей столицы не мог найти никого, кроме безоружных демократов, ясное дело, и звиадистов не в силах защитить.

Наши палачи пошли на перекур. Они еще вернутся. Мне будет легко теперь сдержать слово и умереть за президента: после того, что случилось в Грузии, жить мне расхотелось.

Новая имперская политика

Сижу в нынешней разогнанности и запрещенности, от избытка времени («День»-то закрыт, на работу ходить не надо) перечитываю журналы и газеты, смотрю программы телевидения и с каким-то удивлением констатирую начало новой имперской политики в России. Давняя профессиональная привычка критика — тексты прочитывать непредубежденным взглядом. И среди своих хватает дураков и бездарей, и среди оппонентов немало умных и талантливых. Тот же подход у меня и к политическим действиям. Если явный мой противник, с которым боремся не один год, а ныне не только парламентскими, но и пулеметными методами, вдруг начинает защищать интересы государства, я радуюсь этому и аплодирую противнику.

О подобном писал монархист Шульгин, когда к власти в 17-м году пришли разрушители государства, Шульгин был среди организаторов Белой армии, вместе со всеми оплакивал Россию, но восстановление государства, возрождение имперской идеи — пусть в каком-то исковерканном виде — приветствовал. Думаю, такой путь был неизбежен. Кто бы ни пришел к власти — Фрунзе, Бухарин, Киров, Сталин, — за хаосом революции последовал бы возврат к государственности и какой-то форме имперской политики. Этого требовала мистика самого российского государства, это не могли остановить ни сепаратисты, ни гуманисты…

Нечто подобное я с удивлением и закономерностью наблюдаю ныне. Наша газета «День» никогда не была коммунистической, не была она и фашистской и националистической, потому что была имперской газетой. Отсюда и знамя евразийства, поднятое нами, и защита Приднестровья, Абхазии, Курил. Отсюда яростные споры с нами традиционных почвенных изданий. Крайнее выражение традиционных националистов — проект Русской республики. Наши просторы, наше — газеты «День» — географическое и историческое поле куда пошире, но в рамках традиционной российской имперской политики. Сегодня мы запрещены, наши идеи втаптываются в грязь…

Хозяин говорит: «Берите суверенитета, сколько хотите». Хозяин с еще двумя такими же поставил крест на тысячелетней империи, как бы она ни называлась — Московская Русь,

Российская империя или Советский Союз. Впору стонать и какой уже раз за историю России оплакивать ее кончину. Но прежде чем оплакивать и помянуть стаканом крепкой русской водки, оглянемся вокруг.

Как критик начинаю собирать факты. Мы поддерживали абхазов, это верно, газета «День» посылала медикаменты и все что можно. Но победили они потому, что их поддерживали гораздо более могучие союзники — наши оппоненты из команды президента, грачевская армия.

Мы поддерживали Приднестровье и сами ездили туда, но не менее мощно — и не газетами, а танками — Приднестровье удерживала и удерживает армия Лебедя. 14-я армия в Приднестровье сегодня старается расправиться с нашими друзьями, но не для того, чтобы отдать эту землю румынам. Это уже столкнулись две имперские политики.

Начинает раскручиваться имперская пружина. Силы Ельцина поддерживают Гейдара Алиева в противовес Эльчибею, и вот уже Азербайджан входит в СНГ. А то, что сейчас разворачивается в Грузии, — это апофеоз нашей новой имперской политики. Шеварднадзе на коленях, без согласия парламента, умоляет принять Грузию в СНГ, и как по волшебству военный перевес сразу идет в пользу Шеварднадзе, звиадисты терпят поражение…

Наши новые империалисты только еще расправляют крылья. Расправившись с Верховным Советом России, постреляв из танков по собственному парламенту, они решили припугнуть и прочие российские регионы. Кончилась игра в демократию. Из проекта Конституции на ходу выбрасываются строчки о суверенитете автономных республик и о Федеральном договоре. Но ведь о необходимости этих мер я писал еще два года назад. Ельцин просто исполняет программу газеты «День».

Собранные со всей России омоновцы один день потрошили патриотов и депутатов (и меня в том числе), но все остальные дни они потрошили так называемых лиц кавказской национальности и всяких других национальностей, и, я заметил, с куда большим удовольствием. Не похожи ли они на казаков с нагайками, наводящими порядок по всей империи? Впрочем, и поворот казачества от патриотов к Ельцину связан с этой новой имперской политикой. Казаки увидели, что за словесной демократической шелухой вырастают контуры чего-то нового, непонятного, но

имперского. Повернула к Ельцину имперская «Память», готова войти в блок «Выбор России», потому и не запрещена. А что такое Народно-патриотическая партия афганцев? Имперские опричники?

Специалисты могут рассказать, как толково ставят на колени экономику Украины и Казахстана.

Я думаю, в основе этой новой имперской концепции лежит единая и неделимая Россия, построенная на административно-территориальном принципе. Команда Козырева ворчит по телевидению — о важнейших решениях в области внешней политики руководство МИДа узнает, когда эти решения уже приняты. Так кто же утвердился в роли новых устроителей империи: Шумейко, Полторанин, Лужков, Филатов?.. Посмотрите внимательнее на этих «демократов» — ей-богу, истинные купцы из Охотного ряда, хоть всех сразу в президиум «Памяти» усаживай. Опять опростоволосились гуманисты от Новодворской до Боннэр, опять не с теми боролись. И что им новая Государственная дума, кто помешает ее вновь разогнать?

Кто потворствовал именно такому неожиданному повороту событий? Кто дал команду повернуть на 180 градусов? Неужели эта политика входит в новую стратегию США? Вполне понятно: чем иметь пять взрывных регионов, да еще со всякими ядерными производствами (как еще атомную станцию в Армении не взорвали?), лучше отдать их под жесткий контроль России. И вот с удивлением слушаешь, как даже Козырев выдавливает из себя слова о национальных интересах России.

Будет ли новая имперская политика демократичней старой, брежневской, сказать сложно. Никому не дано предугадать, как отзываются не только слова, но и действия. Когда нас штурмовала армия в Белом доме, когда гвардейские танки били прямой наводкой по российскому парламенту, поспешили поддержать эту первую победу российской армии все наши суверенные республики. Очень поспешили. С армии сняли поводок. Если гвардейские части так легко бьют по центру Москвы, думаю, для них уже не будет никаких вопросов при штурме иных центров. Вся верхушка армии воспитана на подавлении; после Афгана, где созрели полководцы нынешней демократической армии Грачев, Лебедь, Громов и другие, последовали Приднестровье, Абхазия с Грузией, Москва. Какая Новодворская и как научит демократично, общечеловечно

мыслить полководцев, бравших Кандагар и Саланг? Это пусть вороватые, но имперские генералы, и другими им быть не дано.

Нынешние лидеры России для меня неприемлемы. Не думаю, что удастся им наладить экономику страны, не верю в исполнение их реформ. Но для будущих правителей это новое имперское движение облегчит выработку концепции национальной России. В их имперских решениях я мешать им не собираюсь.

Демократы, аплодировавшие танковым залпам 4 октября, так ничего и не поняли. Это были залпы по демократии. Это был кровавый салют имперской России. Искренне жаль Валерию Новодворскую, она долго держалась на истинно демократических позициях, никак не могла поступиться принципами, защищала преследуемых — Анпилова, Деткова… Наконец прорвало, принципами поступилась, поддержала насилие в… угоду новой имперской политике. Может быть, народ зафиксировал главное в режиме чрезвычайного положения — не минутный разгон патриотов, а многодневный разгон инородцев. По телевидению показали концерт нашего автора Сережи Троицкого по прозвищу Паук и его группы «Коррозия металла». Громогласно на всю страну провозглашает Сережа: «Мы все русские, а все русские были рады, когда в дни чрезвычайного положения милиция дубасила сунарефов (сунареф — сленговое обозначение инородцев. — *В. Б.*). И потому мы сейчас исполним песню «Убить сунарефа». По другой программе вижу прекрасную передачу Бориса Костенко «Русский мір», всю пронизанную имперским духом. Как ни парадоксально, процент русскости и имперскости на экранах телевидения после 4 октября здорово вырос. Что бы это значило?

Скажу честно, мы мечтаем об иной империи. Более просвещенной и цивилизованной. Но нынешний охотнорядский вариант новой имперской политики, нагло выкручивающий руки всем этим кравчукам и шеварднадзе, по крайней мере, предотвратит намечающийся распад России.

Не случайно так молотили журналистов, в том числе и иностранных, доблестные омоновцы. В этой молотьбе, в этом сознательном отстреле всех журналистов без разбора (ни один репортер не был ранен защитниками Белого дома), как нигде, лучше просматривается охотнорядство наших новых империалистов. Интересно, где была в те дни Новодворская? Почему не вела репортаж для «Нового Взгляда»? Думаю,

восхваляемые ею ельцинские каратели с охотнорядским наслаждением намяли бы нашей уважаемой старушке бока. А то и подстрелили бы невзначай, потешаясь над якобы защищаемой ими демократией.

Коммунисты проиграли. Очевидно, на этот раз — окончательно. Я имею в виду истинных коммунистов анпиловского толка. Зюгановские реформаторы станут одной из партий порядка и, скорее всего, будут сотрудничать с ельцинистами. Патриоты отступили, будем проходить через очередной раздрай, искать новые точки опоры. Наши голоса на выборах получит Жириновский, деваться некуда. Но случайно ли этот гомункулус из колбы КГБ — МБ, тайно поддерживаемый ельцинскими структурами, столь имперски звучит сегодня? Посмотрите внимательно, что объединяло на первом туре телевизионных предвыборных дебатов всех кандидатов — от Собчака до Зюганова и Жириновского? Имперское мышление. Отброшены далеко назад все эти «берите суверенитета, сколько хотите».

Советская империя умерла. Да здравствует новая империя!

Трактат о богатстве и скудости

Бедность, безусловно, порок. Я, например, бедна только по собственной обломовской нерасторопности, но, поскольку в ней всенародно каюсь, шустрые штольцы в иномарках, интересы которых я бескорыстно защищаю и чьи баксы просто обязан воспеть каждый вещий Боян, со мной водятся и иной раз подбрасывали зелененькие на антисоветские листовки.

Правда, недавно я выяснила, что бедна по досадному недоразумению. Сажи Умалатова и незабвенный Илья Константинов, как положено якобинцам, еще в августе создали очередной комитет в защиту ныне усопшего конституционного строя. В первом же манифесте комитета говорилось, что журналисты, защищающие режим, находятся на действительной службе в строевых частях американской армии, ведущих психологическую борьбу против русского народа, и поэтому, после победы очередного Октября, их ждет участь не военнопленных, а военных преступников. Узнав про такое дело, я кинулась выяснять по знакомым мне СМИ, где выдают, сколько и в какой валюте. Но оказалось, что ни один шакал ротационных машин еще ничего не получил (ни из «Столицы», ни из «Огонька», ни из «Нового Взгляда»).

Так я и знала! Сначала меня обсчитывало ЦРУ, а теперь — Пентагон. Остается только собрать справки за подписью патриотов и коммуняк и нести их в американское посольство. Раз мы на них работаем и такие авторитетные источники, как подпольные ныне ФНС и РКП, ручаются за эффективность и качество, то пусть платят суточные. Ведь виселица будет точно, за нашими большевиками не заржавеет, а доллары уже 75 лет в проекции только, хотя еще ВЧК и НКВД, не говоря уж о ГПУ, намекали на такое наше совместительство.

А все наша интеллигентская непрактичность! Семьдесят пять лет работаем на все западные разведки, не считая японцев, Израиль и марсиан с летающих блюдечек (вы думаете, они зачем к нам зачастили? Отчеты о проделанной работе у демократов собирают!), а денег не берем. Но мы, по крайней мере, не орем на всю Европу и пол-Азии, что погибаем голодной и озябаем студеной смертью. Перебиваемся как-то с гамбургеров на «Амаретто». А что всем остальным надо? Я никак не могу взять в толк, откуда у нас в России бедные, и именно сейчас. Ни фига

себе! Семьдесят пять лет богатых распинали, более 120 рублей давали зарабатывать по партмаксимуму, огороды урезали, коров обобществляли, за валюту расстреливали, за совместительство сажали, за спекуляцию по стенке размазывали, и никто на бедность не жаловался. А как позволили зарабатывать, присваивать, даже красть «общественное» имущество, так сразу бедных — семеро по лавкам! Что за чудеса?

Меня часто спрашивают, какая у реформ социальная база. Так вот, по-моему, те, кто умеет зарабатывать деньги, это и есть та самая база, то есть базис, на котором почиет капиталистическое общество. А кто не умеет или не хочет, проходите мимо: на Ваганьково, в Северную Корею, в утильсырье. Из чего состоит нормальное общество, из каких сословий? Из людей, умеющих делать деньги, то есть всеобщий эквивалент. Из богатых, значит. Из тех, кто их обслуживает (сервис, промышленность, сельское хозяйство, наука). Из тех, кто их развлекает (искусство и вообще интеллигенция). Из тех, кто их грабит (преступники, воры, рэкетиры, мафиози). Из тех, кто их защищает (армия, полиция, суд). И все при деле. Мафиози стремятся «завязать» и выбиться в сенаторы, на искусстве и науке можно сделать хорошие бабки, сервис обслужит всех, в зависимости от уровня благосостояния. Круговорот воды в природе. Только Фалес считал, что первооснова — вода. А кварк нормальной демократии — доллар. И никому никаких привилегий. Обломовы на Западе не в чести, и их терпели только в России, но, кажется, терпение лопнуло. Ельцин — настоящий отец народа. А что должен сказать порядочный отец балбесу-сыну, нео-Митрофанушке? Вот примерно такое: «Ты, народ, не медаль. На шее у меня тебе не место. Ступай в люди» — и дать хорошего пинка под зад. Егор Гайдар — добрый человек, он еще извиняется: мол, реформы нам стоили того, что 35 процентов населения живет за гранью бедности. Известное российское народничество… А почему 65 процентов не бедствуют? Потому что они не безрукие и не безмозглые? Сейчас в России надо очень постараться, чтобы быть бедным. Страна лежит перед нами как некий Клондайк неисчерпаемых возможностей, всюду можно золотишко намыть, за каждым углом Эльдорадо. Ах, был бы жив Бухарин! Страна напевает себе под нос его песенку: «Обогащайтесь!» Хотите жить честно? Ступайте в фермеры или в ремесленники. Правда, надо вкалывать. А вы что, хотели сидеть в конторе и анекдоты травить? И чтобы за это кормили? Делайте то, за что платят. Учителю мало платят в школе? Пусть идет в элитарный лицей. Не имеет знаний такого рода после советского педвуза? Пусть идет

мыть посуду. Каждый человек — товар на рынке человеческого общения. Один — штучный товар, другой — ширпотреб, третий — вообще брак. ОТК не выдаст, а рынок взыщет. Все мы — набор знаний, талантов и умений. Если в нас что-то есть, мы не пропадем. Если в нас ничего нет, кроме дырки от бублика и желания экспроприировать экспроприаторов, то нам положительно лучше поскорее пропасть, пока не пропала вся страна.

Мне кто-то из читателей с «Поля чудес» задал вопрос, кто лучше — вор или честный труженик. Похоже, для дела реформ вор может оказаться полезнее некоторых тружеников, если эти труженики входят в ДНС, ВКП(б) и готовы торчать на коммунистических митингах. Во-первых, вор — не обязательно социалист, он не требует социальной справедливости. Во-вторых, вор дает работу судьям, полиции, тюремным надзирателям. Он-то в капитализм вписывается. А вот красные на этом празднике явно лишние, от них ни науки, ни искусства, одно занудство. В конце концов, если вы не хотите честно работать, всегда можно, пока переходный период, украсть, то есть прихватизировать себе кусок пирога, а то и целую кулебяку. А если вы на украденные деньги построите фабрику и начнете производить дешевый трикотаж, вам еще и спасибо скажут. Буржуй — это звучит гордо. В нем есть общественная потребность, и Отечество его не забудет. А насчет бедности не надо. Не верю! Ребятишки 11–12 лет у «Макдоналдса» зарабатывают по 300–500 «штук» в месяц, предлагая кульки с этим самым джентльменским набором. «Челноки» снуют в Турцию или в Китай, деньгу делают. Налетайте, пока не поздно! А то, пока вы с красными права качаете, все поделят, и вам ничего не достанется!

Нет смысла сидеть и ждать, пока Господь о нас позаботится. Мы не избранный Богом народ, все наши Моисеи оказались шельмами, и манную кашу пополам с малиновым вареньем нам с небес ожидать не приходится. Советская нищенская зимняя спячка на уровне «Проживем как-нибудь, лишь бы не было войны» сменилась агрессией совка, разинувшего варежку на западные витрины и требующего корма, жилья, лекарств, хорошей и бесплатной медицины, путевок, джинсов и кроссовок и еще бог знает чего. От кого? От ближайшего начальника: Лужкова, Собчака, Ельцина, Клинтона, Коля… В первобытной Орде, по-моему, были граждане поумнее: даже неандертальцы понимали, что нет смысла требовать у вождя шкур, мяса, пещеру. Надо добыть мамонта, освежевать, изготовить себе дубленку, найти

или выдолбить пещеру. А почему Ельцин должен добывать мамонта на всех? В этом мире каждый сам обязан добыть своего мамонта. Это и есть капитализм. Счастливой охоты! Так что вопли обломовых, сотрясающие небеса, меня не трогают. Я знаю, почем нынче мамонты, и добываю их в поте лица своего, хотя мои охотничьи данные сильно подорваны в разного рода застенках бывшей столовки под названием СССР, где кормили плохо, но даром. В конце концов, все проели. А поскольку никто не хотел производить…

Моя вина лишь в том, что я пыталась объяснить совкам, чем все это дело кончится, а также в чем смысл жизни. И тем не менее никто из нас, диссидентов, не требует себе партмаксимума, ренты, привилегий, причитающихся офицерам запаса, заслуженным фронтовикам. У нас была своя война, с 1956 до 1991 года. Если бы я захотела встать на одну половицу с совками — ветеранами Отечественной и Великой (хотя наша была не меньше и тоже не иностранная), то какой пенсион мне положен за строевую службу на тюремных и подпольных фронтах с 1968 по 1991 год? Нам не давали ни орденов, ни даже нашивок за ранения, ни аттестатов. Никто из моих товарищей-диссидентов (не жертв сталинского режима, несчастных невинных опять-таки совков) ничего не попросил и ничего не получил от правительства. За что же давать вам? За то, что плыли по течению? За то, что молча смотрели, как диссидентов ведут на казнь, да еще и подписывали коллективки с «гневным осуждением»?

Наш корабль потерпел крушение не только потому, что его вели дураки-капитаны. Дураки-матросы подчинялись дурацким командам вместо того, чтобы откачивать воду из трюма. Мы сами посадили себя на рифы. И не смейте жаловаться. Недавно одна бывшая гранд-дама с вешалки в Радиокомитете заявила мне, что будет голосовать за Зюганова, потому что Ельцин всех разорил и ограбил. Я от души предложила ей пойти в фирму «Ромашка», там готовят нянь и гувернанток для богатых семей. Но дама зашипела, что она не может унижаться, она ведь раньше работала в управленческих структурах. Безнадежный случай. Здесь может быть только одна социальная помощь: указать дорогу к ближайшему кладбищу. Господи, Москва переполнена «мерседесами», «тойотами» и прочей дорогой атрибутикой экономического бума. Едой город завален до крыш. Черной икрой можно чистить ботинки, столько ее сразу возникло. Гордые и недоступные крабы смиренно копошатся у ног. Были бы деньги!

Учитесь делать деньги! Многие уже эти университеты окончили с дипломом.

Даже на баррикадах не удалось проголодаться: остался ящик итальянской тушенки и гирлянда французских колбас. Больше не лезло…

Я знаю, Егор Гайдар получил хорошее воспитание. Ему это будет трудно. Но он сейчас должен запереть казну, ключи бросить в Байкал, чтобы не достали, и в ответ на коллективный слезный вопль совка «Дай!» сложить комбинацию из трех пальцев и ответить: «На-ка, выкуси!»

Советы постороннего

Я — лицо невоеннообязанное. И вообще, когда я слышу слово «обязанность», я вижу мысленно понурого вола с грустно опущенными рогами, глупыми глазами навыкате и с хорошеньким полированным ярмом. Обязанности — это повинности. Кто Богу не грешен и царю не виноват? Либерал. Свободный либерал (других не водится) никому ничего не должен. Он не верблюд. Он — волк. А брянские и тамбовские волки никому не товарищи. Они — господа. И всяческие повинности отвергают, вплоть до первородного греха, потому что, если бы им пришлось побывать в Эдеме, они бы не одно яблочко сорвали, а всю яблоню бы отрясли!

Я делаю только то, что мне нравится делать. Мне нравится поддерживать президента. Я от этого кайф ловлю. Мне нравится защищать свободу на баррикадах. Мне нравится, когда отпускают цены. Мне нравится строить капитализм. Мне нравится безработица. Это хороший тренинг. Мне нравится, когда из деревянного полена социалистической державы Егор Гайдар и его подмастерья, как папа Карло, вытесывают без наркоза веселый, шальной и нахальный либеральный мир, как вытесали хулигана Буратино. Мне нравится, когда по красным флагам, красным баркашовским свастикам и по Домам Советов бьют танки. Утро 4 октября, когда горел Белый дом, а наши ребята с баррикад плюс подоспевшие казаки закрывали «Правду», «Совраску» и «День», — это пока лучший день в нашей истории за весь XX век. По-моему, танкистам тоже так показалось. Иначе они между выстрелами не сложили бы новый хит: «Ах, наши танки на Полянке, а из посольства смотрят янки, и дохнут красные поганки…»

Уже за одно нельзя простить красных и примириться с ними: за то, что они до этой песенки нас довели. То, что красные и коричневые с нами сделали, хуже убийства: они заставили нас поступиться гандизмом, гуманизмом, непротивлением злу насилием, плюрализмом и прочими драгоценными для каждого интеллигента реликвиями. Мы причалили к новому, жесткому, крутому берегу, и на этом берегу разговоров больше не предвидится, а диалог с красными будет вестись для того, чтобы убить или быть убитыми; естественно, вместо реплик будут выстрелы, а вместо резолюции короткое: «Огонь!» И если у нас появится национальная гвардия, куда я заранее уже записалась, то, снабженные своими собственными танками, пушками,

ракетами и эскадрильей бомбардировщиков, в следующий раз мы не будем дожидаться двенадцать дней, пока враги не атакуют «Останкино», телеграф, биржу или Казанский вокзал, а просто превратим очередной Белый дом в груду развалин, так что ничего не останется реставраторам. И те, кто посмеет в следующий раз устроить под сенью гостеприимного Дома на набережной в любой точке РФ коммунистический заговор, наружу не выйдут. А если выйдут с белым флагом, то только в тюрьму, а не на выборы, как Бабурин.

У меня с советскими людьми нет общей истории. Если в 18 лет ты создаешь подпольную организацию для свержения Советской власти вооруженным путем, то сам черт тебе не брат. А если в 19 лет тебя ловит КГБ и в разных застенках несколько лет выясняет с тобой отношения, то ты уже никогда не будешь совком. Спасибо КГБ! Я была идеалистом, а они сделали из меня карбонария. Поэтому вопрос о воинском долге, осеннем призыве и о санкции на митинги никогда передо мной не стоял. «Закон мой — воля есть моя». Революционный либерал все свое носит с собой, в том числе и правовое государство. Поэтому, услышав стенания пэтэушников и студентов техникумов, что генерал Грачев намеревается загнать их в «несокрушимую и легендарную», пребывая вне клетки, я хочу остающимся в клетке отрокам дать парочку хороших советов постороннего, но свободного человека. Прежде всего, я не намерена подменять Союз солдатских матерей во главе с героической г-жой Лымарь. Весьма прискорбно, что неустрашимым матерям приходится защищать своих сопливых сыночков, а не наоборот. Если в 18 лет молодого мужчину можно загнать, как барана, в рекрутчину и единственная его защита — это материнская юбка, то на России придется поставить крест. Если бы сыновья проявили хотя бы половину той гражданской активности, которую проявляют каждый день «Солдатские матери», то давно бы генерал Грачев остался без работы и занимался бы макраме, что для демократического Отечества было бы не в пример безопаснее, чем его нынешние увлечения в Грузии и Таджикистане.

Я не говорю здесь о тех, кому по каким-то неизвестным мне причинам хочется служить в российской армии. «Солдатушки, бравы ребятушки, где же ваши жены? Наши жены — ружья заряжены, вот где наши жены!» Я — человек свободомыслящий и не оспариваю этот сексуальный выбор. Игорь Воеводин на страницах «НВ» щедро делился своим боевым опытом. Ежели кому такое нравится, то это его личное дело. Я ведь и против

скотоложства не возражаю. Спите себе хоть с ежом, хоть с ужом, было бы согласно бедное животное! По-моему, высшая нервная деятельность от жизни в казарме терпит не меньший убыток, чем сексуальная сфера. Но если в стране есть достаточное количество мазохистов, которым нравится, чтобы их морили голодом, водили босиком по снегу, насиловали, били, унижали, гнали на убой в «горячих точках» за интересы Генштаба, калечили и использовали как сельскохозяйственных рабов, то пусть они все поспешат к военкому и там получат просимое. Я сейчас о тех, кому еще пожить охота, и желательно по-человечески. Им я советую поступить либерально: не ходить, куда не хочется. Вспомните хулигана Маяковского и приспособьте его к актуальным требованиям момента: «Ах, куда ты, паренек! Ах, куда ты! Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты! У Грачева спецполки, чай, найдутся, без тебя штурмовики обойдутся!» Если вы хотите защищать Родину, то должна вас разочаровать: российская армия — это последнее место в мире, где можно этим делом заняться. Бедные таманцы и кантемировцы в ночь на 4 октября и хотели бы Родину защитить, да отцы-командиры никак не смели изорвать путчистские мундиры о демократические штыки и до утра ждали, чья возьмет.

А вообще нашим генералам, что Громову, что Грачеву, нельзя давать никакого войска, а иначе они немедленно военный конфликт затевают. Им можно только капусту доверить полоть в огороде. Будущим рекрутам надо иметь в виду, что самое безобидное употребление армии — это когда Лужков заграбастает ее на картошку. Это еще завидная участь, потому что и покормят, и лишний спортивный костюмчик или кроссовки выдадут за труды праведные. Или будете дороги мостить. Прямо по Некрасову: «А по бокам-то все косточки русские…» А если употребят «по специальности», то, значит, погонят в Таджикистан защищать тамошних коммунистов, за что моджахеды сделают вам харакири. А если уйдете от моджахедов, то пристрелит вас собственный отец-командир за невыполнение приказа в боевых условиях. Читайте «Цинковых мальчиков» Светланы Алексиевич. Кто следующий?

А если попадете в солнечную Грузию, то мандаринов тоже не будет. После того, что русские войска сделали с Менгрелией, назначив в Поти даже русского губернатора, невзначай перепутав сдачу в аренду порта с оккупацией всей страны, за каждой пальмой незадачливых колонизаторов будет ожидать смерть (причем заслуженная). Когда две империи — одна матерая,

российская, а другая начинающая, украинская, — посылают спорный Черноморский флот на ликвидацию свободы крошечной полуживой Грузии, то самым справедливым и бесспорным будет примирение звиадистами тяжущихся за флот одинаково мерзких конкурентов путем потопления этих самых судов. Пусть они достанутся нейтральным дельфинам и кефали, которые в них устроят пленумы и сессии. В конце концов, Грузии тоже принадлежит по праву часть Черноморского флота, вот звиадисты свою долю и утопят. Что же до морских пехотинцев, которые брали Зугдиди, высадившись в Поти и Анакли, не щадя ни женщин, ни детей, то акулы в Черном море, так называемые катраны, маленькие и худенькие, всего в 40 сантиметров, но если каждой акуле сервировать на обед по пришедшему на грузинскую землю убивать морскому пехотинцу, то их здоровье поправится, и они подрастут… Так что ехать воевать за коммуняку Шеварднадзе тоже не советую, потому что партизаны-звиадисты уже научились сбивать самолеты, а пленных им негде держать и нечем кормить.

Лучше покупайте медицинские свидетельства о том, что вы глухие, слепые, слабоумные и расслабленные, подкупайте почтальонов, чтобы не носили повестки, не ходите на медкомиссии (без этого этапа прокуратура дело не возьмет), не живите осенью и весной дома, поспешайте на сезонные работы в Литву, Латвию, Эстонию и дальнее зарубежье, а главное, смело ссылайтесь на дарованную президентом альтернативную службу (см. новую Конституцию, ст. 59, п. 3). Скажем, по убеждениям вы — пацифист, а по вере — свидетель Иеговы. Вот голыми руками вас и не возьмешь. В крайнем случае советую (по собственному опыту) сесть в тюрьму. Как политзаключенный, вы будете иметь свидания, книги, посылки. Ваши права защитит «Эмнести Интернейшнл». А в качестве солдата вы вообще никаких прав иметь не будете, и кормить будут не лучше, а свиданий вовсе не дадут. Из лагерей возвращаются живыми чаще, чем из российской армии! Прямой резон сесть в тюрьму.

Единственный способ избавить Россию от придуманной генералом Грачевым шизофренической военной доктрины — это оставить армию без солдат. Пусть генералы лично садятся в танки — может, желания воевать у них поубавится. Самый эффективный способ перевести армию на профессиональную основу — это сорвать полностью призыв. Ванек! Спасай страну от ВПК, Генштаба и будущих путчей! Не ходи во солдаты! Оставшись без солдат, наши вояки уберутся из Латвии, Эстонии, Молдовы, Грузии, Средней Азии. Оставшись без солдат, генералы не станут

больше затевать заговоры против демократии, как Язов, Варенников и Руцкой с Макашовым. Уклоняясь от призыва, вы совершите общественно полезное деяние: спасете президента, Егора Гайдара, реформаторов и блок «Выбор России»! Народ вас благословит: деньги, не потраченные на пушки, пойдут на масло. Народу не нужен берег турецкий, и Африка ему не нужна! Так что смело бегите от военкомов, и ни Отечество, ни президент вас не забудут! За накопленные и неиспользованные десять повесток будут выдавать медаль «Защитнику свободной России». А если вам охота воевать, то поберегите силы для врагов: для коммунистов, нацистов, социалистов. За ними далеко ходить не надо, их кругом полно, идут косяком, как лососи на нерест! Аграрная партия состоит из сплошных врагов, а компартий сколько! А РОС, а официальные профсоюзы… Сколько еще крестовых походов нам понадобится! Словом, не отвлекайтесь, резвитесь и бодрствуйте! Идет война гражданская, священная война…

Крутой маршрут

По нашему упущению недобитые, оставленные на развод красно-коричневые совки обвиняют революционных демократов в нечестном проведении выборов, в накачивании телевидения допингами перед этой спортивной игрой, в захвате газет, журналов, комиксов и телесериалов. Когда коммунисты на них точат нож, они выдают врагам для этого дела лишний точильный камень. Собственно, демократия — это самоистязание. Она сама плетет на себя веревку, сама шьет на себя саван, сама примеривает белые тапочки, позволяя левакам всех мастей открыто мутить воду. Польша и Литва — наглядный пример. Литва даже удостоилась похвалы от какого-то престижного западного общества, культивирующего ангорских котов, тюльпаны и права человека, за предельную демократичность. То есть чем легче свергнуть демократию, чем легче прийти к власти коммунистам, тем, значит, демократия совершеннее. Совершенство — это слабость, совершенство — это беззащитность, совершенство — это неудача. Приехали. Похоже, что международные правозащитные организации работают не на ЦРУ, а на КГБ. И то — кому еще резон разводить коммунистов, фашистов, социалистов и прочую вредную фауну? Я думаю, что Россия просто обязана внести в это дело свои коррективы, учитывая ее общественный национальный гений и особенную стать. В этом мы просто обязаны перегнать Запад и сказать ему: «Поцелуйтесь сами со своей демократией, а мы себе сообразим такую, чтобы была она попрочней, понадежней и чтобы красные гусеницы ее не обгрызли». В конце концов, это наш огород и наша капуста, то есть демократия. И не мешайте нам защищаться от разных левых зайчиков-побегайчиков, которых вы у себя развели. Если уж разбирать, с кого пошло мировое зло, то наши Ленин, Сталин и Троцкий — просто популяризаторы. Маркс и Энгельс — заморские штучки, Гитлер — европеец, а Томас Мор, Кампанелла, Кабе, Суэн, Фурье и Сен-Симон — тоже не из-под Костромы. У России своих грехов достаточно, так почему она должна отвечать еще и за Платона, и за Лао-Цзы? Это я к тому, что искру высекли не мы, у нас только пламя загорелось. А за такое количество микробов, напущенных на невинные российские души, полагается компенсация. Так что я на месте Запада простила бы несчастной России ее долги вообще, не откладывая уплату на десять лет. Не забудем и того, что любимый мною Запад неоднократно лобызался с Леонидом Ильичом, до сих пор обожает Михаила Сергеевича, а до того не брезговал и Владимиром Ильичем, и

Иосифом Виссарионовичем. Кто с коммунистами договорчики заключал? Кто дипотношения с СССР в 1933 году устанавливал? Так что Билл Клинтон нам не милостыньку подает, а искупает американские нравственные грехи. Они нам этот социализм помогли построить — пусть помогут и разрушать. И я именно как западник не потерплю со стороны Запада советов, как создать нашим коммунистам условия, чтобы они лучше плодились и размножались.

Понятно, что под эти мировые аханья и оханья насчет запретов красных газет и коричневых партий на выборы демократы идут как сквозь строй. В провинции вообще глухо, как на кладбище. Возьмем отдельно взятую глубинку вроде Иваново и посмотрим, то там кого зажимает и кто кого репрессирует. Захлебнувшийся в своей порядочности ДС честно взял то, что ему было предложено администрацией блока «Выбор России», и не пошел травить чужие огороды в более цивилизованных и приятных местах.

Зато посмотрите, что творится в Москве. Жадность фраера сгубила. Польский пример никого ничему не научил. В результате нарушение конвенции демократами может иметь не только для них, но и для страны гораздо более печальные последствия, чем похождения Паниковского в Арбатове. Подозреваю, что двадцать кандидатов на одно место — это демократические набеги на злачные столичные округа. Вынужденные выбирать между хорошими, очень хорошими и наилучшими демократами, избиратели могут выдать каждому его долю голосов, руководствуясь собственным прихотливым вкусом, а 20 процентов ископаемых совков (такова наша печальная арифметика) отдадут все свои голоса единому кандидату заглотного блока красных коммунистов и коричневых беспартийных. После чего мы получим такой парламент, что реставраторам придется заняться еще одним зданием, а следователям, вынужденным одновременно расследовать ГКЧП-2 и ГКЧП-3, надо будет платить сверхурочные и оформлять по две ставки.

Сбор подписей в Иваново (за мою либеральную, демократическую и революционную персону) с ходу привел к человеческим жертвам. Не успела ДемРоссия раздать подписные листы, как двое ее членов пали жертвой злодейского покушения. Ночная улица. Разбитая бутылка в руках у «красного бригадира». Двое безоружных интеллигентов. В результате Юрия Тайкова в

местной больнице зашили белыми нитками (как видите, на демократов шелковое розовое мулине не расходуют), а Владимир Гирко до сих пор в клинике. И видеть одним глазом он уже никогда не будет. Ничего себе пир победителей! Победивших демократов безнаказанно зрения лишают! И следствие ведется для вида, вроде суда над КПСС под председательством Зорькина. Это было начало. Продолжение оказалось не менее романтическим. По местному радио советовали не пускать в квартиры для сбора подписей во избежание преступных нападений. В общежитиях и на заводах перед демократическими сборщиками двери закрыли. В учебных заведениях — тоже. Красные директора прямо запрещали рабочим подписываться на этих крамольных листах. Приехавшим помогать местной ДемРоссии москвичам советовали убираться из города, если они хотят остаться в живых. Все это было похоже на то, что случилось бы в маленьком американском городке в XIX веке, если бы там вздумали агитировать за права геев и лесбиянок. И если в Иваново за неделю удалось набрать около 2000 подписей, то и подписанты, и сборщики проявили массовый героизм. Места в парламенте от этого осколка Совдепии поделят между собой по-братски председатель горсовета, бывший секретарь обкома КПСС и бывший руководящий гэбульник. Больше жителям выбирать будет не из чего. С нежностью вспоминаю также Нижний Тагил, где еще не убрали паровоз с профилем Сталина, где Ленин в чести, где Горбачев — диссидент, а Ельцин — вообще разбойник, где даже «Огонек» — что-то вроде Самиздата. Так что многие депутаты будут вроде чеховско-булгаковской осетрины: во-первых, с душком, а во-вторых, второй свежести.

Гайдаровцы затерты дрейфующими льдами. Есть ли от нашего полюса дорога назад? Это нас даже не интересует. Мы не собираемся возвращаться, хотя припасы кончились еще в 1988 году. Выбор России — это «Выбор России». Дорога вперед. «И в награду за ночи отчаянья будет вечный полярный день…» — как сказал бы Высоцкий. Министр финансов, наш юный Федоров, вывешивает у своего офиса, поперек улицы, транспарант: «Эмиссия — это опиум для народа». Егор Гайдар накануне выборов повышает цены на хлеб и обещает с января многократно увеличить плату за жилье. Нормальные люди поймут, что подобные акции — это свидетельство наивысшего к ним уважения. Впервые за семьдесят с лишним лет их держат за равных, их считают сильными, умными, смелыми и гордыми. Ну где вы еще найдете подобных реформаторов, которые повели бы свою страну таким крутым маршрутом! О, они сделают из

россиян альпинистов. Эта вершина, вершина капитализма, прямо-таки создана для нас. Оставим коммунистов и фашистов, совков и социалистов всех мастей внизу. Пусть там голосят и пресмыкаются. А сами будем брать свою высоту. Наши далекие предки не искали легких путей. «…и можно свернуть, обрыв обогнуть, но мы выбираем трудный путь, опасный, как военная тропа…» О, Высоцкий бы за нас порадовался. Ему тоже нравились препятствия и не нравилось нытье. Демократы в России побеждают вопреки стихиям, а не благодаря им. Глухая и мертвая провинция, колхозно-совхозный ГУЛАГ с кольями и дубьем, целая армия призраков, живых мертвецов, выходцев с того света: коммунистов, социалистов, нацистов, черносотенцев. У партии Зюганова или у РОСа клыки торчат настолько явно, что в них легко узнать вурдалаков. Им мало крови 80 миллионов, они вышли из могил, чтобы повторить — с новыми поколениями.

Дать по 50 миллионов этим порождениям мрака, Лукьянову, Зюганову, Бабурину, Жириновскому?

С якобы захваченного демократами экрана коммунисты пропагандируют карточную систему и СССР. К демократическим выборам приурочен и поставленный какими-то продолжателями дела Юлиана Семенова боевик «Раскол» о нежном политическом восходе Владимира Ильича и его сподвижников. Фильм малость запоздал: еще восемь лет назад он отхватил бы Ленинскую премию. Этакий сеанс черной магии без разоблачения. Самое время г-ну Брагину воспитывать вверенный ему народ в духе ленинских идей. Поставь кто-нибудь в Германии фильм о начале карьеры Гитлера в таком теплом и дружеском ключе — ведь это благомыслящие люди сочли бы неприличным? А у нас можно. И скотомогильник с Красной площади не убран вместе с главным вампиром страны. Эта мумия еще кусается. Ее надо хоронить не на кладбище, а вместе с радиоактивными отходами.

Если уж мы решили свою главную площадь в столице превратить в свалку разных человеческих отходов, то надо дать объявление, что мы будем у себя перед Кремлем хоронить всех злодеев, палачей и преступников человечества — за валюту. Или давайте уберем подальше наших собственных упырей. А тут еще один утопленник явился: «День» воскресе под видом «Согласия», но во всем своем вкусе («и в распухнувшее тело раки черные впились»). «Московские новости» диву даются, почему это КГБ тираж не конфисковал. Подумаешь, бином Ньютона! КГБ думает, где напечатать следующий тираж этого милого издания, потому

что Липецк уже «журналюги» засветили.

Но есть один выход. Мы можем бросить позади себя щетку, и вырастет дремучий лес, и никакая ведьма нас не догонит. После этого пусть хоть Нину Андрееву выбирают в парламент. Мы должны принять ту роскошную, именинную, европейскую Конституцию, которую для нас припасли Ельцин с Гайдаром. Это не Конституция, а мечта поэта. Лучше итальянской и не хуже французской. Как новое платье на вырост: авось дорастем. За такую Конституцию действительно стоит умирать. И если мы ее отхватим, пусть красные попробуют нарушить хоть один пункт: тут-то мы их и прихлопнем. Эта Конституция будет нам скафандром высшей защиты. С ней коммунизм не построишь. Поэтому на нее левые так и кидаются — рогами об забор. Не следует бросаться такой Конституцией, первой в нашей истории, ведь не посчитаешь же Основным законом филькины грамоты 1918, 1924, 1936, 1977 годов.

Нам нужны сейчас три кита: эта Конституция, президент Ельцин и Егор Гайдар, доказавшие, что с ними можно ходить в разведку. Стоя на этих трех китах, ошибки избирателей всегда можно будет подкорректировать с помощью Таманской, Кантемировской и Тульской дивизий. Красному парламенту больше года не жить. Так что коммунисты пусть не хлопочут понапрасну. Процесс пошел. Лиха беда начало…

Каравай, каравай, без мякины выбирай

Как на Борины именины испекли мы каравай… Впрочем, прежде чем сесть за стол, маленький рецептик, как стать тираном, диктатором, автократом и разбойником. Если вы хотите стать диктатором, проведите многопартийные свободные выборы. Если желаете получить реноме тирана, то дождитесь, пока вас куда-нибудь выберут на пять лет. Если вы не уйдете через два года со своего поста, репутация тирана вам обеспечена. А если ко всему этому в придачу вы жаждете, чтобы вас считали разбойником, то подавите военный мятеж фашистов, коммунистов, троглодитов в любой пропорции. Именно так наш несчастный президент снискал все свои «кликухи», появившиеся в интеллигентских «малинах», где восседают разные там Сироткины, Ципко, Никиты Михалковы, Говорухины, нечаянно пригретые славой за теплой пазухой прежней советской власти, на могучей груди КПСС в лифчике 13-го размера; на хазах «Независимой», «Общей», «Новой ежедневной» газет, в «Московских новостях». Впрочем, на воров в законе вся эта публика не тянет, как не потянула на демократов в законе. В лагерях такие пополняют контингент «козлов», «сук», а то и «петухов».

У коммунистов в нашем новом правовом государстве одна судьба: лежать под нарами или у параши. Я решительно против равенства и братства при капитализме. Хорошо бы для коммунистов учредить касту неприкасаемых и каждому повесить на шею колокольчик, чтобы избиратели и прохожие остерегались…

А в «малинах» большое волнение. Если бы Ельцин даже ограбил кого-нибудь и убил, или растлил малолетнюю, или объявил себя императором, или отменил бы всякие выборы навсегда, или заявил бы: «Государство — это я», и то невозможно было бы придумать новые оскорбления, потому что иссяк запас эпитетов и бранных слов у наших совписов, нардепов и иудушек головлевых вроде В. Максимова, П. Абовина-Егидеса и А. Синявского. Недавно Павел Литвинов из Штатов прислал аналогичное письмо в «Независимую», которая решительно становится чем-то вроде канализации, куда каждый, кто может, спускает картофельные очистки, яичную скорлупу и сами догадываетесь что еще.

Роду человеческому, видно, свойственна неблагодарность.

Каравай испекли на президентские именины и на именины «Выбора России». Мы 4 октября разгромили атамана и разогнали воевод. Мало, что ли, советской интеллигенции, что мы после этого даем откусить от нашего каравая? Мы не жадные, мы делимся. Но все-таки гостям надо соблюдать приличия и хотя бы корочку оставить хозяевам. А то в следующий раз мы такие прожорливые блоки в гости не позовем. Уважаемым гостям явно надоели хозяева. Они уже обед начинают хаять. Если кому не нравится, как кормят в гостях, пусть обедает дома. Где вы все, интересно, были, когда мы ночью на Тверской на картонных баррикадах решали вопрос: «Быть или не быть?» Вот Явлинский советовал склониться под ударами судьбы. А мы решили оказать сопротивление! И в смертной схватке с целым морем бед покончили с ними. Живем по Шекспиру! Ставим на врагов демократии маленькие мышеловки, но вино пить с Жириновским отказываемся, помня об участи бедной Гертруды. И когда Владимир Вольфович собирается в гости к нашему президенту с бутылкой водки, я сразу вспоминаю тот отравленный кубок, а когда он добавляет, что на закуску захватит и яблоки в авоське, передо мной встает хрустальный гроб из «Сказки о царевне и семи богатырях», куда царевна угодила, отведав наливного яблочка с ядом. Так что, если Жириновский попадет, не дай бог, в гости к Борису Николаевичу, я лучше сама лично попробую, как при английском дворе, чем он его собирается потчевать. ДС уже давно играет роль отведывателя разных вражеских блюд, которыми пытаются потчевать президента его враги, а Борис Николаевич, как ребенок, все в рот тянет, не понимая, что некоторые идеи, личности и ситуации изначально несъедобны.

Продолжая шекспировскую тему, я могу сказать, что иногда демократия изменяет нам с лейтенантом Кассио, превращаясь в охлократию, причем козни Яго здесь ни при чем — объективный процесс! Тогда мы душим ее, как Отелло — Дездемону, причем за дело, ибо Дездемона была верной женой, а Верховный Совет изменил нам с Баркашовым, Макашовым, Анпиловым и Сажи Умалатовой. Следовательно, туда ему и дорога, по закону шариата. Как там у Шекспира? «Погибни, шлюха!» Так что, прежде чем нам изменять, лучше молиться на ночь. Мне нравится прямота Шумейко. Он знает, что дареному коню в зубы не смотрят. Вот и заметил он попросту, что гнать надо из-за стола таких гостей, как коммунисты и ДПР! Конечно, Рябов не выгонит: они уже и салфетки повязали, и желудочный сок выделили. Ельцин тоже тарелки не отнимет: он слишком широк и гостеприимен. А жаль! Они, эти блоки, нам плиту ломали, а теперь их за стол сажать? Пока Бориса Николаевича вилкой

дорогие гости не пырнут, он ни за что об их классовой сущности не догадается…

Кто у нас капитан? «Тот, кто, бунт на борту обнаружив, из-за пояса рвет пистолет так, что сыплется золото с кружев, с розоватых брабантских манжет». Узнали? То-то Жириновский подтянулся, и, когда наш президент входит в зал, он встает, щелкает каблуками и склоняет голову. Конечно, Жириновский уважает в Ельцине не демократа и не западника, а капитана, который доказал, что кое-кого в случае необходимости может за борт покидать. А вы говорите: президентские перевыборы! Он обещал! Во-первых, слово было его собственное. Хочет — дал, хочет — взял. Во-вторых, обещанного еще два года подождете. Старый конь борозды не испортит. Поэтому его на переправе и не меняют. Скажите еще раз, что Ельцин вас разорил. Сбережения ваши были мифом и иллюзией, кусочками цветной нарезанной бумаги. Дунул свежий ветер перемен — они и развеялись, как зыбкое сновидение. За этот мираж спрашивайте не с Ельцина, а с В. И. Ульянова, пока он в Мавзолее. А от Ельцина вы получили уже целую тележку подарков, он у нас как Санта-Клаус. Свободу, землю, «Сникерсы», полные полки продуктов, иностранные поездки, японские телевизоры, свободные выборы, холмик над КПСС, курган над Советской властью, склеп для СССР. Да еще свои квартиры задаром, в полную собственность! Ушлые и дошлые граждане уже их за баксы сдают или продают.

Однако вернемся к караваю. Здесь главное — проверить, чтобы тебе в ковригу не подмешали мякины, отрубей или чего похуже. Избирательная агитация у нас была — обхохочешься!

Сюжет № 1. «Избиратели, голосующие за ДПР, полны бодрости. Единственное, чего они могут попросить у любящего Центризбиркома, это еще немножко ДПР. В ДПР есть все питательные вещества, необходимые избирателю. Ваша киска проголосовала бы за ДПР!»

Сюжет № 2. Часть I. Темная ночь, только пули свистят по степи. Часть II. Рассвет на Москва-реке. Появляется шахраевский ПРЕС. Все объединяются: Гоголь и Гегель, пол и потолок, калий и кальций. Все соглашаются на всё. На горизонте возникает муравейник как символ бесконфликтности, единства и согласия. Муравьи поют: «Мы устали дожидаться рассвета».

Сюжет № 3. «Если вы проголодались, вам нужен Гражданский союз. Что такое Гражданский союз? Это лучший кокос, толстый слой карамели и мягкий молочный шоколад. Гражданский союз

— это лучший способ утолить голод».

Сюжет № 4. Появляется блок «Новые политики, новые имена». Приносят шампанское, поят политиков, ведущих, телеоператоров, телезрителей. Обещают девочек. Девочки не приходят, потому что их отбил блок Жириновского, обещав заплатить валютой.

Сюжет № 5. На троне сидит Жириновский. В порфире и в шапке Мономаха. В руках держит рог изобилия, из которого льется птичье молоко и сыплется манна небесная. Вокруг толпятся французы, американцы, англичане, японцы. Все просят принять их в состав Российской Федерации. Японцам отказывают: вакантных мест в РФ больше нет. На горизонте золотые здания с серебряными крышами и Красная площадь, вымощенная агатами. На деревьях растут сдобные булки и вареники с творогом. Все столы накрыты скатертями-самобранками. Ковры-самолеты летают без энергоносителей. Сапоги-скороходы заменили общественный транспорт. Апофеоз.

Сюжет № 6. Поздняя осень. Несжатая полоска размером в четыре Франции. Избушка, крытая соломой. На завалинке сидит Василий Стародубцев и поет: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». На избушке кумачовый лозунг: «Засыпем ГКЧП нового урожая в закрома Родины!» Зорькин доит корову. Оба поют: «Колосятся колхозные нивы на бескрайних просторах страны, мы заботами партии живы и ее руководством сильны!»

Сюжет № 7. Выступление фольклорного ансамбля. Руководитель — Анатолий Собчак. На сцену под руки выводят Святослава Федорова. Олег Басилашвили глубокомысленно говорит: «Слепой ведет слепого, и свалятся они оба в яму».

Но самые интересные дела у нас с «Яблоком». «Эх, яблочко, куды ты котишься?» Вроде бы Явлинский собирается строить капитализм. Но он хотел его строить без Конституции, без шока и при советской власти, да еще и в СССР! Вы когда-нибудь такой капитализм видели? По-моему, «яблочки» — это типичные меньшевики. В каждом деле есть свой большевик и свой меньшевик. Большевик стремится к цели, а меньшевик вставляет палки в колеса. Конечно, красные большевики плыли не туда, но мямли меньшевики им и помешать толком не смогли, только ныли. А уж кого-то вести им поручать и вовсе нельзя. Если бы

Колумб был меньшевиком, он не открыл бы Америку. Эх, в румяном яблочке червячочек точится! А мы никого не агитируем. Мы, «Выбор России», Россию завоевали, мы ее убедим, мы ее и обустроим. Причем убедим не словом, но делом. Вначале было дело!

Выборы — это всегда суд присяжных. 12 декабря присяжные избиратели будут решать, жить стране или умереть. Наши выборы — это сражение. Бюллетени скрестятся, как шпаги, и, как пули, полетят на дно ящиков. Что может «Выбор России» себе пожелать? Если смерти — то мгновенной, если раны — небольшой. «Нам парус — непогода, нам ветер — побратим, кораблик наш — свобода, летим, куда хотим!» Мы не боимся ни красных, ни коричневых, ни в полосочку. Как там говорила Женька Комелькова из фильма «А зори здесь тихие…»? «Идите сюда, заразы…» Нам Лернейская гидра в самый раз на обед — мы уже вилочку и ножичек приготовили…

* * *

PS Вместо постскриптума приведу био ВИН в трактовке сакраментального «Лурка» (ее официальная биография приведена в конце настоящей книги):

Валерия Ильинична Новодворская (евр. рас. היאקסרובדובונ הירלו, Баба Лера, товарищ генерал-майор, Калерия Ногодерская, Гипножаба, Старохатская, Невтудверская, Московская девственница, любимая племянница Ктулху, жыдобегемот и тому подобное, родилась 17 мая 1950 года, приняла ислам 12 июля 2014 года) — бывшая отциха русской демократии, борец сумо с режимом, Жабба Д'Орк российского либерастизма, жертва карательной психиатрии, жыд (на одну восьмую, по словам самой поциентки), один из секс-символов российской политики.

Либерастка демшизоидного толка, хтонический идол, факт существования которого можно было объяснить только пространственно-временными аномалиями. Лет 40 назад, будучи на лечении эвтаназепамом, подцепила ФГМ, который заботливо взрастила и выпестовала до терминальной стадии. Писала книги и ходила на митинги, перманентно находясь в оппозиции к любому государственному строю, от социализма до утопии. Утверждала, что принадлежит к женскому полу, и оставалась девственницей до своей безвременной кончины.

Новодворская родилась в Белоруссии на каникулах у

бабушки с дедушкой. Часть трудовой карьеры прошла в библиотеке 2-го МОЛГМИ (ныне РГМУ — Российского государственного медицинского университета). Там она раскидывала агитационные листовки, за что и была благополучно уволена. А на открытии центрального панно института, на котором должен был присутствовать Горбачев (его дочь в это время здесь училась), пробралась к микрофону и начала люто, бешено критиковать преподавание научного коммунизма, за что была с большими усилиями унесена представителями кровавой гэбни.

Причины антисоветской деятельности Новодворской просты как грабли: по словам студентов, учившихся с ней в одном потоке, это была некрасивая, непривлекательная, толстая девушка, от которой вдобавок еще и пованивало. Само собой, что подобное создание было обделено мужским вниманием. Ну и подобно прочим ущербным, вместо того чтобы пытаться изменить себя (занятия спортом, косметика и мыться почаще), направила свою неудовлетворенность на окружающих. В данном случае под раздачу попал правящий в стране строй.

В 1970 году пришла в Кремль и начала там криками и разбрасыванием листовок призывать к свержению советского строя. Кровавый режим после такого запер ее в застенках психиатрической больницы с диагнозом «шизофрения» на два года. Лечение оказалось безуспешным, сразу после выписки из уютной больнички в 1972 году сабж осознает себя жертвой режима и вступает в активную борьбу.

Потом преподавала историю в РГГУ у Афанасьева и в частных лицеях в начале 90-х. Уволилась из вуза после того, как была затролена студентами из-за того, что назвала «царем-освободителем» Александра I (который Благословенный), а не Александра II (который получил сие прозвище за отмену крепостного права). Причем, когда ей указали на ошибку, она стала упорствовать и доказывать, что Палыча так прозвали за освобождение Европы от Наполеона.

Девственность Валерии Ильиничны никогда не подвергалась сомнению, но вот чистота перед диссидентским движением — постоянно; злые языки вовсю утверждают, что Лера профессионально работает на кровавую гэбню. Мнения расходятся относительно начала сотрудничества (до или после ареста) и статуса (офицер или внештатница). Кроме того, пациентка стучала на Ройзмана в Свердловское УВД.

В последние годы жила в уютненьком подмосковном поселке Кратово, чем доставляла местному населению тонны лулзов. Особенно когда приезжему быдлу рассказывали, кто тут жил.

Связь с общественностью поддерживала через ЖЖ, в котором регулярно (по несколько раз в день) выступала с разного рода статьями мессианского и учительского характера про то, что в России все говно и надо молиться на Запад. Участниками ее ЖЖ на 95 процентов являются примерно такие же «дерьмократы», как она сама, могущие только из теплых кухонок в Интернете рассуждать о «свободах слова и человека». При этом попытки критики со стороны чуть более здравомыслящих людей обернулись введением в журнале «сторонников свободы слова» примитивной предпечатной цензуры.

В январе 2011-го Хэллом были взломаны блоги на ЖЖ, ютубе, твиттере, фейсбуке и мейлру Новодворской. Хэлл обращает внимание, что всю интернет-деятельность от имени Новодворской вел ее хахаль Боровой. В результате были удалены видео и статьи за три года, а также у Борового были проблемы с возвращением аккаунтов. Интересно, что особую неприязнь вызвала техподдержка мейлсру.

В 2013 году снова вернулась в большую политику, создав, вместе со все тем же Боровым, партию с гордым названием «Западный выбор», в которую собрала недобитых советских диссидентов, представителей ЛГБТ-сообщества и молодых фриков всех мастей (что характерно, срачи в партии возникли уже на стадии создания и закончились изгнанием одного из активистов «за гомофобские взгляды»). 15 апреля 2014 года приняла присягу Украине (ломаный-переломаный укрояз вызовет анальные колики у свидомых), тем самым окончательно убедив всех в необходимости еще одного курса освежающей карательной психиатрии. Военную присягу могут принять только граждане Украины, поступающие на военную службу.

12 июля 2014 года приняла ислам в отделении гнойной хирургии ГКБ № 13, что уже породило массу «искрометных» шуток про «дотянулся проклятый Сталин». Печально, что уже не порадует нас своими перлами.

Раздел III. Год 1994

В этом разделе собраны «нововзглядовские» колонки ВИН, которые я опубликовал в 1994 году и из-за которых, собственно, и затеян был сыр-бор с уголовным преследованием колумниста и ответственных лиц нашей редакции.

Россия на игле

Сексуальные маньяки пристают к отдельным личностям. Маньяки демократические работают со всем обществом. Сексуальные маньяки злоупотребляют сексом. Маньяки демократические злоупотребляют демократией. Деятельность сексуальных маньяков приводит объект их попечений к мучениям и смерти. Деятельность демократических маньяков приводит страну к такому же финалу. Секс в небольшом количестве полезен и приятен (по крайней мере, так пишут в эротических романах). Трахая партнера, нормальный эротоман оставляет ему досуг для других занятий, заботится о возобновлении сил и о перерыве на обед. Сексуальный маньяк использует партнера как одноразовый шприц. Демократические отношения правительства со страной требуют таких же мер предосторожности, как и сексуальные.

Страна не кувшин, нельзя лить в нее демократию, как воду, так, чтобы она из ушей потекла. Этак ведь и утопить можно любимое Отечество. И если сексуальный маньяк может истребить от силы 40–50 человек (рекорд Чикатило), то демократические маньяки в силах отправить при посредстве демократических процедур на тот свет целую страну со 150-миллионным населением, а если страна вооружена ядерными боеголовками, то и мир могут в том же направлении с собой прихватить.

Хотелось бы знать поименно тех демократических маньяков, которые посоветовали нашему чистому, неискушенному и доброму президенту пойти на этот творческий эксперимент: устроить забег на короткую дистанцию между коммунистами, фашистами и демократами — кто придет к финишу быстрее? Догонит ли черепаха Ахиллеса, тренировавшегося 75 лет? А потом судей — на мыло, зрителей — на мыло, большую часть спортсменов — на мыло, освещающих это состязание журналистов — на мыло, спонсоров — на мыло… Остается только Комитет по физкультуре и такого рода спорту (или, проще говоря, Комитет госбезопасности) и довольно потирает руки. Получилось прямо-таки по Марине Кудимовой, прозревшей загадочную совковую душу: «Быть может, народ кабак предпочтет и скажет, что даром не надо нам ни Гегеля с Кантом, ни барышни с бантом, ни паче строения атома…»

Я человек невинный и целомудренный, но вынуждена перейти на ненормативную лексику и чуждые мне понятия из сферы секса, потому что все, что произошло, в понятия высоких материй не укладывается и описанию литературным языком не

поддается. Кто-то хотел Учредительного собрания… Доучреждались?

Прямо по сценарию 1917 года. Первая — колом, а вторая — соколом Жириновского. А на закусь — колючая проволока, по 3 кг в одни руки.

Сейчас в театре Ермоловой идет рок-версия «Бориса Годунова» Пушкина под названием «Беда государству Российскому». Так вот, главная беда государства — его народ. При таком народе любая избирательная урна становится погребальной, и ее можно прямо устанавливать в колумбарии под названием РФ. И в театре, и в жизни (жаль, Пушкину нельзя показать!) чернь с идиотским восторгом творит себе кумиров из всех по очереди: из Бориса Годунова, из Бориса Ельцина, из сына юриста Жириновского, из Гришки Отрепьева, из Невзорова, из Лукьянова. В надежде на сытое корыто. И при первой же попытке воззвать не к ее желудку, а к каким-то другим органам стаскивает прежнего кумира за ноги с пьедестала, стоит чуть-чуть отпустить вожжи. С ней можно без пряника, если есть кнут. Но нельзя без кнута, даже если есть пряник. А тем паче когда нет. Спектакль, по-моему, посвящается российским свободным выборам. Вы когда-нибудь видели юродивую толпу? Так идите в театр Ермоловой или в Центризбирком: 23 процента за Жириновского, 13 процентов — за Зюганова, 9 процентов — за Стародубцева. Словом, «Месяц светит, котенок плачет. Юродивый, вставай, за Жириновского проголосуй». Сейчас перед штаб-квартирой ЛДПР стоит очередь, и все спрашивают: «Где здесь в фашисты записывают?» Как же! Партия парламентского большинства! Говорят, фашистам будут паек давать хороший… Новый «парламент» похож на серпентарий.

Многие почему-то задаются вопросом: куда Ельцину эту Думу сажать? Как куда? В банку со спиртом! А тут еще явилась толпа иностранных наблюдателей (похоже, их рекрутировали в тамошних сумасшедших домах), и все, как один, выражают глубокое удовлетворение от наших свободных выборов. То есть встречают похоронную процессию и желают: «Таскать вам не перетаскать». Ну подождите, ехидны, у вас что-нибудь случится, мы тоже вам выразим глубокое удовлетворение! В Италии будут следующие выборы, так мы пошлем наблюдателей и потребуем, чтобы соблюдались права сицилийской мафии, чтобы она шла на выборах отдельным партийным списком «Мафиозный блок за единство и согласие». И чтобы ему предоставили равное с другими экранное время. И чтобы у него была свободная печать: «Мафиозная Италия», «Мафиозная правда», газета мафиозной оппозиции «Полночь». А иначе объявим, что в Италии

авторитарное правление!

Некоторые умники сетуют, что президент вовремя не сказал, что он сторонник «Выбора России», а с фашистами и коммунистами не водится. Бедный Ельцин и не предполагал, что народу нужно объяснять, где бука. Я и то не знала, что получится по старинной песне: «Долго в цепях нас держали, долго нас голод томил, черные дни миновали, час обалденья пробил!»

Парламентаризм в России скончался в материнской утробе за неумением избирателей отличить подосиновики от мухоморов. Гражданская панихида состоялась в ночь на 13 декабря во Дворце съездов. С брачного стола пирог плавно перешел на поминальный. Поминали парламентскую демократию. Сначала с помощью устройства состязательного процесса между фашизмом в качестве прокурора, коммунизма в качестве судьи, охлократии в качестве присяжных заседателей и демократии в качестве подсудимой эту самую демократию выбросили за борт, в надлежащую волну, а потом, вестимо, по русскому обычаю «грянем песню удалую на помин ее души!».

Братание демократов с противником кончилось плачевно: Тельмана Гдляна Владимир Вольфович побил, не дожидаясь подсчета голосов, обещая сгноить в тюрьме; безобидного Геннадия Хазанова обрек на казнь; приговорил к смерти Александра Иванова и очень удивился, что демократы все это продолжают запивать казенной водкой под щучью голову. Я бы тоже удивилась. Один Чубайс отмежевался от будущего фюрера и сказал: «Кыш, нечистая сила!» Я думаю, что это первый в истории пир, где жертвы угощали за свой счет будущих палачей. За такой футуризм Брагина надо разжаловать в рядовые и сослать на стройки капитализма. Дура-ведущая читала дурацкие стихи, пришедшие от дураков-телезрителей.

Мне лично это напомнило те моменты, когда в Бухенвальд или Освенцим приходили эшелоны с обреченными и их гнали в газовые камеры под развеселую музыку лагерного оркестра. Ну как не назвать моих коллег демократическими маньяками?! Кто еще способен выпивать и закусывать на собственных похоронах?!

Президенту нельзя от такой страны ни на миг отлучаться. Только отвернешься — дитятко или кипятком обварится, или в колодезь упадет. России предписана демократия со строгим наблюдением в специальных учебных заведениях для девиантов.

Пока суд истории не решит, что наблюдение можно снять. А тут еще некоторые демократы ошалели от страха и стали выбирать, то ли им с петлей блокироваться против топора, то ли с топором против петли. Это я про Андрея Владимировича Козырева, который сегодня решил вдруг встать под красные

знамена и таким образом преградить путь фашизму, а завтра, в панике забыв про вчерашние планы, уже задумал побрататься с фашистами и даже нашел множество точек соприкосновения с Жириновским.

Зря Андрей Владимирович старался: у Жириновского в кабинете уже министр иностранных дел есть, да и вообще все вакансии распределены. Разве что г-н Козырев решил сделать крюк и, кроме Азербайджана, Таджикистана, Грузии, Латвии, Эстонии и Севастополя, еще помочь Владимиру Вольфовичу в завоевании Индии, Греции, Финляндии, Аляски и Польши. Между прочим, за такую панику в бою президент может и расстрелять на месте, то есть уволить в отставку, как Брагина, Костенкова и Станкевича. Нельзя же работать одновременно на двух господ. От этого понижается производительность труда.

Некие досужие умы уверяют, что избиратели, голосуя за Жириновского, делали это назло президенту. Какая свежая мысль! Пойду вырву у себя глаз, пусть у Бориса Ельцина будет подданный кривой. А то еще идея возникла: пусть, мол, Жириновский годик поработает, разоблачит себя перед избирателями. Да нет уж! Даже если Владимир Вольфович снимется на фоне типового крематория, таким избирателям это понравится.

Ничего, президент с нами сейчас разберется. Будет, надеюсь, по А. К. Толстому: «Сказал он: мне вас жалко, вы сгинете вконец. Но у меня есть палка, и я вам всем отец!» Одна десятая часть избирателей голосовала за свободу. Она и получит свободу. А остальные проголосовали за рабство. И уж лучше пусть у них будет добрый хозяин, чем злой. Борис Николаевич — добрый хозяин. И будете слушаться как миленькие. Вы же всех слушались на своем веку: и Брежнева, и Хрущева, и Андропова. Вам хотели дать свободу. Не желаете? Была бы честь предложена… Теперь у нас есть Конституция. Поставим ее в буфет, как сервиз, и будем вытаскивать при гостях (а сами употреблять и по будням), потом всем дадим, когда будем уверены, что вы наши чашки саксонского фарфора не побьете. Жаль, что сын юриста не дочитал ее до конца. Согласно ст. 13 п. 5 и коммунисты, и фашисты подлежат запрету. Так что рано пташечка запела, как бы кошечка не съела… Мяу! Так что грядите, голуби, с миром и не балуйтесь, а то Борис Николаевич вас без сладкого оставит, как Руцкого и Хасбулатова. Бассейн мы вам устроили. А если будете себя совсем хорошо вести, мы вам туда же воды нальем!

А демократы должны впредь учесть, что за сбыт, хранение и распространение наркотиков типа Жириновского, Зюганова, Невзорова положена уголовная ответственность. Что это за

медельинский картель в виде «Останкино»? С того, кто посадил Россию на иглу, строжайше взыщется!

Пейзаж вместо битвы

Пейзаж — не самое безотрадное зрелище. Не верьте Анджею Вайде, он интеллигент. Интеллигентам вообще не верьте, кроме Е. Гайдара и Г. Бурбулиса. Все интеллигенты у нас после сладких и беспечальных горбачевских лет впали в депрессию, сначала на экономической почве. Ведь как было славно! Будто при крепостном праве. Читайте Антона Павловича Чехова, который, будучи интеллигентом, эту породу знал и до дрожи ненавидел. Итак, горбачевский период, следующий непосредственно за меловым: утром тебе щи да каша и в обед щи да каша. Капусты и огурцов ешь добровольно, сколько захочешь. От пуза. И строгости было больше. Всяк себя помнил.

Зато когда пришла ельцинская эра, отдаленно напоминающая кайнозойскую, и на сушу полезли первые неуклюжие, дрожащие и мокрые млекопитающие (в природе наметился положительный эволюционный сдвиг от карнозавра к саблезубому тигру, а обезьяна взяла в руки палку и каменюгу, но, в отличие от анпиловских вояк, для чисто созидательной и конструктивной деятельности), вот здесь-то интеллигенты и вырубились. А с 21 сентября 1993 года они вообще пребывают в глубоком обмороке, переходящем в коматозное состояние. На минуточку восстанут, напишут очередную статью в «Независимую», «Общую» или «Московские новости» и опять хлопнутся. Теперь и президент рядом с ними лег. Нашел себе компанию! В русской интеллигенции всегда не хватало то ли воли к власти, то ли воли к жизни, она уступает дорогу недостойным завязать шнурок ее обуви что при Блоке («Достойнейшие, Боже, Боже! Да узрят царствие твое!»), что днесь. Классический пример из учебника для первого курса — поведение умнейшего, добрейшего, честнейшего Василия Селюнина на конференции, где создавали демократы антифашистский фронт, да так и не создали, убоявшись обвинений со стороны тех же интеллигентов в разжигании антифашистской истерии. И то верно, у нас скорее начнут сажать за антифашистскую пропаганду, чем за фашистскую. За фашистскую пропаганду у нас вон г-на Жириновского в Думу избрали. Так вот, на эту конференцию тихой сапой инкогнито пробрался коммунист. Если вы думаете, что повторилась крыловская сцена с волком, который, «думая попасть в овчарню, попал на псарню», то вы очень ошибаетесь. Никто, кроме меня и самых продвинутых участников (уж, конечно, не интеллигентов), не крикнул: «Ахти, ребята, вор!» А

когда этот самый серый брянский волк попросил слова, большинство (правда, не квалифицированное, а простое) проголосовало за его предоставление — правда, в конце конференции. И, чтобы сгладить невежливость своих единомышленников, Василий Селюнин отдает свое слово коммунисту!

Так, значит, и отдадите свое слово, свою тарелку, свое платье, свое место — сначала у власти, а потом — в жизни? Да, русская интеллигенция всегда «головою падала под трактор», отдавая свое имущество, свою свободу и свою жизнь большевикам, ибо сильный в этом гнусном мире убивает или покоряет, а слабый ждет, когда его покорят или убьют. Ну нет, братцы-кролики. Хорошенького понемножку. Мы в ДС, может быть, и похожи на интеллигентов, но это чисто внешнее сходство: манеры, речь, образовательный ценз, вкусы etc. Однако, когда красные наступают нам на ногу в трамвае, мы извиняться не будем, а лучше выкинем красных из трамвая к чертовой бабушке. За жизнь одного Василия Селюнина мы без всяких церемоний в духе японского чаепития положим весь наличный состав всех бесчисленных наших компартий, от ВКП(б) Нины Андреевой и РКП Виктора Анпилова до зюгановской КПРФ. Я думаю, что если бы культурная и респектабельная Россия начала века, не убоявшись душевных мук и запачканных рук, положила бы заранее эсеров простых и эсеров-максималистов, меньшевиков и большевиков, Ленина, Троцкого, Дзержинского, то не легли бы в могилы многие порядочные люди, десятки миллионов невинных жертв. Не погибли бы девочки-царевны, юный царевич, Столыпин, Колчак, Гумилев — и не погибла бы Россия. Мы здесь не на цивилизованном Западе, мы блуждаем в хищной мгле, и очень важно научиться стрелять первым, убивать, пока тебя не убили. Чтобы потом построить мир, где будет запрещено убивать — по крайней мере, ни за что ни про что.

Шуточная жалоба Юлия Кима «Ах, не досажали, не дожали, не догнули, не доупекли» действительна в обе стороны. Я всегда, и письменно, и устно, утверждала (и в худшие времена, до всяких перестроек), что КГБ поступает глупо, сохраняя мне жизнь, и что в этом они еще раскаются. Я думаю, что раскаялись в день закрытия их конторы. Правда, они плавно переползут в другую, шурша длинными пушистыми «хвостами», на прикармливание которых по новому положению об агентуре они получили официальное право. Но зато какой повод! Какой ущерб для репутации! Но мало, мало. Не досажали-таки! Надо было как в

Румынии. Не Горбачева, конечно. И не Раису Максимовну. И вообще расстреливать не надо. Этого мы уже не сможем никогда. Табу. А вот Крючкову — лет десять, да всему руководству Пятого отдела — по десяточке (Филиппу Бобкову, например), да следователю Вавилова Хвату, да следователю — последнему — Анатолия Марченко, да следователям Василя Стуса, Ильи Габая, Юрия Галанскова — столько же. Хотя бы за мертвых! Помните последние кадры из «Зорь», которые «здесь тихие»? «За Лику, за Соню, за Галку!» За всех… Таков закон войны. Даже если эта война гражданская! Особенно если гражданская…

Кто не стреляет первым, тот погибает, а вместе с ним гибнет его дело. Его страна… 30 декабря, окруженный российской спецчастью и «Мхедриони», при попытке взять его живым с помощью парализующих пуль, расстреляв все патроны и оставив последний для себя, погиб Звиад Гамсахурдиа. Погиб потому, что не стрелял первым в 1991 году, что оставил всех врагов в живых. Ну что же, они живы и глумятся над памятью погибшего героя. История не знает исключений. Добей гадину или заказывай себе гроб, как те достойные наши враги, которые сделали это, прежде чем войти в Белый дом. Для таких врагов и лучшего гроба, и воинских почестей от казны не жалко… Это тот максимум, что мы можем дать друг другу через пропасть, нас разделяющую. Между нами горит мост… И единственный привет, которым мы можем обменяться с баркашовцами в знак одинакового выбора с противоположным знаком, — это автоматная очередь. Пейзаж после битвы может выглядеть весьма эстетично. Кровь можно замыть, друзей и врагов похоронить достойно и пышно, распить шампанское во здравие свободы и за упокой Совдепии на фоне горящего Белого дома. Если мы доживем до следующего октября, мы обязательно устроим утренник на Краснопресненской. С шампанским и с цветами, которые положим на могилы — пусть символические — честных соратников, бравших Белый дом, и честных врагов, его защищавших. А если не доживем, пусть это делают наши враги. Надо полагать, мы стоим и пуль при жизни, и цветов после смерти, ибо не лгали, не предавали, не продавались, не трусили, прожили жизнь в бою и с врагами не сотрудничали.

Газета «Завтра» просит меня при приближении к газовой камере включить габаритные огни. Попросторней надо строить газовые камеры, ребята. При ваших-то аппетитах на эти дела они у вас будут в три смены работать. Вон Владимир Вольфович ездил в Германию. Наверное, за чертежами… Пейзаж после битвы — это то, что ты честно добыл мечом. Твоя страна. Твоя свобода. Твой

капитализм. Закрытие «их» — не твоих — газет. Арест «их» — не твоих — лидеров. За дело. Это война, а не круглый стол.

Сажи Умалатова, по словам «своих» же из «Завтра», плакала, когда их вывели из Белого дома. Попробуйте заставить плакать нас. Да мы и не выйдем! На месте наших врагов мы взорвали бы Белый дом. С собой и с половиной Москвы в придачу. Что и сделаем, надеюсь, когда придет наш час. То-то Руцкой во все посольства звонил… Слабо было умереть? Бей красных, пока не побелеют, — совет хорош, учтем. А сейчас у нас пейзаж вместо битвы. Не после, а вместо! Вот это действительно кошмар. Сдавшийся на милость побежденных президент. Демократы, играющие роль кроликов в пасти красно-коричневых удавов из Думы… Оправдывающиеся «выбороссы», которых выбросили, утопили, как котят, за то, что Гайдар спас страну от голода, а 3 октября — от смерти; за то, что Бурбулис сделал Ельцина президентом; за то, что безоружные демороссы и дээсовцы пришли умирать к Моссовету за президента и капитализм… Но не думайте, что, если мы уйдем, кто-то здесь останется жить при социализме. Если для того, чтобы стереть с лица земли коммунистов, фашистов и империалистов, нужно стереть с лица земли эту страну вместе со всем ее населением, мы не дрогнем и благословим свою собственную погибель. Когда-то наши предки подожгли Москву, чтобы не оставить ее врагу. Сегодня есть средства не оставить врагу всю Россию. Лучше быть мертвым, чем красным.

Россия № 6

Это началось давно. Россия никого не разбила на поле Куликовом. Можно ли разбить врага, который 200 лет сидит у тебя внутри, который сначала изнасиловал, а потом вступил с жертвой насилия в брак по любви и прижил с ней детей? Бить монголов надо было до ига, а не после него. Патриотически настроенные историки умалчивают о том, что великий Александр Невский, разбивший псов-рыцарей, платил дань Орде. Это, видимо, было раннее евразийство. Монголы были понятнее и ближе, в отличие от проклятых атлантистов-немцев. Наверное, это любимая эпоха двух Александров: Дугина и Проханова. И хотя в XIII веке не было еще ни «Дня», ни «Завтра», уже тогда Россия-Русь жила по их формуле. Раздавленная Востоком, органически сливалась с ним в одно, как едины удав и проглоченный им кролик, и злобно набрасывалась на Запад. Доставшаяся монголам дань после 1380 года просто перекладывалась в другой кошелек и застревала окончательно в тугой мошне Великих князей Московских. Страховые же агенты остались прежними. Так что когда Европа решительно отказывается благодарить Русь за спасение от монгольского нашествия, хотя неблагодарную Европу сильно осуждал за это дело в «Скифах» сам Блок, она совершенно права. За что ей благодарить трусливую жертву двухвекового насилия? За то, что татары, поживившиеся колоссальными богатствами Руси, прижились при ней и на ней; за то, что богатств Руси хватило им на 150 лет; за то, что было и сытно и удобно и незачем переть дальше; за то, что за 150 лет Орда разложилась, разучилась боевым искусствам, не встречая отпора, и в 1380 году монголов можно было взять тепленькими? Если рассуждать далее в этой же системе координат, то все лани, олени и дикие козы леса должны быть благодарны тому кабану, которого задрал себе на пропитание тигр, потому что он насытился и не стал гоняться за другими робкими травоядными, и они выиграли время. Значит, лесное зверье должно благодарить падаль? Значит, Запад должен благодарить Русь за то, что она наполнила хищнику желудок? Как же должно звучать похвальное надгробное слово? «Спасибо Руси за то, что съели ее, а не нас»? Конечно, Евпатий Коловрат, Михаил Черниговский, Даниил Галицкий, Михаил и Александр Тверские, все честно павшие в бою или казненные в Орде, но не сдавшиеся, не отвечают за позор Руси, которой 150 лет спокойно обедали. Мертвые сраму не имут, если они пали в бою. Но выжившие имут срам. И их потомки тоже.

Мы — потомки выживших. И это непоправимо. За время ига Русь стала прахом. Глиной. Из нее можно было создать все что угодно. Нас создал Иван Грозный. Как он запряг, так мы и поехали. И едем до сих пор. Он создал нас с маятником маниакально-депрессивного психоза внутри, по образу и подобию своему. Иван IV был психом, но не в медицинском плане, а в политическом. Бог сотворил Адама из глины по своему образу и подобию. Нас сотворил политический безумец, исторический маньяк, деспот-теоретик, потому что мы были к XVI веку глиной, весьма пригодной для подобных экспериментов. «Ибо прах ты, и в прах возвратишься».

Побежденные климатом, историей, роком, геополитическими факторами, Ордой, зимними бескрайними пространствами, византийством, Диким Полем, славяне похоронили в себе древних скандинавов, викингов (впрочем, те, кто был на них похож, предпочли смерть игу). Русским оставалось еще одно последнее поражение — поражение от жесткой порфиры государства, от оседлавшего их деспотизма, — после чего славянский мустанг превратился в покорную клячу со стертым хребтом и разбитыми копытами, делившую свой век между пашней и живодерней. У Ивана IV периоды запойных, диких, нечеловечески жестких репрессий, изощренных казней и пыток перемежались с периодами упадка духа. С XVI века мы существуем по законам маниакально-депрессивного психоза, ставшего лет через сто уже национальным характером. «И перед властию презренные рабы…»

Перед твердой и жестокой властью. Перед слабой властью — разнузданные анархисты, разбойнички, воры, из социального аутсайдерства шагнувшие в перманентный мятеж неврастеников, сдирающих шкуру с той власти, которая проявляет человечность и цивилизаторские наклонности, однако целующие стремя и хлыст у каждого свирепого и злобного автократа или у каждого реформатора с петровским бешеным нравом и петровской железной рукой. Но ослабевшая вожжа тут же попадает маниакально-депрессивному народу под хвост, и бешеные кролики, еще вчера довольствовавшиеся морковкой, выдаваемой по карточкам, жаждут крови и человеческого мяса, как в 1917 году, как в октябре 1993 года (когда они готовы были сжечь Москву, но не жить по-человечески), как 12 декабря 1993 года, когда бешеные кролики проголосовали за мировой пожар.

Вот оно, русское чудо и загадочная русская душа! Маниакально-депрессивный психоз! Вот почему мы так классно воюем! Нездоровая агрессия маниакала, искусно направленная на чужих своей собственной властью и превращающаяся в рабью

прострацию по возвращении с войны! Вот откуда у нас такой ВПК! Это центр «психического здоровья» русского народа, призванный сбивать пламя агрессии маньяков, которые иначе могли бы обратиться против собственных правителей!

Второй полюс этого центра, второй конец этого гигантского магнита — в ГУЛАГе, где дисциплинарная коррекция, подавляя агрессию, гнала депрессию и на зэков в черной форме, и на вольняшек в красных галстуках, с комсомольскими и партийными билетами, под красными знаменами! Оруэлловская модель была осуществлена буквально! Дословно! Мы всегда воевали с какой-нибудь Океанией или Остразией — как там ее? Со Стефаном Баторием. С Ливонией. С Польшей. Со шведами. С Турцией. С Европой. С Финляндией. С Германией. С Афганистаном. С Таджикистаном. И не для завоевания морей, не для обеспечения торговли или превосходства, но для поддержания здоровой маниакально-депрессивной формы. Классика жанра — Великая Отечественная. Вот формула нашего массового героизма!

Страну наконец-то спустили с цепи, и она, не имея мужества перегрызть глотку собственному Сталину и его палачам, с энтузиазмом вцепилась в горло Гитлеру и его монстрам, когда Хозяин, Большой Брат — дядюшка Джо, — сказал ей: «Фас!» Четыре года маниакала, а потом Героев Советского Союза и кавалеров ордена Славы трех степеней за милую душу отправляли в ГУЛАГ, зачастую из Бухенвальда на Колыму, не меняя вагоны, только переводя стрелки. И вы хотите, чтобы я поверила, что это можно было сделать с нормальными людьми? Вы хотите, чтобы я считала их мужественными защитниками Отечества и идейными противниками фашизма? Их, роботов Сталина, сдавшихся без боя собственным чекистам? Обяжите еще и за это Европу и все прогрессивное человечество вас благодарить. Сталин много лет готовился к войне с Германией (читайте «Ледокол» Виктора Суворова!). Гитлер успел нанести первый удар, иначе «несокрушимая и легендарная» зашла бы ему в тыл и ударила по Румынии, отрезая нефть. Если бы не 22 июня, Сталину досталась бы не половина Европы, а весь континент, включая Францию и Норвегию, Бельгию и Швецию. Я не прошу вас благодарить Гитлера за его невольную услугу. Но и Сталина не заставляйте меня благодарить. В схватке акулы со спрутом победил спрут. Здесь некому выносить благодарность.

Я глумлюсь над национальными святынями? Скорее над национальной мифологией. Уберите с глаз долой вольных и невольных фальсификаторов: К. Симонова, Василя Быкова, А. Адамовича, Ю. Бондарева и прочих, а на полке оставьте одного Виктора Суворова. Сожгите сами свои нашивки и ордена. Ельцин

и Гайдар попытались снять вас с этого страшного маятника маниакала и депрессии, выпустить из сумасшедшего дома, отказать в наркотиках. За что и поплатились. Половина страны признала сама себя недееспособной и слабоумной, дебильно не пошла голосовать.

Четыре века Россией управляли психиатры. Они знали, что ей нужно. Затевая афганскую войну, Политбюро проводило психотерапию: давала волю маниакалу агрессивных совков, дабы держать пассивных в депрессии. О, Жириновский хорошо вас понял. Одним он обещает завоевательную войну, ибо маньяков надо занять делом. Другим — паек, ибо депрессивных, никчемных зомби надо пасти. Они будут молчать, если им дадут бесплатное пойло. Вот за это вы и проголосовали, девять десятых палаты № 6 под кодовым названием «Россия». Вам не дают травку или ЛСД, и вы бьетесь о стенку, и строите баррикады, и поджигаете мэрию, и готовы спалить в атомном пламени весь мир, чтобы получить назад маятник маниакально-депрессивного психоза. Страна болтается между фашизмом и коммунизмом, как цветочек в проруби. С ней мне все ясно. Но у меня есть вопросы к одной десятой части страны, к тем, кто сумел остаться людьми, к товарищам по несчастью, приговоренным, подобно мне, к заключению в этой гигантской СПБ, к запертым роком вместе с безумным, воющим, делающим под себя народом в палате для буйнопомешанных от Мурманска до Владивостока.

Если мы победили 4 октября (1993 года. — *Е. Д.*), то почему у нас в Думе Жириновский, и Зюганов, и Лукьянов, и Невзоров? Почему фашисты и коммунисты проводят митинги и издают газеты? Если же мы проиграли, если победили они, то почему нас не тащат еще в камеры пыток, на виселицы, не сажают на кол?

Или — или. Я не хочу третьего варианта, второго ига еще на 150 лет. Пусть президент или даст нам оружие и начинает борьбу по новой, или выделит скит, достаточно большой для десяти миллионов свободных людей, которые предпочтут скорее сжечь или взорвать себя, чем сожительствовать с торжествующим красно-коричневым большинством.

Окаянная зима

В нормальной системе координат (видно, там, где считают по Фаренгейту) следом за оттепелью наступает весна. А дальше в краю вечнозеленых долларов наступает лето. Но у нас любая оттепель — хрущевская ли, горбачевская ли, ельцинская ли — кончается декабрем. «Окаянная Родина вечных моих декабрей!» Как писала небезызвестная Ирина Ратушинская, которую при Брежневе посадили на семь лет, а при Горбачеве освободили и лишили гражданства (оттепель!).

14 декабря всего на двое суток разошлось с двенадцатым, но масштаб катастрофы одинаковый — что для 1825-го, что для 1993-го. И в том, и в этом случае закончилась оттепель. Раньше у нас был еще свет в окошке: Борис Николаевич. Сегодня окошко, похоже, закрыто изнутри ставенками. По мертвому декабрьскому снегу в горах Менгрелии короткими перебежками шел спецназ — интересно, в маскхалатах или без? — брать президента Грузии, загнанного ими на свою последнюю вершину, с которой был только один путь — на небеса. Интересно, если бы Билла Клинтона, не приведи Господь, окружил бы и убил спецназ Российской Федерации, если бы на территории США (плюньте 33 раза) были бы размещены советские дивизии, если бы там уже безраздельно правили наркомафиози, Фидель Кастро и американские коммунисты и президент Ельцин посетил бы США на предмет заключения договора о дружбе и сотрудничестве, как бы вы назвали такую коллизию? Оккупацией? Войной? Международным преступлением? Концом света? А когда это произойдет (а это произойдет, поскольку с России сняли намордник и спустили ее с цепи), делиться впечатлениями будет уже некому, негде и не с кем, разве что в газетах «Демократическая Колыма» и «Независимый Магадан». А пока это еще не произошло, посещение Ельциным оккупированной нами Грузии после убийства нами же ее законного президента и вручения (нами же) власти коммунисту Шеварднадзе и его бандформированиям мы называем дружеским визитом главы суверенного государства в другое, осуверененное нашими дивизиями, аэродромами и кораблями Черноморского флота, которые уже очистили от национально-освободительных сил побережье и на Севастопольском рейде свой окончили поход, благо теперь, следом за солнечной Грузией, можно будет слопать благодатный Крым, а аппетит к Империям зла (и к соответствующим Содружествам) приходит во время еды. Словом, если бы Эдуард Шеварднадзе докопался уже до тела президента

Грузии, в поисках которого он арестовал в Менгрелии 1200 человек, то Борис Николаевич и Эдуард Амвросиевич, вероятно, выпили бы вина за дружбу и сотрудничество из черепа Звиада Гамсахурдиа, как это делали наши предки, скифы, от которых еще не слишком отличается нынешняя российская власть.

В Беларуси тоже больше ничего не капает из водосточного желоба. Шушкевича оторвали, как последнюю сосульку. Неизвестно, будут ли в рублевой зоне какие-то товары, кроме колючей проволоки, но ее-то уж точно будут отпускать по ценам 1991 года. Я предполагаю, что в зоне окажутся и покупатели, и купцы, а товары отправятся обратно в теплые заморские страны, откуда их выманил Егор Гайдар. Если президентское окошко пребудет под ставенками до лета, то осенью к нему уже приделает решеточку какой-нибудь оружейник Просперо, ибо то завтра, о котором еженедельно толкуют в газете «Завтра», наступит. И ни товары, ни инвесторов в Россию больше даже калачом не заманишь. А что может произвести советская экономика, которую будут направлять на путь истинный г-да Черномырдин, Заверюха, Сосковец и К°? Чугун. «Крест деревянный иль чугунный назначен нам в грядущей мгле…»

При советской власти куры не несутся, коровы не дают молока, свиньи дохнут из чувства гражданского протеста, и только совки плодятся и размножаются, не участвуя в общей товарно-продовольственной кампании гражданского неповиновения. То есть по советской власти стреляли слишком прицельно. А надо было — веером. Оттепель — это перемена. А зима — это уроки в нашей школе продленного дня. До самого вечера. А забрать домой некому. Родители не придут. Президент решил нас подбросить. Демократия, либерализм, интеллигенция — это тяжелое бремя. Зачем так надрываться? Лучше оставить все это зимой на улице. Или сами замерзнут, или красные подберут. Правда, потом те же красные подберут и президента, но об этом всегда узнаешь потом. Не мог же думать Керенский, что, предавая царя, собственных министров, Корнилова, он все равно выигрывает только время — и придет час, когда крайним окажется он… Новорожденная демократия, во многом порожденная президентом, выброшена им в снег без теплого одеяльца, как плод преступной любви. Ну что ж, подкидыш поплачет (во всех своих газетах) и замерзнет в своем сугробе, или придут они и поднимут его на штык, и ангелы примут юную душу. А потом ведь все равно красно-коричневые спросят Бориса Николаевича, зачем он породил это самое дитя, от которого они столько за три года натерпелись. «Ты его породил, я тебя и убью», — скажет Анатолий Лукьянов. Здесь уже сошлют не в

Канаду, не в Госплан, а на тот свет беспосадочным перелетом. Но если брошенный младенец умрет раньше, Борису Николаевичу ангелы не светят. «Кто от меня отречется, от того и я отрекусь» — так любил говорить Иисус, с мыслями которого президенту России не мешало бы ознакомиться, вместо того чтобы стоять на вахте во время службы в каком-нибудь раззолоченном соборе. Несчастна та интеллигенция, которая должна постоянно приводить в порядок своего президента! Смахивать с него пыль, утирать слезы, утешать, уговаривать, поучать, тащить на поле битвы, втискивать в строй и ставить сзади заградотряд из прессы, чтобы не дать убежать от огня! Некоторые же демократы ведут себя так, как будто у них не только мокрый носик, но и мокрые штаны. «Выбор России» принял извинения за «лагерный иврит» и «русофобие прессы». Наверное, опять было то же закрытое голосование, в ходе которого уже однажды из списков выпал Бурбулис. А я извинения Михаила Полторанина не принимаю, потому что держала его до сей поры за человека и за настоящего крутого мужика, а он оказался первоклашкой, которому надо менять подштанники. Жаль, что на нашем корабле должность капитана временно вакантна, ибо президент в отпуске — без сохранения страны и без сохранения содержания, за свой и за наш счет. За такую панику, которую демонстрируют Михаил Полторанин и не помнящий себя от страха Андрей Козырев, не знающий, как доказать питомцам ФНС, что он их может побить по классу империализма, кидают за борт во время боя, а после боя списывают на берег. Везет нам с соратниками, ничего не скажешь! То Лужков начнет программу Жириновского воплощать в жизнь, выселяя из Москвы черную кавказскую кость, создавая явочным порядком в столице систему апартеида. Вступал бы уж в ЛДПР, не мучился, чтобы его больше никто не принимал за демократа и не пугал из-за него демократией детей. То Гавриил Попов захочет идти истинно русским третьим путем, из варяг в греки, минуя западные магистрали и европейские шоссе. А что такое произошло? Ну, нас окружили, ну, дали 24 часа на размышления. Но вроде мы ведь договаривались 3 октября идти под грохот канонады и смерти смотреть в лицо? Вот и смотрите, не закрывайте глазки и не хлопайтесь в обморок. Смерть хороша и желанна, если это смерть за правое дело, если это смерть в бою. Я не знаю, в какой третейский суд мне надо обратиться, чтобы Андрей Козырев и Михаил Полторанин перестали меня срамить своей трусостью, чтобы президент перестал меня позорить своей слабостью и отступничеством, чтобы демократы перестали меня бесчестить совместной деятельностью с красно-коричневыми в Думе и дележкой с ними портфелей. Я понимаю, что МИДу не

терпится восстановить Империю зла, а г-ну Черномырдину — вернуться к социализму, на историческую Родину. Но ведь надо соблюдать приличия! Я не говорю о невозможном, о том, чтобы пользоваться унитазом. Это — не российский путь и не согласно с традициями. На третьем пути унитазов нет и не предвидится. Я прошу только делать пакости в темных углах, а не садиться при всех на паркет в центре гостиной. Если первое — невоспитанность, то второе, согласитесь, вызов общественным приличиям, то есть злостное хулиганство. Поднимать в ружье Витебскую дивизию из-за того, что независимая Латвия арестовала за дело двух оккупантов, это хулиганство. Арестовывать за вымышленное дело Вила Мирзаянова — это разбой. Прекращать реформы и орать о них с утра до вечера — это грабеж. Выпускать из тюрьмы Баранникова по состоянию здоровья — это государственная измена. А как насчет здоровья тех, кого из-за него похоронили в начале октября?

Я очень советую власти не садиться на паркет в гостиной, а идти для этих дел в темный угол, а то и Западу станет ясно, чем мы здесь занимаемся. Я бы на их месте ни гроша вам не дала, ни цента, ни шиллинга. Реставрируйте социализм на свои деревянные, и пусть здесь все провалится к вашей бабушке, которая заработала персональную пенсию в Севастопольском райкоме КПСС. Если Вила Мирзаянова после суда не освободят, я три гостайны, пожертвованные мне учеными доброй воли, тайно передам представителям западных демократий. Я всегда говорила, что в СССР шпионаж — дело чести, доблести и славы. Я это дело освоила в теории, а теперь к практике перейду.

Горе победителям!

Недавно Александр Яковлев нас побаловал из своего останкинского рога изобилия полузабытым историческим фильмом «Даки». С намеком это было сделано или без, а я скажу прямо. Весь фильм даки — предки нынешних румын — противятся власти Рима, хотя Рим предлагает им так много: свои законы, свою цивилизацию, солнце своего разума и своего знания, — а просит так мало: разумную дань (в сущности, налоги) и подчинение той рациональной городской культуре, которую даки не создали сами и не могли создать, как, впрочем, и галлы, и бритты, и германцы, и кельты Испании и Бельгии. Почему одним дано, а другим нет? Можно долго копаться в тонкостях геополитики, биологии, географии и социальной психологии. Но причин и следствий столько, и они выстраиваются в доброкачественный или недоброкачественный исторический процесс так неумолимо, что на вопрос о причинах проще отвечать: на все Божья воля. И на то, чтобы мираж сияющего, как елочная игрушка, Запада померк на стенах нашего мрачного предсмертного российского каземата, а мы остались, по словам Натальи Горбаневской, «травкой полевою под уходящими подошвами солдат» в том числе, Риму было дано. Риму было дано, а дакам — не дано. За что сражались даки? За то, чтобы не иметь ни мира, ни града? За то, чтобы приносить человеческие жертвы и ходить в звериных шкурах, за то, чтобы не иметь мраморных храмов, водопровода, ванн, письменности и театров? За то, чтобы иметь одного царя — без сената? За то, чтобы не иметь законов и римского права? Может быть, отставание Румынии от Британии и Франции вызвано именно тем, что бриттов и галлов покорил еще Цезарь, а даков — только Домициан? Зачем сопротивлялся Цезарю Версенгеторикс? Он проиграл, и слава богу. Его именем назвали улицу в Париже. А если бы он победил, если бы римляне не прошли?

Ничего бы не было: ни улицы, ни Парижа, ни Ван Гога, ни Дидро, ни Наполеона, ни энциклопедистов, ни французского языка… Побежденные римлянами вкушают счастье в своих капиталистических чертогах, а мы, непобежденные ни ими, ни поляками, ни Литвой, ни французами, ни Германией 1918 года (сколько соломинок нам протягивала великодушная судьба — ни за одну не схватились), стоим под проливным дождем снаружи с протянутой рукой. Рим завоевывал мир не для своей корысти, а повинуясь воле Провидения. Все римские легионеры, даже самые жадные и глупые, были прогрессоры и миссионеры. Манифест

Рима, первого вестника бодрого и шустрого Запада, написан Юлиу Эдлисом, который ныне стал вместе с Балтией неотъемлемой частью нашей золотой, теперь уже навеки потерянной Атлантиды. Этот манифест произносит Понтий Пилат в пьесе «Сочельник»: «А сейчас за работу! За работу! Мы завоевали мир, и теперь мы застроим его дорогами, водопроводами, мостами, мастерскими, городами, золотыми копями, дворцами, храмами, банями, театрами, ристалищами… Мы засеем все поля, изроем все горы, перегородим все реки, избороздим моря, изобретем новых богов… весь мир мы превратим в Рим, и рано или поздно сама земля нам станет тесной! Мы дадим каждому закон, работу и право повиноваться нам, сделаем всех сытыми и довольными — что еще нужно человечеству?!» Рим дал человеку все это и еще много сверх. Иронию. Гражданский протест. Выборы. Суд. Право. Овидия. Латынь. Мир обязан прогрессом и цивилизацией тому, что когда-то потерпел поражение от сверкающих императорских орлов, и легионов, и когорт.

Свобода должна быть разумной, а независимость не может быть независимостью дикого зверя в лесах. Даже в оруэлловском мире были свободными те, кто не стоил ни пыток, ни забот Большого Брата. «Пролы и животные свободны». Именно это мы и произносим сегодня, когда выговариваем очередную фразу насчет того, что Россия — великая держава, что она не подчиняется Западу, что она пойдет своим путем. Как глупо было со стороны индейцев отстаивать свое право и дальше снимать скальпы, приносить в жертву людей, жить в вигвамах и одеваться в кожу и мокасины! Представим себе на миг, что было бы, если бы белые ушли и оставили индейцам и бизонам Америку… Индейцам не на что пенять. Их стоицизм, их близость к природе, их сдержанность перед лицом смерти, их страсть к охоте стали частью американской мечты, американского характера. Они живут в бессмертных произведениях Лонгфелло, Джека Лондона, Фенимора Купера. Их кровь пролилась на землю, и на этом месте выросли виноградные гроздья. Индейская культура влилась голубой, прохладной струйкой в безбрежные океанские просторы великой американской цивилизации. Америка — третий Рим. Может быть, будет и четвертый. Мы, жалкие и хвастливые самозванцы, некогда посягнули на славу Запада, на славу Рима, обозвав Римом свою затхлую, отсталую, надувшуюся спесью провинцию, от которой корчились в муках и Чехов, и Бродский, и Достоевский, и Аксенов, и Е. Гайдар. Грязные лохмотья, прикрытые златотканой порфирой. Бараки, увенчанные

Останкинской телебашней. Угрюмая тайга, смыкающаяся у космодромов. Столетняя пыль, оседающая на иномарках, чьи колеса опухли от дорог, по которым могут передвигаться только тяжелые и злобные, похожие на российскую историю цветом, силуэтом и звуковым фоном танки. Римом мог стать Петербург.

Но где Петр, где его хватка, его неукротимая мощь? Вокруг Петрополя расстилается Ленинградская область. Губернатор не хочет переименовывать. Да у Петра такой губернатор давно бы был утоплен в Неве с камнем на шее. Иному народу единственное, что выпадает на долю, так это приличный завоеватель. Нам, горемычным, не досталось и этого. Ни аргонавтов, ни Александра Македонского, ни римлян не прельстили наши леса, наша зеленая глубинка. Слава богу, хоть варяги польстились на наши меха, осетрину и рябчиков. Все, что нам завещал Рим, — это мерка под названием «четверик», да и та в XX веке перестала употребляться. По усам текло, а в рот не попало. И эллины, и римляне Трояновых времен с удовольствием скупали нашу пшеницу, но из-за пшеницы они не сочли рентабельным посылать легионы. Все наши поезда ушли еще во II веке. И рельсы заросли травой забвения. Империя империи рознь. Империя должна «нести в массы» цивилизацию и прогресс, а не идеалы марксизма-ленинизма. Поэтому неправы были все, сопротивлявшиеся Риму (Парфия не была завоевана. И как теперь живется независимому Ирану, и независимому Китаю с сотнями и тысячами политзаключенных, и независимым от американского империализма Вьетнаму, Корее, Перу и т. д., и т. п.?). Зачем Испания в начале XIX века отбивалась от Франции Наполеона? Чтобы сохранить инквизицию? И не пристало ли Кубе лить слезы из-за того, что она еще Штатами не завоевана, а Индии ломать руки и вопрошать великого Ганди, зачем он выгнал англичан? Другое дело — СССР. Противясь ему, противились холере, чуме, каменному веку, тени смертной. Мы никогда не были империей, даже зла. Хлев — не империя. Мы были только Московской ордой.

Прочтите у Е. Керсновской в ее горьких воспоминаниях, как мы завоевывали не очень-то передовую, но все же приобщившуюся к Румынии и хоть в передней у Запада постоявшую Бессарабию. Все удивлялись, глядя на этих серых, забитых, диких завоевателей. Они никак не могли наесться, они не умели готовить гарниры, соус, пасхальные блюда, работать они тоже не умели, не умели стены белить, занавески вешать, не знали, что новорожденного кладут в специальный конверт, что

есть специальный набор детских вещичек — приданое. О человеческой жизни они и не слышали. А какими эти победители входили в немецкие города, в Прагу, в Будапешт? И чем громче каждое 9 мая кричат о Победе, тем очевиднее поражение. У победителей давно уже агония. Горе победителям!

Добил меня томатный сок. Во всех киосках стоят чистенькие, нарядные пакеты с вкуснейшим томатным соком. И вдруг в молочном магазине я увидела наш. И купила исключительно из патриотизма. В молочные бутылки с кефирными крышечками была налита бурая жидкость, которую выпить было труднее, чем налитую Сократу цикуту. Что добавили в несчастный томат: подушечки ли для булавок, гвозди, деготь, денатурат, — осталось неизвестным. И я поняла, что наша жизнь так и пройдет между унылой старорежимной неудобной формой и неудобоваримым, несъедобным содержанием. Она будет в два раза дешевле западной, как отечественный томатный сок, как жуткие колодки, именуемые обувью, как суконные саваны на вате, именуемые пальто, но радости от нее будет мало. Все сражения нашей войны за возвращение в Европу мы проиграли, отчасти — из-за дикости и многочисленности наших старообрядцев (Бабурин и К°), отчасти — из-за слабости президента. Страна лежит во прахе, возвращаясь к своей советской блевотине, и те 10 процентов ростков здорового европейского начала, те фермеры, журналисты, предприниматели, которые могут жить по европейским стандартам, обречены возвратиться в прах.

Россию опускают в могилу, вырытую ей Руцким, Ципко, Баркашовым, Третьяковым, и Жириновский с Зюгановым бросают комья земли на ее гроб. Но я не могу успокоиться и идти на поминки, я еще дергаюсь и вижу последний выход. Надо призвать варягов. США, Европейский совет, МВФ, Англию, Данию: «Придите и володейте нами!» Мы временно согласимся быть протекторатом. Пусть придут римляне. Они не угнетают, а дают место в европейской цивилизации. Мы станем частью Римской империи Запада, мы вольемся в ее легионы, они заменят нашу никчемную власть своими легатами, прокураторами и наместниками, они дадут нам хорошие западные законы, соответствующие нашей Конституции, и заставят их соблюдать. А наших учеников — Гайдара, Борового, Бурбулиса — они сделают проконсулами. Нас научат жить без лени, без пьянства, без воровства. Нам надо срочно найти варягов и уговорить их прийти и привести легионы (как гарантию, причем единственную, реформ). Мы должны все влиться в «пятую колонну» и открыть

ворота тем, кто уже спас Германию и Японию от них самих. Только у нас римлянам придется задержаться надолго… Пока мы не станем частью Рима. Славяне когда-то ассимилировали варягов. Теперь пусть будет наоборот. Красно-коричневые призывают нас запереться покрепче и утонуть в собственном нужнике. Это и есть третий путь, путь национальной самобытности России. Homo sovieticus так и сделает. Ляжет назад в тину и будет лежать как бревно. Homo sapiens поступит иначе.

Не станет он искать побед.
Он ждет, чтоб высшее начало
Его все чаще побеждало,
Чтобы расти ему в ответ.

Рильке

Пророков нет в отечестве своем

Солженицын еще не успел доехать до Москвы, как многие птицеловы уже успели закинуть на него свои сети: наш брат, революционный либерал-демократ, Лужков, коллега Солженицына по писательскому цеху Вячеслав Костиков, готовый соблюсти светский этикет президент, мракобесы-патриоты типа Владимира Бондаренко и В. Розова, кроме самых отпетых, которые готовы повесить не только Ельцина, Гайдара и всех западников, но заодно и Астафьева с Александром Исаевичем.

Сети закидывает даже правозащитник-одиночка Александр Подрабинек, редактор газеты «Экспресс-хроника», которая, в отличие от оригинала, «Хроники текущих событий», защищает лишь тех демократов и антикоммунистов, которые нравятся господину редактору. Газета эта внесла свою лепту (и немалую) в гибель Звиада Гамсахурдиа, не упомянула ни словом про арест и осуждение пикетчиков, требовавших 22 апреля у Красной площади выноса Ленина из Мавзолея, без энтузиазма отнеслась к разгону Советов. В каждом деле должна быть своя «Независимая газета». Но если Виталий Третьяков и не пытается разжиться Солженицыным, а его авторы, от Амелина до Виктории Шохиной, приготовили классику нафталин и целый набор шпилек, то Александр Подрабинек надеется, что великий писатель изгонит беса из всех россиян вообще и из отдельных редакций в частности.

И все эти птицеловы с дудочками, приманками, зернышками, сеточками имели два комплекта для встречи писателя: в одной руке у них — розы, а в другой — кирпич. Если классик оправдает их ожидания, ему — розы. Если нет — тогда кирпич. А поскольку на всех не угодишь, то свою порцию кирпичей бедный Солженицын, видимо, получит. И будет не до роз. А если он не примкнет ни к одной партии встречавших, будет еще хуже: все они забросают его кирпичами, поскольку каждая партия живет по принципу: «Все или ничего».

Я бы посоветовала Александру Исаевичу отвечать очередной группе птицеловов: «Отвалите от меня! Брысь!» Александр Солженицын не должен возвращаться, как Сим Симыч Карнавалов (типун на язык Войновичу!). Наши же родные совки, с их жаждой услышать пророчество и обрести отца родного если не в правителе, то хотя бы в великом писателе, способны взгромоздить

талантливого человека на белого коня, обрядить его в какую-то невообразимую одежку, нечто среднее между френчем и поддевкой (именно это одеяние я увидела на Солженицыне на каком-то из первых перронов), и заставить его говорить глупости насчет «безмозглой гайдаровской реформы».

Гений — это достаточно четкая профессиональная ориентация. И самодостаточная. Зачем Моцарту лезть в моралисты, Жанне д'Арк — знать высшую математику, Татьяне Дорониной, прекрасной актрисе, лезть в плохие режиссеры и еще в худшие квасные патриоты, драматургу Розову проповедовать нестяжательство, математику Шафаревичу лезть в дебри антисемитизма и защищать от вымышленных врагов русский народ, а великому писателю Солженицыну — пророчествовать и проповедовать с амвона?

Ох уж эти смежники… Солженицын создал великие творения и размазал по стенке коммунизм, от Ленина до Брежнева; мы все учились по его книжкам, как по Библии, так отстаньте от него, вечные подкидыши, кандидаты в чью-нибудь паству, овцы в лихорадочной погоне за пастырем. Он дал вам свои книги. Читайте и боритесь! Там все сказано. Остальное уж решайте сами. А если не сумеете сами, то вас все равно кто-нибудь оседлает: коммунисты, нацисты, сатанисты, иезуиты, марсиане, монголо-татары. Тогда не гоняйтесь за Солженицыным: все равно пропадете, туда вам и дорога. Протестантизм велик тем, что показал человеку, что каждый обязан разобраться в Библии сам, без посредников и толкователей. Ты, Бог и Библия. Трое в лодке (и даже без собаки). Бог создал землю, человека и его разум. Бог создал человека свободным. Поэтому исповеди, священники и обряды не что иное, как камлание колдунов, заговаривающих зубы злым духам. Бог спросит с вас на том свете за все, что вы сотворили на этом. С вас, а не с вашего священника. Имейте мужество решать, как вам жить. Отстаньте от Бога. Он вам не гувернер. И от Солженицына отстаньте. Подражать ему вы все равно не сможете. «Архипелаг» не напишете.

Я не встречала Солженицына не потому, что не ценю его творения, а потому, что не хочу, чтобы он подумал, что мне нужно его руководство и его наставничество. Все, что он мне дал, я никогда не забуду. Он научил меня ненависти и заставил, как Гамилькар Ганнибала, с ранних лет поклясться бороться с коммунизмом, социализмом, левыми идеями — до их или моего исчезновения. Его «Один день Ивана Денисовича» вел меня, как

путеводная звезда трех волхвов, и привел к 19 годам в Лефортово. Солженицын сделал меня человеком: антисоветчиком, диссидентом, «врагом народа», западником, либералом (хотя сам не был никогда ни западником, ни охотником до капитализма: все идеалисты на свете пытаются ходить по неведомым дорожкам третьими путями). Его «Архипелаг» стал для нас мечом-кладенцом, которым мы поразили державу и хотя бы на время парочку голов отрубили у СССР.

Моя благодарность безмерна. Солженицын дал мне оружие и привел на военную тропу. Это бесценный дар. Но Перуну, славянскому богу мужей и войны, не приносили в дар розы. Солженицын был нашим Перуном. Лучше я преподнесу ему свою книгу «По ту сторону отчаяния». Солженицын не ожидал, может быть, что ему придется встретиться здесь с его героями, не со смиренными жертвами типа Ивана Денисовича, Матрены, Цезаря, Кавторанга, а с персонажами его пьес: поднявшими оружие против советской власти, как в «Пире победителей»; ищущими «военной смерти», как в «Пленниках»; убивающими стукачей и подрывающими танки, как в «Знают истину танки»; пытающимися выдать США планы СССР насчет похищения секрета атомного оружия; мечтающими о падении водородной бомбы на Империю зла — словом, с волкодавами. Мы ожили, может быть, вопреки воле Творца. Но мы не Андрий и не станем слушать Тараса Бульбу. Ни Бог, ни Солженицын не вправе нам сказать: «Я тебя породил, я тебя и убью». Бог дал нам жизнь, Солженицын открыл смысл этой жизни: уничтожение коммунизма и СССР, — но в остальном мы свободны.

«Пророков нет, не сыщешь и с огнем, исчезли Магомет и Заратустра, пророков нет в Отечестве своем, да и в других Отечествах не густо». Пророков и не нужно. Свобода и воля личности не нуждаются в костыле пророчества. Мы не инвалиды, мы стоим на собственных ногах. И даже если сам Всевышний скажет мне, что Ему неугодны реформы Гайдара, я отвечу то же, что и Солженицыну: «На вкус и цвет товарищей нет. Да и в экономике Вы едва ли разбираетесь».

Сейчас мы будем прорываться к звездам Запада, холодным и сверкающим маякам России, через тернии, пропасти, сточные канавы, ломая себе кости, оставляя клочья мяса на шипах. Мы должны научиться делать деньги. Считать деньги. Любить деньги. Иметь деньги. Чем нам может здесь помочь юродивая

солженицынская Матрена, забитый совок? Если быть праведником значит не иметь поросенка и копать чужую картошку, то такие праведники сейчас для нас хуже церковных татей. Чем нам поможет Иван Денисович, делающий добросовестно свою работу в концлагере за пайку и миску баланды, под автоматами?

Солженицын, зная все о жизни в тюрьме, совершенно ничего не знает о жизни на воле. В этом своеобразие его таланта и его жизненный выбор. СССР был тюрьмой, знания о жизни были бесполезны. Мы проломили стены, мы хотим жить на воле. Но об этой жизни ничего не знает сам Солженицын. На воле он не жил, а в США заперся и писал. Ельцин, и тот знает больше о США. Никто никого ничему не может научить. Маститый Лев Толстой, такой знаменитый и мощный в творчестве, был жалок и смешон в своих дурацких советах насчет вегетарианства и «Божьей земли», которой нельзя владеть на правах частной собственности. А несравненный, гениальный Достоевский, который в миру, вне собрания сочинений, то садился в тюрьму за социализм, то издавал «Гражданина» (который пришелся бы по вкусу и Бабурину, и Васильеву, а может быть, и Руцкому), то проигрывался в рулетку? А жалкая лакейская жизнь талантливого Катаева, а согнутая спина блестящего Эренбурга?

Не делайте из Солженицына горьковского Луку. Ему нечем вас утешить. К тому же гении вовсе не обязаны спасать народ. Тем более что неизвестно, не придется ли нам Россию спасать от такого народа. Солженицын приехал делать нашу судьбу, возможно, погибель. Это много. Ни парижский канатный плясун Эдуард Лимонов, устраивающий здесь гастроли своего кабаре, ни покаявшийся и сжегший в печке «Зияющие высоты» А. Зиновьев никогда этого не сделают. Чего вы еще от него хотите?

Птицеловы, теснящиеся вокруг благоприобретенного кумира, не усвоили главную истину, которую мог бы им сообщить старый лагерник Солженицын: «Не верь. Не бойся. Не проси».

Тройка, семерка, туз

По Москве бегают толпы ошалевших акционеров и требуют отставки президента и правительства, наказания министра финансов и налоговой полиции, эликсира вечной молодости, а также срочной выдачи золотого ключика, калош счастья и философского камня (не для обретения мудрости, а для превращения булыжников в золотые слитки). Когда же рядового акционера спросишь о причинах такового его поведения, дальнейшее можно цитировать по Корнею Чуковскому: «А он только „му“ да „му“, а к чему, почему — не пойму». То есть МММму. Поскольку акционеры МММ (они же аудитория «Просто Марии» во всяческих видах и блюдах, от плачущих навзрыд богатых вплоть до инженю Иоланды Лухан или как там этот кошмарик называется — «Тайные розы», «Дикие страсти»?) никаким сознанием не обладают и высшей нервной деятельности у них не заметно, то придется анализировать их подсознание, чтобы хоть сколько-нибудь разобраться в вопросе.

Итак, коллективное бессознательное. Еще задолго до МММ россияне играли в спортлото, три листика и денежно-вещевую лотерею, но, не угадав карточку и не выиграв «Волгу» или холодильник, они не требовали отставки Генсека и Политбюро. Как вы думаете — почему? Годами выплачивая из грошовых зарплат займы, которые потом пошли КПСС под хвост, наши обожаемые массы, обрыдавшиеся по поводу своих «трудовых сбережений», начисто забыли о том, что Советское государство вернуло им займы в той же свободно конвертируемой валюте — то ли в золе, то ли в гуано. Что-то я не помню митингов на эту тему. Где был наш храбрец Челноков? Почему он не бросил Брежневу в лицо пачку облигаций, как пачку ваучеров — Чубайсу? Массы и их пастыри из многочисленных фашистских и коммунистических партий не лишены инстинкта самосохранения. Одно дело — орать на всех перекрестках, что тебя разорил Гайдар, а в объятия МММ толкнул Ельцин, а совсем другое — заявить публично во время оно, что тебя разорил Андропов, а в спортлото заставил играть Брежнев, не оставив другой возможности заработать на жизнь. Попытка введения свободы для контингента, подобного поклонникам МММ, Жириновского, Зюганова и Руцкого, противоречит, по-видимому, нормам, запечатленным в евангельских текстах: «Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего свиньям». Но как было удержаться Гайдару, если не удержался некогда Сам Христос? По-видимому, древнюю Иудею населяли тоже совки. Судя по их отношению к

предложенным Иисусом реформам. Так что Евангелие — это нам дорого и близко. Челноков, Власов, Хасбулатов, Руцкой, Константинов и прочие переменившие фронт «демократы» чем не Иуды? Синедрион — это явно наши «патриоты», от Лимонова до Проханова. Первосвященники были, похоже, из ФНС, а то из движения «Держава». Зорькин — типичный Понтий Пилат (да и Казанник из этого ряда). И если бы красно-коричневой толпе представили на выбор разбойника Варравана и Егора Гайдара, она наверняка бы закричала, указывая на Егора Тимуровича: «Отпусти нам, Варравана! Распни Гайдара!» В России реформы всегда кончаются на Голгофе. Мне остается только пожелать советской толпе, чтобы после этой очередной Голгофы она справедливо претерпела те же казни египетские, что некогда несправедливо претерпели бедные евреи. Впрочем, отказ от реформ предполагает кару. Кто не верит, пусть поедет в Беларусь и посмотрит.

Еще персонажи «Пиковой дамы» знали, что в игорном доме «груды золота лежат, и все не мне принадлежат». Что, конечно, очень досадно. Но персонажи оперы хотя бы поступали логично. Германн требовал «три карты, три карты, три карты» не от царя, правительства и Думы, а от старухи графини. Когда же он проигрался, то тоже поступил вполне разумно: сошел с ума. Лиза тоже не ударила в грязь лицом, а утопилась. Наши же игроки почему-то не топятся и не вешаются, а не прочь повесить или утопить кого-нибудь другого, и даже не Мавроди, что было бы сколько-нибудь в порядке вещей, а Черномырдина, министров и самого президента.

Я думаю, что в России надо срочно закрыть все казино. В Монте-Карло или Лас-Вегасе проигравшие тихо и мирно стреляются, но почему-то не требуют отставки своих правительств. А у нас каждый, кто подзалетел с «зеро» или красным и черным, будет ходить на анпиловские митинги, требовать, чтобы всех в правительстве уволили, и поклоняться святым мощам убиенных в Белом доме красных боевиков (что уже сделал разочек акционерный митинг), хотя мощи боевиков, в отличие от мощей святых, чудотворной силой, как выяснилось, не обладают и кредиткопад с неба вызвать не в силах. Вообще-то МММовские параллели слишком часто накладываются на коммунистические меридианы. Начиная с весьма подозрительных шашней администрации Музея имени Ленина и бывшего их ответственного квартиросъемщика господина Мавроди (почему-то Боровому тот же музей пристанище не предлагает). И кончая услужливо предложенным Бабуриным грузовиком с усилителями для митинга акционеров. Рыбак рыбака… В принципе понятно,

почему пайщики МММ не сходят с ума: сходить не с чего! Умные люди, вкладывая деньги в ценные бумаги, советуются не с Леней Голубковым и не с Вероникой Кастро (она, кстати, свои деньги небось МММ не отдаст), а с нотариусом или со своим биржевым маклером. Боровой с экранов еще до скандала объяснил, что такое МММ и чем это все кончится. А уж Константин Натанович о биржах и акциях знает все. Но выбор между Леней Голубковым и Константином Боровым население сделало. Ну и хлебайте теперь свои открытки с ликом святого Мавродия большой ложкой. Еще говорят, что у нас самая читающая в мире страна! Хоть бы Джека Лондона прочитали «Время не ждет». Уже бы что-то об акциях усвоили. Хоть бы внимательно «Возвращение в Эдем» посмотрели. Там очень красочно показано, как злодейский Джек биржевой игрой пытается разорить компанию добродетельной Стивени. А во «Всех страхах мира» Тома Клэнси заместитель директора ЦРУ Джек Райан (не работающий, в отличие от Эймса, на КГБ) имеет акции, цена которых в год возрастает на 23 процента, и это еще хорошие акции! А советскому народу Мавроди обещал 7000 процентов годовых! Откуда такие блага? Он что, святой Петр? В нормальном западном мире акции повышаются в цене, когда возрастает доходность предприятий. А если нет предприятий, а есть развесистая клюква, то что повышается в цене в случае с МММ? Дым Отечества?

Мавроди я не виню. Если вокруг одни бараны, то как же их не остричь? Мавроди не прав в одном: не надо было зарываться. Остап Бендер всегда старался вовремя унести ноги и советовал Кисе беречь очки. Мавроди надо было в темпе слинять в Швейцарию, а не обещать смести правительство с помощью путча своих акционеров. Я готова простить мошеннику, но не тому, кто держит в запасном сейфе «Аврору». Однако Мавроди посадили не мы, западники, и даже не правительство. Его посадили своей реакцией глупые акционеры. Вместо того чтобы подать на Мавроди в суд, они стали его оплакивать, как на похоронах Сталина или Ким Ир Сена, и с теми же основаниями. Что могли сделать власти, глядя, как наши бараны после первого обмана хватают уцененные в сто раз акции? Только прекратить это «пещное действо» с помощью ареста Мавроди. Если гаммельнские обыватели идут в воду под дудочку гаммельнского крысолова и ничего слушать не хотят, то приходится сажать крысолова, дабы потом уже сто миллионов обывателей не требовали отставки правительства и не одолжались у Бабурина. Представляю, как бедный заклинатель змей проклинает своих акционеров. А они на полном серьезе решили, что Мавроди создал МММ с целью их обуть, одеть и накормить. Пятью хлебами, пятью рыбами и пятью

акциями…

Большой дефицит в кумирах. Ни один приличный человек, увидев Леню Голубкова, не дал бы его творцу ни копья. Но сколько у нас приличных людей? Ровно столько, сколько защищают бизнесмена-либерала Льва Вайнберга, финансировавшего Ельцина и демократов, брошенного реваншистами в Лефортово.

Большинство будет защищать Мавроди, ибо Леня Голубков — национальный герой. Потому что дебил и халявщик. Вообще русский национальный герой — дебил. Исторически. Илья Муромец, Иванушка-дурачок, Емеля, Иван Сусанин, Василий Блаженный, Павел Корчагин, Павлик Морозов, Василий Теркин, Иван Денисович, Леня Голубков, Руцкой и Жириновский. Национальный дух, по Проханову, тянется к коммунизму. Правильно. Нет ничего дебильнее коммунизма. Россия в очередной раз проигрывает свое будущее, пытаясь уклониться от законов капитализма. Некий голос свыше уже откашлялся, чтобы сказать: «Ваша дама бита».

Долгое прощание

Я всегда терпеть не могла графа Льва Николаевича Толстого. И в творчестве, и тем более в жизни. Впрочем, он и в творчестве с указкой. И хотя его персонажи до вегетарианства не докатились, а спокойно кушали бифштексы, то есть были все-таки не так смешны, как их создатель, указка ментора и ряса искреннего Тартюфа, не позволяющего себе и в частной жизни отступлений от морализаторства, торчат из-под каждой страницы. Если бы Лев Николаевич ел лапшу только на людях, а в кругу семьи разговлялся телятинкой, если бы он только фотографировался в холщовой рубахе и домотканых штанах, а дома носил бы сюртук, если бы он просто тартюфил для потомков и истории, это было бы гораздо человечней и безобидней. Но он был тем Тартюфом, которого невозможно разоблачить, он и днем и ночью носил свою праведность, как вериги, он юродствовал и за письменным столом, и за обеденным. Не скоро Россия сосчитает убытки от деятельности в жизни и литературе «этакой глыбы» и «матерого человечища». Все худшие заблуждения русского интеллигента и русского социалиста сошлись в его книгах и на его жизненном пути.

Во-первых, русский интеллигент, слегка фрондируя, в душе (и не только там, но и ближе к public relations) остается квасным патриотом и добродетельным империалистом. На бумаге это выразилось в «Севастопольских рассказах» и в «Хаджи Мурате». В жизни юный граф исправно завоевывал Кавказ, а «Хаджи Мурат» — никак не диссидентство, без обидная фронда, даже менее острая, чем «Цинковые мальчики» Светланы Алексиевич. Как раз на уровне афганских новелл Проханова. Вообще наши гении, от бывших декабристов до Толстого и Лермонтова, фраппируя и будируя, не забывали исполнять свой интернациональный долг на Кавказе.

Кроме примерного поведения на колониальных фронтах любимого Отечества, Лев Николаевич проповедовал опрощение и ходил в народ. Проповедь имела огромный успех в стране, на столетие отставшей от европейской цивилизации, где на национальном знамени можно было уже с XIX века начертать: «Я на солнышке лежу и на солнышко гляжу. Все лежу, все лежу и гляжу, гляжу, гляжу». А двуглавый орел после эпохи Александра Освободителя окончательно стал походить то ли на ворону, у которой лисица только что отобрала сыр, то ли на дохлую

курицу, заснувшую на насесте.

Плоды хождения блаженных и юродивых интеллигентов в народ с проповедью нестяжательства и равенства с братством пожал Владимир Ильич в октябре 1917 года, вот поэтому он так высоко и оценил зеркальную безмятежность толстовской души. Социальные и пролетарские революции всегда появляются из незамутненных зеркал интеллигентских писательских душ. Чуть только зазеваешься — а революция уже и здесь, вылезла на свет божий, как кикимора болотная.

В знаменитом «Воскресении», наиболее тошнотворном из всех своих романов, Лев Толстой явно склоняется к тому, чтобы отменить тюрьмы и каторгу для преступников (что преступники вскоре и проделали, загнав на каторгу — в ГУЛАГ — честных и законопослушных людей).

Жертву социальной несправедливости Катюшу Маслову, вполне добровольно кокетничавшую с красивым барчуком, автор помещает в здоровую среду террористов-каторжан, чей мирный и благостный образ жизни должен, конечно, привить героине недостающие ей добродетели. Уж лучше бы Нехлюдов оставил бедную девушку заниматься проституцией. Получается, что он растлил ее дважды — с одобрения графа Толстого.

Я начинаю понимать, за что Льва Толстого отлучили от церкви.

А сколько бед принес России тезис графа о том, что «земля — Божья»? Отрицание частной собственности на землю нашло свое место даже в единственном решении злополучной Учредилки. А чисто барская неприязнь к деньгам? А попытка сбежать из дома, совершенно хипповый уход из Ясной Поляны? Какая же ненависть к обычной, благополучной человеческой жизни в этом бегстве!

Тяжелое, как лежачий камень, наследство, тяжелые кирпичи книг из собраний сочинений, замешанные на социализме и народолюбстве, даже народоугодничестве… И этот кирпич упал нам на голову еще сто лет назад! Все эти простые как грабли Тушины, Платоны Каратаевы, умилившиеся Пьеры, обретающие счастье в плену… (как будто артподготовка перед принятием счастья лагерей).

Я люблю и уважаю умного, веселого, блестящего Пушкина,

джентльмена до кончиков ногтей, озорного, свободного, светского, танцевавшего на балах, опасавшегося народа, дравшегося на дуэли за прекрасную Натали (вы представляете себе Льва Толстого, дерущегося за Софью Андреевну?), гонявшегося за красотками, пившего шампанское, уплетавшего трюфеля и ростбиф. Он хотел иметь деньги, но ему не везло: их вечно не хватало. Пушкин был интеллектуалом — не интеллигентом. И чем больше я люблю Пушкина и его точные, разящие, блистательные шедевры, тем больше я ненавижу Толстого и его сырое, как тесто, претенциозное, аляповатое творчество.

Но Толстому мы, слава богу, ничем не обязаны. Как говорится, наплевать и забыть. А вот с Солженицыным как быть? Как совместить его взрывное, гневное, антисоветское творчество и нынешнее тошнотворно-карикатурное поведение перед телекамерами в русле картины неопередвижников: «Великий писатель возвращается к горячо любимому народу, терпящему казни египетские»? Писатель, бесспорно, великий. Но вот это хождение в горячо любимый народ за правдой до боли напоминает гражданскую позу столь нелюбимых Александром Исаевичем народников-социалистов. Зачем все это паломничество было нужно? Чтобы все вспомнили роман Войновича «Москва 2042» и Сим Симыча Карнавалова, возвращающегося на белом коне? На наших глазах сбывается злая пародия Войновича. Вплоть до изгнания из русского языка иностранных слов. До «леталки» вместо самолета не дошло пока, но слово «ваучер» уже предложено заменить. Что ж, мы все понемногу учились лингвистике. Александру Исаевичу должен быть известен славянофильский вариант «непатриотической» фразы «Франт идет по бульвару из цирка в театр в калошах». Все студенты-филологи это знают. Оцените изящество и лаконизм: «Хорошилище грядет по гульбищу из ристалища на позорище в мокроступах». Может быть, нам еще лапти обуть и поневы утащить из музеев? Судя по костюму великого писателя (у которого, слава богу, есть честно заработанные деньги и на хорошее платье, итальянское, австрийское, английское, и на «мерседес»), его отношение к европейской одежде не намного отличается от отношения комсомольских патрулей былых времен к твисту, джазу и узким брюкам «стиляг».

Солженицын по дороге собрал целую коллекцию воплей и слез. Интересно, что он ожидал услышать? Еще Некрасов предупреждал любителей хождения в народ, что он, миленький

народ, смог только одно — «создал песню, подобную стону, и духовно навеки почил». Народ, видно, ждал, что писатель скажет ему, как жить, укажет цель в жизни. Надеясь втайне на послабление и сбавку после сурового приговора радикалов-западников: «Не ной. Не ропщи. Трудись. Зарабатывай. Меняйся. Ты сам во всем виноват».

Что ж, если систематизировать все нравоучения Солженицына, в этом гербарии, кроме ужасающей некомпетентности и наива в духе таможенника Руссо, обнаружатся в стертой форме все пороки примитивного национал-социалистического (не в смысле фашизма, а в смысле смеси ура-патриотизма и некой экономической соборности) сознания. Вот очень краткий перечень, только самое ужасное. 1. По рынку в Красноярске ходят наглые кавказцы: азербайджанцы и прочие, — и русских не видно совсем. 2. Украина захапала русские области, да их не переварила, потому что пожадничала. 3. В Казахстане угнетают русских. 4. Украина и Казахстан должны вторым государственным языком сделать русский. 5. Народ страждет. 6. От Международного валютного фонда надо держаться подальше. 7. Реформа Гайдара — безмозглая. 8. Надо было делать все снизу, не ломать систему, а ввести некий нэп: маленькие магазинчики и прочее (китайский путь).

А в Китае до сих пор сидят политзаключенные! Весь этот траченный молью убогий реквизит можно встретить и в газете «Завтра», правда, в более оголтелой форме. Но осетрина-то с душком! Второй свежести. Антисоветчик Солженицын перестал быть диссидентом. Быть диссидентом — это не просто ругать правительство, а ругать его за дело, обгоняя свой век, а не отставая от него на столетие. Быть диссидентом — это значило всегда защищать не злую силу Российской империи, а гонимых ею. Не защитит Солженицын ни чеченцев, ни таджиков. Он решил защищать тех, кто меньше всего в этом нуждается: русских. Не указал антикоммунист Солженицын на красные звезды Кремля и на Мавзолей. Они ему не мешают, в отличие от ваучера. О борьбе с коммунистами тоже ни словечка. Неужели не видит он красных флагов и черных свастик? Автор «Архипелага» решил быть над схваткой тех, кто конфисковал его «Архипелаг», и тех, кто на нем вырос, кто шел за него в тюрьму? Нам уже предложено называть друг друга не господами, а товарищами. Из уст Солженицына — это конец света.

Мы теряем Солженицына, и чем больше он говорит, тем

верней. Долгое, невыносимое прощание с живым, утрата надежд, уважения, человеческой приязни. Мы лишились еще одного знамени. Не мы бросили это знамя — знамя бросило нас.

Я все время боюсь, что все увидят, что король-то голый. Ведь это был наш король. Бескоролевье пришло, и как бы эта жалкая суета нелепого «общественного служения» не заслонила книги. Это был Манифест, он звал на смертную борьбу, и автор, написавший его правой рукой, не имеет права отбирать его у нас левой, простертой в посконное российское прошлое на задворках европейской цивилизации.

Параноики пишут нолики

На месте западных правительств, кроме таможенного досмотра и визового контроля, не считая «интервью» в посольстве и заполнения самых разных анкет, для соискателей иноземного гражданства или вида на жительство я ввела бы еще один кардинальный вопрос: «Какое у вас настроение?» Если хорошее, то пустить. Если плохое — оставить в России, в этой резервации меланхолии и депрессии, чтобы не заразить духом упадничества и безумия весь мир.

Все это пришло мне в голову, пока я смотрела русский фильм режиссера-эмигранта, снятый на американском материале, на американской технике, на американской пленке. Фильм называется «Гомер и Эдди». Совершенно очевидно с первых же кадров, что американец такой фильм снять не мог (разве что если Фланнери О'Коннор занялась бы режиссурой). Правда, американский подросток из романа Селинджера «Над пропастью во ржи» никчемностью и бесплодными поисками смысла жизни напоминает своего двойника из романа Достоевского, но дойти до полного маразма ему не даст респектабельная американская семья, так что придется с возрастом бросить чудачества и делать карьеру и деньги, и учиться, и жить среди людей.

Нашим подросткам (и их младшим и старшим братьям) было гораздо хуже во времена Достоевского, не лучше и в нынешние времена. У них и родители такие же чудики по-шукшински, либо психи, либо военные преступники (сталинских времен), либо смертники ГУЛАГа. Какое настроение может быть на кладбище, где семьдесят с лишним лет роют братские могилы, а в индивидуальные подселяют новых покойников, уплотняя по ордеру предыдущих; где даже смерть не избавляет от коммуналки, а расселение будут осуществлять, видимо, небесные популисты после трубы Страшного суда, уже на том свете? Коллектив же только вселяет уныние, потому что плохое настроение одиночек, суммируясь, создает такой резонанс, что возникает коллективное помешательство, когда тысячи зареванных коммунистов и хлюпающих носами фашистов оплакивают на площадях совершенно не нужный им Советский Союз или еще какую-нибудь химеру типа равенства и братства. Коллективное помешательство, или паранойя масс, возникает исключительно на базе плохого настроения этих самых зловредных масс.

Так вот, в фильме «Гомер и Эдди» происходит следующее. В старой машине со свалки путешествуют по Америке двое дебилов: один — безобидный и верующий, другая — злобная, опасная, сбежавшая из психушки, где она оказалась после убийства двух ни в чем не повинных людей. В финале фильма она успевает убить третьего на том основании, что у нее, у убийцы, опухоль и жить ей остается месяц. Вы, очевидно, уже догадались, что мог извлечь из такого сюжета русский режиссер? Правильно. Герои — правы, а окружающая их бездушная Америка неправа. Она черствая, она корыстная, она бездуховная. Она предоставляет дебилам лишь одно право — мыть посуду. А за убийство запирает в сумасшедший дом. Будь Эдди нормальна, она вообще села бы на электрический стул. Какое свинство со стороны Америки — так ограничивать свободную инициативу маргиналов. Без денег ничего в этой Америке не дают даже юродивым, даже в публичном доме не обслуживают. Конечно же нас заставляют понять огромную человеческую трагедию слабоумных героев. И конечно же им открывается истина, и их будет Царствие Небесное. А вокруг них супермаркеты, парады, нормальные люди, и все неправы, кроме наших бедолаг. Это вполне по-русски: чтобы последние стали первыми хотя бы на экране. Добро, оказывается, удел нищих и деньгами, и духом. Сия евангельская притча разыгрывается в порядке благодарности заокеанской стране, давшей русскому режиссеру возможность выжить и снять этот самый фильм, получить за него премии и награды, когда пришлось бежать от не в меру духовной Родины. Фильм предельно талантлив, и его нельзя опровергнуть, несмотря на лживость и пагубность его установок. Искусство вообще нельзя опровергнуть на уровне логики и прагматики. Эстетический ряд доказательств опрокидывает даже этические постулаты. Леонид Андреев в «Иуде Искариоте» ухитрился доказать, что предавший Христа — порядочный человек. А Степняк-Кравчинский, Савинков и Юрий Трифонов убедили все прогрессивное человечество в том, что террористы — народовольцы и эсеры — замечательные люди, герои нашего времени. Это сейчас у нас отходит наркоз, и операционная рана болит, болит, болит… Нам ампутировали наши кумиры наши установки, наши эстетические ценности. Насилуя себя, давясь словами, не смея посмотреться в зеркало, мы стараемся возненавидеть Желябова и Перовскую, Каляева и Фигнер и полюбить тех жандармов, которые их ловили и вешали. Сильные люди делают это, молча корчась от боли, кусая губы, чтобы не закричать, как под пыткой. Слабые вопят под красными флагами на площадях, и судороги их боли переходят в оскал

агрессии, и мы с облегчением перестаем их жалеть, потому что их страдание уродливо, дисгармонично и опасно для общества. Попробуйте пожалеть собаку, которая вас только что укусила! А когда кусаются лозунги, и речи, и целые митинги, всякую жалость вытесняет страх, что перегрызут горло — тебе, твоей семье, твоим друзьям, — и помимо воли складываются чужие слова: «…как бешеных псов». Слово «расстрелять» мы еще не можем произнести, это очень сильный внутренний запрет, но есть много паллиативов: «разогнать», «посадить», «обезвредить».

Видит Бог, я хочу, чтобы это противостояние кончилось скорее (в нашу пользу). Потому что если оно продлится, как бы мы не научились выговаривать слово «расстрелять». Так что настроение мрачное у всех, ведь тезис «Добить гадину!» предполагает, что и гадина будет чувствовать себя неуютно, и добивающие ее Георгии-победоносцы тоже кайф ловить не смогут. Во-первых, остатки правозащитно-гуманитарного подхода сказываются: добивать хоть и необходимо, но неприятно и тягостно. А во-вторых, нет никакой гарантии, что это ты добьешь гадину, а не она — тебя. Гадина ведь с тысячелетним стажем соборности, общинности, коммунитарности, колхозности etc. У этой гадины небось семь поясов в карате и первый разряд по фехтованию. А демократы, прямо как Давид, идут с одной пращой. Самое время Богу помочь демократическому теляти волка з'исты.

По фильму «Гомер и Эдди» понятно, какое настроение у русских талантов доминирует. Параноидально-паническое. Впрочем, у бездарностей такое же. В фильме, по сути дела, отстаивается преимущество слабоумия перед умом, безумия — перед разумом, преступления — перед законопослушанием, бедности — перед достатком, лености — перед усердием. Гомер и Эдди, конечно, займут почетное место в эстафете литературных поколений: от семьи Мармеладовых, князя Мышкина, Родиона Раскольникова, братцев Карамазовых, Шатова, Кириллова, Верховенского и Ставрогина до Егора по кличке Горе из шукшинского романа. В доброй, умной, здравой, ясной и чистой Америке режиссер не нашел ничего, кроме «отходов производства», и воспел эти отходы, и доказал их правоту нам, неамериканцам, ибо это наше классическое видение предмета — через унижение, бедность, беду, падение и глупость.

Мы у себя в России настроились на помойку, и если на Западе не находим ее, то у нас начинается ностальгия. И г-н

Лимонов на Западе первым делом дорвался до помойки, описал ее и затих, вне себя от счастья, и создатель «Гомера и Эдди» г-н Кончаловский — тоже. Я надеюсь, что до американцев просто не дойдет. Иначе их постигнет наша участь: вместо того чтобы жить, созидать, двигать вперед историю и прогресс, они начнут стенать и заниматься рефлексией, в результате чего США превратятся в нечто подобное России — в свалку, по которой ходят интеллектуалы и обсуждают, по горло в отбросах, проблемы защиты окружающей среды от тлетворного влияния дезинфекции и санации.

Все настроение русской литературы заключалось, как в капсулу, в туман черной меланхолии. Все чеховские герои — или пациенты палаты № 6, или, как доктор Андрей Ефимович, восхищаются ими и стремятся им уподобиться. А если они богатеют, как Ионыч, то не делаются джентльменами, а впадают в беспросветное свинство. На выбор: или свинство, или маразм. Третьего не дано.

Но если у Чехова действуют тихие помешанные, то у Достоевского — буйные. А параноики, как известно из того же Галича, пишут нолики. Мрачные, издерганные персонажи великой русской литературы — слабое утешение за то, что итог нашей истории на октябрь 1994 года — нолик. Мы много наговорили и навыдумывали, но никакие словеса и никакие фолианты не заменят нам автобаны, цивилизованный быт, цивилизованное право, конкретные знания, комфорт, достаток, человеческое достоинство и разум. Не говоря уж о свободе, поощряющей прогресс, а не отнимающей рассудок. Да и просто о хороших манерах. Мы дикари, колдуны которых, то есть художники, владеют магическими приемами и создают из ничего дивные иллюзии: спектакли, книги, картины, симфонии. Запад пригласит наших колдунов на гастроли и охотно пришлет туристов — посмотреть на месте. Маги сделают последние пассы, рассеется цветной туман, канут в ночь видения, иностранные зрители, выразив свой восторг, разъедутся по домам. А мы останемся в уборах из птичьих перьев и раковин в своих джунглях Амазонки и разойдемся по шалашам.

Мытищигейт российской охлократии

На генеральной репетиции в присутствии избранной публики, маститых критиков и собратьев по ремеслу обычно многое, неясное в процессе работы над спектаклем, становится мучительно ясным. Во-первых, то, что уже ничего не изменишь. Премьера пройдет по сценарию генеральной. Ставки сделаны. Ставок больше нет.

Во-вторых, на генеральной только и выясняется, кто в пьесе первый любовник, кто резонер, кто героиня, кто благородный отец, а кто злодей. Те данные, прогнозы, опросы, графики, которые добывает ВЦИОМ до спектакля и до выборов, могут здорово подвести. Помните убедительные выкладки до 12 декабря, которые подвигли нашу безголовую власть накрыть столы для премьеры под названием «Встреча Нового политического года»? Вот что значит генеральной не было. Сколько продуктов было выброшено Жириновскому и Зюганову под хвост! Сколько шампанского было вылито на коммуно-фашистскую мельницу! На этот же раз у нас есть надежда сэкономить по крайней мере на харчах и выпивке, а веревку нам после выборов красно-коричневые, надеюсь, выдадут даром, из фонда «Возрождение России». Судя по выступлению Александра Исаевича Солженицына в Госдуме, он на эту благую цель тоже может пожертвовать что-нибудь из литературных гонораров, которые раньше, в лучшие времена, он вносил в Фонд помощи политзаключенным.

На выборах в 109-м округе народ, настолько обделенный хлебом, что аккуратно скупает все деликатесы Москвы и окрестностей, так, что то икра кончается, то крабы, то шоколадные торты, а то балык, оказался хотя бы не обделенным зрелищами. К 30 октября ему сервировали целую дюжину кандидатов. Постный христианский демократ, скоромный госкапиталист, съедобная кандидатка от ПРЕС, ядовитый, как мышьяк, громила Федоров из баркашовской рати, сушеный аппаратчик Жаров, деликатесный, вкусный и питательный Константин Боровой на китайском фарфоре, скользкий, как угорь, Мавроди, напоминающий жвачку «Риглес перминт»: жуешь целый день, запах приятный, а сытости никакой.

Таким количеством демократии запросто можно было заново заполнить бассейн «Москва». Однако привередливый народ, который привык все делать из-под палки: выбирать, учиться, работать, трезвиться и бодрствовать, — отворотил нос от

президентской пищи. Было объявлено, что выборы состоялись. Но у К. Борового есть целый набор улик, что даже 25 процентов избирателей не доползли до урны. У психиатров это называется «синдром деперсонализации». Я не я, и страна не моя. 80 процентов избирателей наглядно продемонстрировали, что сделали свой свободный выбор, не явившись голосовать, благо им все до фонаря. Правда, российские народные массы в результате такой «дофонарной» позиции частенько оказывались потом на фонарях, как после 1917-го. И это было бы их личное дело, если бы с ними — и даже до них — не вешали на тех же фонарях те несчастные проценты, которые голосовать ходили — и голосовали всегда правильно: за разумное, доброе, вечное. То есть за кадетов в 1918-м, за демократов в 1989-м, за «Выбор России» в 1993-м.

Хотелось бы постичь загадочную славянскую душу тех 14 процентов, которые голосовали за серого и казенного аппаратчика Жарова. С Мавроди все проще: он обещает миску, в ней — сосиску. Неотразимый стимул для Бобика из песни и для российского избирателя, потому что оба зачастую действуют на уровне безусловных пищевых рефлексов. И у павловской собаки, и у пайщиков МММ слюна выделяется одновременно и на одинаковые раздражители.

Уж конечно, у большинства на К. Борового не выделяется ничего: он очень много говорит о свободе, достоинстве, ответственности и независимости, так что без третьей сигнальной системы его не поймешь. А у нас и вторая-то под паром. Но самое интересное в нашем Мытищигейте — это то, что 30 процентов из некворумных избирателей проголосовали-таки за Борового! О причинах и следствиях Константин Натанович поведал Генпрокуратуре, но так как она едва ли станет писать новый роман, подражая г-ну Лисову, то придется мне продолжить «спортивные сцены 1994 года». Кому захочется пощупать, увидеть и лизнуть, пусть идет в гости к Боровому и смотрит видеоматериалы.

1600 отборных, под процентами вскормленных, на Варшавке вспоенных мавродийцев, которым надо было или застрелиться, или получить с Мавроди свои денежки, имевших очередное честное слово народного капиталиста выплатить все им лично, когда он достигнет депутатства (а став президентом, вообще акции будет золотом оплачивать прямо из казны), ринулись на округ. Все участки оказались охваченными энтузиастами из трех букв. Председателей купили, а дальше началась художественная самодеятельность. (В очередной раз обманутые своим шефом «партнеры» очень живописно кололись и записывали показания

на видеопленку.) Им давали урны и посылали по домам. Дальше ближайшей подворотни, конечно, идти было незачем. Одни затейники сами проставляли фамилии своего вождя на бланках и пихали их в щель.

Другие на подходе к участку вылавливали и уничтожали бюллетени с фамилиями чужих кандидатов. Иные сборщики ревели белугой и падали в ноги жильцам, дабы те проголосовали за Мавроди. Кому-то платили, кого-то запугивали. Чего стоит душераздирающая история со слепой старушкой, которая попросила поставить крестик за Борового! Ясное дело, что ставили его за Мавроди.

И что же теперь будет? Да ничего. Это в США Уотергейт мог потрясти нацию. А что может потрясти страну, где даром отдавали голоса Жириновскому и Зюганову, а еще недавно 99 процентов избирателей аккуратно высказывались в пользу нерушимого блока коммунистов и беспартийных? Прокуратура, если и доест до конца это неаппетитное дело, будет обязана обратиться в Думу. Самозванец Мавроди ведь уже сидит в депутатском кресле, его же надо за ноги будет выволакивать! Но Дума скорее доизберет в свой состав половину «солнцевской» группировки, чем поменяет Мавроди на Борового. Этот вид народного капитализма пользуется поддержкой и коммунистов, и фашистов, и аграриев (в силу сходства генотипа вышеперечисленных фракций со светлым образом Лени Голубкова). И КПРФ, и ЛДПР безошибочно заступаются за дураков и их кукловодов, чуя поживу, ибо это и есть их исконный электорат.

А что же г-н Федоров? Он честно набрал, если не учитывать мавродианские приписки, не 7 процентов, а все 14 процентов. То есть за штурмовиков голосует каждый седьмой из явившегося актива в 20 процентов. Перед программой РНЕ нельзя устоять. «Если в кране нет воды, воду выпили жиды». За душу берет, особенно беспозвоночных.

Итак, генеральная состоялась. Примерно понятно, как пройдет премьера. Кто-то из умников из так называемой демократической оппозиции президенту решил нас уесть и объявил, что у нас нет демократии, а есть олигархия, ибо власть не принадлежит народу. И слава богу, что не принадлежит. Может, еще поживем. Демократии у нас не только нет, но и быть не может. Этот колобок пока печь не из чего. Нужно ведь хотя бы горсти две муки: мозги, здравый смысл, частная собственность, индивидуализм, капитализм, культура, наука, техника. А мы печем из отрубей, желудей и жмыха. И получается охлократия. Наверху у нас элементы довольно-таки бестолковой олигархии, а

снизу — разливанное море охлократии. Демократия — плод длительного развития, а вот дельную олигархию можно навербовать уже сейчас. Предлагаю объединить всех демократов под лозунгом: «Вперед, к толковой олигархии!» Пусть олигархи строят капитализм и сдают его под ключ. Но не проводят референдум в палеолите о том, нужно ли строить неолит.

После такой генеральной я не жажду посидеть на премьере. Программа «оппозиции» (недемократической) будет четкой и лаконичной. Утром 10 ноября мне позвонил некто, представившийся подполковником (не в отставке) ракетных войск, и сообщил следующее: «Если вы немедленно не замолчите и не перестанете выступать против народа, мы сначала распорем вам живот, а потом повесим». К этому можно прибавить «молнию» Руцкого — Хасбулатова на таможню в период октябрьских событий насчет того, чтобы задержать ельцинистов, журналистов и либеральных демократов и не дать им покинуть страну (надо же кого-то вешать на Красной площади). Но это если доходчиво. А на научном уровне читайте у Сергея Кургиняна («Россия: власть и оппозиция», М., 1994, с. 202). «Все проявления различных двусмысленных самоотчужденческих, антинациональных тенденций… должны жестко пресекаться. Они должны пресекаться как антиконституционные действия антинациональных сил, выступающих от лица мировых этносистем с идеей надгосударственного наднационального управления в своих собственных интересах».

Оппозиция демократическая будет проповедовать идеи вестернизации первобытной орде. А проходимцы, выступающие единым строем с красно-коричневыми, типа Мавроди и К°, просто будут скупать с потрохами избирательные комиссии. То есть одни придут убивать, другие — покупать, а третьи — внушать погромщикам, дебилам и жуликам вечные истины. Это не выборы, а сумасшедший дом. Стоит отложить лет этак на десять. Всеобщее избирательное право куплено нами на вырост. Пусть повисит в шкафу. Очки, конечно, признак цивилизованности, но можно ли считать цивилизованной ту мартышку из басни, которая, не зная употребления очков, надевала их на хвост?

Нью-Йорк стоит мессы

Я считаю себя какой-никакой христианкой, но при этом, в отличие от короля Людовика XIV из пьесы Булгакова «Кабала святош», решительно не люблю религию. Похоже, что и сам Христос ее не любил. Христианство было основано нонконформистами, бежавшими от тоталитарной несвободы иудаизма. И я этих ребят понимаю. Близкое знакомство с фарисеями и саддукеями могло довести потенциального диссидента только до антирелигиозной пропаганды в целях подрыва и ослабления иудейско-галилейского общественного и государственного строя. Мера пресечения тогда была покруче, чем при Андропове. Впрочем, Голгофа — это было быстрей и легче, чем специальная психиатрическая тюрьма. Те, кто умирал там под пытками, рады были бы раздобыть какой-нибудь крест и горсть гвоздей…

То, что евреи распяли Христа, — это историко-идеологическое заблуждение. Христа распяли традиционалисты.

Его бы посадили на кол исламские фундаменталисты, если бы по дороге он решил переформировать идеи Магомета. Его бы сожгли испанские инквизиторы или женевские кальвинисты, повесили бы пуритане Новой Англии, охотившиеся на ведьм в Салеме, отлучили бы от церкви в России, «которую мы потеряли», забили бы каменьями старообрядцы, расстреляли бы в подвале чекисты, внес бы в проскрипционные списки Иоанн Петербургский и Ладожский.

Христос отбился бы от любого стада, как социального, так и идеологического, а ту овцу, что отбивается от стада, и стадо, и пастухи, и овчарки склонны считать паршивой. Им невдомек, что это их стадо паршивое. Всякое стадо паршивое, потому что блеет, как в «Ферме животных» Оруэлла: «Четыре ноги — хорошо, две ноги — плохо!» А когда эта глубокая истина, как в любой религии, начинает звучать хором в заутренях, обеднях и вечернях, становится совсем нехорошо.

Еврейские нонконформисты основали христианство, христианские нонконформисты ушли в Реформацию и основали протестантизм. Сначала — кандалы иудаизма, потом — легкие наручники католицизма, далее — браслеты протестантизма. У протестанта с Богом товарищеские отношения. Он — умный, ироничный, блестящий и рачительный глава фирмы «Свобода инкорпорейтед», где все мы, либералы, трудимся, во славу его и нашу. Но Бог — тот глава фирмы, который ценит свои кадры и обращается к сотруднику просто «Джек», позволяя ему называть

себя на ты: Иешуа, Иисус, уважаемый сэр. Протестант дружит с Богом домами, а воскресное богослужение — это что-то вроде партийного пикника или профсоюзного утренника. В профсоюзе протестантов взносы платят регулярно, иногда жизнью и кровью, но никогда по формуле: «За царя, за Родину, за веру», — а всегда за общую с главой фирмы идею, которая заложена в названии. Я не крещена в протестантстве (глупо и претенциозно было бы искать в Москве протестантского пастора, когда под рукой столько православных священников), я в протестантстве рождена. Христос, которого давил и угнетал древний Храм; который чихал на субботу («Суббота для человека, а не человек для субботы»); который смеялся над старыми догмами и безумными фанатиками, гонявшимися за ним с камнями и гвоздями с молотком; который не мог выносить своих попов и уж, конечно, не одобрил бы наших; который ничего не говорил про церковь, а обращался к свободной и отдельно взятой личности, явно работал на будущее: на протестантов. Я думаю, что Генрих IV (французский), Чаадаев, Джефферсон, Патрик Генри и Мэдисон имеют право на статус апостолов, ибо это они создавали современную западную цивилизацию — то царство, которое предвещал Иисус. Оно было не из 33 г. н. э., не от мира сего, но он его отчасти смоделировал в Евангелии.

Давайте быстренько пробежимся по мировым религиям, проверим узость тюремных окошек, потрясем засовы, пощупаем железные решетки. Тем паче что я имею право на подобную инспекцию. Во мне течет струйка еврейской крови — и я имею право предлагать реформу иудаизма. Во мне есть и польская кровь — я имею право анализировать католицизм. Я русская и крещена в православии — и я смею говорить правду о православии. Об исламе тоже поговорим. После того как ислам послал по следам Салмана Рушди бригаду киллеров, кто угодно имеет право писать об исламе что угодно, ибо за диссидентство они карают смертью.

Одна из самых тесных тюремных камер — иудаизм. В Библии немало мест с глубокой символикой, немало поэтических строф (в прозе). Но пытаться втиснуть современного человека в свод правил, выдуманных в лучшем случае в X в. до н. э., — это едва ли остроумно. Переносить в духовные и нравственные принципы тотемные и табуированные верования дикарей, отмеченные Фрэзером в его «Золотой ветви», — это абсурд, и абсурд пугающий. Обрезание я рассматриваю как психоз. Что ухо себе отрезать, что сделать эту глупость — все одно. Из тех же соображений Рахметов спал на гвоздях, а католики и

православные умерщвляют плоть плетью, ходят во власяницах, предполагая, видно, что Бог — садист и что к истине можно приблизиться через камеру пыток. Что же до обрезания, которое якобы является заветом между Богом и народом (опять избранные расы и народы), то не слишком ли шизофреническая манера скреплять сделку? Лучше подписать соглашение и выпить на последующем фуршете. Даже метод Глазастика Финча из «Убить пересмешника» Харпер Ли — плюнуть на ладонь, когда договариваешься о чем-то, — предпочтительнее. А история с запретом на свинину, ветчинку, буженинку и в исламе, и в иудаизме? Типичный тотемизм. А кошерное или некошерное мясо? Все это идет из неолита. Нельзя же предположить, что Бог — это диетсестра или шеф-повар, чтобы влезать в ваше меню. Не надо лезть к Богу со своим рационом, у него наверняка есть другие заботы, поважнее. Я представляю себе израильское кафе, где у входа вывешена справка о благонадежности, то есть о кошерности пищи в данном заведении, заверенная раввином. Я не стала бы там есть из принципиальных соображений, ибо не желаю быть благонадежной. Нигде и ни в чем. И если аэропорт Тель-Авива закрывается на какой-то религиозный праздник — целый аэропорт! — я начинаю дрожать от ужаса. Я боюсь традиционализма, я боюсь людей, лишенных чувства юмора, в древних костюмах и с древними обрядами. Мне интересно было бы посмотреть, что делается в синагоге, но я никогда туда не пойду, потому что там женщины отделены от мужчин. Это меня оскорбляет. Да, мы все обязаны любить, беречь и защищать евреев — после холокоста, после инквизиции, после погромов, — но я не могу уважать несвободу и абсурд. Речь идет не о запрете — об удивлении. Зачем?

Православие и ислам ненамного просторнее. Совершать намаз? Не пить вина? Не есть сала? Как хорошо, что в моей любимой Чечне веселые и свободные горцы, почти бессмертные из клана Маклаутов, пренебрегают всем этим и едят и пьют что хотят. И никаких муэдзинов! Горы, и воля, и гордыня, и чистота.

Что до моей собственной веры, то и в ней заготовлен целый шкаф смирительных рубашек. Преклонение перед юродивыми (потому, видно, за Жириновского и проголосовали), агорафобия у тех, кто сам себя запирает в монастырь (отсюда уже недалеко и до концентрационного лагеря или тюрьмы), соблюдение постов. Если это диета, то при чем здесь спасение души? А если это сострадание по отношению к несчастным коровам, курам и овечкам, то почему их можно есть по понедельникам, вторникам и четвергам? Сострадаем по нечетным дням, что ли? И я думаю, что из-за социалистической склонности влезать в общину, как в

камеру ПКТ, многое было упущено. В истории Европы могли бы быть более приятные моменты, если бы еще в X–XI веках евреи приняли христианство как менее стесняющую религию (а там, где больше свободы, больше прогресса). Тогда они, при их уме, талантах, знаниях и предпринимательских способностях, стали бы правящей элитой всех королевств, возглавили бы все европейские государства. Какой это был бы расцвет! И не было бы ни костров, ни крематориев. В конце концов мировой религией христианство сделал вольнодумец Павел, человек светский и государственный чиновник. Иисус ничего против Рима не имел и даже прямо советовал отдавать кесарево кесарю. Не нигилисты-мученики, так похожие на наших народников, отвергавшие комфорт и цивилизацию Рима, сделали христианство привлекательным для умов, а Генрих IV, давший свободу совести себе и другим, менявший протестантство на католичество и обратно в зависимости от потребностей политики. Я иду по его стопам. В Литве мне кажется, что я католичка. В Ростове Великом я чувствую склонность к православию. Но решительно заявляю протест против социалистических тенденций папы Римского и запрета на аборты. И посты соблюдать не буду, скорее пойду на костер. Не за веру — вера не стоит того. А за право не входить ни в какую общину. Но протестантизм со мной всегда. И я не верю, что ангелы, как омоновцы, потащат меня в народный небесный суд по составленному ментами-архангелами протоколу. Меня в жизни уже достаточно сажали, судили, допрашивали, арестовывали. Пусть хотя бы на небе этого не будет. После смерти я хотела бы попасть на Запад, в Землю обетованную. Великая космическая цивилизация Америки, чьи три буквы — США — кодируют наш Символ веры, вмещает в себя маленькие миры китайцев, итальянцев, евреев, индейцев, чернокожих и цветных, русских с Брайтон-Бич и поляков. И все они: раввины, мафиози, джазмены, сиу — объединены той, что стоит в океане в короне из лучей и с простертой рукой, не верящей ни во что и объединяющей все веры в своем мудром государственном скепсисе; той, для которой несть ни эллина, ни иудея, ни черных, ни цветных; той, чья власть зиждется на разуме, таланте, знании и воле, а также частной собственности — Свободой инкорпорейтед.

Это единственный рай, который может предложить нам Христос. Это наша Мекка, наша Святая земля. Свобода — это рай.

Нью-Йорк стоит мессы.

1994 PS

Напомню: резонанс «нововзглядовских» публикаций был таков, что со мной решил побеседовать начальник управления КГБ (АФБ, МБР, ФСК) по г. Москве и Московской области Евгений Савостьянов. Он, что называется, на пальцах объяснил нам, что тексты Лимонова и Новодворской реально возмущают читателей и к ним, на Лубянку, письма приходят мешками (кои, собственно, были мне и моей спутнице продемонстрированы).

Кстати, эти двое пикировались друг с другом не только на страницах нашего издания. Помню их очную стычку в нашей бухгалтерии: Баба_Лера™ тогда ретировалась побежденной. Это было еще летом 1993 года, а в мае эта парочка впервые пересеклась во времени + пространстве. На страницах «НВ» это знакомство описал Слава Могутин:

Конфликт налицо. С одной стороны, мало кто сейчас сомневается в писательском таланте Лимонова, в том, что он является уникальным в своем роде литературным явлением. С другой — как избавиться от этого тинейджерского, подросткового демократического запала и задора, понять и принять его политическую позицию? Когда 1 мая не было еще никакой информации о происходящих событиях — одни только слухи, — мой знакомый, преуспевающий политический журналист, сказал: «Если это правда, что омоновцы убили восьмерых демонстрантов, то я становлюсь убежденным патриотом!» Нет, это была неправда. Убили одного омоновца, поэтому известный политический журналист остался убежденным демократом. Но неужели восемь трупов необходимо для того, чтобы перестать поддерживать политический и государственный цинизм и разыгрывать «антисемитскую карту», как это делают истеричная Алла Гербер и ее сторонники, раздувающие национальную вражду в России?

Неужели нужно было восемь трупов для того, чтобы серьезно отнестись к выступлению Лимонова в «Пресс-клубе» 3 мая, а не устраивать травлю с оскорблениями и улюлюканьем? Наше появление в студии было чистой импровизацией. Идея возникла утром того же дня, и никто из организаторов передачи, естественно, не был поставлен в известность о предполагавшемся визите. О чудесах гласности и демократизации (теперь уже — полной демократии) красноречиво свидетельствовала элементарная простота попадания в прямой эфир. Как будто бы и не было до этого отмен нежелательных передач с участием Лимонова, как будто бы не было снятия из эфира Четвертого

канала моей авторской программы, два сюжета которой посвящены ему («Нельзя такую передачу пускать перед референдумом!» — заявил один из руководителей РТВ). Как будто бы не было всего этого страха!

Когда мы с Лимоновым появились, в студии наступила гробовая тишина. Реакция была выразительной: «Чужой среди своих! Наш среди чужих!» Думаю, если бы мы пришли не за пять минут до начала прямого эфира, а чуть раньше, могли возникнуть разные эксцессы. Но все обошлось.

«Простите, вы — Лимонов?» — спросила Валерия Ильинична Новодворская, пристально разглядывая Лимонова.

«Да. А вы — Новодворская?» — поинтересовался он в ответ.

«Вы угадали. Я вызываю вас на дуэль. За оскорбление чести и достоинства Елены Георгиевны Боннэр!»

«А на чем стреляться будем?»

Вопрос о дуэли так и не был решен до конца, поскольку передача началась.

В принципе все, что происходило потом, можно было предвидеть. «Организация обсуждения на „Пресс-клубе“ — когда выбирают жертву и все вместе на нее набрасываются, — так Елена Чекалова из „Московских новостей“ определила худшую программу недели в телерейтинге „Независимой газеты“ (8.05.1993). — Не думаю, что когда-нибудь посочувствую Лимонову».

Лимонову предназначалась совершенно не свойственная ему роль жертвы, поскольку оппоненты были в большинстве осмелевшие и праведные. «О, какая встреча! Какой крутой мен сидит — в майке, в темных очках, в перстнях… Весь из себя готовый. Это ты, Эдичка? Конечно ты, как я мог не узнать тебя сразу. Спасибо Кире Прошутинской и ее „Пресс-клубу“ за свидание с тобой, Эд. Лимонов» («Это ты, Эдичка?» — «Вечерняя Москва», 4 мая 1993). Вот как смело написано, с шутками, прибаутками, с панибратски-снисходительным похлопыванием по плечу, с демократическим задором и пафосом! Кто же такой смелый и праведный, что даже Лимонова не боится (наверное, мышьяком постель уже посыпал?), и почему это вместо подписи инициалы «А. Р.»? Уж не Анатолий ли это Руссовский, который с таким же задором и пафосом по разнарядке ГБ и партийного руководства строчил «отчет» с процесса Синявского — Даниэля? Все хорошо, все нормально, время страха проходит, и на Лимонова тоже велено хвост поднять. Демократия — штука тонкая!

С каким пафосом Денис Драгунский, вырвав микрофон из рук ведущей, заклеймил ненавистного врага! С каким пафосом

поливал его Марк Дейч, получающий свои дойчемарки на «Свободе»:

«Почему же вы, господин Лимонов, сбежали из Советского Союза от этой замечательной жизни?»

И на реплику, что не он сбежал, а его лишили гражданства, и неизвестно, что сейчас делают «Свобода», Эф-би-ай и Си-ар-эй в России, Дейч, наверняка прекрасно осведомленный о биографии ненавистного ему Лимонова, презрительно выдавил из себя: «Не надо злобствовать, Эдуард! Всем известно, что вас в свое время попросили со „Свободы“!» Понятно, что Дейч, видимо, всерьез считает, что работать на «Свободе» и получать за вымученный «гражданский пафос» дойчемарки почитает за счастье все прогрессивное человечество, но зачем же лгать столь цинично, столь беззастенчиво? Уж ему-то не знать, что Лимонов никогда не опускался до сотрудничества с этой организацией, а, напротив, всегда высказывался против ее деятельности?

Кто же поддержал Дейча в «Пресс-клубе»? Да все поддержали. А чего такого-то, свои ведь все, а Лимонов — раз пришел, так пусть послушает, что о нем думают. Алексей Венедиктов с «Эха Москвы», весь содрогаясь от праведного гнева, схватил микрофон, чтобы выкрикнуть, что у Лимонова нет монополии на патриотизм! Нет?! Так почему бы тогда «Эху Москвы» не разделить эту монополию? Или у них другая родина (историческая)? Или им тоже нужны восемь трупов демонстрантов для того, чтобы стать убежденными патриотами?

Из личного опыта работы на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Свобода» я могу определить то общее, что их сближает и делает похожими. Это — цинизм, возведенный в метод и в стиль. Откровенный, неприкрытый цинизм, какой продемонстрировал в очередной раз Марк Дейч, «лицо организации». Так Лимонов своим появлением спас «Пресс-клуб» от провала, став центральной фигурой этого довольно скучного собрания. «Ну, Эдуард, у вас сегодня звездный час!» — сказала Кира Прошутинская. «У меня каждый день звездный час», — парировал он.

На мой вопрос, до какой степени он способен использовать различные институты массмедиа для достижения каких-то своих целей, Лимонов резонно заметил: «Я никого не использую. Меня используют в большей степени: и газеты, и телевидение — для увеличения своей популярности за счет моей популярности». И то сказать, кто бы из экспертов «Независимой газеты» назвал «Пресс-клуб» лучшей передачей недели, не будь в ней Лимонова?

•

После визитов к тогдашнему главе столичного КГБ мы (с нашим медиа-идеологом Мариной Леско) решили опубликовать по следам наших бесед полосное интервью с генералом. Кстати, через несколько месяцев после публикации беседы в «Новом взгляде» Савостьянова снесли из лубянского кресла. Позднее он занял место заместителя руководителя Администрации президента. Курировал вопросы присвоения высших воинских званий, назначения на должности категории А, деятельность управления по делам казачества, отдела по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, управления наград, государственную герольдию. Руководил работой по освобождению из плена солдат Первой чеченской войны (освобождено 992 из 996 человек). Руководил специальным штабом по обеспечению безопасности страны во время операции на сердце президента Бориса Ельцина. Входил в комиссию при президенте по противодействию политическому. Был несколько запоздало уволен из Администрации за предложение выдвинуть на пост премьер-министра Евгения Примакова (декабрь 1998 года). Позднее баллотировался в президенты, однако снял свою кандидатуру с выборов в пользу лидера «Яблока» Григория Явлинского.

Но возвращаясь в лето 1994 года, напомню: тогда Савостьянов для меня был лишь главой московского КГБ. Я тогда, нарушив традицию, опубликовал и колонку-объяснялку, текст коей здесь воспроизвожу:

Опубликованный слева текст в самом деле представляет лишь попытку неформального разговора с чиновником в погонах. Этим полусемейным портретом в интерьере служебного кабинета «Новый Взгляд», вероятно, открывает галерею действующих политиков.

У нас никогда не было спонсоров, что бы ни «сообщали» по этому поводу умирающая, словно древний ящер, «Вечерка» и досадливо непобедимый «МК». Поэтому в нашем положении было как бы доблестью предоставлять (неприкрытые дотациями) полосы абсолютно светского и, безусловно, развлекательного издания радикальным оппозиционерам (Виктор Алкснис, Виктор Анпилов, Александр Невзоров, Александр Проханов), с одной стороны, «бывшим» (Геннадий Янаев, Олег Калугин, Альберт Макашов, Елена Боннэр, Виталий Коротич) — с другой. И наконец, с третьей — в разной степени преуспевшим ставленникам разных групп и организаций, по мере своих талантов развлекающих народ круче шутовских телеобанистов (Владимир Жириновский, Валерия Новодворская, Дмитрий

Васильев, Эдуард Лимонов). Мы печатали и серьезные профайлы политического характера. Напомню, например, очерк Мэлора Стуруа (об Александре Яковлеве и Егоре Лигачеве) и работы Леонида Радзиховского (о Гаврииле Попове, Сергее Станкевиче, том же «неприкасаемом» Яковлеве). Ни одну из этих шершавых статей не отважились напечатать стоящие по стойке «смирно» либеральные «Известия», «Московские новости», «Столица», не говоря уже о ведомственной газете для «культурных», предпочитающей именоваться «Независимой». А публиковаться в газетах типа «Завтра» («День») не всякий журналист захочет.

В самом факте этих публикаций не было и привкуса фронды. Просто мне хочется, чтобы в России выходила хотя бы одна действительно независимая и никем не ангажированная газета. То, что она называется «Новый Взгляд», вполне символично. И то, что ее пытаются придушить, невзирая на акцентированную аполитичность, тоже символично.

Хотя почему «невзирая»?

За то, чтобы стоять в стороне от политики, всегда приходится платить по высшему тарифу. Знаю. В начале 70-х я отказался вступать в бодрые ряды ВЛКСМ, и потому мои документы отказались принимать приемные комиссии и МГУ, и МАИ, пришлось поступать в МГПИ… имени В. И. Ленина. В начале 80-х ввиду принципиальной беспартийности распрощался даже с мыслью об аспирантуре. А на излете перестройки я прервал эфирное сотрудничество со сверхпопулярным «Взглядом», осознав, что эта передача становится партийной.

«У меня нет надежды, но этот путь — наш».

Из принципа «НВ» не приглашал на свои страницы людей, занимающих какие-либо ответственные посты в аппарате. (За исключением, пожалуй, нескольких интервью нынешнего «известинца» Валерия Якова — с председателем Государственного таможенного комитета России Анатолием Кругловым и министром по делам гражданской обороны, чрезвычайных ситуаций и ликвидации последствий стихийных бедствий Сергеем Шойгу.)

Зато когда люди вышибаются из кремлевской обоймы — полосная беседа в стиле новой журналистики. Бывший президент Михаил Горбачев и бывший премьер Валентин Павлов, бывший министр Эдуард Шеварднадзе и бывший спикер Анатолий Лукьянов. Неважно, по какую сторону какой баррикады они стояли, сидели или лежали.

Впрочем, Евгений Савостьянов в «НВ» сегодня отнюдь не потому, что шелестнула небезосновательная молва о его скором уходе. Когда мы договаривались об этом интервью, таких

разговоров еще не было слышно.

Говорят, что время пить «Херши»… Для «НВ» время нового сериала. Что вполне адекватно нашим базисным принципам: ставка на порядочность и «культ личностей». Есть же среди наших политиков, прошедших естественный отбор, и потенциальные «звезды», которых не сразу разглядишь в болоте Системы.

Как только человек входит в Систему (например, приходит на работу), он вынужден — руки по швам! — выслушивать начальство. И молча выполнять нелепые порой распоряжения. Огромное количество умных людей, рождаемых в самых низах системы, гибнет попусту, не сумев привлечь должного внимания. Этим легко объясняется то, что вокруг происходит столько административных глупостей, очевидных с точки зрения элементарного здравого смысла.

Забавная традиция России. Суть которой не принимать ничего неординарного, индивидуального, отмеченного интеллектом. И она, эта традиция, никогда не привлекала особого внимания. Хотя в результате приводит к таким, казалось бы, не связанным между собой явлениям, как потрясающая серость народных депутатов и полное отсутствие заметных ТВ-персонажей. Поэтому, когда в контексте российской действительности употребляют слово «звезда», путаются два понятия — известность и популярность. Известный человек — тот, которого большинство социума знает (по имени или в лицо). А популярный — тот, который нравится, вызывает желание подражать, портрет которого поклонникам хочется повесить в квартире. Короче, популярен тот, кто вызывает вкусную эмоцию. Популярный политик у нас на сегодня (спасибо Гостелерадио) — один, и тот Жириновский, что, в общем-то, закономерно. Россияне алкают хлеба и зрелищ. Каждое появление Жириновского на ТВ-экране и газетной полосе — всплеск циркового эпатажа; он не боится выпасть за рамки сюртука и заслужил репутацию Парня-Который-Знает-Как-Надо. Народ не безмолвствует, нет, он восторженно аплодирует. Да он гений, милейший наш В. В. За программу ЛДПР ныне готово проголосовать как минимум полстраны! Ведь Владимир Вольфович донельзя неформален: он и землей в демонстрантов бросается, и на испуганного Сванидзе в прямом эфире наезжает, и с кулаками не только на Гдляна, но и на телохранителей Ротару готов наброситься. Он-то как раз понимает, что звездный час Ельцина — падение с моста, и сам готов падать. Чтобы потом взобраться на кремлевский олимп. Тогда никому мало не покажется.

Но кто еще может стать популярным лидером? Хотелось бы,

чтобы он был и с обаянием и с головой, и внешне интересный. А IQ нынешней Думы вряд ли сравним с потенциалом «знатоков» мудрого Ворошилова. Стоит ли от неутомимых депутатов добиваться ответов на «Что? Где? Когда?».

Быть может, политика и в самом деле грязное дело, и даже грязнее тела вокзальной потаскухи. И даже благородные идеи не в состоянии вознести их «носителей», если последние не наделены душевным благородством от Бога. Наша сегодняшняя задача — дать возможность согражданам сделать не «политический», а «человеческий» выбор (этим и объясняется неформальность тона этих бесед). Поскольку «политический фактор» уже не единожды приводил к печальным последствиям, выбирать имеет смысл не программу, а личность. Голосовать надо не за идею, а за человека. Человека, внушающего доверие, разумного, спокойного, образованного и дипломатичного (то есть требуется антипод ловчайшего симпатяги Вульфовича, сумевшего угадать форму лапши для развесистых ушей). Стране нужен лидер, который не будет суетливо воровать и не примется рубить жирный сук, на котором сидит, «обрекая бессмертную душу на смерть, чтоб остаться в живых в этой давке».

И мне кажется, что пора присматриваться к политикам с бытовой точки зрения.

Впрочем, по поводу всего вышесказанного у меня есть свое мнение. Но я им слишком дорожу, чтобы делиться со всеми.

•

Публикации Бабы Леры вызывали реакцию не только правоохранительных органов, но прежде всего (а правоохранителей — как следствие) читателей. Многие писали в редакции. Некоторые письма мы публиковали.

Владимир Данилов прислал к нам в редакцию письмо «СОБАКА БРЕШЕТ…», воспроизвожу в редакционной (сокращенной) версии:

Давно ли «пламенный лидер ДС» Валерия Новодворская лично объявляла себя вечной инсургенткой, готовой воевать не только в России, но и в Корее, на Кубе против любой недемократической власти? Наконец она раскрыла карты, заявив о полной поддержке Ельцина. Признала хозяина.

Но как отработать свои 30 сребреников? И вот в газете «Новый Взгляд» она помещает статью «Бал воров». Каждая строка

— клевета, за которую предусмотрена уголовная ответственность. В качестве объекта избран я, — трижды политзаключенный Владимир Данилов, возглавляющий сегодня Правительство национального единства, то есть организацию, призывающую свергнуть нынешнюю власть как антинародную и антигосударственную.

Оставаясь в свои 43 года девственницей, Валерия Новодворская компенсирует свою ущербность выдумыванием сексуальных сплетен на врагов своих хозяев. Дескать, Данилов «считает себя политзаключенным, хотя к его второму делу примешалось совращение малолетней, а когда в мае 1991 года за ним явился КГБ, то он обнаружил… порнофильм, отснятый В. Даниловым лично».

И то и другое — абсолютная ложь. Впервые я был арестован в 1973 году за «создание антисоветской организации и активное участие в ней». Уже тогда мы ставили своей целью взятие государственной власти и свержение номенклатуры, реформацию общества в интересах трудящихся граждан. Но, не сумев доказать вину, меня осудили по статье 190 — «за распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский и государственный строй». В частности, за критику тогда еще неакадемика Петракова.

В 1987 году за формирование «Народного фронта в поддержку перестройки» — когда «фронтов» не было даже в Прибалтике — против меня фабрикуют 7 (семь!) уголовных обвинений. Четыре из них вынужден был отмести сам неправедный суд, а три все же оставили. Всякий, кто имел дело с советским правосудием, знает, что такое «социалистическое правосознание судей» и как по приказу из горкома партии осудят за что угодно. Сегодня можно легко добиться отмены этого лживого, сфабрикованного приговора, реабилитироваться. Но я не считаю возможным просить или требовать реабилитации у той же власти, которая меня судила. Я виновен перед ней. Я — ее враг, и до конца дней своих, в отличие от Новодворской, я буду бороться за ее свержение. Но и в этом приговоре никто не обвинял меня «в совращении малолетней». Это бред Новодворской в угоду своим хозяевам. Не зря ее лечили в психушках.

В третий раз меня посадили вместе с Новодворской в Лефортовскую тюрьму в мае 1991 года «за призывы к насильственному свержению государственного строя». И «снятых лично Даниловым порнокассет» не изымали. В. Н. пишет, что за три месяца следствия «Данилов скис, как неснятое молоко. Даже гэбисты огорчились. Им для политического процесса нужен был

орел, а не мокрая курица».

Впору бы сказать: «От курицы и слышу», но документальные факты таковы: это Валерия в «Литературной газете» восхваляла гэбистов, какие они порядочные и умные люди, как хорошо с ней обращаются. А в августе вообще опубликовала заметку «Коллектив Лефортовской тюрьмы не поддержал путчистов», где писала, что гэбисты боялись, что путчисты расстреляют их вместе с Новодворской. Трогательное братство жертв и палачей. Или ей целенаправленно создавали ореол революционерки?

Я же с момента ареста объявил сухую голодовку, то есть отказ от воды и пищи. На четвертый день в меня начали заливать пищу через шланг, впихивая его в ноздрю.

На всех допросах — полный отказ от дачи любых показаний. И на допросах, и на очной ставке с Новодворской я заявил, что автором вменяемого ЕЙ в вину текста «Письмо двенадцати» являюсь я. То есть брал ее вину на себя.

В дни путча подал заявление: «Господин Янаев, в первые минуты, узнав о государственном перевороте, совершенном Вами, я бросаю Вам обвинение в совершении тягчайшего государственного преступления — узурпации власти. И вношу единственное слово в текст будущего приговора над Вами: виселица. Без права на помилование. До встречи на том свете». Аналогичные «лестные» заявления до того писались мною на имя Горбачева, Ельцина, Крючкова…

Кто из нас скис, а точнее, прикормлен, показывает сравнение не только вчерашней, но и сегодняшней позиции и деятельности Новодворской и Данилова.

Расцениваю как гнусность намек на то, что никто нашу штаб-квартиру 13 мая не грабил и что меня не похищала мафия по заказу спецслужб. Все материалы и свидетельские показания и даже фамилии и адреса преступников есть в милиции. Мы подождем, когда объявят, кто приказал ограбить нас и пленить меня.

«Бал воров», — пишет Новодворская, считая Анпилова и меня ворами, а о Гайдаре, Ельцине, Бурбулисе и т. п. она говорит: «У них приличные манеры, а в подполье можно встретить только крыс». Ну что ж, гражданам страны виднее, кто воры, глядя на свои карманы и на разворовываемую страну.

Да, в подполье, где боролись с номенклатурной мафией сотни несгибаемых честных русских граждан, встречались и крысы.

Одни из них, со статусом «выдающихся правозащитников», подались в депутаты и в окружение Ельцина. А эта вылезла из подполья на бал воров, «с приличными манерами», собирать

крохи с чужого стола. Имя ее — Новодворская. Приятного аппетита, госпожа.

•

А вот, например, реплика Вилена Львова под заголовком «ГОСПОЖА МАДАМ-МАМЗЕЛЬ»:

Примерялся и так и эдак. Следовало бы обращаться как к «мадам», но дама сама себя публично с подкупающей искренностью называет девицей. Выходит, до сего времени — мадемуазель, или в просторечье — мамзель. Однако возраст, внешность, комплекция не дают языку повернуться и сказать «девушка».

Обращусь сообразно титулу, указанному в газете «Новый Взгляд». Отсюда одаривает читателя своими сочинениями «главный политэкстремист „НВ“ Валерия Новодворская».

С Новодворской не знаком. Биографией не интересовался. Довольствуюсь тем, что сообщает о себе сама Валерия Ильинична.

«Я — карбонарий!» — тычет в грудь Новодворская. Революционерка, значит. Член тайного общества. Хвастает: «Если в 18 лет создаешь подпольную организацию для свержения Советской власти вооруженным путем, то сам черт тебе не брат». О своем диссидентстве Новодворская повторяет денно и нощно. Она «проходила строевую службу на подпольных и тюремных фронтах» с 1986 по 1991 год.

Я проходил строевую службу на фронтах Великой Отечественной войны: Сталинградском, Юго-Западном, 3-м Украинском. На фронте погибли отец и три брата двоюродных. Награжден четырнадцатью правительственными наградами. Получаю «фронтовые» к пенсии.

Новодворская недоумевает: фронтовики получают от правительства пенсию, для них льготное обслуживание в магазинах, другие привилегии. А чем хуже диссиденты, почему им не «давали ни орденов, ни нашивок за ранения, ни аттестатов»? Глумясь над погибшими и оставшимися в живых, доканчивающими свой земной путь фронтовиками, она пишет: «Если бы я захотела встать на одну половицу с совками — ветеранами Отечественной и Великой (хотя наша была не меньше и тоже не иностранная), то какой пансион мне положен?» Нет, не встанут фронтовики рядом с Новодворской, брезгливо обойдут, если встретится на дороге.

Наше поколение уходит, нас остается все меньше. Но как

относится мадам-мамзель к другим? К народу, за счастье которого пошла в карбонарии политэкстремист «Нового Взгляда»? Цитирую: «Надеетесь на помощь?.. Здесь может быть только одна социальная помощь — указать дорогу к ближайшему кладбищу».

Но что-то должно быть мило сердцу «борца за народное счастье», не может ведь политэкстремист раздавать словесные оплеухи налево и направо, мазать всё и вся черной краской? «Мне нравится, когда отпускают цены! — ликующе провозглашает Новодворская. — Мне нравится безработица. Утро 4 октября, когда горел Белый дом… это пока лучший день нашей истории за весь XX век. Мне нравится, когда по домам Советов бьют танки».

Что касается превращения очередного Белого дома в груду развалин, советую прочесть письмо семьи Альенковых в «Комсомольскую правду». 4 октября Сережа Альенков, 18-летний студент, был убит пулей в грудь. Отец его прослужил в Вооруженных Силах более 30 лет, знает, что, прежде чем командир не убедится, что в опасной зоне нет посторонних, не будет сделано ни единого выстрела. У Белого дома были убиты десятки.

«Ванек! — призывает Новодворская. — Не ходи во солдаты! Покупайте медицинские свидетельства о том, что вы глухие, слепые, слабоумные, расслабленные, — кликушествует она, — подкупайте почтальонов, чтобы не носили повестки, не ходите на комиссии. Уклоняясь от призыва, вы совершите общественно полезное деяние».

Следуя такой логике, надо как можно быстрее ликвидировать правоохранительные органы. Только куда обратится Новодворская, если ограбят квартиру, к кому кинется за помощью, если подвергнется нападению уголовного элемента, покусившегося на гонорар от «Нового Взгляда»?

О новизне суждений политэкстремистки. С бородой они. Откройте «Золотого теленка». Загляните в небольшую палату для больных с неправильным поведением, куда определили «вице-короля Индии» — бухгалтера Берлагу. Это там один кричал: «И ты, Брут, продался большевикам!», там сказано, что «в Советской России сумасшедший дом — это единственное место, где может быть нормальный человек. Все остальное сверхбедлам». Туда пришел по высоким идейным соображениям Кай Юлий Цезарь, значившийся в паспорте И. Н. Старохамским. И только здесь можно было видеть женщину-мужчину и человека-собаку.

Политэкстремисту «НВ» следовало бы вспомнить, что симулянтов выкинули.

Если суммировать всю мерзость, выплеснутую мадам-мамзель на страницы газет, наговоренную в микрофоны, выданную с

телеэкранов, то напрашивается вывод: «В здравом ли она уме? Не пора ли пригласить профессора Титанушкина?»

Смею усомниться в этом. В симуляцию не поверю. Ибо Новодворская совсем не так проста. Она действует взвешенно, у нее отмерено до грана — что, где, когда. Изрыгая проклятия, меча молнии в адрес тех, кто вынужден молчать, Новодворская буквально стелется перед власть имущими. «Конституция, которую для нас припасли Ельцин с Гайдаром, — это не Конституция, а мечта поэта», — расточает она елей. «Президент Ельцин и Егор Гайдар доказали, что с ними можно идти в разведку», — верноподданнически растолковывает она. И апофеоз: «В лице Ельцина Россия поймала жар-птицу!»

Услуга-то медвежья.

•

Еще один отклик Вилена Львова — «ЛИДЕРДИЛЕР»:

Батюшки-светы! Оказывается, Новодворская еще и лидер ДемРоссии! В переводе с английского «лидер» означает «ведущий, руководитель». И перед мысленным взором возникает картина: лето, стадион, по гаревой дорожке мчат длинноногие, стройные. Впереди, хотя бы на полкорпуса, лидер. Или — зимний пейзаж. Пруд. Прорубь в виде прямоугольника. Притоптывающие босыми ногами «моржи» колеблются. Вперед выходит дама средних лет, домохозяйка, но тренированная, со спортивной фигурой. Сигает. Лидер! Новодворскую видел воочию. На телеэкране, а однажды живьем. Представить ее в образе длинноногой бегуньи или пловчихи, меряющей саженками ледяную купель, не позволяет самое богатое воображение. Не та у Валерии Ильиничны комплекция, или, говоря научно, экстерьер.

Но не будем привередничать. «Ведущему, руководителю» необязательно иметь фигуру манекенщицы или мускулы Шварценеггера. Обладай недюжинным умом, благородным сердцем, чистой совестью да при том поставь свой ум, знания, опыт на службу другим; заставь свое сердце отзываться на боль, заботы, невзгоды, равно как и на радости и успехи других; убеди, что совесть твоя ничем не запятнана, — и ты лидер. За тобой пойдут, сделаются единомышленниками, признают бесспорное первенство.

При одном условии. Если не будешь кривить душой. Если не станешь менять убеждения. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Впрочем, старая, как мир, истина гласит:

«Убеждения не меняют. Они либо есть, либо их нет».

Новодворская умна. Образованна. Знает латынь, древнегреческий, французский. Читает по-английски, по-немецки, по-итальянски. Преподает историю и философию в гуманитарном университете.

В быту скромна. Живет с мамой, бабушкой и котом Стасом в двухкомнатной квартире. На стенах портреты Христа, Ельцина, Гамсахурдиа.

Портреты абы кого в квартире не держат. Вряд ли ошибусь, если предположу, что хозяйка исповедует учение Христа, что постулаты «Возлюби ближнего, как самого себя», «Не убий» и другие выучены ею назубок. Христианская мораль основана на добре, она учит, что человек человеку брат, что надо чтить родителей, не поминать злым словом предков.

Обратимся к высказываниям Новодворской:

«Если для того, чтобы стереть с лица земли коммунистов, фашистов и империалистов, нужно стереть с лица земли эту страну вместе со всем наследием, мы не дрогнем!»

Каково! Все население, включая стариков и детей. И технология прилагается:

«Картечью. Прямой наводкой».

Нюанс.

«За жизнь одного Василия Селюнина мы без всяких церемоний положим весь наличный состав всех бесчисленных наших компартий».

Господин Селюнин, вы в курсе? С вами согласовано? Все же «весь наличный состав». Добавление:

«Если Владимир Вольфович пролезет в президенты, придется его убрать. Если нужно, на него не семь, а семьдесят семь покушений устроят».

Веселенькое дело. «Метательница» Новодворская, пряча под кофтой бомбу, караулит авто Вольфовича. Или с лихо мчащегося мотоцикла прошивает автоматной очередью.

«Мне нравится, когда по Домам Советов бьют танки»; «Утро 4 октября, когда горел Белый дом… это пока лучший день нашей истории за весь XX век».

«Чужая душа — потемки» и «в чужую душу не влезешь», — гласит народная мудрость. Пусть в ней уживаются не только гармоничные, но и противоположные, а иногда и несовместимые на первый взгляд понятия, соседствуют добро и зло, бескорыстие и скопидомство, любовь и ненависть, но, как ветки бывают длиннее или короче, толще или тоньше, подсыхающие или уснащенные густой листвой в зависимости от того, какое питание доставляет, дозирует, регулирует ствол, то главное, по которому

определяют ценность дерева, его породу, его отличие от других. Вот точно так и с душой: в ней обязательно должно присутствовать главное.

Нравственный стержень есть в каждом человеке. Один — добр. Другой — завистлив. Третий — прямолинеен. Четвертый… да стоит ли перечислять? Мне сдается, что нравственным стержнем Новодворской является ненависть. Многие ее высказывания сродни желчи, и ощущение такое, что она не только слетает с языка, но и сочится изо всех пор.

Примеры?

«Россия — это не только страна дураков, но и страна хамов… И вообще с 1917 года нами правили хамы в смазных сапогах»; «Нас ни разу как следует не разбили. Вдребезги, как Гитлера. Нам не обломали рога. А носорогам обламывать рога обязательно нужно»; «Парламентаризм в России скончался в материнской утробе за неумением избирателей отличить подосиновики от мухоморов»; «Куда Ельцину эту Думу сажать? Как куда? В банку со спиртом»; «В России все растекается и свисает, как макароны с ложки. Одна шестая часть суши была заселена беспозвоночной протоплазмой!»; «СССР надо было стереть в порошок. Как Карфаген».

Для Новодворской Красная площадь — «свалка разных человеческих отходов». Мавзолей — «скотомогильник». Так и написано: «И скотомогильник с Красной площади не убран вместе с главным вампиром страны. Эта мумия еще кусается. Ее надо хоронить не на кладбище, а вместе с радиоактивными отходами».

В Кремлевской стене прах выдающихся ученых, писателей с мировым именем, деятелей искусства, космонавтов, людей, которыми гордится и будет гордиться наш народ, все человечество. А Новодворская остается верна себе: «Мы должны выковырять их урны из стен Кремля, продать за хорошие деньги, за валюту на аукционе. За кордон. На Запад». И цинично объясняет для чего: «На эти деньги украсить башни двуглавыми орлами, переименовать улицы: Ленинский проспект, „Марксистская“ станция метро и т. д.».

Может, в горячке выпалила? Как бы не так. Едва ли не в каждой публикации требование осквернить, разрушить, истребить. Вот еще образчики:

«Есть ли смысл возлагать цветы в Москве к Вечному огню 9 мая, если в нескольких шагах стоит очередь в скотомогильник, поклоняясь мощам Адольфа Гитлера!»; «Стоит ли праздновать годовщину снятия ленинградской блокады, если фашисты уже в городе, а область вокруг Санкт-Петербурга носит имя фашиста и упыря?»; «Мавзолей так же, как Карфаген, должен быть разрушен.

И мы мелом напишем на освободившемся асфальте: здесь танцуют». Она предлагает поставить пикеты у Мавзолея, «и, чтобы больнее было оскорбление, с лозунгами: „Коммунисты, портянки и покойников сушите дома“ и „Коммунисты, просьба свои кости забирать с собой!“».

И вся эта мерзость — из уст женщины. Вдумайтесь, женщины! А ну, скажи кто-либо, что могилы предков Новодворской — скотомогильники, натрави кого-то выбрать урну с прахом близкого ей человека из колумбария, как она среагирует?..

В ее квартире портрет Ельцина. Борис Николаевич — ее кумир. Слезливо умиляясь, сообщает:

«Мне нравится поддерживать президента. Я от этого кайф ловлю»; «Борис Николаевич — добрый хозяин… Так что, грядите, голуби, с миром и не балуйтесь, а то Борис Николаевич вас без сладкого оставит»; «Ельцин — настоящий отец народа»; «В конце концов, кто у нас в России прораб? 21 сентября и 4 октября Ельцин доказал, что именно он»; «В лице Ельцина Россия поймала жар-птицу. И мы ее не упустим!»

Переплюнула, ох, сильно переплюнула Лера придворных лизоблюдов, слагавших оды своим покровителям. Куда до нее разным там льстецам, возвеличивающим несуществующие подвиги, прославляющим сомнительные достижения, курящим фимиам по любому поводу, а зачастую и без него.

Новодворская вещает:

«Нам сейчас нужны три кита: эта Конституция, президент Ельцин и Егор Гайдар, доказавшие, что с ними можно идти в разведку»; «Гайдар спас страну от голода»; «Гайдар — хороший человек… Я знаю, что Гайдар получил хорошее воспитание… Но в ответ на коллективный слезный вопль совка „Дай!“ надо сложить комбинацию из трех пальцев и ответить: „На-ка, выкуси!“»; «У этой веры есть уже апостолы: блестящий Боровой и гениальный Гайдар»; «Мне нравится прямота Шумейко».

Но елей, пролитый Новодворской, был пролит давно, на заре рыночных отношений. А рынок, как известно, живет по своим законам. То, что сегодня имеет спрос, завтра отвергается. Утром на товар одна цена, вечером — иная.

Послушаем нынешние речи Валерии Ильиничны:

«Анатолий Собчак. Руководитель фольклорного ансамбля. На сцену выводят Святослава Федорова. Олег Басилашвили глубокомысленно говорит: „Слепой ведет слепого, и свалятся они оба в яму“»; «Рассвет на Москва-реке. Появляется шахраевский ПРЕСС. Все объединяются… все соглашаются на все. На горизонте возникает муравейник как символ бесконфликтности, единства и согласия. Муравьи поют: мы устали дожидаться рассвета»; «Самые

интересные дела с „Яблоком“. По-моему, „яблочки“ — это типичные меньшевики»; «Нас предал умный, образованный, честный, воспитанный Григорий Явлинский»; «Я Михаила Полторанина держала за человека, за настоящего крутого мужика, а он оказался первоклашкой, которому надо менять подштанники»; «Некоторые демократы ведут себя так, как будто у них не только мокрый носик, но и мокрые подштанники». Ухватившись за образ, Новодворская живописует: «Господину Черномырдину не терпится вернуться к социализму… Но ведь надо соблюдать приличия! Я не говорю о невозможном, о том, чтобы пользоваться унитазом. Это не русский путь и не согласно с традициями. На третьем пути унитазов нет и не предвидится. Я прошу только делать пакости в темных углах, а не садиться при всех на паркете в центре гостиной».

В квартире Новодворской портрет Ельцина. «Ельцин — отец народа!»; «Борис Николаевич, как ребенок, все в рот тянет, не понимая, что некоторые идеи, личности и ситуации изначально несъедобны»; «Президентские выборы! Он обещал. Во-первых, слово было его собственное. Хочет — дал, хочет — взял».

Это — из прежних речей Валерии Ильиничны. Вот нынешние:

«Новорожденная демократия, во многом порожденная президентом, выброшена им в снег без теплого одеяльца, как плод преступной любви»; «Не забудьте, что чахлые, полудохлые демократы типа Гавриила Попова и Бориса Ельцина, чья революционность похожа на пустой флакон „Белой сирени“, куда вместо духов налили воды»; «Похоже, что Борис Николаевич пару раз постоял на Мавзолее, и это его подкосило на всю жизнь»; «Президент бросил щит, врученный ему теми русскими, которые решили жить свободными или свободными умереть»; «Цезарь нас предал врагам»; «Ельцин, не выдерживая напора стихий, прячется, как рак-отшельник, в раковину отца наций».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Из одних уст верноподданническое, медоточивое «настоящий отец народа» и злобно-уничижительное «рак-отшельник».

Убеждения? Нет их у Новодворской. Нравственный стержень? О какой нравственности может идти разговор, если Новодворская готова «стереть с лица земли… все население». Кто пойдет за Новодворской, оплевывающей Родину, народ, фронтовиков, блокадников. Называющей коммунистов фашистами. Считающей «отходами человечества» цвет и гордость всего цивилизованного мира.

Нет у нее за душой ничего, кроме ненависти и злобы, кроме презрения к другим. Тогда какой она лидер?

Не лидер Новодворская Валерия Ильинична, а дилер, или,

как прежде называли, продавец, приказчик. Вся ее борьба за свободу, все разглагольствования о демократии — всего лишь способ зарабатывать деньги. Тиснула статейку в газете — гонорар. Пригласили на телевидение — гонорар. Издала книжку — большой гонорар. Там, тут, здесь… набирается немало. Неплохой приварок к окладу преподавателя гуманитарного университета. Судя по далеко не изможденному облику Валерии Ильиничны, очень даже солидный. Вероятно, позволяющий и для кота Стаса купить спецкушанье «Вискас». Дилер Новодворская торгует не своей продукцией. На свою не хватило бы пороха. А вот кто поставляет ей товар, следует призадуматься. Не зря же она в одном из последних выступлений говорит: «Для демократов нет больше запретов на создание боевых дружин и приобретение оружия».

•

Еще один читательский отклик, Еруслан ТУШЕНКО озаглавил свое письмо «НЕВЕГЕТАРИАНСКАЯ ДЕВА»:

Как объяснить феномен Новодворской и ее преображение? Вряд ли можно найти аналогии в прошлом. Самой похожей исторической личностью является наш современник — незабвенный Владимир Вольфович, давний соратник В. И. Демократический гротеск и особый либеральный политический бурлеск отличают обоих революционеров. Нужно обладать недюжинным талантом, чтобы уметь организовывать раек в любой аудитории.

Хотя поворот лицом к президенту, поддержка его конституции и многие другие шаги Жириновский и Новодворская сделали почти одновременно, функции эти революционеры выполняют разные. Жириновский делает свою игру, организует политику на пустом месте, вырубая в неприступной скале политическое поле для своей деятельности. Новодворская же играет особую роль. Этой скромно одевающейся женщине с полной фигурой ее единомышленники-мужчины, отягощенные различными портфелями, когда-нибудь поставят памятник. Я уже вижу его: массивная фигура в очках с пластмассовым револьвером в одной руке и омоновской дубинкой — в другой, верхом на танке.

А если серьезно, то заметим: именно Новодворская умудряется успешно и бесстрашно (и сколько раз!) проартикулировать все те мысли, которые давно уже лелеют, но

не решаются произносить ее коллеги из ДемРоссии. Это она в августе 93-го, когда президент, сверкая глазами, лишь намекал про «артподготовку», смело призвала устно и через листовку «добить» и «беспощадно уничтожить». Это она, возглавляя в «Новом Взгляде» рубрику «Рога и копыта клуба ДС», постоянно призывает оставить от коммунистов, фашистов и прочей бяки, что мерещится В. И. в каждом углу, лишь рожки да ножки. Вот и сегодня заклинает она действовать «только картечью и прямой наводкой».

Вы спросите: при чем же здесь демократия? Спросите об этом у самой В. И. Прошли времена, когда символом был академик Сахаров, страстно твердивший что-то о правах человека и сочинявший «беззубые» конституции. Кто вспоминает сегодня о нем, кроме немногочисленных членов Союза демократических сил имени Андрея Дмитриевича? Наступило время «решительных действий», к которым призывает Новодворская, а болтать о демократии лучше потом. В. И. как личность лучше всего символизирует момент и его героя.

Как легендарная Орлеанская дева, она готова вести за собой, возглавить всю президентскую рать в новом крестовом походе. В. И. ничего не боится, готова вызвать огонь на себя, мечтает и даже жаждет, чтобы ее арестовали, судили, а может быть, даже и повесили, «расстреляли дважды» и четвертовали.

Только вот никак не стать В. И. новой Орлеанской девой. Хотя бы потому, что легендарная Жанна не призывала на родную землю иноземных армий (как это делала Новодворская), напротив, она поднимала народ на борьбу с захватчиками. И даже руанская дева по прозвищу Пышка совсем не благоволила оккупантам.

А ведь был шанс, Валерия Ильинична, не будь вы так кровожадны! Может, стоит вернуться к правозащитной деятельности?

Станьте вегетарианкой, госпожа Новодворская!

Раздел IV. «Московская комсомолка»

После того как Валерия Новодворская перестала быть колумнистом «НВ», она всплыла на страницах смежных изданий всего лишь пару раз.

А вот и Боровой

В ноябре 1997 года в московском клубе «Метелица» прошла первая церемония за самые сексуальные достижения в шоу-бизнесе «Постель'97», приуроченная к годовщине программы «В постели с…». Гости были яркие: Владимир Вольфович Жириновский, Эдуард Лимонов с очередной спутницей, Ирина Понаровская, на этот раз без всевозможных перьев и шляп, но в суперстильных очках, Марк Рудинштейн, Борис Моисеев в атласном пиджачке, Паук, который притащил с собой начинающую «фашистскую» (как он ее назвал) певицу, все такой же молодой Крис Кельми, желто-зелено-голубо-красный, разодетый в маечки, курточки, шапочки Сергей Крылов, певица Каролина, которая забыла надеть все, кроме мужского галстука и шляпки, Юрий Айзеншпис, заметивший, что, наверное, именно Каролина в таком наряде будет самой сексуальной, как всегда, стильный (за что и поплатился) Игорь Григорьев, еще не блондин Отар Кушанашвили с ведущей «Партийной зоны» Лерой, художник Никас Сафронов, модельер Елена Супрун с лысой маленькой собачонкой и половиной группы «Фантастический бал», Вячеслав Зайцев, группа «Полиция нравов» в лице обросшей Фриды и другие деятели большого искусства.

В номинации «САМЫЙ СЕКСУАЛЬНЫЙ ПОЛИТИК» были представлены: г-жа Новодворская, г-н Боровой и Владимир Вольфович Жириновский. Последний стал самым сексуальным и минут пятнадцать со сцены рассказывал, что вся наша жизнь — это сплошная постель: в ней рождаемся, в ней уходим в другие миры. Не обошлось без оценки с точки зрения сексуальных способностей политических конкурентов лидера ЛДПР. Зюганов, по мнению Жириновского, просто некрофил. А еще как можно объяснить такое рвение лидера коммунистов к старушкам? Новодворская на пару с Боровым — зоофилы, Гайдар выдает свою любовь к оральному сексу постоянным причмокиванием, а Явлинский и Немцов — законченные любители онанизма.

* * *

В апреле 1999 года Мартин Шаккум писал:

Раньше мы искренне полагали, что СССР — «оплот всего прогрессивного человечества», друг слабых, униженных и угнетенных, форпост мира и социализма. В свете этой новой

концепции СССР по самой своей природе стал представляться агрессором, стремящимся распространить тоталитарные порядки на все страны мира. Многие из нас безоглядно поверили западной пропаганде, которая утверждала (и не перестает утверждать по сей день), что в 1953, 1956 и 1968 годах советские танки утюжили гусеницами мирные и спокойные города — Берлин, Будапешт и Прагу, где ничего угрожающего интересам СССР не происходило и единственная вина их жителей состояла в том, что они хотели отойти от крайностей сталинизма и строить «социализм с человеческим лицом». Главную угрозу для СССР «демократическая» интеллигенция, а вслед за ней и политическое руководство стали усматривать в «наших танках на чужой земле» (слова Александра Галича), совершенно не допуская мысли, что когда-нибудь на нашей земле могут оказаться танки НАТО!

В то же время такие акции США, как размещение на территории европейских стран «першингов» и крылатых ракет, вторжения на Гренаду и в Панаму, массированная поддержка афганской оппозиции и никарагуанских контрас, представлялись американской пропагандой исключительно как правомерный отпор «агрессору». Казалось, стоит Варшавскому пакту самораспуститься, а Советскому Союзу разоружиться — и весь мир заживет по заповедям Толстого и Махатмы Ганди.

Советское руководство, по существу, приняло тезис президента Рейгана о том, что СССР и в самом деле является «империей зла». Дух пораженчества, безволия, покаяния охватил тех, кого принято считать национальной элитой страны. Разруха, как это всегда бывает, началась в головах. Разруха в стране, а затем и во всем мире не замедлила последовать.

По призыву «вождей» перестройки мы истово покаялись и, смахнув пепел с повинных голов, приступили к разоружению в одностороннем порядке, «сдаче» стратегических союзников, ускоренному выводу войск из Восточной Европы и сближению с демократическим, свободным и гуманным Западом. Решили, так сказать, «перековать мечи на орала». Между тем Запад и не думал действовать подобным образом. Военный бюджет США рос неуклонно и сегодня достиг рекордного для страны уровня. Ускоренными темпами шло создание принципиально новых систем вооружений. Даже фантастическая идея «звездных войн» президента Рейгана отнюдь не была похоронена американцами, полным ходом завершающими приготовления к выходу из Договора по ПРО. Получилось, что мы перековали мечи на кастрюли, а они — на «томагавки», штурмовики-невидимки и космические лазеры с ядерной накачкой.

Пьяная вакханалия «перестройки», торжества

«общечеловеческих ценностей», «вхождения к клуб цивилизованных государств» вскоре обернулась горьким похмельем. Всего лишь шесть лет назад апологеты «демократических преобразований» вполне серьезно уверяли («Новое время», 1993, № 32), что «западные демократические государства не могут не быть естественными союзниками российской демократии». «Ориентация Москвы на общепринятые человеческие ценности, — писал один из восторженных поклонников „дорогого Андрея“ (Козырева), — не может не приводить к единству мнений в принципиальных вопросах с Западом. Присоединение России к санкциям против Ирака и Сербии, ускорение ядерного разоружения, стремление уладить отношения с Японией — все это необходимо, если становиться демократическим государством. Честным людям не надо предварительно и тайно сговариваться, чтобы назвать негодяя негодяем».

Либерал-демократы до сих пор не устают призывать всех и каждого к «покаянию». Кто-нибудь из них «покаялся» за эти и подобные призывы? Как бы не так! Им плюй в глаза — все божья роса. Несколько дней назад в Москве прошла «мощная» демонстрация в поддержку… действий НАТО в Югославии. Да, да, я не ошибся. Господа Валерия Новодворская и Константин Боровой проехали на автомобиле перед американским посольством с плакатом: «НАТО, мы с вами!» Поистине российский народ терпелив и добродушен. Эдак ведь можно и в кювет куда-нибудь съехать!

Зеленая как огурец

Последний раз я пересекся с Бабой_Лерой™ в 1999 году. Мы делали тогда новый проект.

Помню, в доме приемов ЛогоВАЗа мы обсуждали втроем с Борисом Березовским (в компании Олега Митволя) запуск бульварного приложения к «Новым Известиям», и Олег предложил назвать проект «Московская Комсомолка». Я осторожно заметил, что главред «МК» Павел Гусев рассвирепеет, на что Борис темпераментно выпалил: если что, мы, мол, его грохнем. Митволь испуганно взглянул на меня, да и сам Березовский тут же дезавуировал свою резкую реплику, сказав, что имеет в виду нейтрализацию совсем другого, идеологического толка, и добавив уж совсем нелепое: «Мы никого не убиваем». Хотя в кулуарах тех же «Новых Известий» любили посудачить о том, что хозяин газеты (у Митволя была кличка Бульдог) человек по-настоящему опасный и мстительный: имелось в виду, что знаменитого пиарщика Модеста Колерова, перебежавшего ему дорогу, он каким-то образом усадил в инвалидную коляску (там случилось какое-то странное ДТП). Это все штрихи к сказанному в заходе настоящей книги «От автора».

В 2012 году ко мне обратился коллега из украинского ресурса «Хвиля»; от него я и узнал, что журналистская молва приписывает Березовскому патронаж «Нового Взгляда». Вопрос прозвучал так: «Насколько мне известно, к созданию газеты имел отношение Борис Березовский. Так ли это? Если да, то как вам с ним работалось, и нужны ли сегодняшней России люди такого формата, как Березовский, хотя бы в плане создания СМИ? Ведь Березовский был неравнодушен к медиа и приложил руку не к одному медиапроекту».

Я тогда ответил:

«Березовский отношения к созданию проекта не имел, хотя именно там было опубликовано его первое интервью в исполнении Андрея Ванденко (1994 год). Газету создавали Иван Демидов и Александр Горожанкин, тогдашние члены Совета директоров компании BID, потом проект поддержал Кирсан Илюмжинов. Я руководил проектом „Московская Комсомолка“, который организовал Олег Митволь по заданию Березовского в 1999 году, тогда Борис купил „Ъ“ и у него в портфеле оказалось три (!!!) ежедневные качественные газеты — „Независимая“, „Коммерсантъ“, „Новые Известия“. Последнюю решено было перепрофилировать в бульварный боевой листок. Березовский предложил мне возглавить „Новые Известия“, а команду

Голембиовского намеревался перевести на „Российскую газету“. Но отречение Ельцина 31 декабря 1999 года изменило конъюнктуру, необходимость в альтернативе пролужковского „МК“ отпала».

Ну и да. Коллектив «НВ» собственно и делал «Московскую Комсомолку» на производственной базе «Новых Известий», к великому неудовольствию коллектива ежедневки Голембиовского: никаких $$$ Митволь не приплачивал сотрудникам, а нагрузка при этом возросла существенно — еженедельник был хулиганским не только по контенту, но и по верстке, да и всему прочему. В качестве ответсека, формирующего портфель, выступил мегаплодовитый Дима Быков, которого я назначил своим первым замом (у меня был пост главреда, я должен был входить в курс дела, готовя «Новые Известия» к превращению в этакий политизированный «Новый Взгляд» с раздражающе-эротическим уклоном). Дима много писал сам (почти все центральные развороты были либо в его исполнении, либо сочинены медиаидеологом Мариной Леско). Быков привлек своего подельника (по другому хулиганскому проекту — газете «Мать») Сашу Никонова. Мы печатали там недокнигу последнего «Подкравшийся незаметно», где были оч смешные характеристики фаворитов тогдашнего политмарафона.

Замечу, что тому же Митволю, как выяснилось — близкому приятелю Андрея Васильева, я готов был простить цинизм и скаредность за безусловное + отменное чувство юмора. Он врубался в оч тонкие нюансы и совершенно адекватно реагировал на никоновские опусы (в отличие от Березовского, не говоря уже о Татьяне Дьяченко, которая не раз именно через Бориса Абрамыча транслировала свое неудовольствие обилием в «Московской Комсомолке» ненормативной лексики и слишком грубыми выпадами в адрес разномастных персонажей).

Митволь, кстати, в ту пору был килограммов на 30 грузнее, на груди неизменно красовался ювелирный магендовид, и улыбка у него была трогательная. Про кличку Бульдог Олег ведал, и, по-моему, нравилось это ему. Он в ту пору исполнял какие-то акции (возможно, что и рейдерские) в отношении каких-то химзаводов. Борис ценил Львовича. Относился к нему как к сыну (хотя его старшему наследнику, Артему, в 1999 году было уже десять, его родила Галина Бешарова, а за два года до описываемых подвижек Елена Горбунова порадовала любимого, родив второго сына — Глеба).

Впрочем, я думаю, что все близкие люди отвернулись от Бориса потому, что он сам никогда не был последователен и лоялен. На совпадения списать не готов. Он легко увлекался

новыми знакомыми и порой делал им оглушительные карьеры. Кстати, ко мне клевреты БАБа — после моего внезапного появления на первой же сходке в кабинете Бадри — осторожно присматривались, и всех отпустило недели через две-три, когда стало ясно, что я есть не очередной любимчик, а рекрутированный профи. Березовский, в отличие от Митволя, не восхищался «МосКомсомолкой», хотя в день выхода пилотного номера и преподнес премьерный экземпляр Путину. Не нравилось ему, подозреваю, именно то, что было любо Митволю: изящный стеб Саши Никонова, ворованные из «Новых Известий» карикатуры с новыми подписями, американские пин-апы на облогах и обильные опусы Димы Быкова. Возможно, на Бориса в этом контексте влиял Кудрявцев: Дима в свое время не самым лестным образом отозвался о его творчестве («Я не помню, чтобы где-то характеризовал Кудрявцева как поэта, потому что в подобных случаях надо не характеризовать, а сострадать. Пожимать плечами, скрывать неловкость, отходить в сторону»).

А вот Митволь просто зачитывался Быковым и даже попросил меня с поэтом-публицистом познакомить; я привел коллегу к владельцу газеты, но контрактом это не обернулось — Дмитрий не готов был бросить «Собеседник» ни за какие $$$.

Команда «Комсомолки» так и не взялась за ребрендинг «Новых Известий»: Голембиовский затянул переход в «Российскую газету», а в 2000 году Борису стало уже не до игр в медиамагната.

Мне кажется оч важным проговорить, что работа над «Московской Комсомолкой» была для нас всех в финансовом отношении совершенно заурядной. Все, кто делал эту газету, работали в основном куража ради. Команда ждала обещанных Березовским подвижек. Напомню: коллектив «Новых Известий» должен был захватить «Российскую газету», а из «НИ» я в течение 2000 года должен был сделать лихой боевой листок антилужковской направленности. Поэтому мы пока тренировались на кошечках «Московской комсомолки». Никто установок не давал. Думаю, Березовского разочаровал тот факт, что редакция не пыталась вычислить «линию партии и правительства», и, когда наш настрой перестал совпадать с устремлениями Бориса, интерес он к изданию потерял.

Это был достаточно интересный опыт. Работа единомышленников. Мы публиковали авторов, как и ранее в «Новом Взгляде», без какой-либо редактуры. Без купюр и послесловий. Если автор переставал устраивать, с ним просто расставались. Как это произошло в свое время с колумнистом «НВ» Валерией Новодворской.

Весной 2001 года Митволь по рекомендации Андрея

Васильева предложил мне возобновить выпуск еженедельника, и мы тем же коллективом пытались второй раз войти в ту же воду, но к лету стало ясно, что коммерчески успешным (как осенью 1999 года) издание не станет, хотя несколько скандалов публикации Быкова спровоцировали. Впрочем, к Бабе_Лере™ это отношения уже не имеет.

А собственно, суть разборок с Лерой в контексте «МосКомсомолки» вполне ясно изложила сама ВИН, которую я здесь оставлю вместе с нашим редакционным PS.

* * *

Валерия Новодворская:

«Московская Комсомолка» — газета свежая, как зеленый огурец. Тем не менее на Лубянке, видимо, существует разнарядка: к каждому новому СМИ приписывается парочка агентов. Кто они — не знаю. Все говорят, хотя и зря, что демократы не ловят даже мышей. А вы хотите, чтобы я целого гебульника поймала.

И вот в номере от 16–22 ноября на обложке появляется интригующая фраза: «„Кровь коммунистов зальет Россию“. Валерия Новодворская угрожает. См. с. 13».

Замирающий от любопытства читатель переворачивает страницу: наконец-то он познает искомую платформу Союза правых сил! Или хотя бы правозащитников, Демсоюза, не говоря уж про Партию экономической свободы!

Но на страницу 13 помещаются безобидный религиозный философ Иван Ильин, нечто написавший 50 лет назад, и моя старинная статья из архива «Нового Взгляда» пятилетней давности: «Пейзаж вместо битвы». Статья написана как раз после октябрьского путча 1993 года. И ни на тринадцатой странице, ни на двадцатой, сколько ни ищи, никакой «мокроты» и «мокрухи» не сыщешь. Фразы «Кровь коммунистов зальет Россию» нет не только в этой моей статье, но и ни в какой другой. Прежде всего в силу ее вполне бульварной пошлости, которая и сделала ее уместной на обложке свежего издания.

Еще бы! Ведь за эту статью (и еще одну, тоже из «Нового Взгляда») меня судили три года — с 1994-го по 1997-й, — но даже советская генпрокуратура с прокурором легкого поведения во главе оправдали автора за отсутствием состава преступления.

В статье автор всего-навсего скромненько предлагает коммунистам люстрацию, запрет, дефолт, демобилизацию, а путчистам — по десять лет за массовые беспорядки.

Демократам же предлагается всем, как один, умереть «в борьбе за это». То есть против «этого».

В случае неуспеха демократов и либералов с тех времен до этих Россия будет залита кровью, но только кровью демократов, либералов, журналистов и бизнесменов (смотри «Архипелаг ГУЛАГ»).

Не забудьте, что у Лужкова с Путиным и Примаковым не столько лужок, сколько ОВРАГ. Для закапывания инакомыслящих очень подходит.

Кого хотели напугать «комсомольские» сексоты, я не поняла. Главный редактор не в курсе, заместители ни при чем. Может, коммунистов хотели пугнуть, может, демократов, а может, целый электорат.

Про меня, правда, написали, что я разумом слаба, но еще Чацкий упоминал, что в этой стране один день проживешь — и рассудок не уцелеет.

Главное, читатель, не верь печатному слову.

И непечатному тоже не верь.

PS «МКомсомолки»:

М-м-м, как явствует из вышенапечатанного текста, тов. Новодворская рада выступить по любому внятному поводу, это во-первых, а во-вторых, совершенно очевидно, что «чукча не читатель, чукча писатель» — В. Н. проигнорировала врез к заинтересовавшей ее полосе, где вполне отчетливо пропечатано, что ее «Пейзаж» — пятилетней давности, и воспроизведен на одной странице с Ильиным, чтобы «почувствовать разницу»: есть рукописи актуальные, а есть конъюнктурные. Просим к столу. Вскипело!

Раздел V. Госпожа конфронтация

О том, как реагировала блогосфера на уход Новодворской в лучший из миров, ну и, наконец, пресловутая «авторская позиция».

Не некролог

В день ее смерти у меня в Facebook’е лента была наполнена эмоциями, которые я не стал бы называть причитаниями или соболезнованиями. Но процитировать считаю нужным. Не прокомментировать не смог.

Михаил Дегтярь, телерепортер:

Над Валерией Ильиничной Новодворской посмеивались. Мол, толстая, старая дева, несет чушь… Те, кто над ней вот так смеялся, мизинца ее не стоят. Ублюдки, они даже не понимали, что значит пройти ужасы советских психиатрических больниц, ужасы советских тюрем, ужасы сухих голодовок… И при этом не измениться. Пока она жила, были критерии. Теперь их нет. Я, например, не знаю другого такого человека в России.

Аркадий Кайданов, писатель и поэт:

Ее голос мог не нравиться, мог раздражать и вызывать несогласие, но она никогда не пела с чужого…

Удивительная вещь.

Жил человек, никогда ничем не рулил, ни на каких денежных потоках не сидел, ни на чью жизнь вроде бы не влиял.

В последнее время вообще пробавлялся каким-то жалким хоумвидео с Боровым.

И властителем дум ширнармасс этот человек вовсе не был, если уж честно, никогда.

Для дум ширнармасс человек был эдаким развлечением, пикантной добавкой к окружающей действительности, в которой все прагматично, просчитано и нудно.

А тут нате вам: «Вы все дураки и не лечитесь! Одна я, умная, в белом пальто стою, красивая»!

А мы и на самом деле дураки, ибо тут же прикидывали, что и по́льта у нас поэлегантнее, и до красоты нашей неземной этому смешному человеку как до Луны.

Только вдруг этот нелепый странный человек ушел из жизни.

Ушел тоже нелепо и странно.

И второй день все только о нем.

И я уже который пост — о нем.

Сам от себя не ожидал.

Значит, не все так просто было с этим человеком.

И нам, дуракам, точно пора лечиться.

Евгений Криштафович, эстонский общественный деятель:

Все наши встречи с Новодворской всегда были очень яркими, и я помню их, конечно, в деталях. Наверное, и потому, что они были довольно редкими. Например, я хорошо помню, как после аудиенции у Ильвеса мы поехали с ней и Константином Боровым ужинать в ресторан «Paat» в Виймси. А до этого случился забавный инцидент.

Новодворской после ее выступления в таллинской Кесклиннаской гимназии дети подарили коробку шоколадных конфет «Калев». Надо сказать, она была страшная сладкоежка, что ей при ее состоянии здоровья было не особенно можно. Поэтому Боровой, который ревностно следил за ее диетой, пытался эту коробку как-то изъять. И придумал способ: спровоцировал Валерию Ильиничну на спор, как аудитория в Таллине отреагирует на предложение Новодворской почтить минутой молчания память всех борцов за свободу Эстонии, включая тех, кто сражался за это в мундирах оккупационных армий (в том числе Waffen SS). До этого она проделала уже такую штуку во время своей лекции в Тарту, и там все повскакивали со своих мест, конечно, как ошпаренные и стояли по стойке «смирно», смахивая украдкой слезы гордости и умиления.

В Таллине мы ждали, что мнения разойдутся, и моей задачей было зафиксировать, будут ли те, кто демонстративно проигнорирует предложение о минуте молчания. Конфеты были отданы мне на хранение, и их судьба должна была решиться в зависимости от того, будут ли в зале «невставшие». Невставшие были (какие-то русские журналисты), и меня потом даже отдельно пропесочили в тибла-прессе:

«Потом, когда Валерия Ильинична предложила всем почтить эстонских легионеров минутой молчания, все они дружно встали, а г-н Криштафович начал озираться по сторонам, выискивая, видимо, несогласных. Эта сюрреалистическая картина напомнила мне блаженные времена совка, которые я, к счастью, не очень застала, но о которых хорошо знаю как человек, преподававший в университете в том числе историю российской цензуры и историю литературы XX века. „Мы поименно вспомним тех, кто не встал“, — читалось во взгляде» («День за днем», 30 апреля 2010).

Очень мне нужно вас, коммуняк, помнить, блин! Мне конфеты справедливо делить надо было!

В конечном счете сторонами — Новодворской и Боровым — было решено, что конфеты съест Криштафович, а Валерия Ильинична сможет за ужином заказать себе порцию мороженого, без того чтобы Боровой высказал ей за это нарекание. Причем конфеты делили в приемной у Ильвеса, и адъютант президента

никак не мог понять, чего эти русские так громко спорят из-за какого-то шоколада.

Получив вечером в «Paat» порцию мороженого с фруктами, Новодворская была так искренне счастлива, что скрыть это было невозможно ни от кого в ресторане. Закончив с десертом, она изъявила желание спуститься на террасу к морю, присела на камень… и запела!

Пела она «Веселый ветер» Дунаевского, песню Роберта. Идеалистическая, доложу я вам, была картина: вечер, закат, побережье Виймси, штиль на море, сидит наша Лерочка возле воды, светится от счастья, как новый червонец, и задорно поет:

Спой нам, ветер, про дикие горы,
Про глубокие тайны морей,
Про птичьи разговоры, про синие просторы,
Про смелых и больших людей!

Я очень пожалел, что не успел сделать видео — за него бы, наверное, много денег удалось срубить и сделать человечество капельку счастливее. А так эта прекрасная картина осталась только в моей памяти. Когда Новодворская была в Таллине, мой приятель, работавший тогда русским редактором латвийского сайта politika.lv, попросил сделать с ней интервью. Я выполнил его просьбу, мы с Валерией Ильиничной целый час проговорили на диктофон на темы, связанные с Латвией, и расшифровка беседы заняла полтора десятка печатных страниц. Я позвонил в Ригу и сказал, что моя рука не поднимается вырезать ни одного слова из интервью великой Новодворской, поэтому пусть редактор сам решает, что он будет переводить, а что нет. В конечном счете там тоже решили, что интервью следует опубликовать полностью, без купюр. Ниже вы можете прочитать его и по-русски, и по-латышски, но вот ключевая цитата: «Демократический Союз — это карета скорой помощи с элементами реанимации. В Латвию нас не вызывали, но если позовут — приеду».

И через полтора года, когда в феврале 2012 года в Латвии грянул референдум по языку, Новодворская и Боровой по приглашению объединения «Демократические патриоты» поехали в Ригу — убеждать русских не вестись на чекистские провокации. Я, разумеется, поехал за ними.

Помню, как мы пошли в Саейму, где Инара Мурниеце устроила спецзаседание комиссии по правам человека, посвященное визиту высоких российских гостей. Валерия Ильинична высказалась там, что в Латвии ситуация с правами

русских отличная, даже слишком, кое-где надо бы подсократить их возможности. В частности, в проведении на деньги иностранных разведок разного рода референдумов, подрывающих межнациональный мир.

Реакция на это последовала истерическая, в чекистском духе: мэр Риги Ушаков, великой культуры человек, назвал российских правозащитников Бивисом и Батхедом и всячески препятствовал их пресс-конференции в Рижской думе, а карманная собачка Ушакова, нынешний депутат Европарламента Андрей Мамыкин, в передачу которого пришли Новодворская с Боровым, в прямом эфире спрашивал у Валерии Ильиничны: «Правда ли, что ваш внешний вид — это результат воздействия карательной медицины?»

Тем не менее Новодворская, безусловно, гнула свою линию очень твердо. На своей открытой встрече с рижанами на факультете журналистики Латвийского университета она прямо сказала: «Этот референдум — это хамство. Кому не нравится государственный язык в Латвии, добро пожаловать к нам в Россию!» Помню, сидевший со мной рядом депутат от «Visu Latvijai!» Давис Сталтс сказал мне, что даже он вряд ли бы позволил себе так прямо высказаться на эту тему. Кстати, после встречи мы обсуждали эту тему и с будущим министром юстиции Янисом Бордансом, когда он подвез меня на ужин, и тоже сошлись во мнении, что все эти вещи в лицо русским должна была сказать именно Новодворская. Ей абсолютно нечего было противопоставить, ее можно было только оскорблять от полного бессилия.

Но Боровой решил, что всего проведенного в Риге недостаточно и в день референдума надо еще устроить митинг протеста перед посольством РФ. Я был очень против и предпринял не одну попытку отговорить Валерию Ильиничну, потому что считал неправильным таскать ее еще по уличным акциям ради спасения престижа латвийских русских. Не заслужили они этого, с моей точки зрения!

Помню, пришел к ней вечером в ее номер еще раз обсудить это. Захожу, и она мне с порога: «Иди садись на мое девичье ложе, поговорим!» Я и завел свою пластинку, мол, она все, что могла, сделала и устраивать шоу ради электората этих ушаковых-мамыкиных смысла не имеет. Мы жили все вместе в гостинице Neiburgs в Риге — здании, где снимался знаменитый эпизод «Семнадцати мгновений весны» на Цветочной улице в Берне. Шутили с Новодворской, что имидж русских в Латвии так подпорчен этим паскудным референдумом, что прямо хоть прыгай в окошко вслед за профессором Плейшнером.

Тем не менее они с Боровым поехали утром 18 февраля на бульвар Калпакса, встали там с плакатами перед логовом Вешнякова (вернее, Боровой встал, а Новодворская сидела на стульчике, потому что стоять она не могла) и произнесли свою короткую речь: «Этот митинг протеста мы проводим для того, чтобы показать русским в Латвии, чем должны заниматься русские в Латвии и в России — не на деньги Путина и ФСБ заниматься провокациями, а бороться за свободу своей страны, России» (Боровой).

«Я сижу там, где должна сидеть русская община Латвии, потому что этот референдум задуман врагами не только латышей, но и врагами русских в Латвии, которые хотят, чтобы они навсегда остались бомжами, апатридами, без родины, ненавидимыми и презираемыми всеми. Здесь должны сидеть русские и требовать, чтобы Путин провалился вместе со своим подлым, хамским референдумом» (Новодворская).

Несколько месяцев назад я снова был в Риге и беседовал там с русскими молодыми людьми, которые ничего не знали о том, что я знаком с Новодворской и был вместе с ней в Латвии. Речь зашла о языковом референдуме, и вдруг один из них мне говорит: «Я решил тогда пойти на него и проголосовать против второго государственного языка, когда увидел ту женщину из Москвы, Валерию Новодворскую, сидевшую в сугробе на стульчике перед посольством РФ, где вообще-то следовало быть мне, русскому из Латвии. Мне стало стыдно, что меня там не было, поэтому я взял паспорт и пошел на участок».

Так что теперь мне достоверно известно, что «скорая помощь с элементами реанимации» в лице Новодворской и Борового все-таки одну русскую душу, да спасла тогда в Риге! Значит, не зря это все было.

Еще одну историю расскажу вам. Перед встречей Валерии Ильиничны с президентом Ильвесом вдруг неожиданно выяснилось, что она не говорит свободно по-английски. А наш, как известно, по-русски еще тоже не очень. Да и переводчиков уже заказывать было поздно. Решили, что переводить буду я, ибо деваться с подводной лодки все равно было некуда.

Лера взялась убедить Тоомаса нашего Хендрика не ехать в Москву по приглашению Медведева на празднование Дня Победы. Встреча в Кадриорге состоялась 29 апреля 2010 года, за 10 дней до предполагаемого визита. И вот Лера его обрабатывает: «Вы должны понимать, господин президент, что в Москве у власти чекистская хунта». Я перевожу: «…tšekistide hunta» — и, ловя на себе слегка недоуменный взгляд президента, поясняю: «Ну, мафия, понимаешь?» Ильвес: «Да я вообще-то знаю, что такое

хунта, но я в первый раз слышу такое выражение про чекистов».

Он пытался ей объяснить, что много раз сталкивался в своей жизни с КГБ и знает, как с ними работать. Среди его коллег на радио «Свободная Европа» было полно агентов чекистов, и ни тогда, ни сейчас никаких иллюзий на их счет он не испытывал. Но визит в Москву он воспринимает в отрыве от власти Путина и КГБ.

Тем не менее Лера продолжает: «И даже если Вас будут принимать в самом роскошном зале Кремля и подадут самое шикарное кресло для встречи с Медведевым, они все равно будут принимать Вас, господин Ильвес, за коврик для ног». Тут уже у меня начинается ступор, потому что я не могу вот так в лицо сказать своему президенту: «Коврик для ног». И я начинаю импровизировать: «Даже если… Вас не будут воспринимать там всерьез…»

Ни президент, ни глава его канцелярии, ни двое советников по-русски, к моему удовольствию, ни бум-бум, поэтому мой творческий подход к обязанностям переводчика раскусить не могут. Слышу только сзади сдавленные смешки: пресс-секретарь президента, представитель старой советской школы, получает явное удовольствие от ситуации.

В общем, пресс-релиза по итогам встречи официальный Кадриорг тогда так и не выпустил.

А через два дня был государственный визит в Эстонию президента Финляндии Тарьи Халонен. И на приеме, организованном в ее честь, несколько дам, отвечающих за финско-эстонское культурное сотрудничество, решили отдельно поблагодарить Ильвеса за то, что он принял Новодворскую, и рассказать ему, как тепло она о нем отзывалась и как это их, в свою очередь, порадовало. Президент очень удивился и сказал: «Я очень рад и даже немного шокирован, потому что, когда она была у меня, она меня все время ругала».

Анна Рождественская, сценарист:

Уходят мощные, красивые, невероятного масштаба люди. Скоро политика останется с личностями масштаба табурета с вкраплениями личностей масштаба гиены…

По поводу вакханалии из-за смерти Новодворской. Ну и всяких других вакханалий.

Когда малолетней АА было года четыре, мы повезли ее в Питер. И приволокли на Дворцовую площадь. И потыкали пальцем в Эрмитаж. И сказали: «Вот, Анечка, смотри, это — Зимний дворец». А Анька была ужасно маленькой, совсем крохотной, меньше трехлетки. Она в ответ потыкала нам пальцем

в тоже маленькие билетные кассы и переспросила: «Вот это?» Зимний для нее был таким огромным, что она его ни глазами, ни разумом осознать не могла.

Вот поэтому я не вступаю обычно в интернет-споры. Потому что есть такие навечно глазами и разумом маленькие люди, с которыми беседовать бесполезно. Потому что ты с ними про Эрмитаж, а они с тобой — про билетную кассу. И они не в силах вообще понять, почему идиот оппонент заходится в восторге по поводу гребаной кассы. А Зимнего они не видят. И никогда не увидят, потому что вот так они устроены.

Лев Сигал:

Мы с Лерой были лично знакомы с 1987 года. Никогда и ни в чем наши взгляды не совпадали. Но это совершенно не мешало нам поддерживать разлюбезные отношения: Лера не давала ни малейшего повода упрекнуть себя в том, что она смешивает политику и личные отношения. Хотя для нее всегда, сколько я ее знал, было в порядке вещей в ответ на дежурные приветствия заявить: «Ну, как может себя чувствовать человек, когда страна скатывается к фашизму?!» Так она и скатывалась все прошедших 27 лет нашего знакомства, шаг за шагом.

Но обо всем этом есть сегодня кому сказать и получше меня. Я хочу взглянуть на Лерину смерть с другого конца. В Интернете пишут, что причиной смерти послужило заражение крови вследствие травмы ноги, полученной полгода назад. Лера не стала тогда обращаться к врачу, а занялась самолечением. И вот результат. Всем нам урок: не лениться лишний раз пойти к доктору из-за любой, вроде бы даже пустячной царапины.

Александр Кондрашов, писатель, ТВ-критик «Литературной газеты»:

Умерла Новодворская. Очень жаль. Она говорила то, что думали многие либералы, но не смели сказать. Она самоотверженно ненавидела Россию и трепетно любила ее врагов. Закрылось забрало, откуда я теперь узнаю, что на самом деле думает Сванидзе и др.? Печально.

Елена Лето:

Все время жить с резко крайними взглядами (левыми, правыми или зад ними) — не признак логического ума, который складывается от суммы очень разных знаний, а лишь следование своей Вере. Жизнь слишком сложна, чтобы оценивать ее одной краской. Когда много лет человек является раздражителем (даже потница приносит неудобство), не заметить его невозможно. Все

дело в реакции (отношении) на это раздражение… Меня всегда настораживает, когда человек живет, не сомневаясь: «Одна я, умная, в белом пальто стою, красивая…» Нет, не моя героиня. Но Царствие Небесное…

Александр Тимофеевский, питерско-московский эстет и декадент, яркий кинокритик и публицист, гуру российского глянцевого журнализма:

Царствие ей Небесное.

Над В. И. всегда смеялись. Последние двадцать лет каждое ее слово встречалось дружным гы-гы. И смеющиеся все теснее сплачивались в стадо и все громче говорили о своем национальном ренессансе, о будущем, в котором В. И. нет места. Про будущее не уверен. Маятник качается в обе стороны. И со стадом бывают разные неприятности. Иногда оно бросается с крутизны в море и гибнет в воде. А одинокий путь получает воздаяние. У А. К. Толстого есть прекрасные стихи, которые в день смерть Валерии Ильиничны Новодворской уместно вспомнить.

Против течения

1
Други, вы слышите ль крик оглушительный:
«Сдайтесь, певцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши в наш век положительный?
Много ли вас остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску нового времени,
Мир отрезвился, прошли увлечения —
Где ж устоять вам, отжившему племени,
Против течения?»

2
Други, не верьте! Все та же единая
Сила нас манит к себе неизвестная,
Та же пленяет нас песнь соловьиная,
Те же нас радуют звезды небесные!
Правда все та же! Средь мрака ненастного
Верьте чудесной звезде вдохновения,
Дружно гребите, во имя прекрасного,
Против течения!

3

Вспомните: в дни Византии расслабленной,
В приступах ярых на Божьи обители,
Дерзко ругаясь святыне награбленной,
Так же кричали икон истребители:
«Кто воспротивится нашему множеству?
Мир обновили мы силой мышления —
Где ж побежденному спорить художеству
Против течения?»

4
В оные ж дни, после казни Спасителя,
В дни, как апостолы шли вдохновенные,
Шли проповедовать слово Учителя,
Книжники так говорили надменные:
«Распят мятежник! Нет проку в осмеянном,
Всем ненавистном, безумном учении!
Им ли убогим идти галилеянам
Против течения!»

5
Други, гребите! Напрасно хулители
Мнят оскорбить нас своею гордынею —
На берег вскоре мы, волн победители,
Выйдем торжественно с нашей святынею!
Верх над конечным возьмет бесконечное,
Верою в наше святое значение,
Мы же возбудим течение встречное
Против течения!

Евгений Фридлянд, продюсер:

Все пишут о Новодворской… Мы могли подсмеиваться над ней, но было бы лицемерием не признать ее заслуг перед страной, перед демократическим выбором! Она прекрасно знала историю и бескомпромисно клеймила позором мерзавцев! Я был с ней лично не знаком, но переписывался на каком-то сайте партии! Она молодец! Честная, открытая, боец — такой и останется в нашей памяти!

Юрий Феклистов, «7 дней»:

Еще одна утрата близкого мне человека. Я в 1989 году был задержан ОМОНом на Маяковке перед началом митинга Демсоюза. Валерия Ильинична при встрече извинилась передо мной. Я был поражен. «Называйте меня на „ты“ и Лерой», —

просила она. С ее подачи я был первым журналистом, сделавшим репортаж из Лефортовской тюрьмы, где она последний раз сидела перед путчем 1991 года… Потом подарила мне автобиографическую книгу. Из нее я узнал, что первый раз ее привезли в Лефортово 7 ноября 1969 года (ей было 19 лет), после того как она с балкона Кремлевского Дворца съездов разбросала листовки «Долой КПСС!» на торжественном собрании к 50-летию ВОСР. Потом были психушки, где ей кололи серу в спинной мозг, втыкали иголки под ногти и пр. Но они не смогли ее сломать. Настоящая революционерка, убежденная, умная, ранимая женщина… Простите нас, Валерия Ильинична… И спасибо за то, что Вы были с нами. Мы будем Вас помнить, пока мы живы…

Лев Рубинштейн, поэт:

Она была человеком-эпохой.

К ней относились, мягко говоря, по-разному. Мне приходилось общаться с людьми, относящимися к ней как к пророку. Мне приходилось видеть и слышать тех, кто считал ее чуть ли не личным своим врагом. Кто-то считал ее юродивой. Кому-то казалась она смешной. Но вот скучной и монотонной ее не считал никто.

Многим казалось, что она состояла из одних лишь углов, за которые постоянно зацеплялись и об которые болезненно стукались те, кто проходил мимо.

Она казалась очень неудобным человеком, каковыми бывают или очень масштабные люди, или дети. А в ней и правда была совсем детская душа с ее верой в конечную справедливость, в то, что добро в результате непременно побеждает зло.

Ярость и миролюбие, не всегда уютная прямота и дружественность — всё это вместе, и всё это она.

Уход таких людей чреват появлением в общественной атмосфере огромной озоновой дыры. Трудно и долго эту дыру придется заштопывать. Но придется, деваться некуда.

А ее беспокойная, непоседливая, страстная душа пусть теперь успокоится.

Светлая память.

Марина Уварова:

Одно из первых моих интервью было с ней. Это было перед Новым годом — 92-м или 93-м. Я была просто поражена ее интеллектом, юмором, знанием истории, литературы. Под конец я спросила, с кем она будет встречать НГ. «Со Стасиком, моим замечательным котом». Я чуть не разрыдалась. Она была нежнейшим человеком. Так трогательно к маме своей относилась.

Плачу. Кристальный человек.

Михаил Панюков, «Экспресс-газета»:

Время ее, как общественно значимой фигуры, закончилось очень давно. А ушла она слишком рано, 65 лет — не возраст для женщины даже в России. Трагикомический персонаж, политический фрик. А знаете, она ведь расширила мой словарный запас! Я впервые услышал от нее слово «сервильный», спросил, что оно означает, и получил вежливое разъяснение. Странная, нелепая была тетка. Но без нее будет чего-то не хватать…

За все свои слова, за пропаганду идей, столь же диких, сколь и нелепых, она расплатилась всей своей жизнью. Прошла тюрьму, психушку. Существовала без любви, без чувственных удовольствий, постоянно ощущая свою неполноценность как женщина, терпя поражение за поражением как политик. Не знаю, не понимаю, как можно ее ненавидеть. Мне неловко за людей, которые в ее адрес пишут «подохла».

Михаил Тюренков, начальник отдела референтуры Министерства культуры Российской Федерации:

Совсем не разделяю злорадства относительно того, что Новодворская скончалась. Да, само это имя давно стало нарицательным, символом радикально-западнического либерализма и даже русофобии (хотя определенная «сермяжность» была присуща и ей). Да, тетка (с которой мне в 2001 году на одном закрытом политическом форуме довелось пообщаться лично) была очевидно безумной, но одновременно с этим — афористичной, искренней и последовательной. Наверное, если бы ее не было, нам, антилибералам, было бы куда скучнее. А потому совершенно не желаю ей зла, тем более посмертного.

Евгений Левкович, Rolling Stone:

Мне выпало великое счастье. Я проработал с Валерией Ильиничной один год. Я видел ее ровно раз в неделю. Она приносила конфеты и угощала ими, в частности, меня. Иногда пекла пирожки. Вдвойне мне повезло в том, что она хорошо ко мне относилась, не знаю почему. Она ведь такую анархо-фашистскую шушеру, как я, не любила с детства. Я тоже никогда и ни в чем с ней не соглашался. Иногда она просто, чего уж там, раздражала. Однако мы ладили. Однажды она предложила мне вступить в ее Демократический Союз, но я, разумеется, отказался. Потом она предложила мне выйти за нее замуж, я не нашелся, что ответить, и мы посмеялись. Дурак. Надо было выходить,

немедленно. Такой женщины больше не найти.

Над Валерией Ильиничной смелись почти все, даже многие ее друзья. «Демшиза» — это ведь с нее началось, это ведь она эталон этого понятия. Я не смеялся над ней никогда. Я прочитал одну ее книгу, ознакомился с ее биографией, и мне стало жутко стыдно. Я понял, что смеяться над ней, или не любить ее, или люто ненавидеть ее есть высшее негодяйство. В 1969 году (в 69-м, том самом, полностью советском году) она, девятнадцатилетняя (!) девчонка, в Кремлевском Дворце съездов (!) распространила листовки против ввода войск в Чехословакию. После этого она год просидела в тюрьме и еще два года — в страшной психиатрической клинике в Казани, где полностью подорвали ее физическое и психическое здоровье. При этом она никого не предала. Никого не сдала, хотя ее, двадцатилетнюю, несколько раз пытали. Никого и никогда она не предавала. Кто из вас, называвших ее «либерастом», левых и правых радикалов, таких боевых и смелых накачанных парней, способен на такое мужество? Считаные единицы. В основном вы сдаете всех направо и налево. Вы и одного упавшего волоса с головы Валерии Ильиничны не стоите.

В общем, я мог бы еще много написать, но зачем? Что тут говорить. Эта огромная потеря и огромное горе. Я плачу. До свидания, дорогая Валерия Ильинична. Я никогда не разделял ваших взглядов, совсем не разделял. Но я хочу прожить свою жизнь так, чтобы быть хоть сколько-нибудь достойным вас. Чтобы когда мы встретились снова, мне было бы не стыдно поздороваться с вами. Ну и вы тоже не подведите. У вас же будут с собой конфеты и пироги, правда?

Я люблю вас. Очень.

До свидания.

Юрий Шумило, кинематографист:

Ушла мятежная Баба Лера. Дикая оппозиционная фурия и тончайший литератор, обладательница литературоведческого дара. Последние годы вокруг крутился «мужчина ее жизни» Боровой — интеллектуальный альфонс. А у Бабы Леры не было персонального общечеловеческого счастья, и она сама себе выдумала симулякр этого счастья — борьбу, бессмысленную и беспощадную. И боролась, вооружившись общечеловеческим мороком. Понимала ли она про свой политический идиотизм? Иногда кажется, что понимала, иногда — что происходило все вне ее личностного осмысления. Мне не жаль Новодворскую: жалеть ушедших вообще глупо — им все равно, а мы тут себе выдумываем. Но мне будет не хватать ее колонок о литературе и

литераторах, да и уровень оппозиционного безумия без нее потускнеет. Покойся с миром, заблудшая душа.

Андрей Архангельский, журналист:

Видел ее в последний раз на Марше мира в марте. В России человек, который в общем-то занимается совершенно по нынешним временам обычным делом — правозащитой, — считается сумасшедшим, и судьба философа Чаадаева в этом смысле была символической. В отношении Новодворской это все было концентрированно — так к ней и относились и враги, и, что характерно, «свои». Эти «свои» — люди в целом даже приличные, но желающие «не выходить за рамки», они радостно гоготали при упоминании: «А… ну она же того…», и это довольно подлая вещь. Слишком страшно признаться себе, что она как раз норма человеческого самостояния, а не ты. Ты — приспособленец, идущий на компромиссы, ты «договорился» со своим начальником, хотя, конечно, ты «против Путина», но тебе нужно выплачивать кредит. Поэтому ты, конечно, лучше, чем нашисты, но ты, конечно, в подметки не годишься таким, как она. Человек, который всю жизнь боролся и который ни разу не боялся; человек, который заплатил за это личной неустроенностью, одиночеством и пр. Смех над такими людьми — это просто естественная психологическая защита от чего-то более сильного, такого сильного, что ты даже не рискуешь себя сравнить с этим. Поставить рядом. Какой редкий тип. Как редко такие люди появляются и живут здесь, служат своим убеждениям всю жизнь, а не только «по молодости». Тут еще один момент: она ведь не повзрослела — в каком-то современном русском смысле. Не успокоилась до самой смерти. И это нам тоже смешно, хотя на самом деле круче этого ничего нет — оставаться бескомпромиссным, как в юности, всю жизнь. Это по нашим представлениям «смешно» — настолько в общественном сознании высмеивается любая моральная стойкость, любая верность принципам и себе. Сохранить себя — это лозунг диссидентов 60–70-х: «Мы боролись за себя».

На самом деле она — счастливейший человек. До конца жизни наводила ужас на всю беспринципную сволочь, на идеологических противников и соратников, на любую власть, на всех этих соглашателей, на всех этих неборцов. До последнего дня. Какое счастье, какая цельность. Какая победа.

Владимир Соловьев, ТВ-ведущий:

Умерла Валерия Ильинична Новодворская. Можно было и не принимать ее взгляды, но этот человек, прошедший тюрьмы,

вызывал уважение верностью своим идеалам.

Екатерина Кладо, киновед:

Интересно, какие компенсации действуют у людей, которые восхищаются «мужеством, несгибаемостью и бескорыстием» без привязки к тому, к чему эти проявления были неизбежно привязаны, к борьбе за какое «за это»? И какой дефицит этих качеств внутри или снаружи приводит их к восхищению?

И чем их не устраивает Дзержинский? Там бескорыстных и мужественных вообще было поначалу более чем достаточно. С вполне людоедскими взглядами на реальность.

…Чем оплачены слова, неважно совершенно. На зонах и в психушках всегда было немало и несущих дрянь и ахинею, при этом оплачивающих это нешуточными страданиями. Дрянь и ахинея от этого ничем иным не становятся. А страдания, конечно, вызывают сочувствие. Сами по себе. А теперь, оказывается, надо еще и абстрагироваться от высказываний в зависимости от уровня травмированности. Причем непонятно, то ли абстрагироваться, то ли, наоборот, относиться серьезно, так как сломали руку — оплатил. Ерунда какая-то получается. Мне ближе априори серьезно относиться к высказываниям и взглядам взрослого человека.

Олег Дружбинский:

К слову, о Новодворской.

Шендерович в телеэфире как-то раз не очень красиво пошутил насчет ее неженственности. Типа, в России произошел коммунистический переворот, и Валерия Новодворская сбежала из страны, переодевшись в женское платье.

Так Валерия Ильинична дозвонилась к нему в эфир и заявила, что устав партии Демократический Союз, которую она возглавляет, строжайшим образом запрещает эмиграцию! И что она никогда не сбежит!

Таких, как она, уже не делают, и скоро совсем никого не будет. Земля ей пухом.

Michail Gosman, резидент Вены:

Какие у нее на фиг идеалы!?!?!! Одна ненависть ко всему российскому и поглубже пресмыкнуться перед американцами… Даже тут, живя на Западе, поражался всегда ее наглости и лживому «правдолюбию». Ненависть…. ей бы в руки пистолет — патронов бы не хватило на всех.

Иван Аброскин:

Извините, человека, которого тошнило от слова «русский», даже обсуждать не хочу. В эфире НТВ в октябре 1993-го она аж прыгала от ярости с требованием «перестрелять это быдло», имея в виду мирных людей с плакатами, которых и расстреляли у Останкино.

Айдер Муждабаев, заместитель главреда «МК»:

Смерть Валерии Ильиничны Новодворской, русского гражданина и мыслителя, — это большая потеря для России, хотя дураки могут этого не понимать, да и черт с ними. А для меня это личное горе.

В юности я много слышал о ней, а лет в восемнадцать случайно купил ее автобиографическую книжку «По ту сторону отчаяния» — и влюбился в ту девочку, разбросавшую в самый разгар советской власти листовки с антисоветскими стихами.

Лера не бежала, сдалась милиции и спокойно пошла за это в тюрьму. Валерия Ильинична никогда ни от кого не бежала, всегда говорила правду и спокойно шла в тюрьму.

Лет в двадцать, будучи еще зеленым репортером в Тамбове, я набрался наглости, нашел телефон, позвонил и напросился на интервью для своей газетки, которое ей (Новодворской, да, в принципе, и газетке) абсолютно было не нужно. Но было очень нужно мне.

Офис (было ли тогда такое слово?) Демократического Союза располагался в доме на Пушкинской площади. Валерия Ильинична назначила мне встречу у памятника. Я пришел с букетом роз, которые отбирал так тщательно, как ни до, ни после никому и никогда. «Так это вы, мой тамбовский волк?» — сказала Валерия Ильинична. Так мы познакомились, и я был на седьмом небе, хотя виду старался не подавать. Интервью получилось, по-моему, так себе, но это не имело значения.

Второй — и последний — раз я увидел ее двадцать лет спустя на вечеринке «Эха». Она уже не ходила. Поцеловал руку. Про то интервью и про меня она, конечно, не помнила.

Я не забуду Вас, Валерия Ильинична, никогда. Я Вас очень люблю.

Дмитрий Ольшанский, публицист:

Изрядно-порядочная публика пишет некрологи Валерии Ильиничне Новодворской.

Пишет искренне, «с душой».

Должно быть, это и правильно: покойница была чужда всякой корысти и карьеры, исповедовала свою веру в то, что России и русских быть не должно, упорно и страстно, как истинная

подвижница и даже юродивая.

Но за это ли ее поминают добрым словом?

Представим, что кто-то другой пронес бы через всю свою жизнь — и с тем же честным упорством — ненависть к евреям, американцам, европейцам, гомосексуалистам и тэ пэ.

Поминали бы его те же люди и с тем чувством?

Ох, вряд ли.

А значит, Валерия Ильинична «навсегда останется в наших сердцах» не потому, что она была человек чистый, как слеза Басаева и Бандеры, а из-за того, что именно и кого именно она так ярко и последовательно ненавидела.

Ну ничего, утешимся тем, что ей было кому передать свое знамя. Целый телеканал «Дождь» учеников.

Клятву-то над могилой будете приносить, юные пионеры?

Андрей Добров, ведущий авторской программы на Ren-TV:

За последний год в России умерли тысячи простых, неизвестных людей. Они любили свою страну, рожали и растили детей. Строили дома и писали книги. Сеяли хлеб и рисовали картины. Сражались на войнах, двигали науку, спасали людей, копали картошку, водили трамваи. И было понятно, для чего они жили.

Поэтому я не буду писать про Новодворскую. Никак. Я лучше вспомню тех моих знакомых и друзей, которые умерли в расцвете лет, востребованные, любимые детьми, родными и друзьями. Тянувшие лямку без слова упрека. Без ненависти.

Без ненависти, понимаете?

Михаил Ремнев, Первый канал:

Вероятно, пока человек жив, с ним можно вести полемику, но когда он умер… сделать ничего нельзя… Остается лишь собрать волю в кулак и НЕ ИСПЫТЫВАТЬ НЕНАВИСТИ. Валерия Ильинична была весьма искренняя в своей ненависти. Предлагаю уважать хотя бы это. И вероятно, воздержаться от посмертных злословий было бы правильно. Честно говоря, я, как и многие другие, не испытывал к ней симпатий и не разделял ее взглядов.

Аршак Оганесян, журналист (работал в «Собеседнике»):

Странно, но к уходу этого человека я отношусь без всякого внимания, горечи, соболезнования. Жаль больного человека, и все. И болезнь эту ее никто не «прививал» — путь «далай мамы» она сама себе выбрала… Политик? С большой натяжкой, только в силу того, что общалась с политиками… Экономист? Очень сомневаюсь, ибо ту энергию, которую она направляла на

«комуняк», Путина… вполне можно было бы направить на благо БОЛЬШИНСТВА населения НАШЕЙ страны. И конечно же не поддерживать фашистский путч в Киеве. Человек «никто», и звать ее «никак»…

Андрей Бинев, ведущий программы «Вольный слушатель» («Радио России»):

Есть люди цельные, несгибаемые. Их даже смерть не меняет. Они живут, пока их любят или ненавидят, потому что помнят и многие боятся. Страх перед ними при их жизни ничто в сравнении с ненавистью, а значит, и со страхом после их физического ухода… Хорошо еще, если не прожил всю свою червячью жизнь в презрении. А ей повезло! Ее это минуло. Она для этого сделала все возможное и невозможное. Необязательно было разделять ее взгляды, но и не замечать их не удавалось никому, даже тем самым мелким, недалеким червячкам.

Марк Котлярский, сотрудник рекламного агентства:

Любая яркая личность вызывает раздражение, «неудобство», как жмет неудобная обувь, вызывая неприятные ощущения. А Валерия Новодворская была не просто яркой личностью, она была звездой, как пафосно бы это ни звучало, она неслась по жизни, по слову классика, как беззаконная комета в кругу расчисленном светил…

Алексей «Профессор» Лебединский, музыкант:

Ликуйте, сволочи! Ушел еще один чистый человек, смело выражавший свои мысли и искренне желавший сделать жизнь людей в нашей стране достойнее, противившийся маразму и нечисти… Ликуйте, подлые ворюги и мошенники!

Илья Переседов, религиовед:

Пара слов о Новодворской и ее окружении.

Раз уж мы некоторое время назад высказывали справедливые упреки в адрес руководителей федеральных каналов, которые отправляют своих журналистов в горячие точки без бронежилетов и касок, будет уместным с таким же неравнодушием присмотреться к смерти Новодворской.

Женщина получает травму ноги и полгода самостоятельно пытается ее вылечить. У нее гниет конечность. В итоге она умирает от заражения крови. Нестарой — 64 года всего.

И никто из ее соратников и знакомых, кто сейчас так театрально горюет, за эти полгода не нашел возможности и времени, чтобы уговорить ее доехать до больницы, или лишние

пару сотен баксов, чтобы привести к ней на дом врача.

Ни Боровой, ни Гозман, ни Ходорковский — никто…

Справедливо печалилась Раневская, глядя на цветы, подаренные после спектакля: «Как много любви, а в аптеку сходить некому!»

Вот только поклонники Раневской не претендовали на то, чтобы решать судьбу своей страны и брать на себя ответственность за ее будущее.

Повторюсь, Новодворская умерла не от последствий арестов и карательной психиатрии. По всем признакам ее убило равнодушие ближних.

И опять-таки, ни слова раскаяния нигде. Никто, ужаснувшись, не сказал разочарованно: «Не уберегли!»

Но тут же после смерти закипела бойкая работа, нацеленная на создание очередного фетиша и монумента в пантеоне отечественных свободоборцев.

Хочется отметить, что никто из тех, кто сейчас тратит часы на написание слезных некрологов и составление подборок наиболее удачных ее цитат, при жизни покойной не нашел и получаса, чтобы постараться как-то отсрочить ее конец.

Когда понимаешь это, доверие к любым словам ее друзей резко падает.

Как, кстати, и к рассуждениям о злонамеренной целеустремленности вашингтонского обкома.

Алексей Аксенов, Клуб путешественников-следопытов «Исчезающий мир»:

Проблема не в окружении, а психиатрии с самолечением. Больная не подпустила бы к себе доктора или, допустив, стала учить его, что он всё делает неправильно. Нужны были помощь психиатра с девятнадцати лет, может, раньше, надзор, лекарства, терапия. Демократия погубила это невинное дьявольское создание.

Стас Садальский, актер:

Всегда прежде всего испытывал к ней жалость — за некрасивость, неудачу, нелепость. Все остальные чувства уже потом, думаю, ко мне она относилась так же…

Как-то за столом у Канделаки, на день рождения, сказала, что кота своего неприятного назвала Стасик. Думаю, отмучилась — счастливой ведь никогда и не была.

well_p, блогер:

У нее была своя матрица, где она была «королевой». И чем

больше ее угнетали, как она считала, тем больше удовольствия она от этого получала. Она обычная мазохистка по натуре. Она и померла не от шока, а от того, что власти на нее перестали обращать всякое внимание. Не говоря уже о каких-то репрессиях. Вот она и зачахла без внимания и заботы. А посадили бы ее в тюрьмы, глядишь, еще бы лет пять прожила счастливой и довольной. Господа власть предержащие, вы звери! Не захотели поддержать в трудную минуту человека.

Александр Гельман, драматург:

Ее никто не сможет заменить. Другой такой не было и не будет. Невозможно поверить, что в СССР могла родиться, могла сформироваться такая уникальная, мудрая, бесстрашная личность, как Валерия Ильинична Новодворская. Каким ярким, каким виртуозным, каким сатирически беспощадным русским языком она обладала. Она была прекрасна и останется в нашей памяти прекрасной навсегда! Такой замечательной женщине земля не может не быть пухом.

Михаил Ходорковский, экс-олигарх:

У нас горе.

Ушла Валерия Ильинична Новодворская.

Самый прямой и искренний человек из всех, кого я знал.

Она громко говорила то, о чем мы шептали.

Она не мирилась с тем, с чем мы смирились.

Мы стали называть ее странной.

На самом деле странные мы, наше общество, покорно идущее к пропасти.

Сил мало драться? Так хоть не идите своими ногами, кричите, пусть тащат!

Может, кто-то тогда успеет спастись.

Она сжигала себя, спасая нас. А я даже не увиделся с ней после тюрьмы.

И теперь уже никогда. Горько.

Вечная ей память.

Татьяна Толстая, писатель:

Я любила Валерию Ильиничну, но странною любовью.

Эта любовь сводилась к дикой жалости, несоизмеримой с ее высказываниями (иногда ужасными, или идиотскими, или детски-наивными, или будто бы злобными).

Никакой злобы не было в Валерии Ильиничне. То, что сейчас многим, я знаю, кажется злобой, было слепотой особого рода.

Царство ее было не от мира сего. Это надо понимать.

Она была настоящей, беспримесной юродивой.

Она своей жизнью, своими упорными страданиями и гибелью «за веру» заслужила право нести ту пургу, которую часто несла.

Бывает, читаешь жития святых, и книга выпадает из рук: вот идиоты!..

Так же точно и с Валерией Ильиничной. Вот точно так же.

Любите ее, пожалуйста.

Просите ее молиться за нас. Таких умных, праведных.

Блаженны вот такие, как она. Ибо их есть Царствие Небесное.

Аминь.

Анна Астахова, журналист:

Почему-то проснулась с мыслью, что нужно написать о Лере, и с готовым текстом уже в голове. Спи спокойно, дорогой друг, и пусть дорога будет легкой. Прости, если что.

У нее были родственники? Отец, которому сейчас около девяноста, живет в Америке и всегда там жил.

Я не помню рядом с ней никого, кроме Борового, но и он сейчас в Америке.

Она умела любить и любила людей. И она научилась быть свободной. И была такой. В отличие от многих. Но она была одна. И по-другому быть не могло.

Сергей Жариков, продюсер, музыкальный критик, публицист, политтехнолог, идеолог контркультуры, основатель группы «ДК»:

Удивительно много хороших и проникновенных текстов написано на смерть Бабы_Леры™. Но лучший ее портрет, пожалуй, от Гарика Осипова — как в силу выбранной автором наиболее адекватной оптики, так и мастерства собственно письма («При жизни о таких принято говорить „человек, которого приятно ненавидеть“, используя клише довоенной прессы. Но, узнав о, как правило, ненасильственной смерти оппонента, Отелло в данном случае патриотического толка чувствует лишь разочарование и тоску — с кем теперь воевать? В виде жанра Новодворская выбрала „русофобию“, сумев стать достойным противником патриотов в сериале „Слово о погибели земли Русской“. И что в этом емком и пышном названии правда, а что фейк — „слово“, „погибель“ или „земля“, каждый из нас узнает в свое время. По закону единства и борьбы противоположностей Валерия Новодворская ненавидела советскую власть, активно призывавшую не заниматься самолечением. Несмотря на трогательную заботу о подвластных гражданах со стороны той власти, власть эту тоже было приятно ненавидеть»). Безусловно, это еще один «цой», массовый образ которого не только весьма

сильно диссонирует с характером реальной личности, но и формируется как «общественно значимая» роль не без помощи тех, кто хотел ответить на запрос самым удобным для себя способом.

После того как меня вытурили с «Радио России» за передачу «Русский журнал», где в качестве позывных я использовал вагнеровский «Полет валькирии», а в одной из программ сделал интервью с известным биографом Алоизыча, он же прямой потомок легендарного Теодора Герцля, я оказался в газете «Труд». Тогда модными были еженедельные «толстушки», и у «Труда» их было несколько. В одной из таких под названием «Хозяин» мне предложили поработать колумнистом как раз в паре с Новодворской.

Мы распределили роли: она «за Горбачева», я «за Ельцина». Это еще был СССР, весна 1991-го, и я в это время как раз крутился в штабе ЛДПСС, выдвинувшего летом того же года Жириновского в кандидаты на должность Президента РСФСР. Писать чисто политические тексты было не так уж интересно, и я высирал небольшие эссе в жанре памфлета, который освоил в школьной стенгазете под редакцией нашего тогдашнего учителя литературы, а ныне весьма известного автора популярных мюзиклов Е. М. Фридмана.

Евгений Михайлович — это как раз тот самый тип «мастера», который открывает тебе мир, — таких людей по жизни у нас совсем немного, и газета «Хозяин» стала для меня таким же мастер-классом, который вел ее редактор Юрий Васильков, ныне покойный динозавр советской журналистики. И не только, наверное, журналистики, поскольку сам тогдашний начальник ПГУ Леонид Шебаршин приходился ему, как это раньше называлось, кумом. Надо ли подчеркивать, с какой искренней благодарностью я вспоминаю эти имена.

Короче, «хозрасчет», и газета вышла в свободное плавание. Лера продолжала гнать свои классические телеги, а я, кроме оформления никому тогда не известного Жирика в одежды Николая Угодника, стал раскручивать тему заполнивших Москва-реку пресноводных акул, становящихся особо агрессивными от запаха спиртного. И тому подобное, вы уже поняли. На мое имя предсказуемо начали приходить целые мешки писем, на что Лера дико возмущалась, однако тиражи росли — очевидно, из-за акул, нападающих исключительно на мужей-алкоголиков, а не малопонятных массе разводов про горбачевскую «демократию».

Она постоянно накатывала на меня главному: типа, писанина моя вредна, — а Юрий Викторович всегда в таких случаях устраивал очную ставку и объяснял Ильинишне суть демократии,

которая состоит именно в системе противовесов, и в конце концов ее, похоже, убедил. И мы стали общаться помимо газетных тем.

Три четверти тиража «Хозяина» шло в Украину, и в 1992-м — в связи с распадом СССР — газета стала загибаться. Лера потянулась в «Независимую», а я стал выпускать «Сокол Жириновского», где был редактором и ответственным секретарем одновременно. Это издание в ЛДП патронировал тогдашний партийный пресс-секретарь Андрей Архипов, и Новодворская отметилась там тоже, написав специально для второго номера феерический текст о Жирике, благо этот номер вышел тиражом аж 200 тысяч экземпляров. И безусловно, благодаря усилиям Андреаса Вяльме, чей отец еще недавно был чуть ли не начальником всего КГБ Эстонии. Тогда же Новодворская познакомила меня с Кургиняном, и я, в качестве алаверды, написал в «Независимую» рецензию на один из его спектаклей.

Гром грянул во второй половине 92-го года, когда в одном из номеров «Народной воли», выпускавшейся какими-то бывшими соратниками Бабы Леры, появился совершенно однозначный слив Новодворской на предмет сотрудничества с КГБ. Целая детективная история с убийствами и т. д.

Методы оперативной работы гэбэшников были уже давно известны, у меня было немало друзей оттуда, причем как раз тех, кто «разрабатывал» ДС, снимая им напичканные камерами подмосковные дачи, и я в этот детектив не верил. Просто зная, как и кого на самом деле обслуживал КГБ, опера которого всегда относились к Новодворской с уважением, отправляя ей в камеру торты и букетики цветов. Любой разговор с ними про ДС поэтому всегда превращался в анекдот, поскольку — по гэбэшным отчетам — любой съезд этой партии, как правило, превращался в грандиозное поебище, а ничто человеческое, как вы уже догадались, не чуждо и заядлому чекисту, как грицца, жажду мы не квасом и т. д.

И не думаю, что полненькая Лера была активным участником подобных «прений», наоборот, к концу 1992 года я уже подыскал ей, что называется, «мужичка»: не секрет, что худые барышни пользуются куда меньшей популярностью у гендерных мущщинок, чем особи иного типа, во что самим барышням поверить конечно же весьма сложно. Короче, у Додолева в «Новом Взгляде» я уже отметился телегой про Любовницу_Ельцина™ и эссе о демоническом Григории Климове, чьим архивариусом и первопечатником я был на его родине, и, похоже, заинтересовал откровенно незаурядной личностью своего старого приятеля из военной разведки США — самого главного редактора. Тем более что одна из его жен частенько тявкала по «Радио России».

Климова, а не Додолева, не надо смеяться.

Как «Сокол», так и «Новый Взгляд» — все это типография «Московской правды». Как, впрочем, и журнал «К топору», номерок которого я решил подписать и подарить Валерии Ильиничне, специально для этого отправившись в соседнюю башню здания. Ну, типа, Георгию Димитрову от Адольфа Гитлера…

Увидев обложку, Баба Лера во мгновение ока превратила раритет в синюю птицу, увы, заклеймив меня самыми последними и нехорошими словами. Нет, не она настучала на меня в прокуратуру и не Евреи™, хотя гитлеров и свастик там было более чем достаточно. Совсем не это было интересно тем, кто меня «заказал». Как, впрочем, и не личность В. И. Новодворской, которую они, безусловно, использовали в качестве меченого атома, превратив ее в инвалида, и молодому поколению хорошо бы знать своих врагов. Нет, это не КГБ. Стоило только превратить партийную обслугу в полноценный институт, как тут же рухнул СССР, и это всегда надо помнить и понимать природу системного вируса.

Новодворская не была ни русофобом, ни антисоветчиком. Она казалась нелепой именно в силу подчеркнутой идеологизированности ее образа, лепить который, тем не менее, она совсем не мешала в силу шестидесятничества собственной генеалогии, этой беспомощной идейности системных улучшайзеров. А потому система и не стала ее «выплевывать», как, впрочем, и других «диссидентов», пытавшихся вести с властью «идеологические дискуссии». Не идеи надо обсуждать, а интерес. Иначе ты превратишься в чей-то семейный бульдозер, он же медийный актор межсемейного потлача — самая что ни на есть физическая и демонстративная порча собственного имущества ровно по той же логике, как мошенники показательно ломают бомжам ноги, превращая их в профессиональных попрошаек.

Александр Дугин, политолог:

Смерть женщины, страдавшей последней стадией русофобии.

Не думаю, что Новодворская была нравственной. Она была идеологически последовательной. Она ненавидела Россию — от всей души, жестко и абсолютно. Но при этом открыто. Именно поэтому она лучше других, кто делает это тайно и исподтишка. Она во всех отношениях была чудовищной. Но именно таков либерализм как он есть. Без прикрас. В ненависти она была искренней. Еще: она была мужественной. Она свою лютую ненависть к русскому народу, русской истории и Русскому

государству выражала всегда — начиная с советских времен. И потом поддерживала все самое омерзительное (например, Ельцина и расстрел Белого дома), но не по заказу, из-за денег или для пиара, а в силу все той же испепеляющей глубинной абсолютной ненависти.

Новодворская выглядела как пациент, но ее дискурс был предельно когерентен: чтобы либерализм утвердился в России, необходимо уничтожить большинство русского народа, настаивала она. Мало кто отважится сказать так же внятно и четко. Она говорила. Новодворская была настоящей частицей Америки внутри России, фрагментом Запада — в просторах Евразии, ненавидящей все коллективное индивидуалисткой — в море коллективной антропологии. Большинство сегодняшних российских либералов в прошлом были послушными комсомольцами и коммунистами, агентами и добровольными помощниками коммунистического режима. Новодворская переезжала из клинику в клинику, из каталажки в каталажку, чтобы в промежутках выкрикнуть в никуда, но громко, свою ядовитую и залихватскую ненависть к стране, где она, видимо, случайно родилась. Но она не хотела покинуть Россию, она хотела жить своей ненавистью, чтобы окружающее питало ее больше и больше. Патология? В меньшей степени, чем у умеренных и пристойных либералов. Вот кто настоящая мразь, мелкая, продажная, не способная платить за свои убеждения и даже фобии ничем. Однажды Сорос на собрании своих агентов влияния в начале 90-х, куда пригласили и меня (для оппозиции), обнаружил, что вся эта либеральная сволочь не удосужилась прочесть Поппера «Открытое общество и его враги» и пришла на встречу только с одной целью: «Сорос, дай денег, и чем больше, тем лучше, но вот ему не давай, дай мне». Из всех присутствующих книгу прочел только я и подверг теорию «открытого общества» фундаментальной критике, завершившейся предложением Соросу и его Фонду покинуть Россию. Сорос проснулся и заметил грустно: «В России в результате всех демократических революций все равно с какой-то неумолимой последовательностью к власти приходят такие люди, как антилиберал Дугин, а не вы, собравшиеся здесь». Новодворская читала Поппера и понимала его. Она мученица за Поппера и «открытое общество», а не за гранты и субсидии. Ей в жизни ничего было не надо, кроме ненависти. Русофобия была ее жизненной стихией, жизненным миром. В чем-то она была еще последовательнее Печорина с его «как сладостно…» и т. д. Она еще и умерла здесь же, строго посреди того, что люто, упоенно, я бы сказал даже — по-русски, ненавидела.

Новодворская поддерживала всех врагов России, даже неонацистов из правого сектора. И снова последовательно: враг моего врага — мой друг, тем более за убийцами-«правосеками» стоят те же американцы. Плохо вяжется с Поппером? Напротив, прекрасно. Уничтожим Россию, уничтожим последнюю преграду на пути глобальной доминации Запада. Так думала и говорила, что думает, Новодворская.

Это была ужасная личность, но масштаб ее ненависти, ее концентрация, ее дерзость были выдающимися. По сравнению с Новодворской практически все либералы ничтожества. Ничтожна даже их ненависть, по сравнению с ее.

Не знаю, что говорят в тех случаях, когда умер очень злой и вредный, враждебный моему народу, моей стране, моей истории и моей вере, моей идентичности, моему государству человек. Наверное, молчат…

Игорь Зайцев, журналист:

Все же решил написать несколько строк «в связи с…». Ненависть к политическому или личному оппоненту или же конкуренту имеет грани. Прежде всего культурные. Юмор, сатира, сарказм приемлемы в одном случае, неприличны — в другом… На самом деле мало кто понимал Новодворскую или пытался ее понять… Мне кажется, ее образ даже специально тиражировали и лелеяли, как иллюстрацию словосочетания «дем шиза»… Благодаря смерти, мы порой лучше узнаем человека или о человеке. Я не был ее поклонником, скорее испытывал удивление — она была похожа только на саму себя, какими бы ни были ее убеждения, а я считаю, что преследовать человека за его убеждения — фашизм, а за непохожесть на других — ксенофобия… Так вот, мало о ком было написано столько теплых и покаянных слов, от ее же коллег по ее же «политическому лагерю», вот что важно! Читал их с удивлением и какой-то внутренней болью. Видимо, реально хорошего человека не стало, очень странного, ни на кого не похожего человека… Тяжело и сложно, можно даже сказать мучительно прожившего эту жизнь… Человека. Такой я ее и запомню!

Захар Прилепин:

Раз уж все высказались, скажем и мы.

Простые вещи, но я их почему-то в ленте не увидел.

Главное, что останется от Валерии Ильиничны Новодворской, — это конечно же не ее, прямо говоря, антигуманистические взгляды.

От нее останется ее книжка про советских революционных

поэтов, которых она ужасно, по-девичьи, любила и в целом понимала.

Во всех ее работах о поэтах имелось одно мучительное противоречие: ей надо было доказать, что стихи у них были хорошие, зачастую гениальные, а идея, которая их на эти стихи вдохновила, плохая, ужасная, чудовищная, хуже не бывает.

На самом деле влюбленность Валерии Ильиничны в советских поэтов объясняется элементарно: она сама была из их числа, она была поэтка, комиссарша, она, когда бы родилась несколько раньше, бегала бы в 20-е за Маяковским и Багрицким, а если еще чуть раньше, конечно же оказалась бы за «красных», а не за «белых», как, собственно, фактически все ее собратья по идее, жизнь положившие на уничтожение «красной химеры».

Тогда, в 1917 году, у них (у их родителей) все получилось, потому что русский народ был с ними, впереди них, позади них.

А в 1991 году народ посмотрел на них и постепенно разочаровался, озлился, разошелся по своим делам: на этот раз ему не так сильно понравилось.

Влюбленность в народ, который рождает таких чудесных поэтов, и одновременная обида на народ, который со временем превратил Февраль и Октябрь 17-го в свою традиционную медвежью, волчью, черноземную, громовую ярмарку, а 91-й год просто выплюнул, — все это руководило Новодворской и носило ее по одному и тому же кругу.

Собратья по идее любили ее (не все, но очень многие) за то, что она прямо говорила все, что им не позволяло произнести «положение» и «здравый смысл». Она говорила, что гуманизм не распространяется на быдло, что русская империя должна быть разломана, и всем будет только лучше, если РФ войдет очередным штатом в США, и тому подобное, тому подобное.

Все это она делала конечно же от страсти к России, от неразделенной страсти, которая всю жизнь плясала в ее веселых и безумных глазах.

От нас ушел несгибаемый большевик, всю жизнь пытавшийся победить большевизм. Склоним над ней пыльные шлемы.

Не послесловие

Меня многие упрекали за то, что я ее публиковал.

Упрекали и за то, что публиковать прекратил (во время чеченской вакханалии).

«Вы = секс-меньшинство или секс-большинство?» «Я = сексуальное одиночество». Очень актуально для каждого, имеющего голос в сакраментальной нашей медийке и не желающего при этом голос этот отдавать какой-нибудь из конфликтующих сторон. А других (в смысле — сторон) здесь не наблюдается. Причем речь об изоляции именно сексуальной тональности. Потому что пожелавшего воздержаться при голосовании как бы трахают. Причем со всех сторон. Напоминает все это метания а-ля доктор Живаго.

Я никогда не разделял взглядов покойной. Никогда не был «за». Но и не был «против», поскольку всегда полагал, что ее экстремизм носит характер демонстрационный.

На самом деле я всегда относился к ней нейтрально.

Она мне не казалась жалким клоуном, как некоторым из моих знакомых.

Однако и политиком всерьез я не мог ее считать.

Факт, впрочем, что ее многие использовали. В том числе и спецслужбы (например, для компрометации протестного движения — все-таки то, ЧТО она говорила и КАК она выглядела, было зачастую перебором по всем нормативам). Ее использовали и после смерти. Уже 19 июля, на следующий день после кончины, прибалтийские & украинские СМИ (плюс наши блогеры) дружно принялись тиражировать твит Аллы Пугачевой: «Если на похороны Новодворской придет миллион человек, то Путину хана». На самом деле Twitter у Примадонны фейковый, и думаю, что многие из тиражировавших знали, что распространяют фальшивку.

Пришли провожать немногие. Не миллион. Тысяча, может, две. Ну, по некоторым данным, три. То есть даже «партия Фейсбука» предпочла устроить диванные похороны, а на кремацию в Николо-Архангельский крематорий прийти поленились.

Валерия Ильинична была пронзительно искренним политфриком. Ярким, самобытным, не очень умным фриком. Не фрикующим политиком, как Ляшко и/или Жириновский, не имитирующим фриковатость экстравертом, как Сергей Зверев или Никита Джигурда, а рафинированным, несчастным фриком, ее забыли уже при жизни, вспомнили после нелепой, как и ее

существование, смерти.

Смешная и зловещая одновременно, Баба_Лера™ была несчастливым дитятей публицистического макабра. В контексте надоевшего трагизма. Включишь ли телевизор, откроешь ли газету — везде апокалиптические репортажи о войнах, катастрофах, стихийных бедствиях, разного рода несчастьях: о том, что уже произошло ужасного, и о том, что вот-вот произойдет. Сообщения о зверских убийствах перемежаются информацией из районов боевых действий. Я вижу изуродованных детей. Астероид разрушит Землю. СПИД наступает. Ядерное оружие в руках маньяков. Макабр — это когда нет никакого пиетета перед жизненной трагедией, когда смех спасает от тоски. Ridentem dicere verum (смеясь говорить правду) Гораций предлагал еще две тысячи лет назад, однако к его совету не очень прислушались.

Что, собственно, потребитель средств массовой информации, ныне существующий во плоти и добром здравии индивид, может со всем этим поделать? Могу, например, застрелиться, не имея сил смириться с миром, где ни за что ни про что погибают дети. Могу стать эмоционально тупым потребителем рубрики «Срочно в номер», для которого «страшилки» про реальные ужасы лишь источник либидинозно-приятного чувства жути.

«Какой-нибудь тупица, читающий за завтраком газету, жаждет рассказов о несчастьях и смерти. Эти чужие смерти человеку нужны для достижения, так сказать, эффекта контраста: ему начинает казаться, что если и должен кто-то умереть, то только не он», — заметил еще Эрих Фромм.

В благословенные застойные годы средства массовой информации ведали нам, что закрома Родины полны, урожай собран, передовики производства награждены. Никто в это не верил, но программа «Время» оставляла ощущение благости. Разумному человеку не надо было читать Солженицына, чтобы понять, в какой стране он живет, а неразумные его и не читали. На кухнях все рассказывали анекдоты, в почете были Михаил Жванецкий и писатели-юмористы, а телевидение радовало передачами «Вокруг смеха» и «Веселые ребята».

С наступлением перестройки исчезли политические анекдоты, а окружающая действительность вдруг стала восприниматься на редкость серьезно. Мы пережили высокий пафос взглядовских перестройщиков, невзоровских «600 секунд», массовый успех питерского политического рок-н-рола: группы «Алиса», «Телевизор», «ДДТ» — словом, период общенационального тупого вдохновения. Пережили, увы, без всякой отстраненности.

Но время шло, и вдохновение стало постепенно сменяться кликушеством. Трагизм ежедневных телевизионных политинформаций, газетных публикаций и реальных событий продолжает угнетать физическое и моральное состояние бравого россиянина. Однако плакать — это роскошь богатых, а бедным желательно смеяться. При благополучной жизни, может, и полезно было бы среднемассовому индивиду ежедневно ронять слезу на лист газеты (из соображений memento mori), но, похоже, лишь поставщики трагических новостей могут без ущерба для настроения позволить себе эту роскошь. Телеавторы, подбирая видеоматериалы про разорванных на куски детишек, не идут добровольцами в горячую точку, а просто в очередной раз смакуют уже и так, увы, хорошо известные факты. Единственное, что может сделать глубоко задетый чужим горем человек, — это отреагировать на событие поступком. Если ты сочувствуешь жертвам землетрясения, иди и разгребай день и ночь руины. А если не можешь — не будь пошлым зевакой у места автокатастрофы.

Поток апокалиптической информации обрекает нас на роль несимпатичного свидетеля чужих несчастий, но это лишь одна сторона медали. Тонкий знаток человеческой души Бернанос отметил как-то, что «даже самое великое горе несет в себе нечто комическое», а обвал трагического (если следовать этой логике) тем более комичен.

Макабр принципиально отличается от чернухи именно наличием юмористической отстраненности, ибо псевдосерьезное отношение к жизненной трагедии — это чернуха, а ироничное — макабр. Надо обладать очень тонким чутьем, чтобы оценить эту разницу. Наши чиновники, к сожалению, им не обладают, поэтому излишне нервно реагируют на проявления макабра. Новодворская была сознательным макабристом.

В ту пору, когда она публиковалась в моем «Новом Взгляде», функционировала Судебная палата при Президенте РФ, которая по собственной инициативе «засела» по некоторым публикациям «НВ». Эти выбранные по велению сердца материалы были как раз (о чем комиссия, естественно, не подозревала) произведениями макабра. Все они содержали достаточно грамотный анализ разбираемой темы, с обильным цитированием мировых авторитетов — философов, психологов, этнографов и других специалистов, а форма подачи — стебовая. И сам факт выбора именно этих публикаций говорит об убойной силе макабра. Он, являясь формой восприятия действительности, лишает «культурных» чиновников сна и аппетита, вероятно, оттого, что нравится тусовке и молодежи — одним словом, представляет

собой угрозу их скучным порядкам.

Также попытки засудить нас «по политике» делались лишь в отношении Валерии Новодворской, хотя многие авторы пересекаются с ней по мысли. Просто Валерия Ильинична, доводя логическую цепь до конца, блистала забавными, парадоксальными и вместе с тем верными выводами, а колонки свои иллюстрировала смешными кроваво-макабрическими образами. Поэтому Новодворская запоминалась. Ее любили. И ненавидели. А параллельно существует масса разумных авторов, на которых всем наплевать.

Жизнь, как известно, многогранна, и там, по Ионеско, «где нет юмора, нет подлинно человеческого; где нет юмора (этой внутренней свободы, отстраненного отношения к самому себе), там начинается концлагерь». Да, только в концлагере не смеются, что подтверждает и Франкл, считающий, что «юмор относится к существенным человеческим проявлениям, дающим возможность человеку занять дистанцию по отношению к чему угодно». И так как мы пока еще свободные люди, наш удел — комедия на фоне нищеты, трупов, войн, пожаров, землетрясений и всяческих несчастий, что, собственно, и есть российский макабр.

Недаром лучшие советские комедии были сняты в страшные сталинские 30-е людьми, которые прекрасно понимали, в какое время и под кем они живут. Вторая мировая война подарила миру чудесные ленты, сделанные во Франции в период оккупации. Это и «Дети райка», и «Вечерние посетители» Марселя Карне и многие другие ленты. В периоды мрака как воздух необходимы юмор и иллюзия «Светлого пути».

Но наши журналюги (термин залитован шумным Александром Борисовичем Градским) и политики, видно, по жизни достаточно хорошо пристроены, если готовы кормить нас подлинным трагизмом, эдакой псевдосерьезностью и лицемерными переживаниями за судьбы народонаселения.

В контексте макабра делается очевидной политическая гениальность Жириновского. Он создал имидж «страшно-смешного» политика. «На поверку выяснилось, что актерствующий популист Жириновский чувствовал свой народ намного тоньше, глубже и профессиональнее, чем все многочисленные демократические политики, политологи, социологи, юристы и экономисты» (Л. Пияшева). Умение Жириновского зрелищно устроить мордобой в «собрании», напугать и рассмешить делает его политиком макабра.

Депутаты (в отличие от застойных партбонз с их красными шеями и лоснящимися рожами) не страшны, не смешны, а жалки. Даже анекдотов про них не сочиняют. И барина ни одного среди

них нет.

Да и вообще политика ведь это тоже рок-н-рол: качество пения и музыки не имеют никакого значения, важно, соответствуешь ли ты моменту (тогда популярность обеспечена) или не соответствуешь (тогда придется сгинуть в безвестности).

Макабр — это эстетика завтрашнего дня. Это когда глаза широко открыты (как у всех читателей «Нового Взгляда», как метко заметил великий «неологист» Дима Дибров), когда все видишь, все понимаешь и весело смеешься. Макабр не добрый, а злой смех. Злой, как мы, наш сегодняшний день и человеческая природа. Макабр — это конструктивная жизненная позиция, ибо, не обманываясь, человек принимает жизнь такой, какая она есть. И весело танцует, как белозубый негр на похоронах. Грустный автор веселых комедий Бомарше отметил однажды: «Я смеюсь, чтобы не плакать». И нам бы так.

На самом деле покойная всегда напоминала мне моего хорошего товарища, тоже выходца из диссидентской среды… Михаила Леонтьева. Да, да, именно, хотя казалось бы — полная противоположность. Невероятная Баба_Лера™ была принципиальной девственницей, не самого завораживающего экстерьера, предпочитающей липкие сладости любым другим наркотикам. Блистательный Михаил Владимирович — изрядно выпивающий гусар отечественной публицистики, вкушающий запретные плоды, от коих Ильинична отказалась добровольно, и пользующийся своей природной привлекательностью как кредитной карточкой — без сомнений и авансом. Новодворская в целом всегда была уравновешенна («съешь конфетку и успокойся»), а Леонтьев воспламеняется, как разлитая по ступеням нефть. Лера незыблемо стояла на своих антикоммунистических (в ее трактовке = антирусских) позициях, Миша, бесспорно, развивался (Анатолий Лысенко, помню, любил «взглядовцев» поучать, перефразировав Уинстона Черчилля: кто в 20 лет не революционер, тот негодяй, а кто хочет делать революцию в 40 лет, тот просто дурак; вариант: кто в 20 лет не был романтиком — у того нет сердца, а кто в 40 лет не стал прагматиком — у того нет головы; оригинал: «Когда я был молодым, то был революционером, но когда вы становитесь зрелыми и мудрыми, то вы обязаны быть консерваторами»). ВИН обожала митинги да сборища; МВЛ предпочитал жечь глаголом со страниц и экранов.

Однако при всем различии темпераментов и политпозиций было кое-что общее у этих двух пассионарных публицистов (если все-таки не числить Бабу_Леру™ банальной душевнобольной, а списывать ее митинговые экзерсисы именно на пламенную

пассионарность). Их кровожадная лексика не отражает душевную организацию. Все эти «уничтожить на корню», «выжечь до основания», «растоптать кованым сапогом», «стереть в пыль» никогда не отражали истинный настрой этих двух оч разных политобозревателей.

Свирепая риторика & публичная жесткость Леонтьева контрастирует с его природной добротой и порядочностью. Последнее качество — вообще редкость в медийке. Миша никому никогда не отказывал в помощи (даже яростным оппонентам, то есть врагам фактически) и отзывчив исключительно. В это трудно поверить тем, кто знаком только с его экранным имиджем. Так вот. Новодворская тоже не была оголтелым мизантропом и хищной валькирией, коей могла казаться тем, кто потреблял лишь ее «нововзглядовские» тексты и не общался с ней лично. Радикализм наотмашь был лишь частью игры. Когда с ней перестали играть адресаты и подельники, смысл жизни либеральной девы испарился (в отличие от любвеобильного МВЛ, детей и детищ у нее не было). От невостребованности тотальной она, собственно, и скончалась, включив деструктивную программу саморазрушения. Ее многим будет не хватать. В этом месте будет теперь сквозняк. Заменить ВИН, похоже, не кем. А надо бы.

После ее смерти один из ее двух аккаунтов на Facebook'е (оба были фальшивыми на самом деле) был взломан, и там появились якобы записи от ее имени. Теперь, после ее смерти, кто-нибудь захочет переписать историю. Поэтому я и решил рассказать то, что помню.

* * *

Можно что угодно говорить об этой странной женщине, но феномен Новодворской, безусловно, существует. Она была единственной в своем роде и, безусловно, запомнится хотя бы тем, что являлась персонифицированным «двойным стандартом». Кстати, Валерия Ильинична этого никогда и не стеснялась:

«Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое, и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим… Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные, вроде Крючкова, Хомейни или Ким Ир Сена, не должны. Право — понятие элитарное. Так что или ты

тварь дрожащая, или ты право имеешь. Одно из двух».

Судьбу Новодворской, равно как и ее нелепую смерть, нельзя рассматривать вне контекста. Потому что Валерия Ильинична есть контекстуальное образование, то есть личность, которую невозможно описать саму по себе. Понятно, что все мы дети времени, места и среды обитания, в меньшей степени дети своих родителей и лишь на одну небольшую часть — дети звезд. Что человек являл бы собой, родись он при других обстоятельствах, всегда трудно разглядеть, но в случае Новодворской не удается вовсе.

Главная ее черта — оппозиционность. Для наших людей это не редкость: протестное сознание в той или иной степени присуще каждому русскоязычному гражданину. И если западная культура построена на конформизме, то наша — на конфронтации. Спорил об этом как-то с Юрием Арабовым, мечтающим привести наше общество к идее компромисса, но убедить автора «Столкновения с бабочкой» не сумел. «Они» пытаются найти консенсус, а «мы» считаем правильным стоять на своем и быть против всего. В этом смысле Валерия Ильинична — наш человек. Но сказочный, потому что в жизни материализованной конфронтации нет места. Как и Коньку-горбунку с жар-птицей.

Позиция протеста во плоти означает «несуществование», ибо подразумевает наличие чего-то внешнего, чему надо бесконечно оппонировать. А в случае отсутствия этого внешнего — полную пустоту. В личности Новодворской (а мы можем о ней судить по ее многочисленным текстам) не просматривается ровным счетом ничего, что не вытекало бы из контекста ее жизни. То есть она не несла в себе никакой собственной внутренней программы. И ничего содержательного не создала именно потому, что не обладала никаким экзистенциальным стержнем.

Конечно, на это можно возразить, что все мы всего лишь «заводы по переработке вторсырья». Что бы человек ни производил — мысли ли, художественные ли образы, — это в любом случае «вторичный продукт». И если по части видео или аудио мир природы может быть источником информации, то по части языка — нет. Без речи нет мысли. Чтобы что-то надумать, надо что-то узнать. Новодворская — социальный организм, и она имела достаточно материала для переработки, просто продукт ее деятельности не нес в себе ничего революционного. Она была ярким фантиком, без конфетки внутри.

В основе ее личности лежал деструктив. Она ненавидела действительность, которую знала. И это тоже не оригинально — мы всегда ненавидим то, что близко. Недаром же подавляющее

число бытовых убийств приходится на близких… Мир за пределами СССР Новодворская постигала по книгам и понаслышке, поэтому и возненавидеть его не могла — она ненавидела лишь то, что ее породило, причем с позиций альтернативной идеологии.

Со временем ее ненависть к СССР перенеслась на Россию, причем проявилась ровно в тот момент, когда сменился тренд. Пока страна распадалась, Новодворская всячески поддерживала власть в лице Ельцина; когда же Чечне не дали отвалиться, резко сменила пластинку. Энергия, с которой Валерия Ильинична служила своей деструктивной сущности, явно досталась ей по наследству от воинственных предков, о которых она так любила рассказывать.

Как подлинная «тень» своей страны, она была обречена находиться рядом со своим источником. Но любая тень видна лишь до поры до времени. А Россия давно перестала излучать политический проект, который Валерия Ильинична никак не могла отличить от территории, поэтому и тень становилась все бледнее. Новодворская, как и многие наши либералы, перепутала шестую часть суши с коммунистической мечтой. И после ухода со сцены проекта продолжала бороться с территорией, что так же бессмысленно, как колотить вялым кулаком по бетонной стене.

Новодворская была архитектором слов. И то, как она их сочетала, вызывало искреннее восхищение. Статьи Валерии Ильиничны вполне можно назвать произведениями публицистического искусства (сей жанр давно следовало бы узаконить, тогда вторым по списку вслед за Новодворской разместился бы Дмитрий Быков). Опусы Новодворской воспринимались не как украшения газетных полос, а как оружие, которое должно разить противника. Но оно не разило: нанести ущерб словами можно лишь живому. Социум, система, государственная идеология, национальное самосознание — все это из разряда живого. А вот территория — нет. Новодворская же стремилась именно к расчленению территории СССР, поддерживая тех, кто ее дробил, и набрасываясь на тех, кто пытался этому воспрепятствовать.

Чтобы уловить смену времен и парадигму интеллектуального дрейфа планеты, надо иметь высокий интеллект + экзистенциальное чутье, которыми Новодворская не обладала. Валерия Ильинична была кладезем чужой мудрости, а потому не внесла в мировую копилку мысли ни одного оригинального умозаключения. Порождать красивые словесные образы не значит порождать смыслы или хотя бы формулировать их. В текстах, равно как и выступлениях экстравагантного публициста, никогда

не было логики. Просто в отличие от Жириновского — мастера выстраивать логическую цепочку от заглавной буквы в начале предложения до точки в его конце, но никогда далее, — Новодворская и в жизни ее не выстроила, чего о Вольфовиче не скажешь. Вся ее биография = сумбур борьбы с ветряными мельницами, но без мечты о высоком. Предел ее мечтаний — «общество колбасы» для «правильных людей».

Судьба посмеялась над ней, но в награду за труды подарила ей легкий и своевременный конец. Новодворская не узнает униженной забвением старости, не прочувствует бессмысленности всех своих действий, не пожалеет о том, что не искала того, чего еще нет. Она умерла бунтующим ребенком, который так и не заметил большого мира за пределами дома, школы и двора. Вместе с ней ушел и ее бессмысленный и бесполезный дар, а сама она останется лишь публицистической завитушкой на почившем в бозе СССР.

RIP, Союз нерушимый!

Приложение
Официальная биография В. И. Новодворской

Валерия Ильинична Новодворская — российский политический деятель, диссидентка, правозащитница, независимая журналистка, видео-блогер, основательница либеральных партий «Демократический союз» (председатель ЦКС ДС) и «Западный выбор».

Родилась 17 мая 1950 года в городе Барановичи, Белорусской ССР, в котором, по словам Новодворской, ее родители были на каникулах у ее дедушки с бабушкой.

Мать — Новодворская Нина Федоровна (1928 г. р.) — врач-педиатр, заведовала поликлиниками, потом занимала руководящий пост в Московском департаменте здравоохранения; ее предки — столбовые дворяне, купцы Усатины. Мать — врач, отец — инженер. Оба были членами Коммунистической партии Советского Союза. Новодворская опровергла информацию о том, что отказывается от своего отца или перестает носить его фамилию. Более того, добавила, что это ее отец отказался от нее, предположив, что он оставил семью и уехал в Соединенные Штаты Америки по иммиграционной карточке, которую мог сфальсифицировать, изменив свою настоящую фамилию.

Валерия Ильинична жила в одной квартире с матерью и котом Стасиком. Снимали дачу в Кратово. Валерия Новодворская не вышла замуж и не завела семью, так как, по ее словам, ее «КГБ такой возможности лишил еще в 1969 году. Человек, который обрекает себя на борьбу с КГБ, не может отвечать за детей, не может поручиться за их судьбу. Он их делает заложниками… Мать в одном лагере, отец — в другом. Что должен был бы делать в этой ситуации ребенок? По-моему, полная безответственность». Увлечения: плавание, фантастика, театр, коты.

Прадед Валерии Новодворской был революционером, организовал первую социал-демократическую типографию в Смоленске. Дед родился в сибирском остроге, воевал в 1-й Конной армии Семена Буденного. По утверждению Валерии Новодворской, ее предок, Михаил Новодворский, был воеводой в Дерпте в XVI веке. После того как он узнал о том, что князь Андрей Курбский собирается увести свое войско в Литву так, чтобы литовцы могли его разбить, Михаил Новодворский хотел отговорить его от измены, однако Курбский не стал его слушать.

Тогда Михаил вызвал его на дуэль, где и погиб. Еще один из предков, по словам В. Новодворской, был мальтийским рыцарем и служил Польше. Приезжал с посольством от короля Сигизмунда III в Русское царство в Смутное время просить корону для королевича Владислава IV.

Валерию Новодворскую воспитывала бабушка в индивидуалистическом духе. Читать она научилась в пять лет. В девять лет она переехала в Москву. В 1968 году окончила среднюю школу с серебряной медалью. Затем училась в Московском институте иностранных языков имени Мориса Тореза (французское отделение) по специальности «переводчик и педагог». В 1969 году организовала подпольную студенческую группу, в которой обсуждалась необходимость свержения коммунистического режима путем вооруженного восстания.

В подростковом возрасте она узнала о существовании ГУЛАГа, процессе Синявского и Даниэля и вводе войск Варшавского договора в Чехословакию, что развило в ней неприятие советской власти. 5 декабря 1969 года в Кремлевском Дворце съездов Валерия Новодворская распространила листовки с антисоветским стихотворением собственного сочинения «Спасибо, партия, тебе!». Сразу же была арестована КГБ по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде (ст. 70 УК РСФСР) за распространение листовок с критикой ввода войск в Чехословакию. Ее поместили в одиночную камеру Лефортовской тюрьмы. Когда ее там навестил глава диагностического отделения Института судебной медицины им. Сербского, полковник КГБ Даниил Лунц, она заявила ему о том, что он «инквизитор, садист и коллаборационист, сотрудничающий с гестапо».

Летом 1970 года Новодворскую этапировали в Казань. С июня 1970 по февраль 1972 года находилась на принудительном лечении в специальной психиатрической больнице в Казани с диагнозом «вялотекущая шизофрения, параноидальное развитие личности». Поседевшая в 22 года диссидентка вышла на свободу в феврале 1972 года и сразу занялась тиражированием и распространением самиздатовских книг. С 1973 по 1975 год работала педагогом в детском санатории.

С 1975 по 1990 год — переводчица медицинской литературы 2-го Московского медицинского института. В 1977 году окончила вечерний факультет иностранных языков Московского областного педагогического института имени Крупской.

С 1977 по 1978 год предпринимала попытки создать подпольную политическую партию для борьбы с КПСС. 28 октября 1978 года стала одним из учредителей Свободного

межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ)[5]. Подвергалась неоднократным и систематическим преследованиям властей: помещалась в психиатрические больницы (психиатрическая больница № 15, Москва), систематически вызывалась на допросы по делам членов СМОТ, у нее на квартире проводились обыски. В 1978, 1985, 1986 годах Новодворскую судили за диссидентскую деятельность. С 1984 по 1986 год она была близка к членам пацифистской группы «Доверие». С 1987 по май 1991 год организовывала несанкционированные властями антисоветские митинги и демонстрации в Москве, за что задерживалась милицией и подвергалась административным арестам в общей сложности 17 раз.

8 мая 1988 года стала одной из участниц создания первой оппозиционной партии в СССР «Демократический Союз». С 1988 года регулярно выступала в нелегальной газете московской организации ДС «Свободное слово», в 1990 году одноименное издательство газеты выпустило сборник ее статей.

В сентябре 1990 года после публикации в партийной газете «Свободное слово» статьи под заголовком «Хайль, Горбачев!» и выступлений на митингах, где она разрывала портреты Михаила Горбачева, обвинялась в публичном оскорблении чести и достоинства Президента СССР и оскорблении государственного флага.

В 1990 году крестилась. Принадлежала к Украинской автокефальной православной церкви, выступая с резкой критикой РПЦ.

В мае 1991, январе и августе 1995 года против Новодворской возбуждались уголовные дела, прекращенные за отсутствием состава преступления.

В конце 1992 года Новодворская и часть членов ДС создали организацию Демократический союз России (ДСР). В сентябре 1993 года после издания антиконституционного указа президента Бориса Ельцина о роспуске Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ была одной из первых, кто поддержал этот указ. Организовывала митинги в поддержку президента. После штурма здания Верховного Совета войсками, верными Ельцину, Новодворская угощала на улице прохожих шампанским в честь победы Ельцина над Съездом и парламентом.

В октябре 1993 года участвовала в учредительном съезде блока «Выбор России». Собиралась баллотироваться в Иваново, но не смогла собрать необходимое число подписей.

19 марта 1994 года Краснопресненская прокуратура начала проверку деятельности Валерии Новодворской по статьям 71 и 74

УК РФ (пропаганда гражданской войны и разжигание межнациональной розни) из-за ряда статей, опубликованных в газете «Новый Взгляд». 27 января 1995 года из-за них Генеральной прокуратурой РФ было возбуждено уголовное дело. 8 августа 1995 года прокуратурой Центрального округа Москвы дело было прекращено за отсутствием в ее действиях состава преступления.

В июне 1994 года участвовала в учредительном съезде партии «Демократический выбор России».

14 августа 1995 года Московская городская прокуратура возбудила очередное уголовное дело против Новодворской. Поводом послужила листовка, написанная Новодворской к пикету ДСР 8 апреля. Дело было передано в Останкинскую прокуратуру, которая не нашла в листовке состава преступления.

В декабре 1995 года на выборах в Госдуму 2-го созыва Новодворская вошла в избирательный список Партии экономической свободы. Кроме этого, Новодворская зарегистрировалась в одномандатном округе № 192 Москвы, но выборы проиграла и в Госдуме 2-го созыва (1995–1999) была помощником депутата Константина Борового.

11 марта 1996 года Московская городская прокуратура отменила решение прокуратуры Центрального округа Москвы от 8 августа 1995 года о прекращении дела (№ 229120) в отношении Новодворской. Дело было направлено для повторного расследования в прокуратуру Северо-Восточного округа Москвы.

10 апреля 1996 года Валерии Новодворской было предъявлено обвинение по статье 74-й, части 1-й (умышленные действия, направленные на разжигание национальной розни). Перед выборами Президента РФ поддерживала кандидатуру Григория Явлинского. После первого тура выборов, вместе с Демократическим союзом России, предложила лидеру «Яблока» «немедленно и без всяких условий отдать голоса своих сторонников Борису Ельцину».

22 октября 1996 года Московский городской суд отправил на доследование дело № 229120 в отношении Валерии Новодворской.

В конце августа 2008 года на время отлучена от эфира радиостанции «Эхо Москвы» за слова о Шамиле Басаеве, которые главный редактор радиостанции Алексей Венедиктов посчитал оправданием терроризма. Когда чуть позднее в своем блоге Валерия Новодворская назвала Басаева «нелюдью», проблема была исчерпана.

В марте 2010 года подписала обращение российской оппозиции «Путин должен уйти». В 2013 году совместно с

Константином Боровым приступила к созданию партии «Западный выбор».

В последние полгода своей жизни Валерия Новодворская поддерживала Евромайдан, курс Украины на вступление в Европейский союз и свержение с поста Президента Украины Виктора Януковича и правящей «Партии регионов».

15 марта 2014 года приняла участие в Марше мира в Москве против вооруженного вмешательства российских властей во внутренние дела Украины. Новодворская вышла с плакатом «Банда Путина, геть в Нюрнберг». В марте 2014 года записала видеообращение к активистам украинского «Правого сектора», в котором призывала их активнее влиять на новое украинское правительство, чтобы противостоять России. По мнению следователя МВД РФ в отставке Павла Карпова, распространенное в Интернете обращение Новодворской к Дмитрию Ярошу является публичным призывом к осуществлению экстремистской деятельности, разжигает ненависть и вражду.

18 марта 2014 года в заявлении ЦКС «Демократический Союз» Новодворская подвергла резкой критике Россию за ее внешнюю политику по отношению к Украине, сказав что «Демократический Союз» не признает ни сам факт проведения референдума под дулами российских пушек и автоматов, ни его сфальсифицированные результаты. «Крымские татары не участвовали в этом референдуме. Но это не самая большая ложь, которую позволил себе штандартенфюрер России, г-н Путин. Он смеет заявлять о единодушной поддержке своего безумного решения о присоединении Крыма. Так вот, „Демократический Союз“ не признает этого аншлюса, не признает аннексии Крыма, считает Крым украинской территорией и не желает солидаризироваться с фашистским государством, которое идет, возглавляемое чекистами, по сталинско-гитлеровскому пути. Россия объявила Украине войну. В этой войне мы на стороне Украины». Также по мнению Новодворской: «Крым для порядочных людей закрыт — раз Украина его лишилась, значит, и мы не будем пользоваться. А непорядочные пусть съездят и отдохнут без воды, без света и без еды. Пусть Путин им дает сухой паек. Предавшие Украину крымчане, решившие прибарахлиться российской пенсией, пусть жарят ее на керогазе, потому что больше жарить скоро будет нечего».

В апреле 2014 года Новодворская заявила о принятии воинской присяги на верность Украине. В июне 2014 года на просьбу прокомментировать гибель российских журналистов на Украине Новодворская заявила следующее: «Их никто не старался специально убить. Стреляли не по журналистам, стреляли по

врагам, по „колорадам“. Они стояли среди них, они не кричали: „Не стреляйте, мы журналисты!“ <…> Тот, кто ведет репортажи с фронта, должен быть готов к подобному финалу. Никто не пляшет на их могиле. <…> Никто не хотел их убивать. Я не буду делать вид, что проливаю о них слезы. Это были очень плохие люди. Но это не значит, что их надо было убивать. Жаль, что погибли».

12 июля 2014 года Валерия Новодворская была госпитализирована в реанимацию отделения гнойной хирургии московской ГКБ № 13, где, как сообщил ряд СМИ, скончалась от флегмоны левой стопы, осложненной сепсисом. Как рассказали близкие, травму на левой ноге она получила еще полгода назад и пыталась вылечить ее самостоятельно. По сообщениям, смерть наступила от инфекционно-токсического шока.

16 июля тысячи людей пришли проститься с Валерией Новодворской в Сахаровском центре Москвы. По просьбе собравшихся телеграмму Путина зачитывать не стали. Гроб с телом Новодворской провожали скандированием: «Герои не умирают», «Россия будет свободной». Затем состоялось отпевание в Николо-Архангельском крематории.

Библиография

Ванденко А. Валерия Новодворская: «Я диссидент в четвертом поколении» // «Новый Взгляд» № 18 от 6 июня 1992 г.

Новодворская В. Возложите на время венки // «Новый Взгляд» № 04 от 23 января 1993 г.

Новодворская В. Из ристалища — на позорище // «Новый Взгляд» № 05 от 30 января 1993 г.

Новодворская В. О, Запад есть Запад! // «Новый Взгляд» № 07 от 13 февраля 1993 г.

Новодворская В. О, мой любимый мужчина // «Новый Взгляд» № 08 от 20 февраля 1993 г.

Новодворская В. Доктор Фауст и душа Запада // «Новый Взгляд» № 09 от 27 февраля 1993 г.

Новодворская В. Бремя вандалов // «Новый Взгляд» № 10 от 6 марта 1993 г.

Новодворская В. Красная тоска // «Новый Взгляд» № 11 от 13 марта 1993 г.

Новодворская В. Каждая девочка должна сама выбирать // «Новый Взгляд» № 12 от 20 марта 1993 г.

Новодворская В. Сказочная правда бытия // «Новый Взгляд» № 13 от 27 марта 1993 г.

Новодворская В. …А Игорева храброго войска не воскресить // «Новый Взгляд» № 13 от 27 марта 1993 г.

Новодворская В. Поручик Голицын, раздайте патроны // «Новый Взгляд» № 15 от 10 апреля 1993 г.

Новодворская В. Признание комиссара оппозиции президенту республики // «Новый Взгляд» № 14 от 14 апреля 1993 г.

Новодворская В. Изыди, люмпен! // «Новый Взгляд» № 17 от 24 апреля 1993 г.

Новодворская В. Открыт паноптикум печальный… // «Новый Взгляд» № 16 от 17 апреля 1993 г.

Новодворская В. Под колесом демократии // «Новый Взгляд» № 18 от 15 мая 1993 г.

Новодворская В. Русские кавалеристы и французские товарники // «Новый Взгляд» № 19 от 22 мая 1993 г.

Новодворская В. Пир победителей // «Новый Взгляд» № 21 от 9 июня 1993 г.

Новодворская В. Как нас обустроят коммунисты // «Новый Взгляд» № 23 от 19 июня 1993 г.

Новодворская В. Тайная Вечеря как прообраз учредилки // «Новый Взгляд» № 24 от 26 июня 1993 г.

Новодворская В. Консенсус // «Новый Взгляд» № 25 от 3 июля

1993 г.

Новодворская В. Бал воров // «Новый Взгляд» № 26 от 10 июля 1993 г.

Новодворская В. Что ищет он? // «Новый Взгляд» № 27 от 17 июля 1993 г.

Новодворская В. Когда номер кончен // «Новый Взгляд» № 30 от 7 августа 1993 г.

Новодворская В. На границе // «Новый Взгляд» № 31 от 14 августа 1993 г.

Новодворская В. Вьется по ветру Веселый Роджер // «Новый Взгляд» № 35 от 11 сентября 1993 г.

Новодворская В. Осенние маневры // «Новый Взгляд» № 37 от 25 сентября 1993 г.

Новодворская В. Советская власть запрещена // «Новый Взгляд» № 39 от 9 октября 1993 г.

Новодворская В. Кто собирается гасить свечи? // «Новый Взгляд» № 41 от 23 октября 1993 г.

Новодворская В. Новая имперская политика // «Новый Взгляд» № 43 от 6 ноября 1993 г.

Новодворская В. О богатстве и скудости // «Новый Взгляд» № 44 от 13 ноября 1993 г.

Новодворская В. Советы постороннего // «Новый Взгляд» № 45 от 20 ноября 1993 г.

Новодворская В. Крутой маршрут // «Новый Взгляд» № 47 от 4 декабря 1993 г.

Новодворская В. Каравай // «Новый Взгляд» № 48 от 11 декабря 1993 г.

Новодворская В. Россия на игле // «Новый Взгляд» № 50 от 25 декабря 1993 г.

Новодворская В. Россия № 6 // «Новый Взгляд» № 01 от 15 января 1994 г.

Новодворская В. Пейзаж вместо битвы // «Новый Взгляд» № 03 от 29 января 1994 г.

Новодворская В. Окаянная зима // «Новый Взгляд» № 05 от 12 февраля 1994 г. Леско М. Макабр // «Новый Взгляд» № 14 от 16 апреля 1994 г.

Новодворская В. Горе победителям! // «Новый Взгляд» № 24 от 25 июня 1994 г.

Новодворская В. Пророков нет в отечестве своем // «Новый Взгляд» № 28 от 30 июля 1994 г.

Новодворская В. Тройка, семерка, туз // «Новый Взгляд» № 35 от 10 сентября 1994 г.

Новодворская В. Параноики пишут нолики // «Новый Взгляд» № 41 от 22 октября 1994 г.

Новодворская В. Мытищигейт российской охлократии // «Новый Взгляд» № 45 от 19 ноября 1994 г.

Новодворская В. Нью-Йорк стоит мессы // «Новый Взгляд» № 47 от 3 декабря 1994 г.

Новодворская В. Пейзаж вместо битвы // «Московская Комсомолка» № 04 от 17 ноября 1999 г.